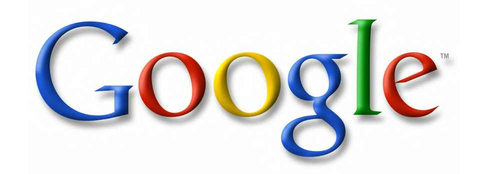

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7-го Іюля 1847 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Karamzin, N.M.
//

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

1848.

LK

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

ПОВѢСТИ И СМѢСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ III.

ПОВѢСТИ.

СМѢСЬ.

Стр.

ПОВѢСТИ.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

—

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ *я*, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Си....нова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ072 струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ

странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ Природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заростшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины грозныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи, и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили— печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣна передъ Распятіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія изчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ—съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ — смотритъ въ по-

ле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха — видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ—и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся — тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества—печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда нещастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ С...нова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ

хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ перестал хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды — и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо-біющемуся сердцу, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки.» Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего, и казаться покойною и веселою. — «На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала го-

рестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.»

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошоодѣтый человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣты — и закраснѣлась. «Ты продаешь ихъ, дѣвушка?» спросилъ онъ съ улыбкою. — Продаю, отвѣчала она. «А что тебѣ надобно?» — Пять копѣекъ. «Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.» Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодаго человѣка,—еще болѣе закраснѣлась, и потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возметъ рубля. «Для чего же?» — Мнѣ не надобно лишняго. «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня.» Лиза отдала цвѣты, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла итти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. «Куда же ты пойдешь, дѣвушка? — *Домой.* «А гдѣ домъ твой?» Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла.

Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, разсказала матери, что съ нею случилось. «Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человѣкъ».... *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ* —— «Однакожь, Лиза, лучше кормиться трудами своими, и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.» — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нее купить цвѣты; но она отвѣчала, что они не продажные, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ, надлежало возвратиться домой, и цвѣты были брошены въ Москву рѣку. *Никто не владѣй вами!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, пряла и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *Ахъ!*.... Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

«Что съ тобою сдѣлалось?» спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нее сидѣла. *Ничего, матушка*, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.* «Кого?» *Того господина, который купилъ у меня цвѣты.* Старуха выглянула въ окно. Молодой человѣкъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ: *я очень усталъ: нѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?* Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила стаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцомъ, налила и подала въ окно, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла разсказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посматривала изрѣдка на молодаго человѣка; но не такъ скоро молнія блеститъ и въ облакѣ исчезаетъ, какъ быстро голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ. — «Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ

матери, чтобы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.» — — — Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотѣла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвый, рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого худаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывезенные Лизой, бываютъ отмѣнно хороши, и носятся долѣе всякихъ другихъ. — Становилось темно, и молодой человѣкъ хотѣлъ уже итти. «Да какъ же намъ называть тебя, добрый, ласковый баринъ?» спросила старуха. — Меня зовутъ Эрастомъ, отвѣчалъ онъ. «*Эрастомъ*, сказала тихонько Лиза — *Эрастомъ!* Она разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы стараясь затвердить его. — Эрастъ простился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: «Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Естьли бы женихъ твой былъ таковъ!» Все Лизино сердце затрепетало. *Матушка! матушка! какъ этому статься? Онъ баринъ; а между крестьянами* — — Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрастъ былъ довольно богатый дво-

рянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена (бывшія или не бывшія), въ которыя, естьли вѣрить Стихотворцамъ, всѣ люди безпечно гуляли но лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. «Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ» — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрастовъ столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на травѣ, и подгорюнившись смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ, и подымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Натуры. Вездѣ царствовала ти-

шина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все творенiе: рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: «Естьли бы тотъ, кто занимаетъ теперь мысли «мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, «пастухомъ, — и естьли бы онъ теперь мимо ме«ня гналъ стадо свое: ахъ! я поклонилась бы ему «съ улыбкою, и сказала бы привѣтливо: *Здрав«ствуй, любезный пастушокъ! куда гонишь ты «стадо свое? И здѣсь растетъ зеленая трава для «овецъ твоихъ; и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ ко«торыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей.* «Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласко«вымъ — взялъ бы, можетъ быть, руку мою.... «Мечта!» Пастухъ, играя на свирѣли, пошелъ мимо, и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближнимъ холмомъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселъ — взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эраста.

Всѣ жилки въ ней забились, и конечно не отъ страха. Она встала, хотѣла итти, но не могла. Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и — мечта ея отчасти исполнилась: ибо онъ *взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ*, *взялъ ее за руку*.... А Лиза, Лиза стояла съ потупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ — не могла отнять у него руки — не могла отворотиться, когда онъ приближался къ ней съ розовыми губами своими.... ахъ! поцѣловалъ ее, поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнѣ горящею! *Милая Лиза!* сказалъ Эрастъ: *милая Лиза! я люблю тебя!* и сіи слова отозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и.... Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минуту восторга исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на травѣ, и такъ, что между ими оставалось не много мѣста — смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней безпокоиться. Надлежало разстаться. *Ахъ, Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* «Всегда, милая Лиза, всегда!» отвѣчалъ онъ. — *И ты можешь мнѣ дать въ этомъ клятву?* — «Могу, любезная Лиза, могу!» — *Нѣтъ, мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю. Уже*

ли ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому не льзя быть? — Не льзя, не льзя, милая Лиза!» — *Какъ я щастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь!* — «Ахъ нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.» — *Для чего же?* — «Старые люди бываютъ подозрительны. Она вообразитъ себѣ что нибудь худое.» — *Не льзя статься.* — «Однакожь прошу тебя не говорить ей объ этомъ ни слова.»— *Хорошо; надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы ничего таить отъ нее.* Они простились, поцѣловались въ послѣдній разъ, и обѣщались всякой день ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, или гдѣ нибудь близъ Лизиной хижины, только вѣрно, непремѣнно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея сто разъ обращались на Эраста, который все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою со всѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. *Онъ меня любитъ!* думала она, и восхищалась сею мыслію. «Ахъ матушка!» сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. «Ахъ матушка! какое прекрасное утро! «Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки «такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ «свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно не «пахли!» — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала.

Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отмѣнно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселяла для нее всю Натуру. «Ахъ Лиза!» говорила она: «какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой «десятокъ доживаю на свѣтѣ, а все еще не могу «наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокой «шатеръ, и на землю, которая всякой годъ новою «травою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, «чтобы Царь небесный очень любилъ человѣка, «когда онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній «свѣтъ. Ахъ, Лиза! кто бы захотѣлъ умереть, есть«ли бы иногда не было намъ горя?.. . Видно такъ «надобно. Можетъ быть, мы забыли бы душу «свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы «не капали.» А Лиза думала: *ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эрастъ и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякой вечеръ видѣлись (тогда, какъ Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ хижины) — дубовъ, осѣняющихъ глубокой, чистый прудъ, еще въ древнія времена ископанный. Тамъ часто тихая луна, сквозь зеленыя вѣтьви посребряла лучами своими свѣтлые Лизины волосы, которыми играли Зефиры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовымъ поцѣлуемъ. Они обнимались — но цѣломудренная, стыдливая Цинтія не скрывалась отъ

нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія. «Когда ты, говорила Лиза Эрасту, когда «ты скажешь мнѣ: *люблю тебя, другъ мой!* когда «прижмешь меня къ своему сердцу, и взглянешь «на меня умильными своими глазами: ахъ! тогда «бываетъ мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что я «себя забываю, забываю все, кромѣ — Эраста. «Чудно! чудно, мой другъ, что я, не знавъ тебя, «могла жить спокойно и весело! Теперь мнѣ это «не понятно; теперь думаю, что безъ тебя жизнь «не жизнь, а грусть и скука. Безъ глазъ твоихъ «теменъ свѣтлой мѣсяцъ; безъ твоего голоса скучень соловей поющій; безъ твоего дыханія вѣтерокъ мнѣ непріятенъ. — Эрастъ восхищался своей пастушкой — такъ называлъ Лизу — и видя, сколь она любитъ его, казался самъ себѣ любезнѣе. Всѣ блестящія забавы большаго свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. Съ отвращеніемъ помышлялъ онъ о презрительномъ сладострастіи, которымъ прежде упивались его чувства. «Я буду «жить съ Лизою, какъ братъ съ сестрою (думалъ «онъ): не употреблю во зло любви ея, и буду всег-«да щастливъ!» — Безразсудной, молодой человѣкъ! знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвѣчать за свои движенія? Всегда ли разсудокъ есть царь чувствъ твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрастъ часто посѣщалъ мать ея. «Я люблю ее, говорила она, и хочу ей «добра, а мнѣ кажется, что видѣть тебя есть ве-

«ликое благополучіе для всякаго.» — Старушка въ самомъ дѣлѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ, и разсказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первый разъ встрѣтилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ нею. «Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ лютая смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!» — Эрастъ слушалъ ее съ непритворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хотѣлъ всегда платить въ десять разъ дороже назначаемой ею цѣны; но старушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрастъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ невесела, что онъ испугался; глаза ея отъ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось?* — Ахъ, Эрастъ! я плакала!» — *О чемъ? что такое!* — «Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла.» — *И ты соглашаешься?* — «Жестокой! можешь ли объ этомъ спрашивать? Да мнѣ жаль матушки; она плачетъ, и говоритъ, что я не хочу ея спокойствія; что она будетъ мучиться при смерти, естьли не выдастъ меня при себѣ замужъ. Ахъ! матушка не знаетъ, что у меня есть такой милой другъ!» — Эрастъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея счастіе

дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти матери ея онъ возьметъ ее къ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ и въ дремучихъ лѣсахъ, какъ въ раю. — «Однакожь тебѣ не льзя быть моимъ мужемъ!» сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ. — *По чему же?* — «Я крестьянка.» — *Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.*

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть непорочности! — Эрастъ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестную — никогда ласки ея не трогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуи не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера питалъ желанія — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучь не могъ освѣтить заблужденія. — Эрастъ чувствуетъ въ себѣ трепетъ — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается.... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минуту. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрастъ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. «Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя.... Нѣтъ, не умѣю сказать этого!.... Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь?.... Боже мой! что такое!» — Между тѣмъ блеснула молнія

и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. *Эрастъ, Эрастъ!* сказала она: *мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу!* Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Натура сѣтовала о потерянной Лизиной невинности. — Эрастъ старался успокоить Лизу, и проводилъ ее до хижины. Слезы катились изъ глазъ ея, когда она прощалась съ нимъ. *Ахъ, Эрастъ! увѣрь меня, что мы будемъ по прежнему щастливы!* — «Будемъ, Лиза, будемъ!» отвѣчалъ онъ. — *Дай Богъ! Мнѣ не льзя не вѣрить словамъ твоимъ: вѣдь я люблю тебя! Только въ сердцѣ моемъ... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся.*

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все перемѣнилось! Эрастъ не могъ уже доволенъ быть однѣми невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми объятіями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о свойствѣ нѣжнѣйшихъ его удовольствій, тотъ конечно согласится со мною, что исполненіе *всѣхъ* желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эраста симъ Ангеломъ непорочности, который прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу. Платоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ *гордиться*, и которыя были для него уже не новы. Что принадлежитъ до Лизы, то она, совершенно ему от-

давшись, имъ только жила и дышала, во всемъ какъ агнецъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое щастіе. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часто говорила ему: *Прежде бывалъ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!* — Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: *Завтра, Лиза, не могу съ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло* — и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его и была въ величайшемъ бсзпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицемъ и сказалъ ей: «Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою проститься. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ.» — Лиза поблѣднѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрастъ ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будетъ любить милую Лизу, и надѣется по возвращеніи своемъ уже никогда съ нею не разставаться. Долго она молчала; потомъ залилась горькими слезами, схватила руку его и взглянувъ на него со всею нѣжностію любви, спросила: *тебѣ не льзя остаться?* «Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будутъ презирать меня; всѣ будутъ гнушаться мною, какъ трусомъ, какъ недостойнымъ сыномъ отечества.» *Ахъ! когда такъ*, сказала Лиза, *то поѣзжай, поѣзжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убить.* — «Смерть за отечество не

страшна, любезная Лиза». — *Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ.* — «Но за чѣмъ это думать? Я надѣюсь остаться живъ, надѣюсь возвратиться къ тебѣ, моему другу.» — *Дай Богъ! дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для чего не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится! а я писала бы къ тебѣ — о слезахъ своихъ!* — «Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала.» — *Жестокой человѣкъ! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нѣтъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое.* — «Думай о пріятной минутѣ, въ которую мы опять увидимся.» — *Буду, буду думать объ ней! Ахъ! естьли бы она пришла скорѣе! Любезный, милый Эрастъ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!*

Но я не могу описать всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быть послѣднему свиданію.

Эрастъ хотѣлъ проститься съ Лизиною матерью, которая не могла отъ слезъ удержаться, слыша, что *ласковой, пригожій баринъ* ея долженъ ѣхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: «Я не хочу, чтобы Лиза въ мое отсутствіе продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежитъ мнѣ.» — Старушка осыпала его благословеніями. «Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно воз-

вратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, естьлибъ ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай, баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до этого!» — Лиза стояла подлѣ матери, и не смѣла взглянуть на нее. Читатель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза!*... Какая трогательная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрастъ стоялъ подъ вѣтьвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душею своею. Вся Натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрастъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, который, удалялся — далѣе — далѣе и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Натуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. «Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть въ слѣдъ за милымъ

Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезный! я лечу къ тебѣ!» — Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: *у меня есть мать!* остановила её. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобный голось свой съ ея стенаніемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко — златой лучь надежды, лучь утѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. *Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду щастлива! какъ все перемѣнится!* отъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она—Эраста. *Ахъ!* закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже итти на крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Ли-

зныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть, желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ* (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — *позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой.* — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію въ сію минуту. Я забываю человѣка въ Эрастѣ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрастъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастъ возвратился въ Москву отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. *Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла!* вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Нещастная открыла глаза — встала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. «Мнѣ не льзя жить (думала Лиза) не льзя!.... О, естьли бы упало на меня небо! Естьли бы земля поглотила бѣдную!.... Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!» — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — осмотрѣла вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку) идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: «Любезная «Анюта, любезная подружка! отнеси эти деньги «къ матушкѣ — они не краденыя — скажи ей, «что Лиза противъ нее виновата; что я таила отъ «нее любовь свою къ одному жестокому человѣ«ку, — къ Э..... Начто знать его имя? — Скажи, «что онъ измѣнилъ мнѣ — попроси, чтобы она

«меня простила — Богъ будетъ ея помощникомъ— «поцѣлуй у нее руку, такъ какъ я теперь твою «цѣлую — скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣ-«ловать ее — скажи что я...» Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню — собрались люди, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душею и тѣломъ. Когда мы *тамъ*, въ новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ закрылись.—Хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрастъ былъ до конца жизни своей нещастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться, и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ.— Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

1792 года.

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА

И

ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

СТАРИННАЯ СКАЗКА, ИЛИ НОВАЯ КАРРИКАТУРА.

—

О вы, некрасивые сыны человѣчества, безобразныя творенія шутливой Натуры! вы, которые ни въ чемъ не можете служить образцомъ художнику, когда онъ хочетъ представить изящность человѣческой формы! вы, которые жалуетесь на Природу, и говорите, что она не дала вамъ способовъ нравиться, и заградила для васъ источникъ сладчайшаго удовольствія въ жизни — источникъ любви! не отчаявайтесь, друзья мои, и вѣрьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры нынѣ или завтра могутъ принести къ вамъ какую нибудь прелестную Псишу, которая съ восторгомъ бросится въ объятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ ничего милѣе васъ на свѣтѣ. — Выслушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ *Царь доброй человѣкъ*, отецъ

единыя дочери, Царевны прекрасной, милой сердцу родителя, любезной всякому чувствительному сердцу, рѣдкой, несравненной. Когда *Царь доброй человѣкъ*, одѣянный богатою багряницею, увѣнчанный вѣнцемъ сафирорубиннымъ, сидѣлъ на высокомъ тронѣ среди народнаго множества, и держа въ правой рукѣ златой скипетръ, судилъ съ правдою своихъ подданныхъ; когда, воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась *прекрасная Царевна*, смотрѣла прямо въ глаза родителю, подымала бѣлую руку свою, простирала ее къ сидящему — и пасмурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милости — виновный, спасенный ею, клялся въ душѣ своей быть съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣдный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливалъ слезы? она утѣшала его. Всѣ сироты въ пространной области *Царя добраго человѣка* называли ее матерью: и даже тѣ, которыхъ сама Натура угнетала — нещастные, лишенные здравія, облегчались ея цѣлительною рукою: ибо Царевна совершенно знала науку врачеванія, тайныя силы травъ и минераловъ, росъ небесныхъ и ключей подземныхъ. Такова была душа Царевнина. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ стихотворцы тогдашнихъ временъ какъ лучшее произведеніе искусной Природы — а стихотворцы были тогда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ стройности. Въ древнемъ книгохрани-

лицѣ удалось мнѣ найти одно изъ сихъ описаній —вотъ вѣрный переводъ его:

«Не такъ пріятна полная луна, восходящая на «небѣ между безчисленными звѣздами, какъ пріятна наша милая Царевна, гуляющая по зеле«нымъ лугамъ съ подругами своими; не такъ пре«красно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣсяца, посребряя «волнистые края сѣдыхъ облаковъ ночи, какъ сі«яютъ златые власы на плечахъ ея; ходитъ она «какъ гордой лебедь, какъ любимая дочь Неба; «лазурь эѳирная, на которой блистаетъ звѣзда люб«ви, звѣзда вечерняя, есть образъ несравненныхъ «глазъ ея; тонкія брови какъ радуги изгибаются «надъ ними; щеки ея подобны бѣлымъ лилеямъ, «когда утренняя заря краситъ ихъ алымъ цвѣтомъ «своимъ; когда же отверзаются нѣжныя уста *пре«красной Царевны*, два ряда чистѣйшихъ жемчу«жинъ прельщаютъ зрѣніе; два холмика, вѣчнымъ «туманомъ покрытые.... Но кто опишетъ всѣ кра«соты ея?»

Крылатая богиня, называемая Славою, была и въ тѣ времена такъ же словоохотна, какъ нынѣ. Летая по всей подсолнечной, она разсказывала чудеса *о прекрасной Царевнѣ*, и не могла объ ней наговориться. Изъ-за тридевяти земель пріѣзжали Царевичи видѣть красоту ея — разбивали высокіе шатры передъ каменнымъ дворцомъ *Царя добраго человѣка*, и приходили къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно, желая достойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли *прекрасную Царевну*, и

воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ *Царю доброму человѣку*: «*Царь доброй человѣкъ*! Я пріѣхалъ изъ-за тридевяти земель, тридесятаго царства; отецъ мой владѣетъ народомъ «безчисленнымъ, землею прекрасною; высоки те«рема наши: въ нихъ сіяетъ серебро и золото, от«ливаютъ разноцвѣтные бархаты — Царь! отдай «за меня дочь свою!» — *Ищи любви ея!* отвѣчалъ онъ, и всѣ Царевичи оставались во дворцѣ его; пили и ѣли за столомъ дубовымъ, за скатертью *браною*, вмѣстѣ съ Царемъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна полюби меня!* Надобно знать, что любовники были въ старину робки и стыдливы какъ красныя дѣвушки, и не смѣли словесно изъясняться съ владычицами сердецъ своихъ. Въ наши времена они гораздо смѣлѣе, но за то *краснорѣчіе взоровъ* потеряло нынѣ почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способъ къ изъявленію своей страсти — способъ, который также вышелъ у насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходили они подъ окно Царевнина терема; играли на бандурахъ и пѣли тихимъ голосомъ жалобныя пѣсни, сочиненныя стихотворцами ихъ земель; каждый куплетъ заключался глубокими вздохами, которые и каменное сердце могли бы тронуть и размягчить до слезъ. Когда пять, шесть, десять, двадцать любовниковъ сходились тамъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пѣть прежде, и всякой въ свою

очереди начиналъ воспѣвать сердечную муку; другіе же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и посматривали на окно Царевнино, которое однакожъ ни для кого изъ нихъ не отворялось. Потомъ всѣ они возвращались въ свои шатры, и въ глубокомъ снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. *Прекрасная Царевна* взглядывала на того и на другаго, на третьяго и на четвертаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ женихамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они приступили къ *Царю доброму человѣку*, и требовали единодушно, чтобы прекрасная дочь его объявила торжественно, кто изъ нихъ нравенъ сердцу ея. «Довольно пожили мы въ каменномъ дворцѣ твоемъ, говорили они: поѣли хлѣба-соли твоей, и меду сладкаго не одну бочку опорожнили; время возвратиться намъ во свои страны, къ отцамъ, матерямъ и роднымъ сестрамъ. *Царь добрый человѣкъ!* мы хотимъ вѣдать, кто изъ насъ будетъ зятемъ твоимъ.» Царь отвѣчалъ имъ сими словами: «Любезные гости! естьли бы вы «и нѣсколько лѣтъ прожили во дворцѣ моемъ, то, «конечно бы не наскучили хозяину; но не хочу «удерживать васъ противъ воли вашей, я пойду «теперь же къ Царевнѣ. Не могу ни въ чемъ при-«нуждать ее; но кого она выберетъ, тотъ полу-«читъ за нею въ приданое все царство мое, и бу-«детъ моимъ сыномъ и наслѣдникомъ.» — Царь пошелъ въ теремъ къ дочери своей. Она сидѣла за пяльцами и шила золотомъ; но увидѣвъ родите-

ла, встала и поцѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нея, и сказалъ ей словами ласковыми: «Милая, «разумная дочь моя, *прекрасная Царевна!* ты «знаешь, что у меня нѣтъ дѣтей, кромѣ те-«бя, свѣта очей моихъ; родъ нашъ долженъ «царствовать и въ будущіе вѣки: пора тебѣ о «женихѣ думать. Давно живутъ у насъ Царевичи и прельщаются красотою твоею: выбери изъ «нихъ супруга, дочь моя, и утѣшь отца своего!»— Царевна долго сидѣла въ молчаніи, потупивъ въ землю голубые глаза свои; наконецъ подняла ихъ и устремила на родителя — тутъ двѣ блестящія слезы скатились съ алыхъ щекъ ея, подобно двумъ дождевымъ каплямъ, свѣваемымъ съ розы дуновеніемъ зефира. «Любезной родитель мой!» «сказала она нѣжнымъ голосомъ: «будетъ мнѣ «время горевать замужемъ. Ахъ! и птички лю-«бятъ волю, а замужняя женщина не имѣетъ ее. «Теперь я живу и радуюсь; нѣтъ у меня ни заботъ, «ни печали; думаю только о томъ, чтобы угождать «моему родителю. Не могу ни чѣмъ опорочить «Царевичей; но позволь, позволь мнѣ остаться въ «дѣвическомъ моемъ теремѣ!»—*Царь доброй человѣкъ* прослезился. «Я нѣжный отецъ, а не тиранъ «твой, отвѣчалъ онъ Царевнѣ. Благоразумные роди-«тели могутъ *управлять* склонностями дѣтей сво-«ихъ, но не могутъ ни возбуждать, ни перемѣнять «оныхъ — такъ искусный кормчій управляетъ ко-«раблемъ, но не можетъ сказать тишинѣ: *превра-«тися въ вѣтеръ!* или восточному вѣтру: *будь за-«паднымъ!»* — *Царь добрый человѣкъ* обнялъ дочь

свою, вышелъ къ принцамъ, и сказалъ имъ съ печальнымъ видомъ и со всевозможною учтивостію, что *прекрасная Царевна* ни для кого изъ нихъ не хочетъ оставить дѣвическаго своего терема. Всѣ Царевичи пріуныли, призадумались и повѣсили свои головы: ибо всякой изъ нихъ надѣялся быть супругомъ *прекрасной Царевны*. Одинъ утирался бѣлымъ платкомъ, другой глядѣлъ въ землю, третій закрывалъ глаза рукою, четвертый щипалъ на себѣ платье, пятый стоялъ прислонясь къ печкѣ и смотрѣлъ себѣ на носъ, подобно Индѣйскому Брамину, размышляющему о естествѣ души человѣческой; шестой....— Но что въ сію минуту дѣлалъ шестой, седьмой и прочіе, о томъ молчатъ лѣтописи. Наконецъ всѣ они вздохнули (такъ сильно, что едва не затряслись каменныя стѣны) и томнымъ голосомъ принесли хозяину благодарность за угощеніе. Въ одно мгновеніе бѣлые шатры передъ дворцомъ исчезли.— Царевичи сѣли на коней и съ грусти помчались во весь духъ, каждый своею дорогою; пыль поднялась столбомъ и опять легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ стало все тихо и смирно, и *Царь доброй человѣкъ* принялся за обыкновенное дѣло свое, которое состояло въ томъ, чтобы править подданными какъ отецъ правитъ дѣтьми, и распространять благоденствіе въ подвластной ему странѣ — дѣло трудное, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ гостей — и скоро по отъѣздѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Астрологъ, Гимнософистъ,

Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за столъ *прекрасную Царевну*, какъ должно учтивому Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, то есть, за пятерыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умѣренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково, распрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о птицахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести сего странствующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце человѣческое было для него не совсѣмъ *тараборскою грамотою*—то есть, онъ зналъ людей, и часто угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувства и мысли. Въ нынѣшнее время назвали бы его—не знаю, чѣмъ; но въ тогдашнее называли мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкъ приноситъ съ собою новое понятіе о семъ словѣ. — Сей мудрецъ, собравшись наконецъ ѣхать отъ *Царя добраго человѣка*, сказалъ ему сіи слова: «Въ благодарность «за твою ласку» — (*и за твой хорошій столъ*, могъ бы онъ примолвить) «открою тебѣ важную тай«ну, важную для твоего сердца, *Царь добрый чело«вѣкъ!* Ничто не сокрыто отъ моей мудрости; не «сокрыта отъ нея и душа твоей дочери, *прекрасной «Царевны*. Знай, что она любитъ, и хочетъ скры«вать любовь свою. Растѣніе, цвѣтущее во мракѣ, «позябаетъ и лишается красоты своей; любовь есть «цвѣтъ души. Я не могу сказать болѣе. Прости!» —

Онъ пожалъ у Царя руку, вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ иную землю.

Царь доброй человѣкъ стоялъ въ изумленіи, и не зналъ, что думать о словахъ мудрецовыхъ: вѣрить ли имъ, или не вѣрить, — какъ вдругъ явилась Царевна, поздравила отца своего съ добрымъ утромъ, и спросила, покойно ли спалъ онъ въ прошедшую ночь? «Очень безпокойно, любезная дочь «моя! (отвѣчалъ *Царь доброй человѣкъ.*) Душу «мою тревожили разные непріятные сны, изъ ко«торыхъ одинъ остался въ моей памяти. Мнѣ ка«залось, что я вмѣстѣ со многими людьми пришелъ «къ дикой пещерѣ, въ которой смертные узнавали «будущее. Всякой изъ насъ желалъ о чемъ ни«будь спросить Судьбу; всякой по очереди вхо«дилъ въ сумрачный гротъ, освѣщенный одною «лампадою, и писалъ на стѣнѣ вопросъ — черезъ «минуту, на томъ же мѣстѣ, огненными буквами «изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ знать, скоро ли «будутъ у меня милые внучата? и къ ужасу мо«ему, увидѣлъ сіи слова: *можетъ быть, никогда.* «Рука моя дрожала; но я писалъ еще другіе вопро«сы: *Развѣ у дочери моей каменное сердце? раз«вѣ она никогда любить не будетъ?* Послѣдовалъ «другой отвѣтъ: *Она уже любитъ, но не хочетъ «открыть любви своей, и крушится втайнѣ.* Тутъ «слезы покатились изъ глазъ моихъ; тронутое «мое сердце излилось въ нѣжныхъ жалобахъ на «тебя, *прекрасная Царевна! Чѣмъ я заслужилъ «такую неискренность, такую недовѣренность? «Будетъ ли отецъ врагомъ любезной своей до-*

«чери? Могу ли противиться сердечному твое-
«му выбору, милая Царевна? Не всегда ли же-
«ланія твои были мнѣ закономъ? Не бросал-
«ся ли я на старости лѣтъ моихъ за тою ба-
«бочкою, которую ты хвалила? Не собственною
«ли рукою поливалъ я тѣ цвѣточки, которые те-
бѣ нравились?» — — Тутъ Царевна заплакала, схватила руку отца своего, поцѣловала ее съ жаромъ — сказала: *Батюшка! батюшка!* — взглянула ему въ глаза, и ушла въ свой теремъ.

«И такъ мудрецъ сказалъ мнѣ правду (размышлялъ *Царь добрый человѣкъ*): «она не могла скрыть «своего внутренняго движенія. Жестокая! ду-«малъ ли я.... И для чего таить? Для чего было «не сказать, который изъ Царевичей плѣнилъ ея «сердце? Можетъ быть, онъ не такъ богатъ, не «такъ знатенъ, какъ другіе; но развѣ мнѣ надобны «богатство и знатность? Развѣ мало у меня сереб-«ра и золота? Развѣ онъ не будетъ славенъ по «женѣ своей? Надобно все узнать.» — Онъ ту же минуту рѣшился итти къ *прекрасной Царевнѣ*; подошелъ къ дверямъ ея терема, и услышалъ голосъ мущины, который говорилъ: «Нѣтъ, *прекрасная* «*Царевна!* никогда отецъ твой не согласится при-«знать меня зятемъ своимъ!» Сердце родителя сильно затрепетало. Онъ растворилъ дверь.... Но какое перо опишетъ теперь его чувства? Что представилось глазамъ его? Безобразный придворный карла, съ горбомъ напереди, съ горбомъ назади, обнималъ Царевну, которая, проливая слезы, осыпала его страстными поцѣлуями! — Царь ока-

менѣлъ. *Прекрасная Царевна* бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала твердымъ голосомъ: «Родитель мой! умертви меня, или отдай за лю-«безнаго, милаго, безцѣннаго карлу! Никогда не «буду супругою другаго. Душа моя живетъ его «душею, сердце мое его сердцемъ. Въ жизни и въ «смерти мы неразлучны.» Между тѣмъ карла стоялъ покойно, и смотрѣлъ на Царя съ почтеніемъ, но безъ робости. Царь долго былъ неподвиженъ и безгласенъ. Наконецъ воскликнувъ: *что я вижу? что слышу?* упалъ на кресла. Царевна обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ на нее, такъ, что прекрасная не могла снести сего взора, и потупила глаза въ землю. *Ты, ты*.... Голосъ его перервался. Онъ посмотрѣлъ на карлу — вскочилъ — хлопнулъ дверью и ушелъ.

«Какъ, какъ могла *прекрасная Царевна* полюбить горбатаго карлу?» спроситъ, или — не спроситъ читатель. Великій Шекспиръ говоритъ, что причина любви бываетъ безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ тѣмъ не удовольствуется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, по видимому невѣроятная. Древнія лѣтописи, въ изъясненіе такого нравственнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человѣкъ отмѣнно умной. Видя, что своенравная Натура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцемъ, рѣшился онъ замѣнить тѣлесные недостатки душевными красотами – сталъ учиться съ величайшею прилѣжностью,

читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Аѳинскому Ритору Демосѳену, ходилъ на берегъ моря говорить волнамъ пышныя рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро пріобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, которое покоряетъ сердца людей, и самаго нечувствительнаго человѣка заставляетъ плакать и смѣяться — то дарованіе и то искусство, которымъ Ѳракійской Орфей плѣнялъ и звѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — *краснорѣчіе!* Сверхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ трогательныя пѣсни своего сочиненія, и могъ прекраснымъ образомъ оживлять полотно и бумагу, изображая на нихъ или Героевъ древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осѣняемые высокими ивами, и призывающіе къ сладкой дремотѣ утомленнаго пастуха съ пастушкою. Скоро слухъ о достоинствахъ и талантахъ чуднаго карла разнесся по всему городу и всему государству. Всѣ искали его знакомства: и старые и молодые, и мущины и женщины — однимъ словомъ, умной карла вошелъ въ превеликую моду. Важная услуга, оказанная имъ отечеству... Но о семъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

Когда *прекрасной Царевнѣ* было еще не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ роду, умной карла ходилъ къ ней въ теремъ сказывать сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ волшебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ онъ святыя добродѣтели, которыя дѣлаютъ человѣка щастли-

вымъ; подъ именами послѣднихъ—гибельные пороки, которые ядовитымъ дыханіемъ своимъ превращаютъ цвѣтущую долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестныя похожденія любезныхъ Принцовъ и Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолѣвъ наконецъ многочисленныя искушенія рока, въ объятіяхъ любви наслаждались всею полнотою земнаго блаженства. Любя повѣсти краснорѣчиваго карлы, непримѣтно полюбила она и повѣствователя, и проницательные глаза ея открыли въ немъ самомъ тѣ трогательныя черты милой чувствительности, которыя украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, такъ сказать, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что тотъ не можетъ быть красавцемъ, кто ростомъ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ напереди и назади горба. — Что принадлежитъ до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпаго самолюбія, никакъ не думалъ, чтобы Царевна могла имъ плѣниться; а потому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ; ибо любовь не раждается безъ надежды. Но, когда въ минуту живѣйшей симпатіи, прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно воспылали глубоко таившіяся

искры. Въ восторгѣ бросился онъ на колѣна передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя и закрылъ руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя или ничья!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителю въ своей страсти.

«Сія любовь *прекрасной Царевны* хотя и къ умному, но безобразному карлѣ (говоритъ одинъ изъ насмѣшниковъ тогдашняго времени) приводитъ на мысль того Царя древности, который смертельно влюбился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государства, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? *Цвѣтущая юность*, отвѣчалъ одинъ по долгомъ размышленіи — *красота*, отвѣчалъ другой — *наука*, отвѣчалъ третій — *Царская милость*, отвѣчалъ четвертый съ низкимъ поклономъ, и такъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами и сказалъ: *Нѣтъ*: *нѣтъ, всего любезнѣе — лягушечьи глаза!*

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, что *Царь доброй человѣкъ* хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина терема, но не сказали куда? И такъ да будетъ извѣстно читателямъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, заперся тамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призвалъ къ себѣ карлу. — потомъ *прекрасную Царевню* — говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ и что — о томъ молчитъ Исторія.

На другой день было объявлено во всемъ горо-

дѣ, что *Царь доброй человѣкъ* желаетъ говорить съ народомъ — и народъ со всѣхъ сторонъ окружилъ дворецъ, такъ что не гдѣ было пасть яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: *да здравствуетъ нашъ доброй Государь!* умолкли, спросилъ у своихъ подданныхъ: *друзья! любите ли вы Царевну?* Тысячи голосовъ отвѣчали: *мы обожаемъ прекрасную!*

Царь. Желаете ли, чтобы она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ быть твоимъ наслѣдникомъ, *Царь доброй человѣкъ!* Мы станемъ любить его, какъ тебя и дочь твою любимъ.

Царь. Но довольно ли будете вы ея выборомъ?

Тысячи голосовъ. Кто милъ Царевнѣ, тотъ милъ и твоимъ подданнымъ!

Въ сію минуту поднялся на балконѣ занавѣсъ — явилась *прекрасная Царевна* въ снѣгоцвѣтной одеждѣ,съ распущенными волосами, которые какъ златистый ленъ развѣвались на плечахъ ея — взглянула какъ солнце на толпы народныя, и милліоны дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла стоялъ подлѣ нея; спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, нѣжно и страстно на Царевну. Тысячи восклицали: *да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: «вотъ онъ — тотъ, кого Царерна вѣчно любить клянется, и съ кѣмъ хочетъ она соединиться навѣки!»

Всѣ изумились — потомъ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: *Можно ли, можно ли.... То ли намъ послышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Царская дочь — а онъ карла, горбатъ, не Царской сынъ!*

Я люблю его, сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ, карла показался народу почти красавцемъ.

«Вы удивляетесь (продолжалъ *Царь доброй человѣкъ*) — но такъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ достоинства; не забыли вы, можетъ быть и важной услуги, оказанной имъ отечеству. Когда варвары подъ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приближались къ нашему государству; когда серпъ выпалъ изъ рукъ устрашеннаго поселянина, и бѣдный пастухъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ стада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣтвію явился въ станѣ непріятельскомъ, и запѣлъ сладостную пѣснь мира — умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ — Царь ихъ бросилъ мечь изъ руки своей, обнялъ пѣснопѣвца, взялъ вѣтвь его и сказалъ: *мы друзья!* Потомъ сей грозной Гигантъ былъ мирнымъ гостемъ моимъ — и тысячи его удалились отъ страны нашей. Чѣмъ наградить тебя? спросилъ я тогда у юнаго карлы. *Твоею милостію*, отвѣчалъ онъ съ улыбкою. Теперь» —

Тутъ весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: *да будетъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да царствуетъ надъ нами!*

Торжественная музыка загремѣла — загремѣли хоры и гимны—*Царь доброй человѣкъ* сложилъ руки любовниковъ — и бракосочетаніе совершилось со всѣми пышными обрядами.

Карла жилъ долго и щастливо съ прекрасною своею супругою. Когда *Царь доброй человѣкъ*, послѣ дѣятельной жизни, скончался блаженною смертію, то есть, заснулъ, какъ утомленный странникъ при шумѣ ручейка на зеленомъ лугу засыпаетъ: тогда зять его въ вѣнцѣ сафиро-рубинномъ и съ золотымъ скиптромъ возсѣлъ на высокомъ тронѣ и обѣщалъ народу царствовать съ правдою. Онъ исполнилъ обѣтъ свой, и безпристрастная Исторія назвала его однимъ изъ лучшихъ владыкъ земныхъ. Дѣти его были прекрасны подобно матери, и разумны подобно родителю.

1792 г.

ЮЛІЯ.

—

Женщины жалуются на мущинъ, мущины на женщинъ: кто правъ? кто виноватъ? — Кому рѣшить тяжбу? — Естьли мнѣ, то я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю.... любезнѣйшихъ, — слѣдственно женщинъ!.... Безъ сомнѣнія. Но мущины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое пристрастіе; объявятъ, что я подкупленъ.... милымъ взоромъ какой нибудь Лидіи, пріятною улыбкою какой нибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой останется — увы! — безъ всякаго дѣйствія.

Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей столицы; являлась и мущины только на нее смотрѣли, только ею занимались, только ее слушали. А женщины?... женщины тихонько говорили между собою, и съ лукавою усмѣшкою взглядывали на Юлію, стараясь замѣтить въ ней какой нибудь недостатокъ, который хотя нѣсколько могъ бы успокоить ихъ самолюбіе. Тщетное стараніе! Юлія сіяла какъ солнце; зависть искала въ немъ черныхъ пятенъ, не на-

ходила, и съ болью въ глазахъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, должна была.... итти прочь!

Нужно ли сказывать, что всѣ молодые люди обожали Юлію, и почитали за славу обожать ее? Одинъ вздыхалъ, другой плакалъ, третій игралъ ролю томнаго меланхолика; и обо всякомъ, кто задумывался, говорили: «онъ влюбленъ въ Юлію!»

Что же Юлія? Любила болѣе всего — самое себя; съ гордою улыбкою смотрѣла на право, на лѣво, и думала: «кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?» *Думала*, прошу замѣтить; а не *показывала*. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся, между прочимъ, и скромности ея взоровъ: искусство, однѣмъ милымъ женщинамъ свойственное.

Но мало по малу, приближаясь къ концу втораго десятилѣтія жизни своей, Юлія стала чувствовать, что ѳиміамъ суетности есть дымъ — хотя весьма пріятный, но все дымъ, который худо питаетъ душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами—не довольно! Надобно любить что нибудь кромѣ магической буквы Я — и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искателей. Иногда взоръ ея отдавалъ преимущество молодому Легкоуму, который, въ разсужденіи красоты, могъ бы поспорить съ самимъ Купидономъ; и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда статному Храброну, лаврами увѣнчанному воину, которому не доставало только Греческаго платья, чтобъ быть совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пустослову, который, не смотря на важ-

ность судейскаго званія своего, вертѣлся на одной ногѣ какъ Вестрисъ, сочинялъ всякой день по десяти Французскихъ каламбуровъ, и зналъ наизусть *лексиконъ анекдотовъ*. Все не на долго — черезъ минуту Легкоумъ казался ей безразсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Храбронъ — виднымъ драгуномъ, и болѣе ничего — забавный Пустословъ скучною обезьяною. Наконецъ глаза ея остановились на любезномъ Арисѣ, который въ самомъ дѣлѣ былъ любезенъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? Молодой человѣкъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ подъ смотрѣніемъ не наемнаго Гофмейстера, но благоразумнаго и нѣжнаго отца своего. Полезныя и пріятныя знанія украшали его душу, добродѣтельныя правила сердце. Не будучи красавцемъ, онъ нравился своею миловидностію и кроткими, любезными взорами, одушевленными огнемъ внутренняго чувства. Онъ краснѣлся, какъ невинная дѣвушка, отъ всякаго нескромнаго слова, сказаннаго въ его присутствіи; говорилъ не много, но всегда основательно и пріятно; не старался блистать ни умомъ, ни знаніями, и слушалъ каждаго — по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувствуютъ ли въ свѣтѣ цѣну такихъ людей? Рѣдко. Тамъ сусальное золото предпочитается иногда истинному; скромность, подруга достоинствъ, остается въ тѣни своей, а дерзость заслуживаетъ вѣнокъ и рукоплесканіе.

Арисъ любилъ Юлію — какъ не любить того,

что прекрасно и любезно? — но безчисленное множество ея обожателей устрашало его. Онъ смотрѣлъ на нее издали, не вздыхалъ, не клалъ руки на сердце съ томнымъ видомъ; однимъ словомъ, не думалъ представлять картиннаго любовника: но Юлія знала, что онъ любилъ ее страстно. Дивитесь, естьли угодно, проницанію красавицъ! Скорѣе не примѣтятъ онѣ солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели дѣйствія своихъ прелестей въ глазахъ нѣжнаго мущины, какъ бы ни хотѣлъ скрывать онъ чувства свои. Юлія отличала Ариса отъ другихъ искателей, ободрила его застѣнчивость пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыбкою; начала съ нимъ говорить, ласкать его, показывать уваженіе къ его достоинствамъ, вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его чаще. «Завтра вы будете въ концертѣ, въ саду; завтра вы будете къ «намъ обѣдать, ужинать; вчера было у насъ скуч«но: вы не хотѣли къ намъ пріѣхать!» — Арисъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые малѣйшую ласку со стороны женщинъ принимаютъ за доказательство любви, и почитаютъ себя щастливыми Адонисами тогда, когда объ нихъ и не думаютъ; однакожь, не смотря на скромность свою, онъ позволилъ себѣ надѣяться; а надежда для страсти есть то же, что тихой Апрѣльской дождь для молодой зелени, что вѣтеръ для искры. Онъ готовъ былъ броситься на колѣни и сказать Юліи: «будь моя навѣки!».... чего Юлія ожидала, чего она хотѣла, и конечно не для того, чтобы отвѣчать: *нѣтъ*! какъ вдругъ на горизонтѣ большаго свѣта

явился новый феноменъ, который обратилъ на себя общее вниманіе: молодой князь N*, любимецъ Природы и щастія, которыя осыпали его всѣми блестящими дарами своими; знатной, богатой, прекрасной собою. Во всѣхъ обществахъ говорили о молодомъ Князѣ; всѣ хвалили его, а болѣе всѣхъ женщины, особливо тѣ, на которыхъ онъ взглядывалъ ласковѣе, нежели на другихъ — которымъ онъ сказалъ пять или шесть пріятныхъ словъ. Не могли надивиться уму его — даже и тогда, когда онъ говорилъ о погодѣ. Не мудрено — разгоряченное воображеніе есть микроскопъ, который все увеличиваетъ въ тысячу, въ милліонъ разъ — и люди съ такимъ же упрямствомъ могутъ искать остроумія тамъ, гдѣ нѣтъ его, съ какимъ иногда не хотятъ чувствовать, гдѣ оно есть.

Между тѣмъ носился по городу слухъ, что Князь нечувствителенъ къ женскимъ прелестямъ; что Амуровы стрѣлы не берутъ его сердца; что оно, посредствомъ тайной эластической силы, сжимается и остается невредимо; что бѣдной Веперинъ сынъ, желая ранить его, опустошилъ колчанъ свой, и все по напрасну. Какой вызовъ для самолюбія женщинъ, какая слава для побѣдительницы! И всякой изъ нихъ казалось, что Купидонъ, огорченный, расплаканный подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, и съ умильнымъ взоромъ говоритъ: отмсти, отмсти за меня, или я умру съ горя! «Умереть Купидону! Боже мой! какой ужасъ! за чѣмъ будетъ жить въ свѣтѣ безъ прелестнаго малютки? Надобно за него вступиться; надобно помочь ему, надобно от-

[illegible]. А — чего бы то ни стоило — [illegible] [illegible] новаго Альманаха: все — и мастера золотыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ занялись одними работами новыхъ цѣпей по модѣ красавицы.* Странникъ, хитрецъ Князь! Но Князь улыбаясь, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и — въ одномъ публичномъ собраніи — встрѣтился съ Юліею. За нимъ всѣ красавицы, за нею всѣ молодые люди — какая встрѣча! Они посмотрѣли другъ на друга какой взоръ! Юлія затмѣвала женщинъ, Князь N* мущинъ. «Онъ долженъ любить ее!» думали первыя. «Она должна любить его!» думали послѣдніе. Тѣ и другія потупили глаза въ землю, простились съ надеждою, и разошлись въ разныя стороны. — Одинъ Арисъ остался подлѣ Юліи. Онъ началъ говорить: ему отвѣчали сухо, коротко — казалось, что она была въ разсѣяніи.

На другой день Арисъ пріѣхалъ къ Юліи; но головная боль не позволила ей выдти изъ своей комнаты. На третій онъ увидѣлъ ее на балѣ: Князь сидѣлъ подлѣ нее — Князь танцовалъ съ нею — Князь занималъ ее пріятнымъ своимъ разговоромъ. Арису поклонились учтиво — *учтиво* — болѣе ничего. Спросили, здоровъ ли онъ? и не дожидались отвѣта. Арисъ подошелъ съ другой стороны: его не примѣтили — и какъ примѣтить? онъ подошелъ

---

* Вотъ отъ чего вошли въ моду золотыя цѣпи, которыя, за нѣсколько времени передъ симъ, гремѣли и сіяли на всѣхъ нашихъ молодыхъ женщинахъ.

не оттуда, гдѣ сидѣлъ Князь. — Бѣдной Арисъ! догадайся. Ты могъ быть щастливъ; но минута прошла! Что дѣлать? Удалиться. — Онъ то и едѣлалъ; не нужно сказывать, съ какимъ чувствомъ. — — Оставимъ его. — Пусть онъ поплачетъ въ уединеніи, и, естьли можно, забудетъ милую вѣтреницу.

Между тѣмъ Юлія восхищалась Княземъ. Молча, онъ казался ей Антиноемъ;* когда говорилъ, Цицерономъ; когда говорилъ: *Юлія, я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ плѣнился ея красотою, такъ, что не хотѣлъ быть ни въ одномъ концертѣ, гдѣ не пѣла Юлія; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играть въ карты: для Юліи оставилъ ихъ. Любилъ часа по три въ день проводить съ Англійскими лошадьми своими: для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи перемѣнилъ образъ жизни, и рѣдко не просыпался въ полдень, чтобы на крыльяхъ Зефира — или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ — летѣть къ Юліи. — Такая любовь не шутка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любили иначе — государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ-надесять! Красавицы наши снисходительны и жалостливы;

---

* Славной красавецъ, которому Императоръ Адріанъ посвятилъ храмъ.

ни которая изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не броситъ перчатки на гриву разъяреннаго льва, и не пошлетъ за нею своего Рыцаря, * для того что рыцарь — не пойдетъ за нею!

Юлія думала, что Князь не могъ жить безъ нее: только ей казалось чудно, что онъ, говоря безпрестанно о сердцѣ, никогда не упоминалъ о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ тихонько поздравляли ее съ такимъ завиднымъ женихомъ; но женихъ молчалъ. — Наконецъ она дала ему почувствовать свое удивленіе: нѣжной Князь оскорбился. «Юлія сомнѣвается въ силѣ прелестей своихъ!» сказалъ онъ съ жаромъ: «Юлія хочетъ промѣнять огненнаго Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирланду розовую на цѣпь желѣзную! О Юлія! любовь не терпитъ принужденія; одно слово, и все блаженство исчезнетъ! Могъ ли бы Петрарка въ узахъ брака любить свою Лауру такъ пламенно? Ахъ, нѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ тѣхъ нѣжныхъ Сонетовъ, которыми я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія! Между тѣмъ Юлія поблѣднѣла. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было

---

* Это случилось во Франціи, при Королѣ Франциско I, въ то время, какъ звѣриныя сраженія были любимою забавою Двора. Одна молодая Дама, сидя въ Амфитеатрѣ, нарочно уронила перчатку свою на то мѣсто, гдѣ сражались львы, и сказала рыцарю Делоржу: *подними ее — или ты меня не любишь.*

перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продлимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!» — Тутъ онъ вздохнулъ. Юлія не могла съ нимъ согласиться; она требовала вѣрнаго слова. Князь далъ его — и въ награжденіе за то хотѣлъ, чтобы она позволила ему нѣкоторыя вольности въ обхожденіи. Всякой день присвоивалъ онъ себѣ новое право... два жаркія сердца бились такъ сильно, такъ близко другъ ко другу... Но скромность есть нужная добродѣтель и для самаго сказочника. Къ тому же — не знаю, отъ чего — собственное сердце мое бьется такъ сильно, когда я воображаю себѣ подобные случаи... Можетъ быть какія нибудь темныя воспоминанія... Оставимъ —

Оставимъ всѣ подробности, и скажемъ просто, что бывали минуты, въ которыя одна богиня невинности могла спасти Юліину невинность. Она почувствовала опасность, и Князь принужденъ былъ назначить день для торжественной помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ истощилъ всѣ возможныя хитрости, чтобы побѣдить ея твердость — но тщетно! Въ самое то время, когда ей, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятностямъ, надлежало забыться, она строгимъ взоромъ отсылала его отъ себя — по крайней мѣрѣ шага на два, такъ что онъ лишился всей надежды быть щастливо-дерзкимъ безъ имени супруга.

Однажды поутру, когда Юлія открыла глаза и съ первою мыслію представила себѣ любезнаго

своего Князя, вручили ей письмецо слѣдующаго содержанія:

«Вы любезны; но что любезнѣе вольности? Мнѣ «горестно разстаться съ вами; но мысль о вѣчной «обязанности еще горестнѣе. Сердце не знаетъ за-«коновъ, и перестаетъ любить, когда захочетъ: «чтожь будетъ супружество? несносное бремя. Вы «не хотѣли любить по моему, любить только для «удовольствія любви, — любить пока любишь: и «такъ — простите! Называйте меня вѣроломнымъ, «естьли угодно; но давно говорятъ въ свѣтѣ, что «клятва любовниковъ пишется въ пескѣ, и что «самой легкой вѣтерокъ завѣваетъ ее. Впрочемъ «съ такими милыми свойствами, съ такими пре-«лестями, вамъ не трудно найти достойнаго су-«пруга,.. можетъ быть вѣрнаго, постояннаго! Ро-«дятся Фениксы — но я, въ семъ смыслѣ, не Фе-«никсъ; и потому оставляю васъ въ покоѣ. Меня «уже нѣтъ въ Москвѣ. Простите! —»

«Князь N*.»

Юлія затрепетала, и, слѣдуя обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ опомнилась, для того, чтобы опять забыться. Наконецъ собравъ силы свои, она нашла для себя нѣкоторое облегченіе въ томъ, чтобы проклинать мущинъ. «Они всѣ изверги, злодѣи, «вѣроломные; тигрица воспитала ихъ молокомъ «своимъ; подъ языкомъ носятъ они змѣиной ядъ, «а въ сердцѣ ихъ шипитъ ехидна. Слезы ихъ сле-«зы крокодиловы; повѣрь имъ, и гибель неизбѣж-«на!» — Такими нѣжными красками писала пор-

третъ нашъ отчаянная Юлія. Извинительно; но справедливо ли? Въ одну ли форму отлиты сердца мущинъ? Могутъ ли всѣ отвѣчать за одного?.... Но человѣкъ въ страсти есть худой Логикъ: *одинъ* кажется ему *всѣми*, и *всѣ одним*.

Не позже какъ на другой день узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ любовниковъ. «Князь N* оставилъ Юлію!» говорили мущины, пожимая плечами. «Князь N* оставилъ Юлію,» говорили женщины съ коварною улыбкою — и всякая изъ нихъ думала: «меня бы онъ не оставилъ!» — Какъ показаться въ свѣтѣ? Юлія возненавидѣла его, и нѣсколько времени не выходила изъ своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи пріѣхалъ къ ней Арисъ. Она подумала... и велѣла его пустить. — Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ страдать вмѣстѣ со всѣми мущинами отъ стрѣлъ Юліина краснорѣчія, и слушать съ видомъ преступника, когда бранили непостоянство и вѣроломныхъ! Другой на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію такими глазами, что она конечно бы закраснѣлась и замолчала; но доброй Арисъ любилъ, не могъ преодолѣть страсти своей, и пріѣхалъ не для того, чтобы мстить огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посѣщеніемъ; желала видѣть его въ другой, въ третій разъ — и черезъ нѣсколько времени сердце ея перестало кипѣть гнѣвомъ на мущинъ. Арисова нѣжность, кротость, сердечныя достоинства, которыхъ въ свѣтскомъ шумѣ не могла она такъ сильно и живо чувствовать, тронули ея душу въ искреннихъ разговорахъ

тихаго кабинета. «Для чего, сказала Юлія сквозь слезы, для чего другіе мущины не подобны вамъ! Тогда нѣжнѣйшая склонность нашего сердца не была бы для насъ источникомъ тоски и горести.»... Арисъ воспользовался сею минутою, и Юлія не могла отказаться отъ руки его, съ тѣмъ условіемъ, чтобы оставить навсегда *коварной свѣтъ* — какъ она говорила, стараясь загладить въ мысляхъ своихъ послѣднія черты легкомысленнаго Князя N*— «Коварной свѣтъ, недостойной быть свидѣтелемъ «нашего благополучія, любезной Арисъ! Презримъ «суетность его — онъ мнѣ несносенъ — и удалимся въ деревню!» — «Всѣ дни мои, отвѣчалъ онъ съ радостными слезами, будутъ посвящены твоему удовольствію, несравненная Юлія! я радъ жить съ тобою на краю міра; никогда, никогда не оскорблю тебя ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жалобою. — Воля твоя мой законъ; ты дѣлаешь меня щастливымъ: угадывать твои желанія, исполнять ихъ, зависѣть отъ тебя совершенно, есть священный долгъ моей благодарности!» — Арисъ не обманетъ Юлію: а Юлія — увидимъ!

Первыя шесть или семь недѣль протекли для нихъ въ деревнѣ, какъ шесть или семь веселыхъ дней. Добродѣтельный супругъ восхищался прелестною супругою всякой часъ, всякую минуту. Юлія была чувствительна къ его нѣжности — и сердца ихъ сливались въ тихихъ восторгахъ. Казалось, что сама Природа брала участіе въ ихъ радостяхъ: она цвѣла тогда во всемъ пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ благоухали ясмины и лан-

дыши; вездѣ пѣли соловьи и малиновки; вездѣ курился ѳиміамъ любви, и все питало удовольствіями любовь нашихъ супруговъ.

«Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они выѣзжать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое, невинное удовольствіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ, другъ мой!... (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди).... ахъ, другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Натуры, чувствительная душа можетъ наслаждаться всею полнотою любви и нѣжности!»

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хотя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но — за краснымъ лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣты и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблекла; листья слетѣли съ деревьевъ; птички... Богъ знаетъ, куда дѣвались — и все стало такъ печально, такъ уныло, что Юлія потеряла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арисъ примѣтилъ, что она, смотря въ окно, часто закрывала бѣлымъ платкомъ алой свой ротикъ, и что бѣлый платокъ, какъ будто бы отъ вѣянія Зефира, поднимался на немъ и опускался — то есть, сказать просто, Юлія зѣвала! Арисъ вздохнулъ — взялъ томъ Новой Элоизы, развернулъ и прочиталъ нѣсколько страницъ... о блаженствѣ взаимной любви. Юлія перестала зѣвать, слушала, и наконецъ сказала: «Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что

Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, естьли бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щастливой любви есть конечно первое въ жизни; но можетъ ли оно быть всегда равно живо, всегда наполнять душу? можетъ ли замѣнить всѣ другія удовольствія? можетъ ли населить для насъ пустыню? Ахъ! сердце человѣческое ненасытимо; оно хочетъ безпрестанно чего нибудь новаго, новыхъ впечатлѣній, которыя, подобно утренней росѣ, освѣжаютъ внутреннія чувства его, и даютъ имъ новую силу. На примѣръ, я думаю, что самая пылкая любовь можетъ простыть въ совершенномъ уединеніи; она имѣетъ нужду въ сравненіяхъ, чтобы тѣмъ болѣе чувствовать цѣну предмета своего.» — Арисъ вздохнулъ и сказалъ: «я не такъ думалъ; но... мы завтра ѣдемъ въ городъ!»

Юлія снова явилась въ свѣтѣ и съ новымъ блескомъ красоты своей, съ богатствомъ, съ пышностію: довольно — свѣтъ принялъ ее съ рукоплесканіемъ, и розы со всѣхъ сторонъ посыпались на Юлію. Веселье за весельемъ, удовольствіе за удовольствіемъ — такъ какъ и прежде — съ тою разницею, что замужняя женщина имѣетъ еще болѣе удобности наслаждаться всѣми пріятностями свѣтской жизни.

Героиня наша хотѣла жить открытымъ домомъ, и по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю ужинало у нее 30 или 40 человѣкъ. Арисъ молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно было. Юлія чувствовала сію нѣжность, и, оставаясь съ нимъ наединѣ, на-

граждала его за то восхитительными своими ласками. «Не правда ли, другъ мой — говорила она съ прелестною улыбкою — что городскія забавы и разнообразіе предметовъ еще болѣе оживляютъ любовь нашу? Сердце мое, утомленное свѣтскимъ шумомъ, наслаждается покоемъ въ своихъ объятіяхъ.» — Арисъ вздыхалъ, — такъ тихо, что Юлія не слыхала того.

Но однажды ввечеру Арисъ измѣнился въ лицѣ: — между гостями, пріѣхавшими къ Юліи, увидѣлъ онъ Князя N*! Сердце его затрепетало; однакожь, черезъ нѣсколько минутъ, сіе невольное движеніе укротилось. Разумъ сказалъ сердцу: *молчи!* и Арисъ подошелъ къ Князю съ учтивымъ привѣтствіемъ. Только во весь тотъ вечеръ боялся онъ пристально смотрѣть на Юлію, чтобы не привести ее въ замѣшательство, чтобы она не перетолковала его взоровъ въ худую сторону, и не нашла въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, безпокойства, неудовольствія.

Послѣ ужина, когда всѣ разъѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему съ улыбкою: «Ты видѣлъ, мой другъ, съ какою учтивостію обходилась я съ Княземъ N*. Не принять его, отказать ему отъ дому было бы съ моей стороны неблагоразумно. Пусть видитъ этотъ легкомысленный Нарцисъ, что онъ мнѣ ничего; что прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моей никакихъ слѣдовъ; что я не имѣю причины бояться сердца своего, и что онъ не можетъ привести меня въ краску.» — Арисъ, Арисъ поцѣловалъ

ея руку, и отдалъ справедливость благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни опять ужинъ, и Князь опять явился вмѣстѣ съ прочими гостями; былъ веселъ, забавенъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе нежели съ кѣмъ нибудь; о хозяинѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку.—Коротко сказать, онъ не пропускалъ случая быть у Юліи. «Какъ весело въ ея домѣ!» говорили мущины и женщины. «Хозяйка любезна какъ Ангелъ,» говорили первые. «Милой Князь N* разливаетъ вокругъ себя удовольствіе,» говорили послѣднія. Между тѣмъ начались толки. Одни съ усмѣшкою смотрѣли на Ариса; другіе пожимали плечами. «Чему дивиться?» шептали другъ другу на ухо: «старая дружба! Теперь же и менѣе опасности. Мужъ тихъ, скроменъ — и все съ концомъ!»

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хотѣла быть одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжнѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хотѣла что-то сказать, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы катились изъ глазъ его — но кто былъ ихъ свидѣтелемъ? тихое уединеніе; самая густая аллея въ саду его, которая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, что хладныя тѣни ея съ чувствомъ прикасались къ его сердцу, и согрѣвались его теплотою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ домой, и спѣшилъ въ любимую свою аллею; входитъ — и видитъ Князя N*, сидящаго на дерновомъ канапе подлѣ Юліи, которая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говорилъ: «Ты меня любишь, и я долженъ умереть въ твоихъ объятіяхъ! Юлія! тебѣ ли имѣть предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй».... Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и затрепетала.... Пусть всякой вообразитъ себя на мѣстѣ бѣднаго Ариса!.... Что дѣлать? Заколоть ихъ однимъ кинжаломъ; утолить кровію жажду справедливаго мщенія; а потомъ.... умертвить и самого себя.... Нѣтъ! Арисъ сражался съ собою — не долѣе минуты; она была ужасна — но онъ усмирилъ кипящее сердце, и скрылся! — Человѣкъ, который видѣлъ его выходящаго изъ аллеи, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полотно; что ноги его примѣтно дрожали; что изъ сердца его, какъ будто бы насильно, вырывался какой-то глухой стонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ тотъ же вечеръ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

«Я не нарушилъ даннаго слова; не оскорбилъ «тебя ни жалобою, ни укоризною; надѣялся на си«лу нѣжности и любви моей, обманулся и долженъ «терпѣть!—Послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ... «намъ не льзя жить вмѣстѣ. Не хочу обременять «тебя моимъ присутствіемъ. Права супружества

«несносны, когда любовь не освящает их. Юлія «— прости!.... Вы свободны! забудьте, что у васъ «былъ супругъ; долго—или никогда объ немъ не «услышите! Океанъ раздѣлитъ насъ. Не будетъ у «меня ни отечества, ни друзей; будетъ одно чув«ство, для горести и меланхоліи!—Въ приложен«номъ пакетѣ найдете бумагу, по которой можете «располагать моимъ имѣніемъ; найдете еще порт«ретъ — бывшей супруги моей.... Нѣтъ, я возьму «его съ собою; буду говорить съ нимъ какъ съ «тѣнію умершаго друга; какъ съ единственнымъ «и послѣднимъ милымъ предметомъ умирающаго «сердца!»

Надобно знать, что Юлія, увидѣвъ Ариса въ аллеѣ, нѣсколько минутъ сидѣла безмолвно; потомъ бросилась въ слѣдъ за нимъ, назвала его два раза именемъ.... голосъ ея перервался, ноги подогнулись — она должна была опереться на плечо Князю, и едва могла дойти до дому. Тамъ, не видя Ариса, упала на софу, закрыла лице руками, и не говорила ни слова. Тщетно приступалъ къ ней услужливый Князь, тщетно старался успокоить ее: — она молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо Арисово—прочитала его—и слезы въ три ручья покатились изъ глазъ ея. Князь хотѣлъ взять письмо... «Постой!» сказала она твердымъ голосомъ: «ты не можешь его читать: оно писано добродѣтельнымъ!... Туманъ разсѣялся — и я презираю себя!... О женщины! вы жалуетесь на коварство мущинъ: ваше легкомысліе, ваше непостоянство служитъ

нимъ оправданіемъ. Вы не чувствуете цѣны нѣжнаго, добродѣтельнаго сердца; хотите нравиться всему свѣту, гоняетесь за блестящими побѣдами, и бываете жертвою суетности своей. * — Государь мой! вы видите меня въ послѣдній разъ. Обманывайте другихъ женщинъ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставить меня навсегда. Я не обвиняю никого, кромѣ собственной безразсудности моей. Въ свѣтѣ не будетъ вамъ недостатка въ удовольствіяхъ; но я гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой себѣ, что отнынѣ дерзкой порокъ не осмѣлится взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой перемѣнѣ; вѣрьте ей или не вѣрьте: для меня все одно.» — Сказала, и какъ молнія изчезла.

Князь стоялъ подобно неподвижной статуѣ; наконецъ опомнился, засмѣялся – искренно или притворно, оставимъ безъ рѣшенія — сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія—узнавъ, что Арисъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно куда, и только съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оставила городъ и удалилась въ деревню. «Здѣсь протекутъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи,» сказала она со вздохомъ: «сельской домикъ! я могла, но не умѣла быть щастлива въ тихихъ стѣнахъ твоихъ; я вышла изъ

---

* «У мѣста ли такая выходка?» скажетъ критикъ: «можетъ ли женщина въ *такомъ* случаѣ проповѣдывать добродѣтель?» *Можетъ*, отвѣчаю ему: можетъ, можетъ! а доказательство.... объявлю послѣ.

тебя съ достойнѣйшимъ, нѣжнымъ супругомъ: возвращаюсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ товарищемъ, моею подругою; я буду разсматривать, буду цѣловать образъ ея въ чертахъ незабвеннаго Ариса!» — Въ сію минуту слезы ея капали на портретъ его, которой она въ рукахъ держала.

Надобно отдать справедливость вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшитесь, не въ минуту легкомыслія, не словомъ, но душею, и съ глубокимъ чувствомъ истины: твердость ваша бываетъ тогда удивительна — и славнѣйшіе Герои постоянства, которыхъ до небесъ возноситъ Исторія, должны раздѣлить съ вами лавры свои.

Юлія — которая на тоненькой волосокъ была отъ того, чтобы сдѣлаться новою Аспазіею, новою Лаисою — Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ непорочности. Всѣ суетныя желанія замерли въ ея сердце; она посвятила жизнь свою памяти любезнаго супруга; воображала его стоящаго передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувства; говорила: Ты меня оставилъ; ты имѣлъ право оставить меня; не смѣю желать твоего возвращенія — желаю только спокойствія любезной души твоей; желаю, чтобы ты забылъ супругу свою, естьли образъ ея мучитъ твое сердце. Будь щастливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая тѣнь твоя; со мною воспоминаніе любви твоей: я не умру съ горести! Хочу жить, чтобы ты имѣлъ въ свѣтѣ нѣжнаго друга. Можетъ быть, посредствомъ тай-

вой симпатіи, сердце твое, не взирая на разлуку, на пространство, которое насъ раздѣляетъ, согрѣется, оживится моею любовію; можетъ быть, погруженному въ тихой сонъ, вѣющій Зефиръ скажетъ тебѣ: *Арисъ не одинъ въ мірѣ* — откроешь милые глаза свои, и вдали, въ туманѣ, увидишь горестную Юлію, которая слѣдуетъ за тобою своимъ духомъ, своимъ сердцемъ; можетъ быть.... ахъ! я противъ воли своей желаю.... Нѣтъ, нѣтъ! хочу обожать его безъ всякой надежды!»

Въ душѣ ея царствовало тихое уныніе, болѣе пріятное, нежели мучительное. Добродѣтельныя чувства несовмѣстны съ тоскою: самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Прекрасна и заря добродѣтели; а что иное есть раскаяніе?

Скоро Юлія узнала, что она беременна: новое, сильное чувство, которое потрясло душу ея!.... радостное или печальное?... Юлія нѣсколько времени сама не могла разобрать идей своихъ. — «Я буду «матерью?.... Но кто возметъ на руки младенца съ «нѣжною улыбкою? Кто обольетъ его слезами «любви и радости? Кому скажу я: *вотъ сынъ нашъ!* «*вотъ дочь наша!* Нещастной младенецъ! ты ро«дишься сиротою, и образъ горести будетъ пер«вымъ предметомъ открывающихся глазъ тво«ихъ!... Но... такъ угодно Провидѣнію! Новая обя«занность жить и терпѣть безъ роптанія! — Ро«дись, милый младенецъ! Сердце мое будетъ тебѣ «отцомъ и матерью. Я утѣшусь для тебя и тобою; «не оскорблю нѣжной души твоей ни горестными

«вздохами, ни мрачнымъ видомъ! Одна любовь «ожидаетъ тебя въ моихъ объятіяхъ, и часъ тво- «его рожденія обновитъ жизнь мою!»

Юлія хотѣла приготовить себя къ священному званію матери. Эмиль — книга единственная въ своемъ родѣ — не выходила изъ рукъ ея. — «Я «не умѣла быть добродѣтельною супругою (гово- «рила она со вздохомъ) по крайней мѣрѣ буду хо- «рошею матерью, и небреженіе *одного* долгу за- «глажу вѣрнымъ исполненіемъ *другаго!*»

Она считала дни и минуты; пристрастилась за- ранѣе къ милому младенцу, еще невидимому; за- ранѣе цѣловала его въ мысляхъ своихъ, называла всѣми нѣжными именами — и всякое его движе- ніе было для нее движеніемъ радости.

Онъ родился — сынъ — прекраснѣйшій младе- нецъ, соединенный образъ отца и матери. Юлія не чувствовала болѣзни, не чувствовала слабости: имъ, имъ только занималась, имъ дышала; плакала — улыбалась, чтобы заставить его улыбнуться; — и сердце ея, вкусивъ сладкія чувства матери, от- крыло въ себѣ новый источникъ радостей, чистѣй- шихъ, святыхъ, неописанныхъ радостей. Не уста- вали глаза ея, смотря на младенца; не уставалъ языкъ ея, называя его тысячу разъ *любезнымъ, милымъ сыномъ!* Огнемъ любви своей согрѣвала она юную душу его; наблюдала ея начальныя дѣй- ствія, отъ первой слезы до первой его усмѣшки, и вливала въ него, нѣжными взорами, собственную свою чувствительность. — Нужно ли сказывать, что она сама была кормилицею своего сына?

Юліи казалось, что всѣ предметы вокругъ ея перемѣнились и сдѣлались ласковѣе. Прежде она не выходила почти изъ комнаты своей; открытое небо, пространство, необозримыя равнины, питали въ ея душѣ горестную идею одиночества. *Что я въ неизмѣримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолію; веселье летающихъ птичекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія спѣшитъ показывать маленькаго любимца своего всей Натурѣ. Ей кажется, что солнце свѣтитъ на него свѣтлѣе; что каждое дерево наклоняется обнять его; что ручеекъ ласкаетъ его своимъ журчаніемъ; что птички и бабочки для его забавы порхаютъ и рѣзвятся. *Я мать*, думаетъ она, и смѣлыми шагами идетъ по лугу.

Удовольствія, которыя Юлія искала нѣкогда въ свѣтѣ, казались ей теперь ничтожнымъ, обманчивымъ призракомъ въ сравненіи съ существеннымъ, питательнымъ наслажденіемъ матери. Ахъ! она была бы совершенно щастлива, естьли бы мысль о горестномъ Арисѣ не тревожила ея сердца. «Я проливаю радостные слезы — говорила она самой себѣ — я наслаждаюсь въ то время, когда онъ въ горестномъ уединеніи скитается по свѣту, упрекая себя любовію къ недостойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣститъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы.... такъ, въ присутствіи самого Неба, осмѣлюсь сказать, что Юлія могла бы теперь загладить передъ нимъ вину свою!....

Но онъ не знаетъ; онъ воображаетъ меня въ объятіяхъ — порока; воображаетъ меня мертвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели!... Пусть онъ возвратится хотя на минуту; хотя для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онъ — сказавъ: *ты не достойна имъ веселиться* — возьметъ его у меня! Я рада лишиться всѣхъ утѣшеній, чтобы утѣшить оскорбленнаго супруга моего.... рада быть нещастлива для его благополучія! А онъ будетъ щастливъ: съ Ангеломъ красоты и невинности забудетъ всѣ печали!»

Между тѣмъ маленькой Эрастъ * расцвѣталъ какъ розанъ; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маменька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нѣжными рученьками отирать пріятныя слезы, которыя часто катились изъ глазъ ея.

Однажды весною — время, которое всегда напоминало Юліи первую весну замужества ея—она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эрастомъ, сѣла на цвѣтущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между тѣмъ, какъ младенецъ рѣзвился и прыгалъ вокругъ ее — сняла съ груди своей портретъ Арисовъ и разсматривала его съ умиленіемъ. — «Таковъ ли онъ теперь? думала Юлія. Ахъ, нѣтъ! черты его конечно перемѣнились. Когда живописецъ «изображалъ ихъ, онъ сидѣлъ противъ меня, смотрѣлъ на меня съ любовію, былъ веселъ и ща-

* Имя сына ея.

«стливъ! А теперь.... теперь».... Взоръ Юліинъ помрачился. Она задумалась, и легкой сонъ закрылъ на минуту глаза ея.

Безпокойная душа видитъ и мечты безпокойныя: * Юліи представилось во снѣ необозримое море, которое шумѣло и пѣнилось подъ черными тучами; излучистыя молніи сверкали во мракѣ, страшные громы гремѣли, и ужасъ носился всюду на крыльяхъ бури. Вдругъ показывается корабль, игралище, жертва волнъ разъяренныхъ — исчезаетъ въ пропастяхъ кипящей влаги, и снова является, чтобы навсегда погрузиться въ безднѣ.... Злополучные мореплаватели!... Юлія, сидя на кремнистой скалѣ, видитъ гибель ихъ, и страдаетъ въ чувствительномъ сердцѣ своемъ. Сильной валъ несется къ берегу, выбрасываетъ на песокъ человѣка, и удаляется. Юлія спѣшитъ къ нещастному — хочетъ оживить его, и узнаетъ въ немъ Ариса.... хладнаго, мертваго. Она трепещетъ, пробуждается.... и видитъ Ариса на яву: онъ въ ея объятіяхъ, и навѣки!

Я знаю слабость пера своего, и для того не скажу болѣе ни слова о семъ рѣдкомъ явленіи; ни слова о первыхъ восклицаніяхъ, непосредственно вылетѣвшихъ изъ глубины сердца; ни слова о краснорѣчивомъ безмолвіи первыхъ минутъ; ни слова о

---

* *Ужасный сонъ бываетъ передъ щастливымъ событіемъ*, говоритъ Гишпанская пословица; я воспользовался ею для окончанія моей повѣсти.

слезахъ радости и блаженства!... Чтобы живѣе представить себѣ картину, читатель вообразитъ еще маленькаго Эраста, котораго Юлія взяла на руки и подала Арису. Младенецъ, наученный Природою, ласкалъ отца своего и смотрѣлъ съ улыбкою на Юлію. *

Уже три года живутъ они въ деревнѣ, живутъ какъ нѣжнѣйшіе любовники, и свѣтъ для нихъ не существуетъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣятельнымъ мудрецомъ. Но Юлія примѣромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можетъ быть иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова такъ далеко простирается, что онъ не позволяетъ Юліи описывать черными красками прежняго ея вѣтренаго характера. — «Ты рождена быть добродѣтельною, говоритъ Арисъ: нескромное желаніе нравиться, плодъ без«разсуднаго воспитанія и худыхъ примѣровъ, про«извело минутныя твои заблужденія. Тебѣ над«лежало только одинъ разъ почувствовать цѣну «истинной любви, цѣну добродѣтели, чтобы испра«виться и возненавидѣть порокъ. Ты удивляешь«ся, другъ мой, для чего я молчалъ и не хотѣлъ

---

* Откуда взялся Арисъ? спросятъ любопытные. Онъ нѣсколько лѣтъ странствовалъ по чужимъ землямъ. Вѣрный другъ, оставленный имъ въ Москвѣ, увѣдомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, летѣлъ онъ къ обожаемой супругѣ, сказать ей: *я не переставалъ обожать тебя!*

«говорить тебѣ о слѣдствіяхъ вѣтрености твоей: «я былъ увѣренъ, что укоризны могутъ скорѣе «ожесточить сердце, нежели тронуть его чувстви«тельность. Нѣжное терпѣніе со стороны мужа «есть въ такомъ случаѣ самое дѣйствительнѣйшее «средство. Выговоры, упреки, заставили бы тебя «думать, что я ревнивъ; ты почла бы себя оскор«бленною—и сердца наши могли бы навсегда уда«литься другъ отъ друга. Слѣдствіе доказало спра«ведливость моей системы. Разлука казалась мнѣ «послѣднимъ способомъ, который должно было «употреблять для твоего исправленія. Я оставилъ «тебя на судъ собственнаго твоего сердца — при«знаюсь, не хладнокровно, не безъ мучительной «горести — но лучь надежды питалъ и не обма«нулъ меня! ты моя, совершенно и навѣки!»

Иногда Юлія вооружается противъ женщинъ: Арисъ ихъ защитникъ. «Повѣрь мнѣ, другъ мой, (говоритъ онъ) повѣрь, что порочныя женщины бываютъ отъ порочныхъ мущинъ; первыя для того дурны, что послѣдніе не стоятъ лучшихъ.»

Арисъ и Юлія могутъ не соглашаться въ разныхъ мнѣніяхъ; но въ томъ они согласны, что удовольствіе щастливыхъ супруговъ и родителей есть первое изъ всѣхъ земныхъ удовольствій.

1794 г.

ДРЕМУЧІЙ ЛѢСЪ.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

Сочиненная въ одинъ день на слѣдующія заданныя слова:

Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина, лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Оссіанъ, источникъ, гробъ, музыка. *

—

Бьетъ восемь часовъ. Время пить чай, друзья мои. Любезная хозяйка ожидаетъ насъ на *балконѣ*.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя облака мчатся по синему небу. Тамъ, на западѣ, образуется черная туча. Вѣтеръ воетъ среди развалинъ нашей древней церкви. Все уныло, все печально!

Вы на меня смотрите, любезныя малютки!... Понимаю. Вы хотите, чтобы я, подъ шумомъ вѣтра, подъ тѣнію сизыхъ облаковъ, разсказалъ вамъ какую нибудь старинную быль, жалкую или ужас-

---

* То есть, всѣ сіи слова надлежало помѣстить въ піесѣ одно за другимъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были заданы.

ную, и минувшее превратилъ для васъ въ настоящее. Не правда ли? — Хорошо, слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсъ, которой возвышается передъ глазами нашими: какъ страшенъ видъ его! какія черныя тѣни лежатъ на его кудрявой вершинѣ? Вы слышите глухой шумъ деревъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, — и чувствуете хладъ ужаса въ сердцахъ своихъ. Знайте же, что въ старину, вѣковъ за десять передъ нашимъ вѣкомъ, этотъ лѣсъ былъ въ десять разъ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никто не прокладывалъ въ немъ ни дорожки, ни тропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пустыняхъ, и томный странникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искать прохлады въ густой сѣни его.

Молва, которая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, что въ этомъ *дремучемъ лѣсу* — (надобно знать, что ему не было другова имени) — издавна жилъ и царствовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Велзевула. Часто, въ глубокую полночь, вылетали оттуда пламенные *шары*, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ трескомъ исчезали. Часто при свѣтѣ луны, когда поселяне издали смотрѣли на лѣсъ, расхаживало между деревами какое-то чудовище, на ровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими освѣщало все вокругъ себя саженей на сто. Сверхъ того случалось нѣсколько тысячь разъ, что молодыя *лошади*, которыя, будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чащу бора, возвращались домой

всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови, и деревенскіе жители по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искусать ихъ такимъ немилосердымъ образомъ. — Вы согласитесь, друзья мои, что это было въ самомъ дѣлѣ очень, очень страшно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о которомъ говорю я; но знаю, что въ ней жили тогда, подъ кровлею смиренной *хижины*, добрый старикъ и добрая старушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филемонъ и Бавкида, съ тою разницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣтей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красотою, голубь смиреніемъ, и—въ двадцать лѣтъ — старикъ разумомъ. Зависть находила въ немъ только одинъ порокъ; а именно тотъ, что онъ не любилъ женщинъ, и не думалъ искать себѣ невѣсты, къ великому огорченію всѣхъ деревенскихъ красавицъ, которыя, имѣя чувствительныя сердца, не могли смотрѣть равнодушно на бѣло-румяное лице, черные глаза, величавую осанку и прямой станъ любезнаго юноши. Тщетно приступали къ нему отецъ и мать; тщетно говорили ему: «обрадуй насъ въ глубокой старости, сынъ безцѣнный, обрадуй насъ своею женидьбою. Ахъ! уже ли никогда милые внучата не будутъ играть на колѣняхъ нашихъ?» — «Любезные родители!» отвѣчалъ онъ сквозь слезы: «не мучьте его! Я готовъ умереть за васъ; но только не могу жениться безъ сердечной склонности. Что мнѣ дѣ-

лать? Наши красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждать суженой невѣсты, любезные родители, и молиться Богу!» — Что дѣлать? Добрые старики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ!... Въ одну ночь, когда добрый старикъ, добрая старушка и добрый сынъ ихъ наслаждались тихимъ и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремящій голосъ, и сказалъ — родителямъ: *пошлите сына въ дремучій лѣсъ; тамъ найдетъ онъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремучій лѣсъ, тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе.* Старики проснулись съ трепетомъ; но молодой человѣкъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказалъ отцу и матери: «Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела хранителя; надобно ему повиноваться; надобно итти въ *дремучій лѣсъ.*» — «Итти въ *дремучій лѣсъ!*» воскликнули съ ужасомъ добрые старики: любезный сынъ! что говоришь ты? Тамъ вѣрная смерть ожидаетъ тебя. Нѣтъ, не Ангелъ хранитель твой, а какой нибудь злой, адской духъ, желающій погибели нашей, произнесъ такія ужасныя слова.» Молодой человѣкъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ мыслей, и наконецъ положено было ждать дальнѣйшихъ происшествій. — Что же? другая ночь наступила, и тотъ же голосъ раздался въ хижинѣ; слова были тѣ же: *поди въ дремучій лѣсъ* Опять затрепетали родители, и молодой человѣкъ съ прежнею улыбкою сказалъ имъ: «видите!» — Третья ночь наступила: тотъ же голосъ, тѣ же слова, съ прибавленіемъ: *горе не-*

имущимъ вѣры! — Тогда отецъ и мать, не смотря на ужасъ свой, не смотря на боязливую любовь къ милому сыну, ощутили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о святой вѣрѣ? Молодой человѣкъ увѣщевалъ ихъ имѣть полную довѣренность къ темнымъ путямъ вышней Премудрости; старался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремучій лѣсъ* можетъ быть страшенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родители, заплакавъ горько, согласились разстаться съ любимцемъ души своей. Нѣжная мать отпустила съ нимъ все нужное для дороги, и надѣла ему на шею маленькой образъ, которымъ благословила ее покойная бабушка, и которой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже того, какъ статуя Минерва хранила нѣкогда великолѣпную Трою. Доброй старикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ на небо, и сказалъ: *Ты будь щитомъ его!* — Они разстались.... на разсвѣтѣ дня, самаго прекраснаго изъ весеннихъ. Родители стояли неподвижно и глядѣли на своего милаго, который, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ *дремучему лѣсу*, не зная точно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся отъ глазъ ихъ... но они все смотрѣли; смотрѣли на мрачной боръ, который казался имъ мрачнѣе и грознѣе нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оставлять юнаго Героя. Будучи добръ и невиненъ въ сердцѣ

своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу — вступилъ въ него — и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, который передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густоту деревъ на зеленый *лугъ*, гдѣ цвѣты благоухали, свѣтлые ручейки журчали и бѣлыя козы щипали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго *малиновыми* и смородиными *кустами*. Но молодой человѣкъ забылъ и цвѣты и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами.... «Какое нибудь чудовище?» думаете вы — «какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верхомъ на летучей мыши?»... Нѣтъ, друзья мои! совсѣмъ иное, совсѣмъ другое. Онъ увидѣлъ — юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ), которая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приближилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣтлыми голубыми глазами, въ коихъ изображалась вмѣстѣ и кротость сердечная и трогательная горесть, — поклонилась ему, взяла съ нѣжностію за руку, и не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ нейти съ нею? Могъ ли чего нибудь страшиться, видя ея прелести и любезность, печать Небеснаго благоволенія, зеркало красотъ душевныхъ? Уже сердце его нѣжно влеклося къ ея сердцу; уже горесть ея трогала его душу; уже хотѣлъ онъ спросить о причинѣ слезъ, блиставшихъ на ея рѣсницахъ.... но тутъ другое явленіе представилось глазамъ его.

Подъ тѣнію древняго *дуба*, омрачавшаго домикъ своими густыми вѣтьвями, сидѣлъ бѣловласый почтенный старецъ, въ длинной ткацой одеждѣ, какую горные Шотландскіе вѣтры развѣвали нѣкогда на священныхъ Друидахъ и Бардахъ, современникахъ *Оссіановыхъ*. Онъ воззрѣлъ на юношу очами томными... но въ нихъ сіяли еще искры небеснаго огня, пламенѣющаго въ сердцѣ мужей великихъ.. воззрѣлъ, и простирая къ нему свои объятія, сказалъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ: «Небо посылаетъ тебя, о добродѣтельный юноша! въ сію уединенную пустыню, да будешь свидѣтелемъ моей «смерти и обладателемъ сокровища, которое достойно первѣйшаго изъ царей земныхъ, но котораго «не всѣ цари земные достойны. Приближься къ «моему сердцу, да обниму тебя вмѣстѣ съ сею любезною дщерію, любимицею души моей, которую «благое Провидѣніе назначило тебѣ въ супруги. «Она будетъ любить тебя, ты будешь любить ее, «и мирное щастіе увѣнчаетъ дни ваши. Знай, сынъ «мой — ибо мнѣ дано уже священное право называть тебя симъ именемъ — знай, что я былъ одинмъ изъ тѣхъ смертныхъ, которымъ Божество «благоволитъ открывать вѣчную премудрость «Свою и тайны чудесной Природы, да поклоняются они Его величію въ восторгѣ душъ своихъ. «Здѣсь удаленный отъ суеты мірской, удаленный «отъ злыхъ и развращенныхъ людей, въ безмолвной тишинѣ уединенія, я вникалъ духомъ въ законы Небесные, правящіе вселенною. Но и земныя радости веселили душу мою. Я наслаждался

«нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ, безъ коего нѣтъ «для смертныхъ истиннаго благополучія; наслаж«дался любовію милой, добродѣтельной супруги, «которую видишь ты въ цвѣтущемъ образѣ ея до«чери. Но давно уже преселилась она въ обители «небесныя: я спѣшу тамъ соединиться съ нею но«вымъ союзомъ. Пришелъ часъ мой — чувствую «хладную руку смерти — острая коса ея свер«каетъ предъ очами моими. Всѣ живущіе подъ солн«цемъ должны рано или поздно въ прахъ обратить«ся. Я предвидѣлъ конецъ свой, и только объ уча«сти милой дочери моей сокрушался: невинность «оставалась сиротою въ мірѣ. Я молился — излилъ «душу свою предъ вѣчною Благостію — и Мило«сердый услышалъ моленіе чистаго сердца: Онъ «обѣщалъ послать добродѣтельнаго супруга моей «любезной — гласъ Неба возвѣстилъ мнѣ время, «въ которое надлежало тебѣ явиться въ нашей «пустынѣ. Сіе мирное уединеніе должно быть во«вѣки твоимъ обиталищемъ; здѣсь будешь имѣть «все нужное для умѣренной покойной жизни. При«веди сюда родителей твоихъ: пусть нѣкогда и они «лежатъ въ землѣ подлѣ супруги моей, вмѣстѣ со «мною, на берегу свѣтлаго *источника*, въ тѣни «сего древняго дуба, гдѣ я такъ часто углублялся «въ священныя размышленія!.... Провидѣнію не «угодно включить тебя въ число мудрецовъ зем«ныхъ; но Оно включаетъ тебя въ число добрыхъ «— сего довольно — не жалуйся на судьбу свою. «Ты не почувствуешь никогда тѣхъ неизъясни«мыхъ горестей и внутреннихъ терзаній, которыя,

«по закону Всевышняго, бываютъ здѣсь долею «многовѣдѣнія.... Грядущее отверзается предъ «моимъ взоромъ... Зрю времена ужаса, зрю вѣки «гибели и клятвы, среди просвѣщенія и величайшихъ успѣховъ разума человѣческаго. Еще далеки времена сіи: но они пріидутъ. Блѣдная злоба, «вооруженная смертоносными кинжаломъ, будетъ «свирѣпствовать на земномъ шарѣ и разить слабыхъ; рѣки потекутъ кровію, и стенанія несчастныхъ заглушатъ бурю. Добрые и праведные «осыплютъ пепломъ главы свои, закроютъ лица, и «обліются горькими слезами.... Но и тогда найдутся еще тихія убѣжища для миролюбивой добродѣтели. Такимъ образомъ *одно чувствительное «семейство, общество нѣжнѣйшихъ друзей, удалясь отъ шумнаго міра, поселится нѣкогда близъ «сего дремучаго лѣса,** *которое ночь озарится «со временемъ лучами свѣта; здѣсь, не взирая на «всемірный мятежъ, насладится оно любовію и «святою дружбою*... Глаза мои темнѣютъ; слова «замираютъ на устахъ моихъ... Простите. Богъ не «оставитъ васъ, милыя дѣти. Обнимите меня.... «хладѣющее сердце мое чувствуетъ еще теплоту «вашего... Простите... умираю.» — И святый мужъ скончался, подобно какъ тихій свѣтъ зари вечерней умираетъ подъ мантіею ночи.

Не буду говорить вамъ о слезахъ нѣжной дочери, которыя вмѣстѣ со слезами добраго юноши ли-

---

* Тамъ жилъ Авторъ въ семействѣ друзей своихъ.

лись на хладное тѣло старца; но души не было въ семъ тѣлѣ, и земля требовала его въ нѣдра свои. Смертные остатки безсмертнаго мужа, сообразно съ его волею, погреблися на берегу свѣтлаго источника, въ тѣни древняго дуба, подлѣ *гроба* его супруги. Преданіе говоритъ, что въ самую ту минуту раздалася въ лѣсу небесная *музыка*, и что ея гармоническіе звуки тихо исчезли въ вышнихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и торжественныя слова умирающаго отца; его нѣжные взоры, обращаемые то на милую дочь, то на добраго юношу; имя *любезныхъ дѣтей*, которымъ онъ называлъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, который, такъ сказать, между ими дѣлился, и горестный священный обрядъ погребенія, слившій въ одно ихъ чувства — все питало, все умножало взаимную страсть двухъ юныхъ сердецъ, одно для другаго сотворенныхъ.

Уже сѣнистый вечерь готовъ былъ спуститься на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ стариковъ: * разставшись съ нимъ, они не хотѣли войти въ хижину, стояли у воротъ, и ждали безпрестанно его возвращенія. «Любезные родители! вотъ мое, вотъ «ваше благополучіе! вотъ оно!»... Онъ разсказалъ имъ все.

---

* Надобно думать, что бѣлой кроликъ былъ опять его путеводителемъ.

Вы легко можете представить себѣ ихъ удивленіе, ихъ радость. Плакали, обнимались, говорили, и не слыхали словъ своихъ. — Но — подивитесь странной привязанности людей къ наслѣдственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хотѣлось промѣнять хижины своей на прекрасный домикъ *дремучаго лѣса*. Одно чудо могло ихъ къ тому принудить: вдругъ откуда ни взялся вѣтеръ, сорвалъ хижину и унесъ изъ виду, такъ что ни малѣйшаго слѣда ея на землѣ не осталось. Дѣлать было нечего; старики вздохнули, выронили капли двѣ слезъ, и пошли, куда Небесная воля призывала ихъ, и гдѣ они лучше могли наслаждаться остаткомъ дней своихъ.

Что принадлежитъ до юныхъ любовниковъ, то блаженство ихъ было совершенно; оно скончалось только вмѣстѣ съ ихъ жизнію и еще сіяло въ мірѣ какъ заря вечерняя — сіяло въ благополучіи многочисленнаго ихъ потомства.

═

Здѣсь заключается исторія *дремучаго лѣса*.

«А злой волшебникъ, а пламенные шары, которые вылетали изъ лѣсу; а страшное чудовище, которое расхаживало наровнѣ съ соснами; а огненные глаза его, которые саженей на сто все вокругъ освѣщали; а молодыя лошади, которыя возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови?» — вы требуете изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ чис-

лу нелѣпыхъ басенъ, до которыхъ люди издавна охотники; что пламенные шары составлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣтлые глаза его были не что иное, какъ маленькіе червячки, которые въ лѣтнія ночи блестятъ на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусалъ въ бору не кумъ Вельзевуловъ, а сильный оводъ.

1794 г.

НАТАЛЬЯ,

БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

—

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, то есть говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена, люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно-истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, не могутъ наговориться со мною, надивиться моему разуму, потому что я, разсуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними bonnets à la.... и всѣми Галло-Албіонскими нарядами, блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмаго-надесять вѣка. Та-

кимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ читателей) старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и естьли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣстей, разсказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій. Чтобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить любезнымъ читателямъ одну былъ, или исторію, слышанную мною въ области тѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, которая въ свое время почиталась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ N. N. Только страшусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облакѣ съ того свѣта и не наказала меня клюкою своею за худое ритарство... Ахъ, нѣтъ! прости безразсудность мою, великодушная тѣнь — ты неудобна къ такому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна какъ юная овечка; рука твоя не умертвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоемъ: и такъ возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь въ морѣ неописаннаго блаженства, и дышишь чистѣйшимъ эѳиромъ неба — возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорнаго праправнука? Нѣтъ! ты дозволишь ему безпрепятственно упражняться въ похвальномъ ремеслѣ марать бумагу, взводить небылицы на живыхъ и мертвыхъ, испытывать терпѣніе своихъ читателей, и наконецъ, подобно

вѣчно-зѣвающему богу Морфею, низвергать ихъ — на мягкіе диваны и погружать въ глубокой сонъ... Ахъ! въ самую сію мунуту вижу необыкновенный свѣтъ въ темномъ моемъ корридорѣ; вижу огненные круги, которые вертятся съ блескомъ и съ трескомъ, и наконецъ — чудо! являютъ мнѣ твой образъ, образъ неописанной красоты, неописаннаго величества! Очи твои сіяютъ какъ солнце; уста твои алѣютъ какъ заря утренняя, какъ вершины нѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — ты улыбаешься, какъ юное твореніе въ первый день бытія своего улыбалось, и въ восторгѣ слышу я *сладко-гремящія* слова твои: «продолжай, любезный мой праправнукъ!» Такъ, я буду продолжать, буду; и вооружась перомъ, мужественно начертаю исторію *Натальи, Боярской дочери.* — Но прежде должно мнѣ отдохнуть; восторгъ, въ который привело меня явленіе прапрабабушки, утомилъ душевныя мои силы. На нѣсколько минутъ кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатый, умный, вѣрный слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосолъ. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему

въ наши просвѣщенныя времена, можетъ быть, не всякой повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виновитъ по моей совѣсти* — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватый бѣжалъ въ густые лѣса, сокрыть стыдъ свой отъ человѣковъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый двунадесятый праздникъ поставлялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ * людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ,

* Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старой человѣкъ.

собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ними. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Патріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческой былъ не столь кратокъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй, доброй Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ живи благополучно!* Они пили и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрный слуга Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестьдесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое трепетаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброму ли бояться сего густаго непроницаемаго мрака, въ которомъ теряются дни человѣческіе? Ему ли страшиться сего

тѣнистаго пути, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безтрепетно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ — хотя темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность.—Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей стараго Боярина; но вѣнцемъ его щастія и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Натальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобно розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравняться съ Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть читатель вообразитъ себѣ бѣлизну Италіянскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онъ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго; ибо въ наше роскошное время весьма истощился

магазинъ пiитическихъ уподобленiй красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные старушки, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота тѣлесная бываетъ всегда изображенiемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ во первыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежности красоты тѣлесной), а во вторыхъ мудрецомъ или любителемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Русскiе не читали тогда ни Локка о *воспитанiи*, ни Руссова *Эмиля* — во первыхъ для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а во вторыхъ и потому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Натура воспитываетъ травки и цвѣточки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сiя Судьба была къ нимъ милостива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшенiемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомню, сказалъ, что описанiе дневныхъ

упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изображеніе его сердца. По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ читателей опишу, какъ Наталья, Боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утренняго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вставала, надѣвала на себя тонкое шелковое платье, камчатную тѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Натуры — взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарный день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу—взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушалъ мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы-рѣки, цвѣтущія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ

чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ же живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Русскую физіогномію. Наталья смотрѣла, оперши сь на окно, и чувствовала въ серцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить Натуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окружности!* Но того не думала Наталья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проницая сквозь черныя, пушистыя рѣсницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе, нежели на золотѣ. Волосы, какъ темнокофейный бархатъ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полуоткрытой груди; но скоро прелестная скромность, стыдясь самаго солнца, самаго вѣтерка, самыхъ нѣмыхъ стѣнъ, закрывала ее полотномъ тонкимъ. Потомъ будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. *Вставай, мама!* говорила Наталья: *скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вставала, одѣвалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ее длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣтлицу свою, (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее ка-

кой нибудь не доброй человѣкъ), отправлялись къ обѣднѣ. «Всякой день?» спроситъ читатель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли тогда удержать красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Становяся всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлобья посматривала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клобовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздятъ себя казать и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ въ церкви, могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? Послѣ обѣдни Наталья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Старецъ плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненный даръ, за такое сокровище. Наталья садилась подлѣ него, или шить въ пяльцахъ, или плести кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье. Нѣжный родитель хотѣлъ смотрѣть на работу ея, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умиленіемъ. Читатель, знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Естьли нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясминомъ, тобою посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и тѣни, и сколь радовался мыслію: *это мой*

цвѣтокъ; я посадилъ его и выростилъ! вспомни, и знай, что отцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!* — Послѣ Русскаго сытнаго обѣда Бояринъ Матвѣй ложился отдыхать, а дочь свою съ ея мамою отпускалъ гулять или въ садъ, или на большой зеленый лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *Красныя ворота* съ трубящею славою. Наталья рвала цвѣты, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась снова за рукодѣлье. Наступалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же юныя подруги приходили дѣлить съ нею часы прохлады, и разговаривать о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Матвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, есть-ли государственныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Сѣдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавлять ихъ пріятнымъ образомъ, и разсказывалъ имъ приключенія благочестиваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не льзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Наталья каталась въ саняхъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на которыя собирались однѣ дѣвушки, тѣшиться и веселиться и невиннымъ образомъ сокращать время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы; играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, такъ что скромная и цѣломудренная Дріада могла бы

всегда присутствовать на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Наталья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, которымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наступила; травка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жаворонки запѣли — и Наталья, сидя поутру въ свѣтлицѣ своей подъ окномъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали птички, и нѣжно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались въ густоту листьевъ. Красавица въ первой разъ замѣтила, что они летали парами — сидѣли парами, и скрывались парами. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло — какъ будто бы какой нибудь чародѣй дотронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула — вздохнула въ другой и въ третій разъ — посмотрѣла вокругъ себя — увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ старой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ) — опять вздохнула, и вдругъ бриллiянтовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея, — потомъ и въ лѣвомъ — и обѣ выкатились — одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, которая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Наталья подгорюнилась — чувствовала нѣкоторую грусть, нѣкоторую томность въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все не ловко; она встала и опять сѣла —

наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскуетъ. Старушка начала крестить милую свою барышню, и съ нѣкоторыми *набожными оговорками* * бранить того человѣка, который взглянулъ на прекрасную Наталью не чистымъ глазомъ, или похвалилъ ея прелести не чистымъ языкомъ, не отъ чистаго сердца, не въ добрый часъ: ибо старушка была увѣрена, что ея сглазили, и что внутренняя тоска ея происходитъ не отъ чего другаго. Ахъ, добрая старушка! хотя ты и долго жила на свѣтѣ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей Боярскихъ; не знала.... Но можетъ быть и читатели (если до сей минуты они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) — можетъ быть и читатели не знаютъ, что за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, что до сего времени веселилась она какъ вольная птичка; что жизнь ея текла, какъ прозрачный ручеекъ стремится по бѣленькимъ камешкамъ между злачныхъ, цвѣтущихъ бережковъ: чтожь сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! —— Съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ быть откуда нибудь и повыше, слетѣла какъ маленькая птичка Колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху,

---

* На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное; что можно еще слышать и отъ нынѣшнихъ старушекъ.

и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вотъ вся загадка; вотъ причина красавицыной грусти — и есть-ли она покажется кому нибудь изъ читателей не совсѣмъ понятною, то пусть требуетъ онъ подробнѣйшаго изъясненія отъ любезнѣйшей ему осьмнадцатилѣтней дѣвушки. Съ сего времени Наталья во многомъ перемѣнилась — стала не такъ жива, не такъ рѣзва — иногда задумывалась, — и хотя по прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хотя по прежнему проводила вечера съ подругами, но не находила ни въ чемъ прежняго удовольствія. Такъ человѣкъ, вышедшій изъ лѣтъ дѣтства, видитъ игрушки, которыя составляли забаву его младенчества, — берется за нихъ, хочетъ играть; но чувствуя, что онѣ уже не веселятъ его, оставляетъ ихъ со вздохомъ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ дать отчета въ своихъ новыхъ, смѣшенныхъ, темныхъ чувствахъ. Воображеніе представляло ей чудеса. На примѣръ, часто казалось ей (не только во снѣ, но даже и наяву) что передъ нею, въ мерцаніи отдаленной зари, носится какой-то образъ, прелестной, милой призракъ, которой манитъ ее къ себѣ Ангельскою улыбкою, и потомъ исчезаетъ въ воздухѣ. *Ахъ!* воскликнула Наталья, и простертыя руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспаленнымъ мыслямъ ея представлялся огромный храмъ, въ который тысячи людей, мущинъ и женщинъ, спѣшили съ радостными лицами, держа другъ друга за руку. Наталья хотѣла также войти въ него;

но невидимая рука удержала ее за одежду, и неизвѣстный голосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма; никто безъ милаго друга не входитъ въ его внутренность.* — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ толковать сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недостатокъ въ душѣ своей, и томилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть щастлива, естьли течетъ она какъ уединенная рѣка въ пустынѣ; а безъ милаго пастушка цѣлой свѣтъ для васъ пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса птичекъ кажутся вамъ печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хотите вы пустоту души своей наполнить чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣтъ, красавицы, нѣтъ! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочетъ такого сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго трепета; которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, страстное, пламенное — а гдѣ найти его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, которыя вмѣстѣ съ вами могутъ только горевать, тайно или явно — горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ холодной дружбѣ, но что найдете — или въ противномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ — найдете въ тѣни миртовой бесѣдки, гдѣ сидитъ теперь въ уныніи, въ

также милой юноша съ свѣтлоголубыми или черными глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной читатель! прости мнѣ сіе отступленіе! Не одинъ Стернъ былъ рабомъ пера своего. — Обратимся снова къ нашей повѣсти.

Бояринъ Матвѣй скоро примѣтилъ, что Наталья стала пасмурнѣе: родительское сердце его потревожилось. Онъ распрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой перемѣны, и наконецъ заключивъ, что дочь его не можетъ, отправилъ нарочнаго гонца къ столѣтней теткѣ своей, которая жила въ темнотѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Русскими, и прослыла естьли не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ целомудрою старушкою, искусною въ леченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Матвѣй описалъ ей всѣ признаки Натальиной болѣзни, и просилъ, чтобы она посредствомъ своего искусства возвратила внукѣ здравіе, а ему старику радость и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольства остается въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ старину такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и томилась, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолъ свой, и дохнула вьюгами на Рус-

ское царство; то есть, зима наступила, и Наталья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла? Прекрасной молодой человѣкъ, въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, стоялъ тамъ какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, проницательный взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ. Наталья въ одну секунду вся закраснѣлась, и сердце ея, затрепетавъ сильно, сказало ей: *вотъ онъ!*.... Она потупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала въ лицѣ своемъ, и снова затрепетала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезной призракъ, который ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ не что иное, какъ образъ сего молодаго человѣка — и потому она смотрѣла на него какъ на своего милаго знакомца. Новый свѣтъ возсіялъ въ душѣ ея, какъ будто бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ несвязныхъ и замѣщенныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ теченіе долгой ночи. «И такъ — думала Наталья — и такъ подлинно есть на свѣтѣ такой милой красавицъ, такой «человѣкъ, — такой прелестной юноша?... Какой «ростъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лице! «А глаза, глаза у него какъ молнія; я, робкая, бо«юсь глядѣть на нихъ. Онъ на меня смотритъ, смо«тритъ очень пристально — даже тогда, когда мо«лится. Конечно и я знакома ему; можетъ быть и «онъ, подобно мнѣ, грустилъ, вздыхалъ, думалъ,

«думалъ и видѣлъ меня, — хотя темно, однакожъ «видѣлъ, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.»

Читатель долженъ знать, что мысли красныхъ дѣвушекъ бываютъ очень быстры, когда въ сердцѣ у нихъ начинаетъ ворошиться то, чего онѣ долго не называютъ именемъ, и что Наталья въ сіи минуты чувствовала. Обѣдня показалась ей очень коротка. Няня десять разъ дергала ее за камчатную тѣлогрѣю, и десять разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня, все кончилось*. Но барышня все еще не трогалась съ мѣста, для того что и прекрасной незнакомецъ стоялъ какъ вкопаной подлѣ лѣваго крылоса; они посматривали другъ на друга, и тихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Наталья читаетъ про себя молитвы и для того нейдетъ изъ церкви. Наконецъ дьячекъ загремѣлъ ключами: тутъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хотятъ запирать, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человѣкъ — она влѣво, онъ направо. Наталья раза два обступилась; раза два роняла платокъ, и должна была ворочаться назадъ; незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавину, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Наталья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человѣкѣ въ голубомъ кафтатѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однакожъ и не очень весела, подобно такому человѣку, который наконецъ узналъ, въ чемъ

состоитъ его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Наталья влюбилась въ незнакомца. «Въ одну минуту?» (скажетъ читатель:) «увидѣвъ въ первый разъ, и «не слыхавъ отъ него ни слова?» Милостивые государи! я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру.

Когда Бояринъ Матвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольтеровскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спятъ Бояре, а на широкой дубовой лавкѣ) — Наталья пошла съ нянею въ свѣтлицу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой платокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала — взглянула на окончины, расписанныя морозомъ — оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и потомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человѣкъ, бывшій у обѣдни? Старушка не понимала, о комъ говоритъ она. Надлежало изъясниться; но легко ли это для стыдливой дѣвушки? *Я говорю о томъ*, продолжала Наталья — *о томъ, которой — которой былъ всѣхъ лучше*. Няня все еще не понимала, и красавица

принуждена была сказать, что онъ стоялъ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелъ изъ церкви за нимъ. «Я не примѣтила его» — холодно отвѣчала старушка, и Наталья тихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣтить!

На другой день Наталья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавца въ голубомъ кафтанѣ тамъ не было — на третій день также не было, и чувствительная Боярская дочь не хотѣла ни пить ни ѣсть, перестала спать и насилу ходить могла; однакожь старалась таить внутреннее свое мученіе какъ отъ родителя, такъ и отъ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. «Жестокой! (думала она) жестокой! за чѣмъ скрываешься отъ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ? Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не выронишь ни слезки на гробѣ злощастной!» — Ахъ! для чего самая нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая изъ страстей родится всегда съ горестію? ибо какой влюбленной не вздыхаетъ, какой влюбленной не тоскуетъ въ первые дни страсти своей, думая, что его не любятъ взаимно!

На четвертой день Наталья опять пошла къ обѣднѣ, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокой морозъ, ни на то, что Бояринъ Матвѣй, примѣтивъ наканунѣ необыкновенную блѣдность ея лица, просилъ ее беречь себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ

церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смотрѣла на двери. Вошелъ первой человѣкъ — не онъ! вошелъ другой — не онъ! третій, четвертой — все не онъ! вошелъ пятой, и всѣ жилки затрепетали въ Натальѣ — это онъ, тотъ красавецъ, котораго образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внутренняго волненія она едва не упала, и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ четыре стороны, а ей особливо, и притомъ гораздо ниже и почтительнѣе, нежели прочимъ. Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Наталью (которая отъ нѣжныхъ чувствъ стала еще прелестнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что она примѣтила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алѣла въ сію минуту на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея взорахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась. — Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Всѣ стали выходить изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы итти опять въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Натальею, которая поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корыстолюбецъ не можетъ никогда насытиться золотомъ. — У во-

ротъ Боярскаго дому Наталья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала ему: *прости, милой незнакомецъ!* Калитка хлопнула, и Натальѣ послышалось, что молодой человѣкъ вздохнулъ; по крайней мѣрѣ она сама вздохнула. — Старушка няня была на сей разъ примѣтливѣе и не дождавшись еще ни слова отъ Натальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, которой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знатномъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга. Наталья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что отвѣчала.

На другой, на третій день опять ходили къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣть желали — возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: тѣмъ оно довольно нынѣ, тѣмъ не довольно завтра — все болѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ и Натальѣ показалось уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца и видѣть нѣжность въ глазахъ его; ей захотѣлось слышать его голосъ, взять его за руку, быть поближе къ его сердцу, и проч. Что дѣлать? какъ быть? Такія желанія искоренять трудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетъ грустно. — Наталья опять принялась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалишься надъ нею? Уже ли захочешь, чтобы свѣт-

лыю глаза ея отъ слезъ померкли? — Посмотримъ, что будетъ.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Матвѣя не было дома, Наталья увидѣла въ окно, что калитка ихъ растворилась — вошелъ человѣкъ въ голубомъ кафтанѣ, и работа выпала изъ рукъ Натальиныхъ — ибо сей человѣкъ былъ прекрасной незнакомецъ. *Няня!* сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

«Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?» думала Наталья, смотрѣла въ окно и видѣла, что молодой человѣкъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея летѣло къ нему на встрѣчу; но робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою тоскою: ибо всего несноснѣе противиться влеченію своего сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь растворилась, и скрыпъ ея потрясъ Натальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни слова. Красавица также не начинала говорить, и только однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: *что, няня? что?* Старушка какъ будто бы веселилась ея смущеніемъ, ея нетерпѣніемъ — долго молчала, и спустя уже нѣсколько минутъ, сказала ей: «знаешь ли, барышня, что этотъ молодой человѣкъ боленъ?» — *Боленъ? чѣмъ?* спросила Наталья, и цвѣтъ въ лицѣ ея пе-

решился. — «Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болитъ сердце, что бѣдной не можетъ ни пить ни ѣсть, блѣденъ какъ полотно, и насилу ходитъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибрелъ ко мнѣ, плачетъ горькими слезами, и проситъ, чтобы я помогла ему. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жалость!» — Что же, няня? дала ли ты ему лекарство! — «Нѣтъ; я велѣла подождать.» — Подождать? гдѣ? — «Въ нашихъ сѣняхъ.» — Можно ли? Тамъ превеликой холодъ; со всѣхъ сторонъ несетъ, а онъ боленъ!— «Чтожь мнѣ дѣлать? Внизу у насъ такой чадъ, что онъ можетъ угорѣть до смерти: кудажь его ввести, пока изготовлю лекарство? Развѣ сюда? Развѣ прикажешь ему войти въ теремъ? Это будетъ доброе дѣло, барышня; онъ человѣкъ честной — станетъ за тебя Богу молиться, и никогда не забудетъ твоей милости. Теперь же батюшки нѣтъ дома — сумерки, темно — никто не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ: вѣдь только въ сказкахъ мущины бываютъ страшны для красныхъ дѣвушекъ! Какъ думаешь, сударыня?» Наталья (не знаю, отъ чего) дрожала, и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: *я думаю.... какъ хочешь.... ты лучше моего знаешь.* Тутъ няня отворила дверь — и молодой человѣкъ бросился къ ногамъ Натальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минуту закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій разъ, осмѣ-

лился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Наталья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встрѣтились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минуту были къ нимъ всего ближе; и въ тѣхъ и въ другихъ изображались пламенныя чувства, любовію кипящее сердце. Наталья съ трудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человѣкъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чувствительности; сказалъ простыми, нѣжными, страстными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можетъ быть щастливъ и не хочетъ жить безъ взаимной ея любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили — но недовѣрчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и стоя на колѣняхъ, спросилъ у нее: «Наталья, прекрасная Наталья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть щастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ.» — Ахъ, барышня! сказала жалостливая няня: отвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! уже ли захочешь погубить его душу? — *Ты милъ сердцу моему*, произнесла Наталья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова на восхищеннаго незнакомца — *дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга;

казалось, что дыханіе ихъ остановилось. Кто видалъ, какъ въ первой разъ цѣломудренные любовники обнимаются; какъ въ первой разъ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первой разъ дѣвическую стыдливость: пусть тотъ и вообразитъ себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее, — но она была трогательна — самая старая няня, свидѣтельница такого явленія, выронила капли двѣ слезъ и забыла напомнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присутствовала невидимо въ Натальиномъ теремѣ.

Послѣ первыхъ минутъ нѣмаго восторга молодой человѣкъ, смотря на красавицу, залился слезами. *Ты плачешь?* сказала Наталья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу. — «Ахъ! я долженъ открыть тебѣ мое сердце, прелестная Наталья!* отвѣчалъ онъ: оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ щастіи.» — *Чтожь ему надобно?* спросила Наталья, и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта. — «Обѣщай, что ты исполнишь мое требованіе.» — *Скажи, скажи, что такое? Исполню, все сдѣлаю, что велишь мнѣ!* — Въ нынѣшнюю ночь, когда зайдетъ мѣсяцъ—въ то время, какъ поютъ первые пѣтухи — я пріѣду въ саняхъ къ вашимъ воротамъ; ты должна ко мнѣ вытти

---

* Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только *нѣкоторымъ образомъ* поддѣлаться подъ древній *колоритъ*.

и ѣхать со мною, вотъ чего отъ тебя требую!» — *Ѣхать? въ нынѣшнюю ночь? куда?* — «Сперва въ церковь, гдѣ мы обвѣнчаемся; а потомъ туда, гдѣ я живу.» — *Какъ? безъ вѣдома отца моего? безъ его благословенія?* — «Безъ его вѣдома, безъ его благословенія, или я погибъ!» — *Боже мой!... Сердце у меня замерло. Уѣхать тихонько изъ дому родительскаго! Что же будетъ съ батюшкою? Онъ умретъ съ горя, и на душѣ моей останется страшной грѣхъ. Милой другъ! для чего намъ не броситься къ ногамъ его? Онъ полюбитъ тебя; благословитъ и самъ отпуститъ насъ въ церковь.* — Мы бросимся къ ногамъ его, но черезъ нѣкоторое время. Теперь онъ не можетъ согласиться на бракъ нашъ. Самая жизнь моя будетъ въ опасности, когда меня узнаютъ.» — *Когда тебя узнаютъ? тебя, милаго душѣ моей?.... Боже мой! какъ люди злы, естьли ты говоришь правду! Только я не могу повѣрить. Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?* —«Алексѣемъ?»— *Алексѣемъ? Я всегда любила это имя. Чтожь бѣды, естьли тебя узнаютъ?* — «Все будетъ тебѣ извѣстно, когда ты согласишься сдѣлать меня щастливымъ. Прелестная, милая Наталья! время проходитъ; мнѣ не льзя быть долѣе съ тобою. Чтобы родитель твой, котораго я самъ люблю и почитаю за добрыя дѣла его — чтобы родитель твой не сокрушался и не почиталъ дочери своей погибшею, я напишу къ нему письмо, и увѣдомлю, что ты жива, и что онъ можетъ скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь; жизни моей или смерти?» — При сихъ словахъ, про-

изнесенныхъ твердымъ голосомъ, онъ всталъ, и смотрѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. «Ты меня спрашиваешь?» сказала она съ чувствительностію: «развѣ я не обѣщала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенчества привыкла я любить моего родителя, потому что и онъ любитъ меня, очень, очень любитъ — (тутъ Наталья обтерла платкомъ слезы свои, которыя одна за другою капали изъ глазъ ея) — тебя знаю не давно, а люблю еще больше: какъ это случилось, не знаю.» — Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золотой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Натальѣ, сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Старушка няня проводила его со двора.

Вмѣстѣ съ Читателемъ мы искренно порицаемъ ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодаго человѣка, и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дому, не зная куда; поручить судьбу свою незнакому человѣку, котораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было счесть подозрительнымъ— а что всего болѣе, оставить добраго, чувствительнаго, нѣжнаго отца.... Но такова ужасная любовь! Она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтельнѣйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности: тотъ—щастливъ, щастливъ тѣмъ, что страсть его не была въ противоположности съ добродѣтелью — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы тщетнаго раскаянія полились бы рѣкою, Лѣтописи человѣ-

ческаго сердца увѣряютъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежитъ до няни, то молодой человѣкъ (послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Наталью въ церкви) нашелъ способъ переговорить съ нею и склонилъ ее на свою сторону разными пышными обѣщаніями и подарками. Увы! люди, а особливо подъ старость, бываютъ падки на серебро и золото. Старушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служила безпорочно и вѣрно въ домѣ Боярина Матвѣя — забыла и продала себя незнакомцу. Однакожь, по остатку честности, взяла съ него слово жениться на прекрасной Натальѣ, и до того времени не употреблять во зло ея любви и невинности.

Наталья, по уходѣ своего любовника, стояла нѣсколько минутъ неподвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ движеній, но не сомнѣнія, не колеблемости — ибо она уже рѣшилась! и хотя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ отдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ отвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвратилась успокоить Наталью, говоря ей, что она будетъ супругою молодаго красавца, и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. — «Забыть?» перервала Наталья, вслушавшись въ послѣднія слова: «нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ батюшки-

нымъ — не такъ ли, няня? — *Конечно, барышня!* отвѣчала старушка: *а что онъ сказалъ, то будетъ.* — «Вѣрно будетъ!» сказала Наталья, и лице ея стало веселѣе.

Бояринъ Матвѣй возвратился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ теремъ. Полночь приближалась — Наталья думала не обо снѣ, а объ миломъ другѣ, которому навѣки отдала она сердце свое, и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сіялъ на небѣ — мѣсяцъ, которымъ прежде глаза ея всегда веселились: теперь онъ сталъ ей непріятенъ; теперь думала красавица: «Какъ медленно катишься ты по круглому небу? Зайди скорѣе, мѣсяцъ свѣтлый! Онъ, онъ пріѣдетъ за мною, когда сокроешься!» — Луна опустилась — уже часть ея зашла за кругъ земной — мракъ въ воздухѣ сгустился — пѣтухи запѣли — мѣсяцъ исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнула въ Боярскія ворота. Наталья вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ пріѣхалъ!* — Черезъ минуту явился молодой человѣкъ, и Наталья бросилась въ его объятія. Вотъ письмо къ твоему родителю, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — «Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочти его! я хочу слышать, что ты написалъ.» — Молодой человѣкъ развернулъ бумагу, и прочиталъ слѣдующія строки: «Я люблю милую «дочь твою болѣе всего на свѣтѣ — ты не согласился бы отдать ее за меня — она ѣдетъ со мною «— прости насъ! любовь всего сильнѣе — можетъ «быть со временемъ я буду достоинъ называться

«зятемъ твоимъ.» — Наталья взяла письмо, и хотя не умѣла читать, однакожь смотрѣла на него, и слезы лились изъ глазъ ея. «Напиши, сказала она, напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться, и что это бумага мокра отъ слезъ моихъ; пиши, что я не вольна сама въ себѣ, и чтобы онъ или забылъ или простилъ меня.»

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана перо и чернильницу — написалъ, что говорила Наталья, и оставилъ письмо на столѣ. Потомъ красавица, надѣвъ лисью шубу свою, помолившись Богу, взявъ съ собою тотъ образъ, которымъ благословила ее покойная мать, и подавъ руку щастливому любовнику, вышла изъ терема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родительской домъ, обтерла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, бѣдную, нещастную!* Молодой человѣкъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, которая оставалась на минуту въ свѣтлицѣ, чтобы прибрать нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ Натальиныхъ вещей, и которую наши любовники совсѣмъ было-забыли, лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой сторонѣ дороги, вдали, свѣтился огонекъ: туда поворотили, и Наталья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй — (читатель не забылъ имени молодаго человѣка) — Алексѣй ввелъ лю-

бовницу свою во внутренность сего ветхаго храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо горящею лампадою. Тамъ встрѣтилъ ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: «я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! внукъ мой уже заснулъ.» Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ налой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ читалъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, которой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Наталья молились усердно, и произнося обѣтъ свой, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бури проповѣдуетъ* — (въ сіе мгновеніе страшно зашумѣлъ вѣтеръ) — *именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго обѣщаю вамъ благоденствіе въ жизни, естьли вы будете всегда любить другъ друга: ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе отъ старца, поцѣловали руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣтеръ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони ле-

тѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился столбомъ, и пушистой снѣгъ отъ копытъ ихъ подымался вверхъ облаками. Скоро путешественники наши выѣхали въ темноту лѣса, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Старушка няня дрожала отъ страха; но прекрасная Наталья, чувствуя подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ отводилъ рукою всѣ вѣтьви и сучья, которые грозили уколоть бѣлое лице супруги его. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались во глубину сугробовъ, и жаркими поцѣлуями удалялъ холодъ отъ нѣжныхъ розъ, которыя цвѣли на устахъ ея. Около четырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревъ. Уже лошади начинали утомляться, и съ трудомъ вытаскивали ноги свои изъ глубинъ снѣжныхъ; сани двигались медленно, и наконецъ Наталья, пожавъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спросила у него: *скоро ли мы пріѣдемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькой домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человѣкъ съ пуками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висѣли у нихъ на кушакахъ. Старушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса, видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ и нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ

сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить страшную картину глазамъ читателей — прельщенную невинность, обманутую любовь, нещастную красавицу во власти варваровъ, убійцъ — женою атамана разбойниковъ, свидѣтельницею ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотѣ подъ сѣкирою правосудія, въ глазахъ нещастнаго родителя; могъ бы представить все сіе вѣроятнымъ, естественнымъ, и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удалился бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезной читатель, нѣтъ! на сей разъ побереги слезы свои—успокойся—старушка няня ошиблась — Наталья не у разбойниковъ!

Наталья не у разбойниковъ!.... Но кто же сей таинственный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Оссіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу читать далѣе.

Наталья потревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за руку, и смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой челокѣкъ взглянулъ со гнѣвомъ на старушку; потомъ, устремивъ нѣжный взоръ на милую Наталью, отвѣчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей — не бойся.* Наталья успокои-

лась: ибо тотъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. «Здѣсь живутъ люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.» Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой стояла высокая кровать, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Наталья тутъ же поставила и свой образъ; помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя, низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домѣ. Молодой супругъ снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ отогрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая Наталья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и щастіе имѣютъ также слезы свои....

Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть злымъ человѣкомъ. Ахъ! естьли бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ русскомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Натальѣ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ!... сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говорить началъ. «Любезная Наталья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна тебѣ открыться. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можетъ разорвать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ

супруги своей. И такъ знай, что я сынъ нещастнаго Боярина Любославскаго.» — — — *Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.* — «Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь, но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нащего царства. Нѣкоторые изъ знатнѣйщихъ честолюбивыхъ Бояръ возстали противъ законной власти юнаго Государя; но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мятежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совершенно ложному, взятъ былъ подъ стражу. Онъ имѣлъ непріятелей, злыхъ и коварныхъ; представили доказательства мнимой его измѣны и согласія съ мятежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть.... надежда исчезла въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы – и родитель мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Россіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свіяга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннолюбивые. Они приняли насъ дру-

жески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ отечествѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая птица, летѣвшая съ запада, * казалась намъ милѣе; всякую птицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. — Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву тайнаго гонца, и получалъ письма отъ своего друга, которыя всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно откроется, и что мы съ честію можемъ возвратиться въ отечество. Но скорбь изсушила сердце моего родителя; силы его исчезали, и глаза покрылись густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благословилъ меня — и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя*, умеръ въ моихъ объятіяхъ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали. — Я увѣдомилъ друга нашего о моемъ нещастіи: въ отвѣтѣ своемъ, изъявляя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго страдальца, умершаго въ странѣ иноплеменныхъ, и погребеннаго въ землѣ не Христіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. «Верстахъ въ 40 отъ Москвы (писалъ онъ) въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, построилъ я уединенный домикъ, неизвѣстный ни-

---

* То есть, отъ Россіи.

«кому, кромѣ меня и надежныхъ людей моихъ. «Тамъ будешь ты жить до времени въ совершен-«ной безопасности. Посланный знаетъ сіе мѣсто.» — Я изъявилъ благодарность мою гостепріимнымъ жителямъ Волжскихъ береговъ; простился съ зеленою могилою родителя моего; поцѣловалъ и оросилъ слезою каждый цвѣточикъ, каждую травку, на ней растущую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облобызалъ отечественную землю — и въ густотѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, нашелъ сей пустынный домикъ, гдѣ ты теперь со мною, любезная Наталья. Здѣсь встрѣтилъ меня сѣдой старецъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ: *Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господинъ мой, вѣрный другъ его — тотъ, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для тебя сіе жилище, скончался! — Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои.* — Я поднялъ глаза на небо; молчалъ — и слезы мои катились градомъ. «Кто будетъ моимъ «помощникомъ? думалъ я: моимъ наставникомъ? «Я одинъ въ свѣтѣ!.... Всевышній! Ты, Кому по-«ручилъ меня родитель мой! не оставь бѣднаго!»

«Я поселился въ пустынѣ; видѣлъ у себя множество серебра и золота, но ни мало имъ не утѣшался. Черезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ побывать въ царственномъ градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Старой служитель моего благодѣтеля указалъ мнѣ на деревахъ разныя мѣты, которыя вели къ большой Московской дорогѣ, и которыя

никому кромѣ насъ не могли быть понятны. Я видѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные домы, всѣ чудеса Великаго града, и радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Златые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенные мною въ Русской столицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣніе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ однѣ пустыя стѣны, въ которыхъ порхали летучія мыши — хладной ужасъ разлился по моей внутренности.

«Потомъ я часто бывалъ въ Москвѣ, останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часто видалъ Государя, отца народнаго; часто слыхалъ о благодѣяніяхъ родителя твоего, когда Бояре, собираясь на площади противъ соборной церкви, разсказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальныя дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упадалъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смотря на людей, которые встрѣчались со мною, думалъ: *Они идутъ къ роднымъ и ближнимъ; ихъ дожидаются; имъ будутъ рады — мнѣ итти не къ кому, меня никто не дожидается; никто о сиротѣ не думаетъ!* Иногда хотѣлось мнѣ броситься къ ногамъ Государя, увѣрить его въ невинно-

сти отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому, и поручить его милосердію судьбу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала мена исполнить сего намѣренія.

«Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе. Я чаще прежняго сталъ ѣздить въ городъ и — увидѣлъ тебя, прекрасная Наталья! Ты показалась мнѣ Ангеломъ Божіимъ — — нѣтъ, говорятъ, что сіяніе Ангеловъ ослѣпляетъ глаза человѣческіе, и что на нихъ нельзя смотрѣть долго; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалъ прежде многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часто думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смотрѣли, а сердце молчало и не трогалось — онѣ казались мнѣ *чужими*. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, которая тотчасъ полюбила тебя какъ *родную свою*. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чтобы ничто уже не могло разлучить насъ.—Ты ушла, и мнѣ показалось, что красное солнце закатилось, и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ, и не чувствовалъ снѣга, которой на меня сыпался; наконецъ я пришелъ въ себя—сталъ разспрашивать, и узнавъ, кто ты, возвратился въ свою гостинницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Матвѣя. Батюшка часто говорилъ мнѣ о любви, которую почувствовалъ онъ къ матери моей, видѣвъ ее въ пер-

вый разъ, и которая не давала ему покоя до самаго того времени, какъ ихъ повели въ церковь. «Со «мною то же дѣлается, думалъ я: и мнѣ не льзя «быть ни покойнымъ, ни щастливымъ безъ милой «Натальи. Но какъ надѣяться? Любимой Царской «Бояринъ захочетъ ли выдать дочь свою за такого «человѣка, котораго отецъ почитается преступни«комъ? Правда, естьли бы она полюбила меня.... «съ нею и пустыня лучше Москвы бѣлокаменной. «Можетъ быть ошибаюсь — только мнѣ казалось, «что она взглядывала на меня ласково.... но я вѣр«но ошибаюсь. Какъ этому быть? Такое щастіе не «вдругъ приходитъ! — Наступила ночь — и про«шла, но глаза мои сномъ не смыкались. Ты без«престанно была передо мною или въ душѣ моей— «крестилась бѣлою рукою своею, и прятала ее подъ «соболью шубейку. — На другой день почувство«валъ я сильную боль въ головѣ и превеликую сла«бость, которая заставила меня около двухъ сутокъ «пролежать на постелѣ.—*Такъ!* перервала Наталья: *такъ! я это знала; сердце мое тосковало не даромъ. Ни на другой, ни на третій день не было тебя у обѣдни.*

«Однакожь и самая болѣзнь не мѣшала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ твоего родителя, видѣлся съ твоею нянею, и уговорилъ ее притти ко мнѣ въ гостинницу. Я открылъ старушкѣ любовь мою; просилъ, кланялся, увѣрялъ въ моей благодарности — наконецъ она согласилась быть мнѣ помощницею. — Прочее ты знаешь. Я видѣлъ тебя въ церкви—иногда льстил-

ся быть любимымъ, примѣчая въ глазахъ твоихъ нѣжную умильность, и краску на лицѣ твоемъ, когда встрѣчались наши взоры — наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ къ ногамъ твоимъ, и бѣдной сирота сталъ щастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Могъ ли я послѣ твоего признанія разстаться съ тобою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ безпокоиться, и всякой часъ думать: *жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатой и знатной?*—Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ тобою! — Священникъ загородной церкви, который насъ вѣнчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои тронули старца.

«Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусть, скука! простите! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Наталья любитъ меня, милая Наталья со мною! Но я вижу томность въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.»

Алексѣй поцѣловалъ Натальину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ, для чего нѣтъ съ нами батюшка!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, сердечнаго друга моего?* — «Тотъ (отвѣчалъ Алексѣй) Тотъ милостивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя,

вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай упасть къ ногамъ твоего родителя и принять его благословеніе».

Сказавъ сіи слова, онъ всталъ и вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, которая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинные ножи служатъ имъ только оборонoю отъ лѣсныхъ звѣрей) перестала бояться, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины разспрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пустыннической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному человѣку, и черезъ минуту никого не осталось въ передней: старушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку.... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ платкомъ лице свое—ни слова!... Священный занавѣсъ опускается, священный и непроницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щастливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ восторгахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ страсти своей! Невинная стыдливость да живетъ съ вами неразлучно— и нѣжные цвѣты удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ!

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало по снѣгу милліоны блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царство-

вало глубокое молчаніе. Старушка мама давно встала, разъ десять подходила къ двери, слушала и ничего не слыхала; наконецъ вздумала тихонько постучаться, и сказала довольно громко: *Пора вставать — пора вставать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отперли. — Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафтанѣ своемъ; но красавица лежала еще на постелѣ, и долго не могла взглянуть на старушку, стыдясь — не извѣстно, чего. Розы на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ глазахъ изображалась томная слабость — но никогда Наталья не была такъ привлекательна, какъ въ сіе утро. Она одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, которой между тѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ готовить обѣдъ и прочее, что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ нѣжностію обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о батюшкѣ— ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, плачетъ, сокрушается!... Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать; хотѣлось бы знать — —* Наталья не договорила: но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человѣка, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Матвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ. Бояринъ Матвѣй долго ждалъ къ себѣ поутру милой своей Натальи, и наконецъ пошелъ въ ея теремъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столикѣ письмо, развернулъ

его, прочиталъ — не вѣрилъ глазамъ своимъ — прочиталъ въ другой разъ — хотѣлъ еще не вѣрить — но дрожащія ноги его подогнулись — онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ трепещущій старецъ — *Государь!...* Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣю письмо. Чело благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія* — сказалъ, и во всѣ страны Русскаго царства отправились гонцы, съ повелѣніемъ искать Наталью и ея похитителя.

Царь утѣшалъ Боярина какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили стѣсненную грудь нещастнаго родителя, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уступило мѣсто нѣжной горести. «Богъ видитъ» — сказалъ онъ, взглянувъ на небо — «Богъ видитъ, «какъ я любилъ тебя, «неблагодарная, жестокая, «милая Наталья!... «Такъ, Государь! она и теперь «мила мнѣ болѣе всего на свѣтѣ!... Кто увезъ ее «изъ родительскаго дому? Гдѣ она? что съ нею «дѣлается?... Ахъ! на старости лѣтъ моихъ я по«бѣжалъ бы за нею на край свѣта!... Можетъ быть «какой нибудь злодѣй обольстилъ невинную и по«слѣ броситъ, погубитъ ее.... Нѣтъ! дочь моя не «могла полюбить злодѣя!... Но для чего же не от«крыться родителю?... Кто бы онъ ни былъ, я об«нялъ бы его какъ сына. Развѣ Государь меня не «жалуетъ? Развѣ онъ не сталъ бы жаловать и зя-

«тя моего?... Не знаю, что думать!!.. Но ее нѣтъ!...
«Я плачу: она не видитъ слезъ моихъ — умру:
«она не затворитъ глазъ отца, которой полагалъ
«въ ней жизнь и душу свою?... Правда, безъ воли
«Всевышняго ничего не дѣлается; можетъ быть, я
«заслужилъ наказаніе руки Его.... Покоряюсь безъ
«роптанія!... Объ одномъ прошу тебя, Господи:
«будь ей отцомъ милосердымъ во всякой странѣ.
«Пусть умру въ горести—лишь бы дочь моя была
«благополучна!... Не льзя, чтобы она не любила
«меня, не льзя...» — (Тутъ Бояринъ Матвѣй взялъ
письмо, и снова прочиталъ его.) — «Ты плакала;
«эта бумага мокра отъ слезъ твоихъ: я буду хра-
«нить ее на моемъ сердцѣ, какъ послѣдній знакъ
«любви твоей. — Ахъ! естьли ты ко мнѣ возвра-
«тишься, хотя за часъ до моей смерти.... Но какъ
«угодно Всевышнему! — Между тѣмъ отецъ твой,
«сирота на старости, будетъ отцомъ нещастныхъ
«и горестныхъ; обнимая ихъ какъ дѣтей своихъ —
«какъ твоихъ братій — онъ скажетъ имъ со сле-
«зами: *друзья! молитесь о Натальѣ.*» — Такъ го-
ворилъ Бояринъ Матвѣй, и чувствительной Царь
былъ тронутъ до глубины сердца.

Отнынѣ, добрый Бояринъ, жизнь твоя покры-
вается мракомъ печали — увы! и самая добродѣ-
тель не можетъ насъ предохранить отъ горести!
Безпрестанно будешь ты думать о милой сердца
твоего—вздыхать и сидѣть подгорюнившись передъ
широкими воротами своего дому! Никто, никто не
принесетъ тебѣ вѣсти о прелестной Натальѣ! Цар-
скіе гонцы возвратятся, и вздохъ ихъ будетъ от-

вѣтомъ на вопросы твои. Сядутъ бѣдные за столы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ его покажется имъ горекъ — ибо они увидятъ скорбь на лицѣ своего благодѣтеля!

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пустыню съ извѣстіемъ, что Бояринъ Матвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что по всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Наталья хотѣла знать болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ шелъ изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли, не произносилъ ли тихонько ея имени? Посланный не могъ отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*: ибо онъ хотя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проницательными глазами нѣжной дочери. *Для чего*, сказала Наталья, *для чего не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичьку, чтобъ слетать въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя, поцѣловать руку его, выронить на нее слезу горячую, и возвратиться къ милому моему другу?* — «Ахъ, нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчалъ Алексѣй: почему знать, чтобы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!» — Наталья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите,

можно ли описать его? — Наталья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или летѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынѣ ихъ какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бываютъ всегда одинаковы, но всегда новы и безцѣненны. Наталья просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась. — Алексѣй тоже, и чувства ихъ составляли восхитительную гармонію.

Но читатель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли отъ утра до вечера поджавъ руки — нѣтъ! Наталья принялась за рукодѣлье, за пяльцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ утиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы пойдемъ къ нему!* говорила красавица, и тихонько вздыхала. — Что принадлежитъ до Алексѣя, то онъ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалъ перомъ разные ландшафты и картинки — любовался тѣмъ, что нравилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымъ. Такъ, любезный читатель! Алексѣй умѣлъ рисовать, и притомъ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онъ видѣлъ образъ кудрявыхъ деревъ въ рѣкахъ прозрачныхъ, и вздумалъ означать тѣнь сію на бума-

гѣ; опытъ былъ удаченъ, и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копіями Натуры; не только дерева, но и другіе предметы изображались имъ съ величайшею точностію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какъ онъ могъ однѣми чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворецъ Государевъ. — Но Алексѣй уже не сражался съ дикими звѣрями: ибо они (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Натальѣ, новой обитательницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ растаялъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опушилась травкою, и зеленые пучечки распустились па деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣточикъ и принесъ его Натальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуту запѣли въ лѣсу весеннія птички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: *мой другъ! пойдемъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. «Знаешь ли, сказала Наталья супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать птичекъ? Теперь мнѣ кажется, будто я ихъ разумѣю и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусточкѣ поютъ двѣ птички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда

ли?» Всякой можетъ вообразить себѣ отвѣтъ Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пустынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человѣка, навѣдываться о Бояринѣ Матвѣѣ. Вѣсти привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *Друзья! помолитесь о Натальѣ!* Наталья вздыхала и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный съ великою поспѣшностію. «Государь! сказалъ онъ Алексѣю: «Москва въ смятеніи. Свирѣпые Литовцы возстали на Русское Царство. Я видѣлъ, какъ жители «престольнаго града собирались передъ дворцомъ «Государевымъ, и какъ Бояринъ Матвѣй, именемъ «Царя православнаго, ободрялъ воиновъ; я видѣлъ, какъ толпы народныя бросали вверхъ шапки свои, восклицая въ одинъ голосъ: *умремъ за «Царя Государя! умремъ за отечество, или побѣдимъ Литовцевъ!* Я видѣлъ, какъ Русское воинство въ ряды становилось, какъ сверкали его «мечи и бердыши и копья булатныя. Завтра выдетъ оно въ поле, подъ начальствомъ Воеводъ «храбрѣйшихъ.» — Сердце Алексѣево затрепетало; кровь закипѣла — онъ схватилъ со стѣны мечь отца своего — взглянулъ на супругу — и мечь упалъ на землю — слезы показались въ глазахъ его. Наталья взяла его за руку и не говорила ни слова. — «Любезная Наталья! сказалъ Алексѣй по

нѣкоторомъ молчаніи: ты желаешь возвратиться въ домъ къ своему родителю?»

Наталья. Съ тобою, мой другъ, съ тобою! Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ батюшки. Увидя насъ, онъ такъ обрадуется, что все забудетъ; а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу: *вотъ они*; *вотъ тѣ, которыхъ люблю — теперь я совершенно щастлива!*

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Наталья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Ѣхать на войну, сразиться съ непріятелями Русскаго Царства, и побѣдить. Царь увидитъ тогда, что Любославскіе любятъ его, и вѣрно служатъ своему отечеству.

Наталья. Поѣдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду готова.

Алексѣй. Что ты говоришь, милая Наталья? Тамъ летаютъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубятся мечами: какъ тебѣ ѣхать со мною?

Наталья. И такъ ты хочешь меня оставить? хочешь моей смерти? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѣхать одинъ, и еще туда, гдѣ летаютъ стрѣлы? Кто защититъ тебя?.... Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою — или бѣдная Наталья не мила уже сердцу твоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. «Поѣдемъ, сказалъ онъ, поѣдемъ, и умремъ вмѣстѣ, естьли такъ

Богу угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинъ, милая Наталья!» — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда прекрасной отрокъ.... Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина Матвѣя, и бросился цѣловать ее. Наталья одѣлась въ платье своего супруга, которое носилъ онъ, будучи тринадцати или четырнадцати лѣтъ: «Я меньшой братъ твой, сказала она съ усмѣшкою. теперь дай мнѣ только мечь острый и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзной—увидишь, что я не хуже мущины.»—Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героемъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которомъ было написано: *съ нами Богъ: никто же на ны!* (*); вооружилъ людей своихъ, готовыхъ умереть за любезнаго господина; надѣлъ латы покойнаго отца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ осталась одна Натальина мама съ двумя стариками.

А мы оставимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ въ надеждѣ, что Небо не оставитъ ихъ, и будетъ имъ защитою въ опасностяхъ, тамъ, гдѣ летаютъ смертоносныя стрѣлы, гдѣ мечи сверкаютъ какъ молніи, гдѣ копья трещатъ и ломаются,

---

* Въ Оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцырей съ сею надписью.

гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умираютъ за свое отечество и дѣлаются безсмертными. Возвратимся въ Москву — тамъ началась наша исторія, тамъ должно ей и кончиться.

Увы! какая пустота въ столицѣ Россійской! Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, которые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молить Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную тучу отъ Русскаго Царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ, и развѣялъ сонмы Литовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь стоитъ на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вѣсти отъ начальниковъ воинства, пошедшаго на встрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Матвѣй неразлученъ съ Царемъ благочестивымъ. «Государь! говоритъ онъ: надѣйся на Бога и на храбрость своихъ подданныхъ, храбрость, которая отличаетъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ народовъ. Страшно разятъ мечи Русскіе; тверда, подобно камню, грудь сыновъ твоихъ — побѣда будетъ вѣрною ихъ подругою.» — Такъ говорилъ Бояринъ; думалъ о благѣ отечества — и тосковалъ о своей дочери.

Въ поту, въ пыли прискакалъ вѣстникъ—Царь встрѣчаетъ его на половинѣ крыльца, и дрожащею рукою развертываетъ письмо военноначальниковъ... Первое слово есть *побѣда*.—*Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости — *побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повторяетъ — и во всемъ царственномъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *по-*

бѣда! и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники донесли Государю обо всемъ съ величайшею подробностію. Сраженіе было самое жестокое. Уже первый рядъ Русскаго воинства, тѣснимый безчисленнымъ множествомъ Литовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступить врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгновеніе отъ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремились какъ буря на Литовцевъ, которые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. «Мы не можемъ, писали начальники, восхвалить по достоинству того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и которой гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасной отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, Государя. — Побѣжденные Литовцы спѣшатъ изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство твое возвритится со славою въ градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго юношу, спасителя отечества, и достойнаго всей твоей милости.» —

Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣтить ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Матвѣемъ и съ другими чиновниками.

въ Москвѣ многаго не осталось; слабые старцы, забывъ слабость, спѣшили за городъ на встрѣчу къ своимъ дѣтямъ: супруги и матери, неся младенцевъ или ведя ихъ за руки, спѣшили туда же. Первый рядъ воинства показался, — второй и третій; разноцвѣтныя знамена вѣяли надъ оными: воины шли съ обнаженными мечами, ровнымъ шагомъ; назади ѣхали конные — впереди начальники, подъ сѣнію трофеевъ. Увидѣли Государя, и восклицанія: *побѣда и здравіе Царю Россійскому!* загремѣли въ воздухѣ. Воеводы упали передъ нимъ на колѣна. Онъ поднялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою милости: *благодарю васъ именемъ отечества.* — «Государь! отвѣчали они: мы старались исполнить должность свою! Но богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.» — Тутъ юный воинъ, стоявшій подлѣ ихъ съ потупленнымъ взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, простирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Русскаго Царства.* — «Государь, отвѣчалъ юноша: сынъ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ странѣ иновѣрныхъ, приноситъ тебя свою голову. — Царь поднялъ глаза на небо. «Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онъ), что Ты посылаешь мнѣ случай хотя отчасти загладить неправосудіе и злобу людей, и за страданіе невиннаго отца наградить достойнаго сына! Такъ, храбрый юноша! невинность родителя твоего открылась — къ нещастію, поздно! Увы! я былъ тогда незрѣлымъ отрокомъ, и Бояринъ Матвѣй еще не имѣлъ мѣста въ

совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои. — Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринѣ Матвѣѣ!» — »И такъ память отца моего, сказалъ Алексѣй, чиста отъ поношенія!.. Но я — я виненъ передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Матвѣя изъ родительскаго дому!» — Царь удивился. *Гдѣ же она*? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ — — Но Бояринъ уже нашелъ дочь свою: прекрасная Наталья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣрить сему явленію: но сердце чувствительнаго старца сильнымъ трепетомъ своимъ увѣряло его, что милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою, и упалъ бы на землю, естьли бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Натальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣть, откликнется ли она — назвалъ ее своею милою, прекрасною, — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучь радости на лицѣ его, которое такъ долго было печальнымъ! Казалось, будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: столь медленно онъ ихъ выговаривалъ и повторилъ столь часто! Наталья цѣловалалъ его руки. *Ты меня такъ же любишь!* говорила она — *такъ же любишь!* и теплые ручьи слезъ договаривали за все прочее. Все воинство пре-

бывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ тронутъ сердечно, взялъ Алексѣя за руки и подвелъ его къ Боярину. *Вотъ*, сказала Наталья — *вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь!* Бояринъ Матвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человѣкъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣна; но старецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью...

Царь. Они достойны другъ друга, и будутъ твоимъ утѣшеніемъ въ старости.

«Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Матвѣй прерывающимъ голосомъ) — онъ сынъ мой — Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!»

Старецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

═

Читателъ вообразитъ себѣ все послѣдующее. — Старушку няню привезли въ городъ: Бояринъ Матвѣй простилъ ее; и призвавъ къ себѣ того Священника, которой вѣнчалъ Алексѣя и Наталью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили щастливо и пользовались особенною Царскою милостію. Алексѣй оказалъ важныя услуги отечеству и Государю, услуги, о которыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодѣтельной Бояринъ Матвѣй дожилъ до самой глубокой старости, и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ

и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго отрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близъ темной сосновой рощи, нашелъ надгробной камень, заростшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою времени — съ великимъ трудомъ могъ я прочитать на немъ слѣдующую надпись: *здѣсь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою.* Старые люди сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь — вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнчались наши любовники, и гдѣ они захотѣли лежать и по смерти своей.

1792 г.

СІЕРРА - МОРЕНА.

—

Въ цвѣтущей Андалузіи — тамъ, гдѣ шумятъ гордыя пальмы, гдѣ благоухаютъ миртовыя рощи, гдѣ величественный Гвадальквивиръ катитъ медленно свои воды, гдѣ возвышается розмариномъ увѣнчанная Сіерра-Морена * — тамъ увидѣлъ я Прекрасную, когда она, въ горести, стояла подлѣ Алонзова памятника, опершись на него лилейною рукою своею; лучь утренняго солнца позлащалъ бѣлую урну и возвышалъ трогательныя прелести нѣжной Эльвиры; ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ, падали на черный мраморъ.

Эльвира любила юнаго Алонза: Алонзо любилъ Эльвиру, и скоро надѣялся быть супругомъ ея; но корабль, на которомъ плылъ онъ изъ Маіорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣсть сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности... Наконецъ отчаяніе превратилось въ тихую скорбь и томность. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей и каждый день орошала его жаркими слезами.

Я смѣшалъ слезы мои съ ея слезами. Она уви-

---

* То есть, *Черная гора*.

дѣла въ глазахъ моихъ изображеніе своей горести, въ чувствахъ сердца моего узнала собственныя чувства, и назвала меня другомъ. Другомъ!... Какъ сладостно было имя сіе въ устахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ тогда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ; описывала красоту души его, свою любовь, свои восторги, свое блаженство; потомъ отчаяніе, тоску, горесть, и наконецъ — утѣшеніе, отраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тутъ взоръ Эльвиринъ блисталъ свѣтлѣе; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностію пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое сгарало отъ чувствъ своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало таить страсть свою!

Я таилъ оную; таилъ долго. Языкъ мой не дерзалъ именовать того, что питала въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любить никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любить въ другой разъ. Ужасная клятва! Она заграждала уста мои. Мы неразлучны; гуляли вмѣстѣ на злачныхъ берегахъ величественнаго Гвадальквивира; сидѣлъ надъ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памятника, въ тишинѣ безмолвіи; одни сердца наши говорили. Взоръ Эльвиринъ, встрѣчаясь съ моимъ, опускался къ землѣ или обращался на небо. Два вздоха вылетали, соединялись, и мѣшаясь съ зефиромъ, исчезали въ пространствахъ воздуха. Жаръ дружескихъ моихъ объятій возбуждалъ иногда трепетъ въ нѣжной Эльвириной груди — бы-

стрый огнь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалъ скорое біеніе пульса ея — чувствовалъ, какъ она хотѣла успокоиться, хотѣла удержать стремленіе крови своей, хотѣла говорить.... но слова на устахъ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часто темная ночь застигала насъ въ отдаленномъ уединеніи. Звучное эхо повторяло шумъ водопадовъ, который раздавался между высокихъ утесовъ Сіерры-Морены, въ ея глубокихъ разсѣлинахъ и долинахъ. Сильные вѣтры волновали и крутили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надъ сѣдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Натуры: они возвеличивали, восхищали, питали ея душу.

— Я былъ съ нею!.. и радовался сгущенію ночныхъ мраковъ. Они сближали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы — и я тѣмъ живѣе, тѣмъ *нераздѣльнѣе* наслаждался ея присутствіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное стремленіе яростныхъ водъ разрываетъ всѣ оплоты, и каменныя горы распадаются отъ силы огненнаго вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолѣла, и долго-таимая страсть излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я стоялъ на колѣнахъ, и слезы мои текли рѣкою. Эльвира блѣднѣла — и снова уподоблялась розѣ.

Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной томности, мѣнялись на лицѣ ея!...

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ.— «Жестокой!» сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестокость сего упрека — «жестокой! ты не доволенъ кроткими чувствами дружбы; ты принуждаешь меня нарушить обѣтъ священный и торжественный!... Пусть же громы небесные поразятъ клятвопреступницу!... Я люблю тебя!»... Огненные поцѣлуи мои запечатлѣли уста ея.

Боже мой!,... Сія минута была щастливѣйшею моей жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памятнику, стала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала трогательнымъ голосомъ: «Тѣнь любезнаго Алонза! простишь ли свою Эльвиру?... Я клялась вѣчно любить тебя, и вѣчно любить не престану; образъ твой сохранится въ моемъ сердцѣ; всякой день буду украшать цвѣтами твой памятникъ; слезы мои будутъ всегда мѣшаться съ утреннею и вечернею росою на семъ хладномъ мраморѣ! — Но я клялась еще не любить никого, кромѣ тебя... и люблю!... Увы! я надѣялась на сердце свое, и поздно увидѣла опасность. Оно тосковало — было одно въ пространномъ мірѣ — искало утѣшенія — дружба явилась ему въ вѣнцѣ невинности и добродѣтели.... Ахъ!... любезная тѣнь! простишь ли свою Эльвиру?»

Любовь моя была краснорѣчива: я успокоилъ

милую, и всѣ облака исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для нашего вѣчнаго соединенія, предалась нѣжнымъ чувствамъ своимъ, и я наслаждался небомъ! — Но громъ собирался надъ нами... Рука моя трепещетъ!

Все радовалось въ Эльвириномъ замкѣ; все готовилось къ брачному торжеству. Ея родственники любили меня — Андалузія долженствовала быть вторымъ моимъ отечествомъ!

Уже розы и лиліи на олтарѣ благоухали, и я приближился къ оному съ прелестною Эльвирою, съ восторгомъ въ душѣ, съ сладкимъ трепетомъ въ сердцѣ; уже священникъ готовился утвердить союзъ нашъ своимъ благословеніемъ—какъ вдругъ явился незнакомецъ, въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ лицемъ, съ мрачнымъ видомъ; кинжалъ блисталъ въ рукѣ его. «Вѣроломная!» сказалъ онъ «Эльвирѣ: ты клялась быть вѣчно моею, и за«была свою клятву! Я клялся любить тебя до гро«ба: умираю... и люблю!»... Уже кровь лилась изъ его сердца; онъ вонзилъ кинжалъ въ грудь свою, и палъ мертвый на помостъ храма.

Эльвира, какъ громомъ пораженная, въ изступленіи, въ ужасѣ воскликнула: «Алонзо! Алонзо!».... и лишилась памяти. — Всѣ стояли неподвижно. Внезапность страшнаго изумленія изумила присутствующихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей грозный самоубійца, былъ Алонзо. Корабль, на которомъ опъ плылъ изъ Маіорки, погибъ; но Алжирцы извлекли

юношу изъ волнъ, чтобы оковать его цѣпями тяжкой неволи. Черезъ годъ онъ получилъ свободу — летѣлъ къ предмету любви своей — услышалъ о замужствѣ Эльвириномъ, и рѣшился наказать ее... своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма. Она пришла въ себя — но пламя любви навѣкъ угасло въ очахъ и сердцѣ ея.

«Небо страшно наказало клятвопреступницу.» сказала мнѣ Эльвира: «я убійца Алонзова! Кровь его палитъ меня. Удались отъ нещастной! Земля разступилась между нами, и тщетно будешь простирать ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насъ навѣки. Можешь только взорами своими растравлять неизлечимую рану моего сердца. Удались отъ нещастной!

Моя горесть, мое отчаяніе не могли тронуть ее — Эльвира погребла нещастнаго Алонза на томъ мѣстѣ, гдѣ оплакивала нѣкогда мнимую смерть его, и заключилась въ строжайшемъ изъ женскихъ монастырей. Увы! она не хотѣла проститься со мною!.. не хотѣла, чтобы я въ послѣдній разъ обнялъ ее со всею горячностію любви и видѣлъ въ глазахъ ея хотя одно сожалѣніе о моей участи!

Я былъ въ изступленіи — искалъ въ себѣ чувствительнаго сердца; но сердце подобно камню лежало въ груди моей — искалъ слезъ, и не находилъ ихъ — мертвое, страшное уединеніе окружало меня!

День и ночь слились для глазъ моихъ въ вѣчный сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни отдох-

новенія; скитался по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ вмѣстѣ — съ жестокою и нещастною; хотѣлъ найти слѣды, остатки, части *моей* Эльвиры, напечатлѣнія души ея.... но хладъ и тьма вездѣ меня встрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ стѣнамъ того монастыря, гдѣ заключилась неумолимая Эльвира: тамъ грозныя башни возвышались, желѣзные запоры на вратахъ чернѣлись, вѣчное безмолвіе обитало, и какой-то унылой голосъ вѣщалъ мнѣ: «для тебя уже нѣтъ Эльвиры!»

Наконецъ я удалился отъ Сіерры-Морены — оставилъ Андалузію, Гишпанію, Европу — видѣлъ печальные остатки древней Пальмиры, нѣкогда славной и великолѣпной — и тамъ, опершись на развалины, внималъ глубокой, краснорѣчивой тишинѣ, царствующей въ семъ запустѣніи, и одними громами прерываемой. Тамъ въ объятіяхъ меланхоліи, сердце мое размягчилось — тамъ слеза моя оросила сухое тлѣніе — тамъ, помышляя о жизни и смерти народовъ, живо возчувствовалъ я суету всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: «Что есть жизнь человѣческая? что бытіе наше? Одинъ мигъ, и все исчезнетъ! Улыбка щастія, слезы бѣдствія покроются единою горестію черной земли!» — Сіи мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возвратился въ Европу, и былъ нѣкоторое время игралищемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ: хотѣлъ еще видѣть Андалузію, Сіерру-Морену, и узналъ, что Эльвира переселилась уже

въ обители небесныя; пролилъ слезы на ея могилѣ, и обтеръ ихъ навѣки.

Хладный міръ! я тебя оставилъ! — Безумныя существа, человѣками именуемыя, я васъ оставилъ! Свирѣпствуйте въ лютыхъ своихъ изступленіяхъ, терзайте, умерщвляйте другъ друга! Сердце мое для васъ мертво, и судьба ваша его не трогаетъ.

Живу теперь въ странѣ печальнаго сѣвера, гдѣ глаза мои въ первой разъ озарились лучемъ солнечнымъ; гдѣ величественная Натура изъ нѣдръ безчувствія приняла меня въ свои объятія и включила въ систему *эфемернаго* бытія — живу въ уединеніи, и внимаю бурямъ.

Тихая ночь — вѣчный покой — святое безмолвіе! къ вамъ, къ вамъ простираю мои объятія!

1792. г.

ОСТРОВЪ БОРНГОЛЬМЪ.

—

Друзья! прошло красное лѣто; златая осень поблѣднѣла; зелень увяла; дерева стоятъ безъ плодовъ и безъ листьевъ; туманное небо волнуется какъ мрачное море; зимній пухъ сыплется на хладную землю — простимся съ природою до радостнаго весенняго свиданія; укроемся отъ вьюгъ и мятелей — укроемся въ тихомъ кабинетѣ своемъ! Время не должно тяготить насъ; мы знаемъ лекарство для скуки. Друзья! дубъ и береза пылаютъ въ каминѣ нашемъ — пусть свирѣпствуетъ вѣтеръ, и засыпаетъ окна бѣлымъ снѣгомъ! Сядемъ вокругъ алаго огня, и будемъ разсказывать другъ другу сказки и повѣсти и всякія были.

Вы знаете, что я странствовалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко отъ моего отечества, далеко отъ васъ, любезныхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ разсказывалъ, но не могъ разсказать всего, что случалось со мною. Слушайте — я повѣствую — повѣствую истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего путешествія. Тамъ, сказалъ я самому себѣ: «отечество «и друзья ожидаютъ тебя; время успокоиться въ «ихъ объятіяхъ, время посвятить страннической

«жезлъ твой сыну Маину; * время повѣсить его на «густѣйшую вѣтвь того дерева, подъ которымъ «игралъ ты въ юныхъ лѣтахъ своихъ» — сказалъ, и сѣлъ въ Лондонѣ на корабль *Британію*, чтобы плыть къ любезнымъ странамъ Россіи.

Быстро катились мы на бѣлыхъ парусахъ вдоль цвѣтущихъ береговъ величественной Темзы. Уже безпредѣльное море засинѣлось передъ нами; уже слышали мы шумъ его волненія — но вдругъ перемѣнился вѣтеръ и корабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго времени, долженъ былъ остановиться противъ мѣстечка Гревзенда.

Вмѣстѣ съ Капитаномъ вышелъ я на берегъ; гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ лугамъ, украшеннымъ Природою и трудолюбіемъ, — мѣстамъ рѣдкимъ и живописнымъ; наконецъ, утомленный жаромъ солнечнымъ, легъ на траву, подъ столѣтнимъ вязомъ, близъ морскаго берега, и смотрѣлъ на влажное пространство, на пѣнистые валы, которые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной отдаленности неслися къ острову съ глухимъ ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозримыхъ водъ начинали склонять меня къ той дремотѣ, къ тому сладостному бездѣйствію души, въ которомъ всѣ идеи и всѣ чувства останавливаются и цѣпенѣютъ, подобно вдругъ замерзающимъ ключевымъ струямъ, и которое есть самой разитель-

* Во время древности странники, возвращаясь въ отечество, посвящали жезлы свои Меркурію.

нѣйшій и самой піитической образъ смерти: но вдругъ вѣтви потряслись надъ моею головою... Я взглянулъ и увидѣлъ — молодаго человѣка, худаго, блѣднаго, томнаго — болѣе привидѣніе, нежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ онъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучь угасающей жизни. Взоръ мой не могъ встрѣтиться съ его взоромъ; чувства его были мертвы для внѣшнихъ предметовъ; онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего. — Нещастной молодой человѣкъ! думалъ я: ты убитъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты нещастливъ!

Онъ вздохнулъ; поднялъ глаза къ небу, опустилъ ихъ опять на волны морскія — отошелъ отъ дерева, сѣлъ на траву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпрестанно на море, и запѣлъ тихимъ голосомъ, слѣдующую пѣсню (на Датскомъ языкѣ, которому училъ меня въ Женевѣ пріятель мой Докторъ N. N.):

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю, — любить вѣкъ буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Священная Природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
Украсили ее —
Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лилу я любилъ!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ.
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви. —

О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!
Къ тебѣ душа моя
Стремится безпрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навѣкъ я удаленъ
Родительскою клятвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лила!
Живешь въ тоскѣ своей?
Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися,
Любезнѣйшая тѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

Тутъ, по невольному внутреннему движенію, хотѣлъ я броситься къ незнакомцу и прижать его къ сердцу своему; но Капитанъ мой въ самую сію минуту взялъ меня за руку, и сказалъ, что благопріятный вѣтеръ развѣваетъ наши парусы, и что намъ не должно терять времени. — Мы поплыли. Молодой человѣкъ, бросивъ гитару и сложивъ руки, смотрѣлъ въ слѣдъ за нами, — смотрѣлъ на синее море.

Волны пѣнились подъ рулемъ корабля нашего; берегъ Гревзендской скрылся въ отдаленіи; сѣверныя провинціи Англіи чернѣлись на другомъ краю горизонта — наконецъ все исчезло, и птицы, которыя долго вились надъ нами, полетѣли назадъ къ берегу, какъ будто бы устрашенныя необозримостію моря. Волненіе шумныхъ водъ и туманное небо остались единственнымъ предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величественнымъ и страшнымъ. — Друзья мои! чтобы живо чувствовать всю дерзость человѣческаго духа, надобно быть на открытомъ морѣ, гдѣ *одна тонкая дощечка*, какъ говоритъ Виландъ, *отдѣляетъ насъ отъ влажной смерти*; но гдѣ искусный пловецъ, распуская парусы, летитъ, и въ мысляхъ своихъ видитъ уже блескъ золота, которымъ въ другой части міра наградится смѣлая его предпріимчи-

вость. Nil mortalibus ardum est — *нѣтъ для смертныхъ невозможнаго*, думалъ я съ Гораціемъ, теряясь взоромъ въ безконечности Ѳептунова царства.

Но скоро жестокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пѣною бурныхъ волнъ *, едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ, и хотя съ блѣднымъ, но радостнымъ лицемъ вышелъ па палубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже къ западу; море, освѣщаемое златыми его лучами, шумѣло; корабль летѣлъ на всѣхъ парусахъ по грудамъ разсѣкаемыхъ валовъ, которые тщетно силились опередить его. Вокругъ насъ, въ разномъ отдаленіи, развѣвались бѣлые, голубые и розовые флаги; а на правой сторонѣ чернѣлось нѣчто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана. «Плаваніе наше благополучно, сказалъ онъ: мы прошли Зундъ; берега Швеціи скрылись отъ глазъ нашихъ. На правой сторонѣ видите вы Датской островъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; тамъ мели и камни таятся на днѣ морскомъ. Когда наступитъ ночь, мы бросимъ якорь.»

Островъ Борнгольмъ, островъ Борнгольмъ! повторилъ я въ мысляхъ, и образъ молодаго Грев-

---

* Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

зендскаго незнакомца оживился въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его отозвались въ моемъ слухѣ. «Они заключаютъ въ себѣ тайну сердца его, думалъ я: но кто онъ? Какіе законы осуждаютъ любовь нещастнаго? Какая клятва удалила его отъ береговъ Борнгольма, столь ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его исторію?»

Между тѣмъ сильной вѣтеръ несъ насъ прямо къ острову. Уже открылись грозныя скалы его, откуда съ шумомъ и пѣною свергались кипящіе ручьи во глубину морскую. Онъ казался со всѣхъ сторонъ неприступнымъ, со всѣхъ сторонъ огражденнымъ рукою величественной Натуры; ничего, кромѣ страшнаго, не представлялось на сѣдыхъ утесахъ. Съ ужасомъ видѣлъ я тамъ образъ хладной, безмолвной вѣчности, образъ неумолимой смерти, и того неописаннаго Творческаго могущества, передъ Которымъ все смертное трепетать должно.

Солнце погрузилось въ волны — и мы бросили якорь. Вѣтеръ утихъ, и море едва, едва колебалось. Я смотрѣлъ на островъ, которой неизъяснимою силою влекъ меня къ берегамъ своимъ; темное предчувствіе говорило мнѣ: «тамъ можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольмъ останется на вѣки въ твоей памяти!» — Наконецъ, узнавъ, что не далеко отъ берега есть рыбачьи хижины, рѣшился я просить у Капитана шлюпки и ѣхать на островъ съ двумя или тремя матрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность сво-

его пассажира, согласился исполнить мое требованіе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано по утру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно пристали къ берегу, въ небольшомъ тихомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выростшіе на хладной стихіи, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хитрые и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посмотрѣть острова и ночевать въ ихъ хижинахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь распавшуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на пространную, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсѣяны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ матрозовъ, а самъ пошелъ далѣе, чтобы наслаждаться еще нѣсколько времени пріятностями вечера; мальчикъ, лѣтъ тринадцати, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣтломъ небѣ; розовой свѣтъ ея сыпался на бѣлые граниты, и вдали, за высокимъ холмомъ освѣщалъ острыя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. «Мы туда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается!» — Я удвоилъ шаги свои, и скоро приближился къ большому готическому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царствовала тишина; вдали шумѣло море;

послѣдній лучь вечерняго свѣта угасалъ на мѣдныхъ шпицахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — ворота были заперты, мосты подняты. Проводникъ мой боялся, самъ не зная чего, и просилъ меня итти назадъ къ хижинамъ; но могъ ли любопытный человѣкъ уважить такую просьбу?

Наступила ночь, и вдругъ раздался голосъ — эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчикъ отъ страха схватилъ меня обѣими руками, и дрожалъ, какъ преступникъ въ часъ казни. Черезъ минуту снова раздался голосъ — спрашивали: *кто тамъ?*» Чужеземецъ, сказалъ я, приведенный любопытствомъ на сей островъ; и естьли гостепріимство почитается добродѣтелію въ стѣнахъ вашего замка, то вы укроете странника на темное время ночи.» — Отвѣта не было; но черезъ нѣсколько минутъ загремѣлъ и опустился съ верху башни подъемной мостъ: съ шумомъ отворились ворота — высокой человѣкъ, въ длинномъ черномъ платьѣ, встрѣтилъ меня, взялъ за руку и повелъ въ замокъ. Я оборотился назадъ: но мальчикъ, провожатой мой, скрылся.

Ворота хлопнули за нами; мостъ загремѣлъ и поднялся. Черезъ обширной дворъ, заростшій кустарникомъ, крапивою и полынью, пришли мы къ огромному дому, въ которомъ свѣтился огонь. Высокой перистилъ, въ древнемъ вкусѣ, велъ къ желѣзному крыльцу, котораго ступени звучали подъ ногами нашими. Вездѣ было мрачно и пусто. Въ первой залѣ, окруженной внутри готическою ко-

лонадою, висѣла лампада, и едва, едва изливала блѣдный свѣтъ на ряды позлащенныхъ столповъ, которые отъ древности начинали разрушаться; въ одномъ мѣстѣ лежали части карниза, въ другомъ отломки пиластровъ, въ третьемъ цѣлыя упавшія колонны. Путеводитель мой нѣсколько разъ взглядывалъ на меня проницательными глазами, но не говорилъ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшанное отчасти съ ужасомъ, отчасти съ тайнымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезъ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенныя такими же лампадами. Потомъ отворилась дверь на право — въ углу небольшой комнаты сидѣлъ почтенной сѣдовласой старецъ, облокотившись на столъ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня съ какою-то печальною ласкою, подалъ мнѣ слабую свою руку и сказалъ тихимъ пріятнымъ голосомъ: «Хотя вѣчная горесть обитаетъ въ стѣнахъ здѣшняго замка, но странникъ, требующій гостепріимства, всегда найдетъ въ немъ мирное пристанище. Чужеземецъ! я не знаю тебя; но ты человѣкъ — въ умирающемъ сердцѣ моемъ жива еще любовь къ людямъ — мой домъ, мои объятія тебѣ отверсты.» — Онъ обнялъ, посадилъ меня, и стараясь развеселить мрачный видъ свой, уподоблялся хотя ясному, но хладному осеннему дню, которой напоминаетъ болѣе

горестную зиму, нежели радостное лѣто. Ему хотѣлось быть привѣтливымъ, — хотѣлось улыбкою вселить въ меня довѣренность и пріятныя чувства дружелюбія; но знаки сердечной печали, углубившіеся на лицѣ его, не могли исчезнуть въ одну минуту.

«Ты долженъ, молодой человѣкъ — сказалъ онъ — ты долженъ извѣстить меня о происшествіяхъ свѣта, мною оставленнаго, но еще не совсѣмъ забытаго. Давно живу я въ уединеніи; давно не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курится ли ѳиміамъ на олтаряхъ добродѣтели? благоденствуютъ ли народы въ странахъ, тобою видѣнныхъ?» — Свѣтъ наукъ, отвѣчалъ я, распространяется болѣе и болѣе; но еще струится на землѣ кровь человѣческая—ліются слезы нещастныхъ— хвалятъ имя добродѣтели, и спорятъ о существѣ ея. — Старецъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіянинъ, сказалъ: «Мы происходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жители острововъ Рюгена и Борнгольма были Славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣтомъ Христіанства. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ; но мы, во мракѣ идолопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ истуканамъ. Уже въ торжественныхъ гимнахъ славили вы великаго Творца вселенной; но мы, ослѣпленные заблужденіемъ, хвалили въ нестройныхъ пѣсняхъ идоловъ баснословія.» — Старецъ

говорилъ со мною объ исторіи сѣверныхъ народовъ, о происшествіяхъ древности и новыхъ временъ; говорилъ такъ, что я долженъ былъ удивляться уму его, знаніямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ всталъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи. Слуга, въ черномъ платьѣ, взявъ со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длинные узкіе переходы—и мы вошли въ большую комнату, обвѣшенную древнимъ оружіемъ, мечами, копьями, латами и шишаками. Въ углу, подъ золотымъ балдахиномъ, стояла высокая кровать, украшенная рѣзьбою и древними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложить множество вопросовъ сему человѣку; но онъ, не дожидаясь ихъ, поклонился и ушелъ; желѣзная дверь хлопнула — звукъ страшно раздался въ пустыхъ стѣнахъ — и все утихло. Я легъ на постелю — смотрѣлъ на древнее оружіе, освѣщаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ мѣсяца — думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ словахъ: *здѣсь обитаетъ вѣчная горесть* — мечталъ о временахъ прошедшихъ, о тѣхъ приключеніяхъ, которымъ сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечталъ, подобно такому человѣку, которой между гробовъ и могилъ взираетъ на прахъ умершихъ, и оживляетъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревзендскаго незнакомца представился душѣ моей, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что всѣ латы, висѣвшія на стѣнѣ, превратились въ рыцарей; что сіи рыцари приближались ко

мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицемъ говорили: «Нещастной! какъ дерзнулъ ты пристать къ нашему острову? Развѣ не блѣднѣютъ плаватели при видѣ гранитныхъ береговъ его? Какъ дерзнулъ ты войти въ страшное святилище замка? Развѣ ужасъ его не гремитъ во всѣхъ окрестностяхъ? Развѣ странникъ не удаляется отъ грозныхъ его башенъ? Дерзкой! умри за сіе пагубное любопытство!» — Мечи застучали надо мною; удары сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился, и черезъ минуту опять заснулъ. Тутъ новая мечта возмутила духъ мой. Мнѣ казалось, что страшной громъ раздавался въ замкѣ; желѣзныя двери стучали, окна тряслися, полъ колебался, и ужасное крылатое чудовище, котораго описать не умѣю, съ ревомъ и свистомъ летѣло къ моей постелѣ. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спать, чувствовалъ нужду въ свѣжемъ воздухѣ, приближился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крутой лѣстницѣ сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые составляли густую длинную аллею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменныя горы, которыя, подобно зубчатой стѣнѣ, окружаютъ островъ Борнгольмъ; между ими и стѣнами замка видѣнъ былъ съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рощицы.

Сердце все еще билось у меня отъ страшныхъ сновидѣній, и кровь моя не преставала волноваться. Я вступилъ въ темную аллею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друидахъ возбудилась въ душѣ моей — и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ тому святилищу, гдѣ хранятся всѣ таинства и всѣ ужасы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная аллея привела меня къ розмариннымъ кустамъ, за коими возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойти на вершину его, чтобы оттуда при свѣтѣ ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но тутъ представилось глазамъ моимъ отверстіе во внутренность холма: человѣкъ съ трудомъ могъ войти въ него. Непреодолимое любопытство влекло меня въ сію пещеру, которая походила болѣе на дѣло рукъ человѣческихъ, нежели на произведеніе дикой Натуры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ, но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десять впередъ, разсмотрѣлъ нѣсколько ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь: она, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя отворила ее — тутъ, за желѣзною рѣшеткою, на которой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу на соломенной постелѣ лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. Она спала; русые волосы, съ которыми переплелись желтыя соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва едва дышащую; одна рука, бѣлая, но изсохшая, лежа-

ла на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Естьли бы живописецъ хотѣлъ изобразить томную, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: то сія женщина могла бы служить прекраснымъ образомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не трогаетъ видъ нещастнаго? Но видъ молодой женщины, страдающей въ подземной темницѣ — видъ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою, могъ бы влить чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: «Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не уже ли за какое нибудь тяжкое преступленіе? Но миловидное лице твое, но тихое движеніе груди твоей, но собственное сердце мое увѣряютъ меня въ твоей невинности!»

Въ самую сію минуту она проснулась — взглянула на рѣшетку — увидѣла меня — изумилась— подняла голову — встала — приближилась — потупила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова устремила ихъ на меня, хотѣла говорить, и — не начинала.

«Естьли чувствительность странника — (сказалъ я чрезъ нѣсколько минутъ молчанія) — рукою судьбы приведеннаго въ здѣшній замокъ и въ эту пещеру, можетъ облегчить твою участь; естьли искреннее его состраданіе заслуживаетъ твою довѣренность: требуй его помощи!» — Она смотрѣла на меня неподвижными глазами, въ которыхъ видно было удивленіе, нѣкоторое любопыт-

ство, нерѣшимость и сомнѣніе. Наконецъ, послѣ сильнаго внутренняго движенія, которое какъ будто бы электрическимъ ударомъ потрясло грудь ея, отвѣчала твердымъ голосомъ: «Кто бы ты ни былъ, какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ! я не могу требовать отъ тебя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою. Я лобызаю руку, которая меня наказываетъ.» — Но сердце твое невинно, сказалъ я: оно конечно не заслуживаетъ такого жестокаго наказанія? — «Сердце мое, отвѣчала она, могло быть въ заблужденіи. Богъ проститъ слабую. Надѣюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомецъ!» — Тутъ приближилась она къ рѣшеткѣ, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повторила: «Ради Бога оставь меня!.... Естьли онъ самъ послалъ тебя — тотъ, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ — скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже тоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе; что я умру его нѣжною, нещастною» —— Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась отъ рѣшетки, стала на колѣни и закрыла руками лице свое; черезъ минуту посмотрѣла на меня, снова потупила глаза въ землю, и сказала съ нѣжною робостію: «Ты, можетъ быть, знаешь мою исторію; но если не знаешь, то не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай!.... Чужеземецъ, прости!» —Я хотѣлъ итти, сказавъ ей нѣсколько словъ,

излившихся прямо изъ души моей; но взоръ мой еще встрѣтился съ ея взоромъ — и мнѣ показалось, что она хочетъ узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца. Я остановился, — ждалъ вопроса; но онъ послѣ глубокаго вздоха, умеръ на блѣдныхъ устахъ ея. Мы разстались.

Вышедши изъ пещеры, не хотѣлъ я затворить желѣзной двери, чтобы свѣжій, чистой воздухъ сквозь рѣшетку проникъ въ темницу и облегчилъ дыханіе нещастной. Заря алѣла на небѣ; птички пробудились; вѣтерокъ свѣвалъ росу съ кустовъ и цвѣточковъ, которые росли вокругъ песчанаго холма. — Боже мой! думалъ я — Боже мой! какъ горестно быть исключеннымъ изъ общества живыхъ, вольныхъ, радостныхъ тварей, которыми вездѣ населены необозримыя пространства Натуры! Въ самомъ сѣверѣ, среди высокихъ, мшистыхъ скалъ, ужасныхъ для взора, твореніе руки Твоей прекрасно, — твореніе руки Твоей восхищаетъ духъ и сердце. И здѣсь, гдѣ пѣнистыя волны отъ начала міра сражаются съ гранитными утесами, — и здѣсь десница Твоя напечатлѣла живые знаки Творческой любви и благости; и здѣсь въ часъ утра розы цвѣтутъ на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣжные зефиры дышатъ ароматами; и здѣсь зеленые ковры разстилаются какъ мягкой бархатъ подъ ногами человѣка; и здѣсь поютъ птички — поютъ весело для веселаго, печально для печальнаго, пріятно для всякаго; и здѣсь скорбящее сердце въ объятіяхъ чувствительной Природы можетъ облегчиться отъ бремени своихъ горестей! Но —

бѣдная, заключенная въ темницѣ, не имѣетъ сего утѣшенія; роса утренняя не окропляетъ ея томнаго сердца; вѣтерокъ не освѣжаетъ истлѣвшей груди; лучи солнечные не озаряютъ помраченныхъ глазъ ея; тихія бальзамическія изліянія луны не питаютъ души ея кроткими сновидѣніями и пріятными мечтами. Творецъ! почто даровалъ Ты людямъ гибельную власть дѣлать нещастными другъ друга и самихъ себя? — Силы мои ослабѣли и глаза закрылись, подъ вѣтьвями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

«Дверь была отворена; чужестраненъ входилъ «въ пещеру» — вотъ что услышалъ я, проснувшись — открылъ глаза и увидѣлъ старца, хозяина своего; онъ сидѣлъ въ задумчивости на дерновой лавкѣ, шагахъ въ пяти отъ меня; подлѣ него стоялъ тотъ человѣкъ, которой ввелъ меня въ замокъ. Я подошелъ къ нимъ. Старикъ взглянулъ на меня съ нѣкоторою суровостію; всталъ, пожалъ мою руку — и видъ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣстѣ въ густую аллею, не говоря ни слова. Казалось, что онъ въ душѣ своей колебался, и былъ въ нерѣшимости; но вдругъ остановился, и устремивъ на меня проницательный, огненный взоръ, спросилъ твердымъ голосомъ: *ты видѣлъ ее?* — Видѣлъ, отвѣчалъ я, видѣлъ, не узнавъ, кто она, и за что страдаетъ въ темницѣ. — Узнаешь, сказалъ онъ, узнаешь, молодой человѣкъ, и сердце твое обольется кровію. Тогда спросишь у самого себя: за что Небо изліяло всю чашу гнѣва Своего

на сего слабаго, сѣдаго старца, старца, которой любилъ добродѣтель; которой чтилъ святые законы Его? — Мы сѣли подъ деревомъ, и старецъ разсказалъ мнѣ ужаснѣйшую исторію — исторію, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она останется до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ ѳдно то, что я узналъ тайну Гревзендскаго незнакомца, — тайну страшную! —

Матрозы дожидались меня у воротъ замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Боригольмъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горестной задумчивости стоялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачту. Вздохи тѣснили грудь мою — наконецъ я взглянулъ на небо, — и вѣтеръ свѣялъ въ море слезу мою.

1793 г.

МАРѲА ПОСАДНИЦА,

или

ПОКОРЕНІЕ НОВАГОРОДА.

(историческая повѣсть).

—

Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издатель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новогородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ; они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими Великими Князьями, на примѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ Исторіи и — сказокъ, ис-

правивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знатныхъ Новогородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Мареы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати!) быть Катономъ своей Республики.

Кажется, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новогородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фанатизму Мареы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Раздался звукъ *Вѣчеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: никто не отвѣтствуетъ.... Тамъ, противъ древняго дому Ярославова, уже собрали-

ся Посадники съ золотыми на груди медалями, Тысячскіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Житые со знаменами и Старосты всѣхъ пяти Концовъ Новогородскихъ * съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Витязя). Народъ крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и требуетъ открытія Вѣча. Іосифъ Дѣлинскій, именитый гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами отечеству, съ новою честію для своего имени — всходитъ на желѣзныя ступени, открываетъ сѣдую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Болрина, который желаетъ всенародно объявить его требованія.... Посадникъ сходитъ — и Бояринъ Іоанновъ является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, препоясанный мечемъ, и въ латахъ. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ — храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ безмолвствуютъ. Бояринъ хочетъ говорить.... но юные, надменные Новогородцы восклицаютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Онъ медлитъ — тысячи

---

* Такъ назывались части города: Конецъ *Неровскій*, *Гончарскій*, *Славянскій*, *Загородскій* и *Плотникскій*.

голосовъ повторяютъ: *смирись предъ великимъ народомъ!* Бояринъ снимаетъ шлемъ съ головы своей — шумъ умолкаетъ.

«Граждане Новогородскіе! вѣщаетъ онъ: Князь «Московскій и всея Россіи говоритъ съ вами — «внимайте!

«Народы дикіе любятъ независимость, народы «мудрые любятъ порядокъ: а нѣтъ порядка безъ «власти самодержавной. Ваши предки хотѣли пра«вить сами собою и были жертвою лютыхъ сосѣ«довъ или еще лютѣйшихъ внутреннихъ междо«усобій. Старецъ добродѣтельный, стоя на прагѣ «вѣчности, заклиналъ ихъ избрать Владѣтеля. Они «повѣрили ему: ибо человѣкъ при дверяхъ гроба «можетъ говорить только истину.

«Граждане Новогородскіе! въ стѣнахъ вашихъ «родилось, утвердилось, прославилось самодержа«віе земли Русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ «творилъ судъ и правду; на семъ мѣстѣ древніе «Новогородцы любызали ноги своего отца и Кня«зя, который примирилъ внутренніе раздоры, успо«коилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ «они проклинали гибельную вольность и благосло«вляли спасительную власть Единаго. Прежде у«жасные только для самихъ себя и нещастные въ «глазахъ сосѣдовъ, Новогородцы подъ державною «рукою Варяжскаго Героя сдѣлались ужасомъ и «завистію другихъ народовъ; и когда Олегъ храб«рый двинулся съ воинствомъ къ предѣламъ юга, «всѣ племена Славянскія покорялись ему съ ра-

«достію, а предки ваши, товарищи его славы, едва «вѣрили своему величію.

«Олегъ, слѣдуя за теченіемъ Днѣпра, возлю-«билъ красные берега его, и въ благословенной «странѣ Кіевской основалъ столицу своего обшир-«наго государства; но Великій Новгородъ былъ «всегда десницею Князей Великихъ, когда они «славили дѣлами имя Русское. Олегъ подъ щитомъ «Новгородцевъ прибилъ щитъ свой къ вратамъ «Цареградскимъ. Святославъ съ дружиною Новго-«родскою разсѣялъ какъ прахъ воинство Цимис-«хія, и внукъ Олегинъ съ вашими предками былъ «прозванъ *Владѣтелемъ міра*.

«Граждане Новогородскіе! не только воинскою «славою обязаны вы Государямъ Русскимъ: есть-«ли глаза мои, обращаясь на всѣ концы вашего «града, видятъ повсюду златые кресты велико-«лѣпныхъ храмовъ святой Вѣры; естьли шумъ «Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій день, въ «которой знаки идолослуженія погибли съ шумомъ «въ быстрыхъ волнахъ его: то вспомните, что «Владиміръ соорудилъ здѣсь первый храмъ истин-«ному Богу; Владиміръ низвергъ Перуна въ пучи-«ну Волхова!... Естьли жизнь и собственность свя-«щенны въ Новѣгородѣ, то скажите, чья рука о-«градила ихъ безопасностію?.... Здѣсь» — (указы-вая на домъ Ярослава) — «здѣсь жилъ мудрый «законодатель, благотворитель вашихъ предковъ, «Князь великодушный, другъ ихъ, котораго назы-«вали они вторымъ Рюрикомъ!.... Потомство не-«благодарное! внимай справедливымъ укоризнамъ!

«Новогородцы, бывъ всегда старшими сынами «Россіи, вдругъ отдѣлились отъ братій своихъ; «бывъ вѣрными подданными Князей, нынѣ смѣ»ются надъ ихъ властію.... и въ какія времена? О «стыдъ имени Русскаго! Родство и дружба позна«ются въ напастяхъ: любовь къ отечеству так«же.... Богъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ «положилъ наказать землю Русскую. Явились вар«вары безчисленные, пришельцы отъ странъ ни«кому неизвѣстныхъ, * подобно симъ тучамъ на«сѣкомыхъ, которыя Небо во гнѣвѣ своемъ гонитъ «бурею на жертву грѣшника. Храбрые Славяне, «изумленные ихъ явленіемъ, сражаются и гиб«нутъ; земля Русская обагрялется кровію Русскихъ; «города и села пылаютъ; гремятъ цѣпи на дѣ«вахъ и старцахъ.... Чтожь дѣлаютъ Новгородцы? «спѣшатъ ли на помощь къ братьямъ своимъ?.... «Нѣтъ! пользуясь своимъ удаленіемъ отъ мѣстъ «кровопролитія, пользуясь общимъ бѣдствіемъ «Князей, отнимаютъ у нихъ власть законную, дер«жатъ ихъ въ стѣнахъ своихъ какъ въ темницѣ, «изгоняютъ, призываютъ другихъ и снова изгоня«ютъ. Государи Новогородскіе, потомки Рюрика «и Ярослава, должны были слушаться Посадни«ковъ и трепетать *Вѣчеваго колокола*, какъ тру«бы Суда Страшнаго! Наконецъ никто уже не хо«тѣлъ быть Княземъ вашимъ, рабомъ мятежнаго

* Такъ думали въ Россіи о Татарахъ.

«Вѣча.... Наконецъ Русскіе и Новгородцы не узна-
«ютъ другъ друга!

«Отъ чего же такая перемѣна въ сердцахъ ва-
«шихъ? Какъ древнее племя Славянское могло за-
«быть кровь свою?.... Корыстолюбіе, корыстолю-
«біе ослѣпило васъ! Русскіе гибнутъ, Новгородцы
«богатѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, въ Владиміръ
«привозятъ трупы Христіанскихъ витязей, убіен-
«ныхъ невѣрными, и народъ, осыпавъ пепломъ
«главу свою, съ воплемъ встрѣчаетъ ихъ: въ Нов-
«городъ привозятъ товары чужеземные, и народъ
«съ радостными восклицаніями привѣтствуетъ го-
«стей * иностранныхъ! Русскіе считаютъ язвы
«свои; Новгородцы считаютъ златыя монеты.
«Русскіе въ узахъ: Новгородцы славятъ вольность
«свою!

«Вольность!.... но вы также рабствуете. Народъ!
«я говорю съ тобою. Бояре честолюбивые, уни-
«чтоживъ власть Государей, сами овладѣли ею.
«Вы повинуетесь — ибо народъ всегда повино-
«ваться долженъ — но только не священной кро-
«ви Рюрика, а купцамъ богатымъ. О стыдъ! по-
«томки Славянъ цѣнятъ златомъ права Властите-
«лей! Роды Княжескіе, издревле именитые, возвы-
«сились дѣлами храбрости и славы: ваши Посадни-
«ки, Тысячскіе, Люди Житые, обязаны своимъ
«достоинствомъ благопріятному вѣтру и хитро-
«стямъ корыстолюбія. Привыкшія къ выгодамъ

---

* То есть, купцовъ.

«торговли, торгують и благомъ народа; кто имъ «обѣщаетъ злато, тому они васъ обѣщаютъ. Такъ, «извѣстны Князю Московскому ихъ дружествен-«ныя, тайныя связи съ Литвою и Казиміромъ. «Скоро, скоро вы соберетесь на звукъ *Вѣчеваго* «*колокола*, и надменный Полякъ скажетъ вамъ на «лобномъ мѣстѣ: *вы рабы мои!*.... Но Богъ и Ве-«ликій Іоаннъ еще о васъ пекутся.

«Новогородцы! земля Русская воскресаетъ. Іо-«аннъ возбудилъ отъ сна древнее мужество Сла-«вянъ, ободрилъ унылое воинство, и берега Камы «были свидѣтелями побѣдъ нашихъ. Дуга мира и «завѣта возсіяла надъ могилами Князей Георгія, «Андрея, Михаила. Небо примирилось съ нами, и «мечи Татарскіе иступились. Настало время ме-«сти, время славы и торжества Христіанскаго. Еще «ударъ послѣдній не совершился; но Іоаннъ, из-«бранный Богомъ, не опуститъ державной руки «своей, доколѣ не сокрушитъ враговъ и не смѣ-«шаетъ ихъ прахъ съ земною перстію. Димитрій, «поразивъ Мамая, не освободилъ Россіи: Іоаннъ «все предвидитъ; и зная, что раздѣленіе Государ-«ства было виною бѣдствій его, онъ уже соеди-«нилъ всѣ Княжества подъ своею державою, и «признанъ Властелиномъ земли Русской. Дѣти оте-«чества, послѣ горестной долговременной разлуки, «объемлются съ веселіемъ предъ очами Государя «и мудраго отца ихъ.

«Но радость его не будетъ совершенна, доколѣ «Новгородъ, древній, великій Новгородъ, не воз-«вратится подъ сѣнь отечества. Вы оскорбляли

«его предковъ: онъ все забываетъ, естьли ему покоритесь. Іоаннъ, достойный владѣть міромъ, желаетъ только быть Государемъ Новогородскимъ!.... Вспомните, когда онъ былъ мирнымъ гостемъ посреди васъ; вспомните, какъ вы удивлялись его величію, когда онъ, окруженный своими вельможами, шелъ по стогнамъ Новаграда въ домъ Ярославовъ; вспомните, съ какимъ благоволеніемъ, съ какою мудростію онъ бесѣдовалъ съ вашими Боярами о древностяхъ Новогородскихъ, сидя на поставленномъ для него тронѣ близъ мѣста Рюрикова, откуда взоръ его обнималъ всѣ *Концы* града и веселыя окрестности; вспомните, какъ вы единодушно восклицали: *да здравствуетъ Князь Московскій, великій и мудрый!* Такому ли Государю не славно повиноваться и для того единственно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ совершенно освободить Россію отъ ига варваровъ? Тогда Новгородъ еще болѣе украсится и возвеличится въ мірѣ. Вы будете *первыми* сынами Россіи: здѣсь Іоаннъ поставитъ тронъ свой и воскреситъ щастливыя времена, когда не шумное *Вѣче*, но Рюрикъ и Ярославъ судили васъ какъ отцы дѣтей, ходили по стогнамъ и вопрошали бѣдныхъ, не угнетаютъ ли ихъ богатые? Тогда бѣдные и богатые равно будутъ щастливы, ибо всѣ подданные равны предъ лицемъ Владыки самодержавнаго.

«Народъ и граждане! да властвуетъ Іоаннъ въ Новѣгородѣ, какъ онъ въ Москвѣ властвуетъ! или — внимайте его послѣднему слову — или

«храброе воинство, готовое сокрушить Татаръ, «въ грозномъ ополченіи явится прежде глазамъ «вашимъ, да усмиритъ мятежниковъ!.... Миръ или «война? отвѣтствуйте!»

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоанновъ надѣлъ шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблются толпы народныя, и громко раздаются восклицанія: *Мароа! Мароа!* Она всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ.... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея.... Но скоро осѣненный горестію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія, блѣдное лицо покрылось румянцемъ и Мароа вѣщала:

«Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась священная кровь «твоя: здѣсь призываю Небо и тебя во свидѣтели, «что сердце мое любитъ славу отечества и благо «согражданъ; что скажу истину народу Новго-«родскому, и готова запечатлѣть се моею кровію. «Жена дерзаетъ говорить на Вѣчѣ: но предки мои «были друзья Вадимовы; я родилась въ станѣ во-«инскомъ подъ звукомъ оружія; отецъ, супругъ «мой погибли, сражаясь за Новгородъ. Вотъ право «мое быть защитницею вольности! оно куплено «цѣною моего щастія....»

Говори, славная дочь Новаграда! воскликнулъ народъ единогласно — и глубокое безмолвіе снова изъявило его вниманіе.

«Потомки Славянъ великодушныхъ! васъ назы-

«ваютъ мятежниками!.... За то ли, что вы подъ-
«яли изъ гроба славу ихъ? Они были свободны,
«когда текли съ востока на западъ избрать себѣ
«жилище во вселенной, свободны подобно орламъ,
«парившимъ надъ ихъ главою въ обширныхъ пу-
«стыняхъ древняго міра.... Они утвердились на
«красныхъ берегахъ Ильменя, и все еще служили
«одному Богу. Когда Великая Имперія, * какъ вет-
«хое зданіе, сокрушилась подъ сильными ударами
«дикихъ Героевъ Сѣвера; когда Готѳы, Вандалы,
«Эрулы и другія племена Скиѳскія искали вездѣ
«добычи, жили убійствами и грабежемъ, тогда Сла-
«вяне имѣли уже селенія и города, обработывали
«землю, наслаждались пріятными искусствами мир-
«ной жизни, но все еще любили независимость.
«Подъ сѣнію древа чувствительный Славянинъ
«игралъ на струнахъ изобрѣтеннаго имъ мусикій-
«скаго орудія, ** но мечь его висѣлъ на вѣтвяхъ,
«готовый наказать хищника и тирана. Когда Ба-
«янъ, Князь Аварскихъ, страшный для Императо-
«ровъ Греціи, потребовалъ, чтобы Славяне ему
«поддалися, они гордо и спокойно отвѣтствовали:
«*Никто во вселенной не можетъ поработить насъ,*
«*доколь не выдутъ изъ употребленія мечи и стрѣ-*
«*лы!....* *** О великія воспоминанія древности! вы
«ли должны склонять насъ къ рабству и къ узамъ?

* Римская.

** См. Византійскихъ Историковъ, Ѳеофилакта и Ѳе-
офана.

*** См. Менандера.

«Правда, съ теченіемъ времени родились въ «душахъ новыя страсти; обычаи древніе, спа«сительные забывались, и неопытная юность «презирала мудрые совѣты старцевъ: тогда Сла«вяне призвали къ себѣ знаменитыхъ храбростію «Князей Варяжскихъ, да повелѣваютъ юнымъ, мя«тежнымъ воинствомъ. Но когда Рюрикъ захо«тѣлъ самовольно властвовать, гордость Славян«ская ужаснулась своей неосторожности, и Ва«димъ *Храбрый* звалъ его предъ судъ народа. *Мечь «и боги да будутъ нашими судіями!* отвѣтство«валъ Рюрикъ—и Вадимъ палъ отъ руки его, ска«завъ: *Новогородцы! на мѣсто, обагренное моею «кровію, приходите оплакивать свое неразуміе— «и славить вольность, когда она съ торжествомъ «явится снова въ стѣнахъ вашихъ....* Исполнилось «желаніе великаго мужа: народъ собирается на «священной могилѣ его, свободно и независимо «рѣшить судьбу свою.

«Такъ, кончина Рюрика — да отдадимъ спра«ведливость сему знаменитому Витязю! — мудра«го и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу Ново«городскую. Народъ, изумленный его величіемъ, «невольно и смиренно повиновался; но скоро, не «видя уже Героя, пробудился отъ глубокаго сна, «и Олегъ, испытавъ многократно его упорную не«преклонность, удалился отъ Новагорода съ воин«ствомъ храбрыхъ Варяговъ и Славянскихъ юно«шей, искать побѣды, данниковъ и рабовъ между «другими Скиѳскими, менѣе отважными и горды«ми племенами. Съ того времени Новгородъ при-

«знавалъ въ Князьяхъ своихъ единственно полко-
«водцевъ и военачальниковъ: народъ избралъ вла-
«сти гражданскія, и повинуясь имъ, повиновался
«уставу воли своей. Въ Кіевлянахъ и другихъ Рос-
«сіянахъ отцы наши любили кровь Славянскую,
«служили имъ какъ друзьямъ и братьямъ, разили
«ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились по-
«бѣдами. Здѣсь провелъ юность свою Владиміръ;
«здѣсь среди примѣровъ народа великодушнаго,
«образовался великій духъ его; здѣсь мудрая бесѣ-
«да старцевъ нашихъ возбудила въ немъ желаніе
«вопросить всѣ народы земные о таинствахъ Вѣ-
«ры ихъ, да откроется истина ко благу людей; и
«когда, убѣжденный въ святости Христіанства,
«онъ принялъ его отъ Грековъ, Новогородцы, ра-
«зумнѣе другихъ племенъ Славянскихъ, изъявили
«и болѣе ревности къ новой истинной Вѣрѣ. Имя
«Владиміра священно въ Новѣгородѣ; священна и
«любезна память Ярослава: ибо онъ первый изъ
«Князей Русскихъ утвердилъ законы и вольность
«Великаго града. Пусть дерзость называетъ от-
«цовъ нашихъ неблагодарными, за то, что они от-
«ражали властолюбивыя предпріятія его потом-
«ковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился бы въ небес-
«ныхъ селеніяхъ, естьли бы мы не умѣли сохра-
«нить древнихъ правъ, освященныхъ его именемъ.
«Онъ любилъ Новогородцевъ, ибо они были сво-
«бодны; ихъ признательность радовала его сердце,
«ибо только души свободныя могутъ быть при-
«знательными: рабы повинуются и ненавидятъ!
«Нѣтъ, благодарность наша торжествуетъ, доколѣ

«народъ во имя отечества собирается предъ до-»момъ Ярослава, и смотря на сіи древнія стѣны, «говоритъ съ любовію: *тамъ жилъ другъ нашъ!*

«Князь Московскій укоряетъ тебя, Новгородъ, «самымъ твоимъ благоденствіемъ — и въ сей ви-«нѣ не можемъ оправдаться! Такъ конечно: цвѣ-«тутъ области Новогородскія, поля златятся кла-«сами, житницы полны, богатства льются къ намъ «рѣкою; Великая *Ганза* * гордится нашимъ сою-«зомъ; чужеземные гости ищутъ дружбы нашей, «удивляются славѣ Великаго града, красотѣ его «зданій, общему избытку граждан, и, возвратясь «въ страну свою, говорятъ: *мы видѣли Новгородъ, «и ничего подобнаго ему не видали!* Такъ ко-«нечно: Россія бѣдствуетъ — ея земля обагряется «кровію, веси и грады опустѣли, люди какъ звѣри «въ лѣсахъ укрываются; отецъ ищетъ дѣтей и «не находитъ; вдовы и сироты просятъ милосты-«ни на распутіяхъ. Такъ, мы щастливы — и ви-«новны, ибо дерзнули повиноваться законамъ сво-«его блага, дерзнули не участвовать въ междоусо-«біяхъ Князей, дерзнули спасти имя Русское отъ «стыда и поношенія, не принять оковъ Татар-«скихъ и сохранить драгоцѣнное достоинство на-«родное!

«Не мы, о Россіяне нещастные, но всегда лю-«безные намъ братья! не мы, но вы насъ остави-

---

* Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои конторы въ Новѣгородѣ.

«ли, когда пали на колѣни передъ гордымъ Ханомъ и требовали цѣпей для спасенія поносной «жизни; когда свирѣпый Батый, видя свободу единаго Новаграда, какъ яростный левъ устремился «растерзать его смѣлыхъ гражданъ; когда отцы «наши, готовясь къ славной битвѣ, острили мечи на «стѣнахъ своихъ — безъ робости: ибо знали, что «умрутъ, а не будутъ рабами! Напрасно, съ высоты башенъ, взоръ ихъ искалъ вдали дружественныхъ легіоновъ Русскихъ, въ надеждѣ, что вы «захотите въ послѣдній разъ и въ послѣдней оградѣ Русской вольности еще сразиться съ невѣрными! Однѣ робкія толпы бѣглецовъ являлись на «путяхъ Новаграда; не стукъ оружія, а вопль молодушнаго отчаянія былъ вѣстникомъ ихъ приближенія; онѣ требовали не стрѣлъ и мечей, а «хлѣба и крова!.... Но Батый, видя отважность «свободныхъ людей, предпочелъ безопасность «свою злобному удовольствію мести. Онъ спѣшилъ «удалиться! Напрасно граждане Новгородскіе молили Князей воспользоваться такимъ примѣромъ «и общими силами, съ именемъ Бога Русскаго, «ударить на варваровъ: Князья платили дань и «ходили въ станъ Татарскій обвинять другъ друга въ замыслахъ противъ Батыя; великодушіе «сдѣлалось предметомъ доносовъ, къ нещастію «ложныхъ!.... И естьли имя побѣды въ теченіе «двухъ столѣтій сохранилось еще въ языкѣ Славянскомъ, то не громъ ли Новогородскаго оружія «напоминалъ въ землѣ Русской? не отцы ли наши «разили еще враговъ на берегахъ Невы? Воспо-

«минаніе горестное! Сей Витязь добродѣтельный, «драгоцѣнный остатокъ древняго геройства Князей Варяжскихъ, заслуживъ имя безсмертное съ «вѣрною Новогородскою дружиною, храбрый и «щастливый между нами, оставилъ здѣсь и славу «и щастіе, когда предпочелъ имя Великаго Князя «Россіи имени Новогородскаго Полководца: не величіе, но униженіе и горесть ожидали Александра во Владимірѣ — и тотъ, кто на берегахъ Невы давалъ законы храбрымъ Ливонскимъ Рыцарямъ, долженъ былъ упасть къ погамъ Сартака.

«Іоаннъ желаетъ повелѣвать Великимъ градомъ: «не удивительно! онъ собственными глазами видѣлъ славу и богатство его. Но всѣ народы земные и будущія столѣтія не престали бы дивиться, естьли бы мы захотѣли повиноваться. Каки«ми надеждами онъ можетъ обольстить насъ? Одни «нещастные легковѣрны; одни нещастные желаютъ перемѣнъ — но мы благоденствуемъ и свободны! благоденствуемъ отъ того, что свободны! «Да молитъ Іоаннъ Небо, чтобы Оно во гнѣвѣ Своемъ ослѣпило насъ: тогда Новгородъ можетъ возненавидѣть щастіе и пожелать гибели; но доколѣ видимъ славу свою и бѣдствія Княжествъ «Русскихъ, доколѣ гордимся ею и жалѣемъ объ «нихъ, дотолѣ права Новогородскія всего святѣе «намъ по Богѣ.

«Я не дерзну оправдывать васъ, мужи избранные, общею довѣренностію для правленія! Клевета въ устахъ властолюбія и зависти недостойна «опроверженія. Гдѣ страна цвѣтетъ и народъ ли-

«куетъ, тамъ правители мудры и добродѣтельны.
«Какъ! вы торгуете благомъ народнымъ? но мо-
«гутъ ли всѣ сокровища міра замѣнить вамъ лю-
«бовь сограждаиъ вольныхъ? Кто узналъ ея сла-
«дость, тому чего желать въ мірѣ? развѣ послѣд-
«няго щастія умереть за отечество!

«Несправедливость и властолюбіе Іоанна не за-
«тмѣваютъ въ глазахъ нашихъ его похвальныхъ
«свойствъ и добродѣтелей. Давно уже молва на-
«родная извѣстила насъ о его величіи, и люди воль-
«ные желали имѣть гостемъ Самовластителя; ис-
«креннія сердца ихъ свободно изливались въ ра-
«достныхъ восклицаніяхъ при его торжествен-
«номъ въѣздѣ. Но знаки усердія нашего конечно
«обманули Князя Московскаго; мы хотѣли изъ-
«явить ему пріятную надежду, что рука его сверг-
«нетъ съ Россіи иго Татарское: онъ вздумалъ,
«что мы требуемъ отъ него уничтоженія нашей
«собственной вольности! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ
«великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ!
«Да славится Князь Московскій истребленіемъ вра-
«говъ Христіанства, а не друзей и не братій земли
«Русской, которыми она еще славится въ мірѣ! да
«прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ на добрыхъ
«и свободныхъ Новогородцевъ! Еще Ахматъ дер-
«заетъ называть его своимъ данникомъ: да идетъ
«Іоаннъ противъ Монгольскихъ варваровъ, и вѣр-
«ная дружина наша откроетъ ему путь къ стану
«Ахматову! Когда же сокрушитъ врага, тогда мы
«скажемъ ему: Іоаннъ! ты возвратилъ землѣ Рус-
«ской честь и свободу, которыхъ мы никогда не

«теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою «въ станѣ Татарскомъ: они были собраны съ зем«ли твоей; на нихъ нѣтъ клейма Новогородскаго: «мы не платили дани ни Батыю, ни потомкамъ «его! Царствуй съ мудростію и славою; залечи «глубокія язвы Россіи; сдѣлай подданныхъ своихъ «и нашихъ братій щастливыми — и естьли когда «нибудь соединенныя твои Княжества превзой«дутъ славою Новгородъ; естьли мы позавидуемъ «благоденствію твоего народа; естьли Всевышній «накажетъ насъ раздорами, бѣдствіями, униженіемъ: тогда — клянемся именемъ отечества и сво«боды!—тогда пріидемъ не въ столицу Польскую, «но въ царственный градъ Москву, какъ нѣкогда «древніе Новогородцы пришли къ храброму Рю«рику; и скажемъ не Казимиру, но тебѣ: *владѣй «нами! мы уже не умѣемъ править собою!*

«Ты содрогаешься, о народъ великодушный!... «Да идетъ мимо насъ сей печальный жребій! Будь «всегда достоинъ свободы, и будешь всегда сво«боднымъ! Небеса правосудны и ввергаютъ въ «рабство одни порочные народы. Не страшись у«грозъ Іоанновыхъ, когда сердце твое пылаетъ лю«бовію къ отечеству и къ святымъ уставамъ его; «когда можешь умереть за честь предковъ своихъ «и за благо потомства!

«Но естьли Іоаннъ говоритъ истину; естьли въ «самомъ дѣлѣ гнусное корыстолюбіе овладѣло ду«шами Новогородцевъ; естьли мы любимъ сокро«вища и нѣгу болѣе добродѣтели и славы: то ско«ро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и

«*Вѣчевый колоколъ*, древній гласъ ея, падетъ съ «башни Ярославовой и навсегда умолкнетъ!... То«гда, тогда мы позавидуемъ щастію народовъ, ко«торые никогда не знали свободы. Ея грозная «тѣнь будетъ являться намъ подобно мертвецу «блѣдному и терзать сердце наше безполезнымъ «раскаяніемъ!

«Но знай, о Новгородъ! что съ утратою воль«ности изсохнетъ и самый источникъ твоего бо«гатства: она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ «серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ ино«странцевъ въ наши стѣны съ сокровищами тор«говли; она же окриляетъ суда Новогородскія, «когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ не«сутся.... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостой«ныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣ«дія отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ «Великій, опустѣютъ многолюдные *Концы* твои; «широкія улицы заростутъ травою, и великолѣпіе «твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею наро«довъ. Напрасно любопытный странникъ среди «печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣ«ста, гдѣ собиралось Вѣче, гдѣ стоялъ домъ Яро«славовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему «не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и ска«жетъ только: здѣсь *былъ* Новгородъ!...»

Тутъ страшный вопль народа не далъ уже говорить Посадницѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ «за отечество!» восклицаютъ безчисленные голоса: «Новгородъ Государь нашъ! да явится Іоаннъ «съ воинствомъ!» Мареа, стоя на Вадимовомъ мѣ-

стѣ, веселятся дѣйствіемъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе воспалить умы, она показываетъ цѣпь, гремитъ ею въ рукѣ своей и бросаетъ на землю: народъ въ изступленіи гнѣва попираетъ оковы ногами, взывая: *Новгородъ Государь нашъ! война, война Іоанну!* Напрасно Посолъ Московскій желаетъ еще говорить именемъ Великаго Князя и требуетъ вниманія: дерзкіе подъемлютъ на него руку, и Мароа должна защитить Боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечь, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произноситъ: «И такъ да будетъ война между Великимъ Княземъ Іоанномъ «и гражданами Новогородскими! да возвратятся «*клятвенныя грамоты!* * Богъ да судитъ вѣроломныхъ!...» Мароа вручаетъ Послу грамоту Іоаннову и принимаетъ Новогородскую. Она даетъ ему стражу и *знамя мира*. Народныя толпы передъ нимъ разступаются. Бояринъ выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина.... Мароа слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ, опершись на образъ Вадимовъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры стучатъ на городскихъ воротахъ, и Бояринъ тихо ѣдетъ по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Ве-

---

* Клятвенными грамотами назывались дружественные трактаты. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихъ.

черніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (который, подобно бурнымъ волнамъ, стремился по стогнамъ и безпрестанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*) внимая грозному набату, который гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величавая жена подъемлетъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. «О тѣнь «моего супруга!» тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: «я исполнила клятву свою! Жребій бро«шенъ: да будетъ, что угодно Судьбѣ!...» Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается трескъ и громъ на великой площади.... земля колеблется подъ ногами.... набатъ и шумъ народный умолкаютъ.... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто.... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе пароднаго богатства, пала съ *Вѣчевымъ колоколомъ* и дымится въ своихъ развалинахъ *.... Пораженные симъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ.... Скоро тишина прерывается голосомъ, внятнымъ, но подобнымъ глухому стону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой

---

* Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

пещеры: *О Новгородъ! такъ падетъ слава твоя! такъ исчезнетъ твое величіе!...*: Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хотѣли знать, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: *мы слышали!* никто не могъ сказать, отъ кого? Именитые Чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и старались успокоить гражданъ. Народъ требовалъ мудрой, великодушной, смѣлой Мареы: посланные нигдѣ не могли найти ее.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысячскіе и Бояре ревностно трудились съ гражданами: отрыли *Вѣчевый колоколъ* и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Степенный Посадникъ распустилъ *Вѣче.* Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новогородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали отцовъ, супруговъ и дѣтей) одинъ за другимъ погасли.

═

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя жилъ мудрый и благочестивый отшельникъ Өеодосій, дѣдъ Марөы Посадницы, нѣкогда знатнѣйшій изъ Бояръ Новгородскихъ. Онъ семдесять лѣтъ служилъ отечеству: мечемъ, совѣтомъ, добродѣтелію, и наконецъ захотѣлъ служить Богу единому въ тишинѣ пустыни; торжественно простился съ народомъ на Вѣчѣ, видѣлъ слезы добрыхъ сограждавъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новгородскую вѣрность его, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Златая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякой новый Посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходить къ нему Марөа, бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новагорода или о радостяхъ и печаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Міроелавомъ,* и нашла его стоящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленіе. «Молись, добро-

---

* Въ Новѣгородѣ было еще обыкновеніе называться древними Славянскими именами. Такъ, напримѣръ, лѣтописи сохранили намъ имя Ратьміра, одного изъ товарищей Александра Невскаго.

дѣтельный старецъ!» сказала она: «буря угрожаетъ отечеству.» — *Знаю*, отвѣтствовалъ пустынникъ, и съ горестію указалъ рукою на небо. * Густая туча висѣла и волновалась надъ Новымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя молніи и вылетали шары огненные. Плотоядные враны станицами парили надъ златыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданіи скорой добычи. Между тѣмъ лютые звѣри страшно выли во мракѣ лѣса, и древнія сосны, ударяясь вѣтьвями одна объ другую, трещали на корняхъ своихъ.... Мареа твердымъ голосомъ сказала пустыннику: «Когда бы «все небо запылало и земля какъ море восколебалась подъ моими ногами, и тогда бы сердце мое «не устрашилось: естьли Новогороду должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей?» Она извѣстила его о происшествіи. Θеодосій обнялъ ее съ горячностію. «Великая дочь моего сына!» вѣщалъ онъ съ умиленіемъ: «послѣдняя отрасль на«шего славнаго рода! въ тебѣ пылаетъ кровь Мо«линскихъ: она не совсѣмъ охладѣла и въ моемъ «сердцѣ, изнуренномъ лѣтами; посвятивъ его Небу, «еще люблю славу и вольность Новаграда... Но сла«бая рука человѣческая отведетъ ли сокрушитель«ные удары Всевышней Десницы? Душа моя со«дрогается: я предвижу бѣдствія...» Судьба людей и народовъ есть тайна Провидѣнія (отвѣтствуетъ

* Въ старину хотѣли всегда читать на небѣ предстоящую гибель людей.

Марѳа): но дѣла зависятъ отъ насъ единственно, и сего довольно. Сердца гражданъ въ рукѣ моей: они не покорятся Іоанну, и душа моя торжествуетъ! Самая опасность веселитъ ее.... Чтобы не укорять себя въ будущемъ, потребно только дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій... Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага; но должно поручить его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій * во гробѣ; въ сынахъ моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспитала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за отечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца то пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы. — «Развѣ мало славныхъ витязей въ Новѣградѣ?» сказалъ Ѳеодосій: «ужасъ Ливоніи, Георгій *Смѣлый*...» — Преселился къ отцамъ своимъ. — «Побѣдитель Витовта Владиміръ *Знаменитый*...» — Отъ старости мечь выпалъ изъ руки его. — «Михаилъ *Храбрый*...» — Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ: можетъ ли быть другомъ отечества? — «Димитрій *Сильный*...» — Сильна рука его, но сердце коварно: онъ встрѣтилъ за городомъ Посла Іоаннова и тайно говорилъ съ нимъ. — «Ктожь будетъ главою войска и щитомъ Новаграда?» — Сей юноша! отвѣтствуетъ Посадница, указавъ на Мірослава.... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей; заря

---

* Мужъ ея.

вечерняя и блескъ молніи освѣщали величественную красоту его. Өеодосій смотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу.

«Никто не знаетъ его родителей,» говоритъ Марөа: «онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ ступеняхъ Вадимова мѣста, и воспитанъ въ училищѣ Ярослава;* рано удивлялъ старцевъ своею мудростію па Вѣчахъ, а Витязей храбростію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на стогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ имемемъ ставлю юношу на степень величія; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратитъ на себя всѣ стрѣлы и копья самовластія, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Борецкихъ и крови моей... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ сограждanъ и потомства. Благослови, мужъ святый и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно отечество! Сей союзъ достоинъ

* Такъ называлось всегда главное училище въ Новѣгородѣ (говоритъ Авторъ).

твоей правнуки: онъ заключается въ день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель отечества или обреченная жертва свободы!» Ѳеодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечь, на стѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: «Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ отшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ: Ратьмиръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ златыми буквами слова: *никогда врагу не достанется*».... Мірославъ взялъ сей древній мечь съ благоговѣніемъ, и гордо отвѣтствовалъ: *исполню условіе!* — Мароа долго еще говорила съ мудрымъ Ѳеодосіемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новаграда, и сказала наконецъ юношѣ: «Возвратимся; буря утихла. Народъ покоится въ Великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствія!» Старецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами на лобномъ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава и говорила: «Народъ! сей витязь есть Небесный даръ Велико«му граду. Его рожденіе скрывается во мракѣ та«инства; но благословеніе Всевышняго явно озна«меновало юношу. Чѣмъ Небо отличаетъ Своихъ «избранныхъ, когда сей видъ геройскій, сіе чело «гордое, сей взоръ огненный не есть печать любви

«Его? Онъ питомецъ отечества, и сердце его силь-«но бьется при имени свободы. Вамъ извѣстны «подвиги Міроcлавовой храбрости....» (Мароа съ жаромъ и краснорѣчіемъ описала ихъ)... «Сограж-«дане!» сказала она въ заключеніе: «Кого болѣе «всѣхъ долженъ ненавидѣть Князь Московскій, то-«му болѣе всѣхъ вы можете вѣрить: *я признаю «Міроcлава достойнымъ вождемъ Новогородскимъ!..* «Самая цвѣтущая молодость его вселяетъ въ меня «надежду; щастіе ласкаетъ юность!...» Народъ под-нялъ вверхъ руки: Міроcлавъ былъ избранъ!... *Да здравствуетъ юный вождъ силъ Новогородскихъ!* восклицали граждане, и юноша съ величествен-нымъ смиреніемъ преклонилъ голову. Бояре и Лю-ди Житые осѣнили его своими знаменами. Іосифъ Дѣлинскіій, другъ Мароы, вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства. Старосты пяти Концовъ Ново-городскихъ стали предъ нимъ съ сѣкирами, и Ты-сячскіе, громогласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій Сильный обнималъ Міро-слава, называя его своимъ повелителемъ; но Ми-хаилъ *Храбрый*, воинъ суровый, изъявлялъ негодо-ваніе. Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смирить гордаго; но Мароа и Дѣлинскій великодушно спасли его; они уважали въ немъ достоинство Витязя и щадили врага личнаго, пре-зирая месть и злобу.

Мароа отъ имени Новаграда написала убѣди-тельное и трогательное письмо къ союзной Псков-ской Республикѣ. «Отцы наши (говорила она)

«жили всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ было «*одно* бѣдствіе и щастіе, ибо они *одно* любили и «ненавидѣли. Братья по крови Славянской и Вѣры «православной, они назывались братьями и по духу «народному. Псковитянинъ въ Новѣгородѣ забы«валъ, что онъ не въ отчизнѣ своей, и давно уже «извѣстна пословица въ землѣ Русской: *сердце на «Великой* *, *душа на Волховѣ*. Естьли мы чаще «могли помогать вамъ, нежели вы намъ; естьли «страны дальнія отъ насъ свѣдали имя ваше; есть«ли условія, заключенныя Великимъ градомъ съ «Великою Ганзою, оживили торговлю Псковскую; «естьли вы заимствовали его спасительные уста«вы гражданскіе, и естьли ни хищность Татаръ, «ни властолюбіе Князей Тверскихъ не повредили «вашему благоденствію (ибо щитъ Новаграда осѣ«нялъ друзей его): то хвала единому Небу! Мы не «гордимся своими услугами и щастливы только «ихъ воспоминаніемъ. Нынѣ, братья, зовемъ васъ «на помощь къ себѣ, не для отплаты за добро Но«вогородское, а для собственнаго вашего блага. «Когда рука сильнаго сразитъ насъ, то и вы не «переживете вѣрныхъ друзей своихъ. Самая по«корность не спасетъ вашего бытія народнаго: «гражданинъ не угодитъ самовластителю, пока не «будетъ рабомъ законнымъ. — Увѣренные въ ва«шей мудрости и любви къ общей славѣ, мы уже «назначили предъ градомъ мѣсто для вѣрной дру-

* Имя Псковской рѣки.

«жизни Псковской.» — Чиновники подписали грамоту, и гонецъ немедленно отправился съ нею.

Трубы и литавры возвѣстили на Великой площади явленіе гостей иностранныхъ. Музыканты, въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ, шли впереди; за ними граждане десяти вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по два въ рядъ, всѣ въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, златые слитки и камни драгоцѣнные. Они приближились къ Вадимову мѣсту, и поставили блюда на ступени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ слова* — и сказалъ народу: «Граждане и чиновники! вольные люди Нѣмецкіе свѣдали, что сильный врагъ угрожаетъ Новуграду. Мы давно торгуемъ съ вами и хвалимся вѣрностію, славимся пріязнію Новогородскою; знаемъ благодарность, умѣемъ помогать друзьямъ въ нуждѣ. Граждане и чиновники! пріимите усердные дары добрыхъ гостей иностранныхъ, не столько для умноженія казны вашей, сколько для нашей чести. Требуемъ еще отъ васъ оружія и дозволенія сражаться подъ знаменами Новогородскими. Великая Ганза не простила бы намъ, естьли бы мы остались только свидѣтелями вашихъ опасностей. Насъ 700 человѣкъ въ Великомъ градѣ: всѣ выдемъ въ поле — клянемся вѣрностію Нѣмецкою, что умремъ или побѣдимъ съ вами!» — Народъ съ живѣйшею благодарностію принялъ такіе знаки дружескаго усердія. Самъ Мирославъ роздалъ оружіе гостямъ чужеземнымъ, которые желали составить особенный легіонъ: Мароа назвала его

Дружиною великодушныхъ, и граждане общимъ восклицаніемъ подтвердили сіе имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ приготовленій, день склонялся къ вечеру — и юная Ксенія, сидя подъ окнемъ своего дѣвическаго терема, съ любопытствомъ смотрѣла на движенія народныя; они казались чуждыми ея спокойному, кроткому сердцу!... Злополучная!... Такъ юный, невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, съ любопытствомъ смотритъ на сверкающую вдали молнію, не зная, что грозная туча на крыльяхъ бури прямо къ нему стремится, грянетъ и поразитъ его!... Воспитанная въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочностію, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствовать, что есть на свѣтѣ другое щастіе. Естьли иногда свѣтлый взоръ ея нечаянно устремлялся на юношей Новогородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Любить мать и свято исполнять ея волю, любить братьевъ и милыми ласками доказывать имъ свою нѣжность, было единственною потребностію сей кроткой души. Но Судьба неисповѣдимая захотѣла ввергнуть ее въ мятежъ страстей человѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ твердостію и великодушіемъ: она была Славянка!... Искра едва на землѣ свѣтится: сильный вѣтеръ развѣваетъ изъ нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго терема, и слу-

жники входятъ съ богатымъ нарядомъ: подаютъ Ксеніи одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудныя; произносятъ имя матери ея, и дочь, всегда послушная, спѣшитъ нарядиться, не зная для чего. Скоро приходитъ Мароа, смотритъ на Ксенію, смягчается душею и даетъ волю слезамъ материнской горячности.... Можетъ быть, тайное предчувствіе въ сію минуту омрачило сердце ея; можетъ быть, милая дочь казалась ей нещастною жертвою, украшенною для олтаря и смерти! Долго не можетъ она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность къ пламенной груди своей; наконецъ укрѣпилась силою мужества и сказала: «Радуйся, Ксенія! сей день есть щастливѣй-«шій въ жизни твоей; нѣжная мать избираетъ «тебѣ супруга, достойнаго быть ея сыномъ!....» Она ведетъ ее въ храмъ Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ знаменитомъ бракѣ, изъявлялъ радость свою и шумными толпами провожалъ Ксенію, изумленную, встревоженную столь внезапною перемѣною судьбы своей.... Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ матери, вдругъ видитъ мирное гнѣздо свое разрушенное вихремъ, и сама несется въ неизвѣстное пространство; напрасно хотѣла бы она слабымъ усиліемъ нѣжныхъ крыльевъ своихъ противиться стремленію бури.... Уже Ксенія стоитъ предъ олтаремъ подлѣ юноши; уже совершается обрядъ торжественный; уже она супруга: но еще не взглянула на того, кто долженъ быть отнынѣ властелиномъ судьбы ея.... О слава священныхъ правъ матери и добро-

дѣтельной покорности дѣвъ Славянскихъ!... Самъ Ѳеофилъ * благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, которая, съ нѣжностію обнимала дочь свою и Мірослава, въ то же время принимая съ величіемъ усердныя поздравленія Чиновниковъ. Іосафъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. «Ты не имѣешь родителей,» говорилъ онъ: «отечество признаетъ тебя великимъ сыномъ сво«имъ; и главный защитникъ правъ Новогород«скихъ да живетъ тамъ, гдѣ Князь добродѣтель«ный утвердилъ ихъ своею печатію, и гдѣ Новго«родъ желаетъ нынѣ угостить новобрачныхъ!...» *Нѣтъ*, отвѣтствовала Марѳа: *еще мечь Іоанновъ не преломился о щитъ Мірослава или не обагрился его кровію за Новгородъ!...* и тихо примолвила: *о вѣрный другъ Борецкихъ! хотя въ сей день, въ послѣдній разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства!* — Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ Посадницы. Мірославъ велъ нѣжную, томную Ксенію (и Новгородъ никогда еще не видалъ столь прелестной четы) — впереди Марѳа — за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселіе сіяло на

* Тогдашній Епископъ Новогородскій.

лицахъ; и всякой отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Мареа веселилась усердіемъ народнымъ: облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на всѣхъ съ улыбкою привѣтливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пустоту горести: теперь онъ снова украшается коврами драгоцѣнными и богатыми тканями Нѣмецкими; вездѣ зажигаются святильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными толпами встрѣчаютъ новобрачныхъ. Мареа садится за столъ, съ дѣтьми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. «Ксенія!» говоритъ она: «нѣжное, кроткое сердце твое узнаетъ теперь новое щастіе, «любовь супружескую, которой всѣ другія чувства «уступаютъ. Въ ней жена молодушная, осужденная рокомъ на однѣ жалобы и слезы въ бѣдствіяхъ, находитъ твердость и рѣшительность, которой могутъ завидовать Герои!.... О дѣти любезныя! теперь открою вамъ тайну моего сердца!....» Она дала знакъ рукою, и многочисленные слуги удалились.... «Было время, и вы помните его (продолжала Мареа), «когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства въ тишинѣ до«ма своего, боялась шума народнаго, и только въ «храмы священные ходила по стогнамъ; не зна-

ла ни вольности, ни рабства, не знала, пови-
«нуясь сладкому закону любви, что есть дру-
«гіе законы въ свѣтѣ, отъ которыхъ зависитъ ща-
«стіе и бѣдствіе людей. О время блаженное! твои
«милыя воспоминанія извлекаютъ еще нѣжныя
«слезы изъ глазъ моихъ!.... Кто нынѣ узнаетъ
«мать вашу? Нѣкогда робкая, боязливая, уединен-
«ная, съ смѣлою твердостію предсѣдаетъ теперь
«въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, является на лобномъ
«мѣстѣ среди народа многочисленнаго, велитъ
«умолкнуть тысячамъ, говоритъ на Вѣчѣ, волну-
«етъ народъ какъ море, требуетъ войны и крово-
«пролитія — та, которую прежде одно имя ихъ
«ужасало!.... Чтожь дѣйствуетъ въ душѣ моей? что
«премѣнило ее столь чудесно? какая сила даетъ
«мнѣ власть надъ умами сограждангъ? Любовь!....
«одна любовь.... къ отцу вашему, сему Герою до-
«бродѣтели, который жилъ и дышалъ отече-
«ствомъ!.... Готовый выступить въ поле противъ
«Литовцевъ, онъ казался задумчивымъ, безпокой-
«нымъ; наконецъ открылъ мнѣ душу свою и ска-
«залъ: *Я могу положить голову въ сей войнѣ кро-
«вопролитной; дѣти наши еще младенцы; съ мо-
«ей смертію умолкнетъ голосъ Борецкихъ на Вѣ-
«чѣ, гдѣ онъ издревле славилъ вольность и воспа-
«лялъ любовь къ отечеству. Народъ слабъ и легко-
«мысленъ: ему нужна помощь великой души въ
«важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Я предви-
«жу опасности, и всѣхъ опаснѣе для насъ Князь
«Московскій, который тайно желаетъ покорить
«Новгородъ. О другъ моего сердца! успокой его!*

«Лѣтописи древнія сохранили имена нѣкоторыхъ «великихъ женъ Славянскихъ: клянись мнѣ пре-«взойти ихъ! клянись замѣнить Исаака Борецка-«го въ народныхъ совѣтахъ, когда его не будетъ «на свѣтѣ! клянись быть вѣчнымъ врагомъ не-«пріятелей свободы Новогородской: клянись уме-«реть защитницею правъ ея! и тогда умру спо-«койно....» Я дала клятву.... Онъ погибъ, вмѣстѣ съ «моимъ щастіемъ.... Не знаю, катились ли изъ «глазъ моихъ слезы на гробъ его: я не о слезахъ «думала, но обожавъ супруга, пылала ревностію «воскресить въ себѣ душу его. Мудрыя преданія «древности, языки чужеземные, лѣтописи наро-«довъ вольныхъ, опыты вѣковъ, просвѣтили мой «разумъ. Я говорила — и старцы съ удивленіемъ «внимали словамъ моимъ; народъ добродушный, «осыпанный моими благодѣяніями, любитъ и сла-«витъ меня; чиновники имѣютъ ко мнѣ довѣрен-«ность, ибо думаю только о славѣ Новаграда; вра-«ги и завистники.... но я презираю ихъ. Всѣ ви-«дятъ дѣла мои; но вы одни знаете теперь ихъ «тайный источникъ. О Ксенія! я могу служить те-«бѣ примѣромъ; но ты, юноша, избранный сынъ «моего сердца, желай только сравняться съ от-«цомъ ея. Онъ любилъ супругу и дѣтей своихъ, «но съ радостію предалъ бы насъ въ жертву оте-«честву. Гордость, славолюбіе, героическая добро-«дѣтель есть свойство великаго мужа: жена сла-«бая бываетъ сильна одною любовію; но чувствуя «въ сердцѣ ея небесное вдохновеніе, она можетъ «превзойти великодушіемъ самыхъ великихъ му-

«жей, и сказать року: *не страшусь тебя!* Такъ «Ольга любовію къ памяти Игоря заслужила без«смертіе; такъ Мареа будетъ удивленіемъ потом«ства, естьли злословіе не омрачитъ дѣлъ ея въ «лѣтописяхъ!....»

Она благословила дѣтей, и заключилась въ уединенномъ своемъ теремѣ; но сонъ не смыкалъ глазъ ея. — Въ самую глубокую полночь Мареа слышитъ тихій стукъ у двери; отворяетъ ее — и входитъ человѣкъ суроваго вида, въ одеждѣ не Русской, съ длиннымъ мечемъ Литовскимъ, съ золотою на груди звѣздою; едва наклоняетъ свою голову, объявляетъ себя тайнымъ посломъ Казимира, и представляетъ Мареѣ письмо его. Она съ гордою скромностію отвѣтствуетъ: *жена Новогородская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты.* Хитрый Полякъ хвалитъ Героиню Великаго града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляетъ ее великой дочери Краковой, и называетъ *Новогородскою Вандою....* * Мареа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его.... Она съ гордостію садится. Казимиръ великодушно предлагаетъ Новугороду свое заступленіе, говоритъ онъ: «Требуйте, и легіоны Польскіе окружатъ васъ своими щитами!....» Мар-

---

* О сей Королевѣ Польскія лѣтописи разсказываютъ чудеса.

ея задумалась.... «Когда же спасемъ васъ, тогда....» Посадница быстро взглянула на него.... «тогда благодарные Новогородцы должны признать въ Казимирѣ своего благотворителя — и властелина, который безъ сомнѣнія не употребитъ во зло ихъ довѣренности....» *Умолкни!* грозно восклицаетъ Мароа.... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ безмолвствуетъ; но, устыдясь робости своей, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новаграда, естьли Казимиръ не защититъ его отъ Князя Московскаго.... «Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей?» съ жаромъ отвѣтствуетъ Мароа: «Когда вы не были лютыми врагами народа Русскаго? когда міръ надѣялся на слово Польское? Давно ли самъ невѣрный Амуратъ удивлялся вѣроломству вашему? * И вы дерзаете мыслить, что народъ великодушный захочетъ упасть на колѣни передъ вами? Тогда бы Іоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Нѣтъ! естьли угодно Небу, то мы падемъ съ мечемъ въ рукѣ предъ Княземъ Московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; Русской можетъ покориться Русскому, но чужеземцу — никогда, никогда!... Удались немедленно; и естьли восходящее солнце освѣтитъ тебя въ стѣнахъ Но-

---

* Сіе происшествіе было тогда еще ново. Владиславъ, Король Польскій, едва заключивъ торжественный миръ съ Султаномъ, нечаянно напалъ на его владѣнія.

вогородскихъ, ты будешь высланъ съ безчестіемъ. Такъ, Мароа любима народомъ своимъ; но она велитъ ему ненавидѣть Литву и Польщу.... Вотъ отвѣтъ Казимиру!» — Посолъ удалился.

На другой день Новгородъ представилъ вмѣстѣ и грозную дѣятельность воинскаго стана и великолѣпіе народнаго пиршества, даннаго Мароою въ знакъ ея семейственной радости. Стукъ оружія раздавался на стогнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ латахъ; старцы сидѣли на великой площади и разсказывали о битвахъ юношамъ неопытнымъ, которые вокругъ ихъ толпились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящіе. Въ то же время безчисленные столы накрывались вокругъ Мѣста Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; воины клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилія подавала яства. Борецкіе угощали народъ съ восточною роскошію. Міровлавъ и Ксенія ходили вокругъ столовъ и просили гражданъ веселиться. Юный полководецъ ласково говорилъ съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣтливо. Въ сей день Новогородцы составляли одно семейство: Мароа была его матерью. Она садилась за всякимъ столомъ, называла гражданъ своими гостями любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала съ ними, хотѣла казаться равною со всѣми и казалась Царицею. Громогласныя изъявленія усердія и радости встрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ говорить хотѣли, чтобы славить и величать Посадни-

цу. За первымъ столомъ и въ первомъ мѣстѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новогородскихъ старцевъ, котораго отецъ помнилъ еще Александра Невскаго: внукъ съ сѣдою бородою принесъ его на пиръ народный. Марѳа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новогородской!....* Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина Фряжскаго: старецъ выпилъ его, и томная кровь начала быстрѣе въ немъ обращаться. «Марѳа!» говорилъ онъ: «я былъ свидѣтелемъ твоего славнаго рожденія на берегу Невы; Храбрый Моленскій занемогъ въ станѣ: войско не хотѣло сражаться до его выздоровленія. Мать твоя спѣшила къ нему изъ Великаго града; и когда мы разили Нѣмецкихъ Рыцарей — когда родитель твой, еще блѣдный и слабый, мечемъ своимъ указывалъ намъ путь къ ихъ *святому прапору*, ты гордилась. Первый вопль твой былъ для насъ гласомъ побѣды; но Молинскій упалъ мертвый на тѣло Великаго Магистра Рудольфа, имъ сраженнаго!.... Финскій волхвъ, жившій тогда на берегу Невы, пророчествовалъ, что судьба твоя будетъ славна, но....» Старецъ умолкъ. Марѳа не хотѣла изъявить любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и дѣтьми ея служили народу. Гости иностранные украсили Великую площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали товары чужеземные: Марѳа да-

рила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнчевъ искусственными лаврами; на щитѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Мароа съ чувствительностію обняла своего друга. Всѣ Новогородцы ликовали, не думая о будущемъ: Михаилъ *Храбрый* не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой статуи и въ безмолвіи острилъ мечь на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру потѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ — и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Мароѣ.... «Друзья!» сказала она знаменитымъ гражданамъ: «Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду щастія — такъ говорятъ они — только даютъ намъ совѣты, а не войско — и какіе совѣты? ожидать всего отъ Іоанновой милости!....» *Измѣнники!* воскликнули всѣ граждане. *Недостойные!* повторяли гости чужеземные. *Отмстимъ имъ!* говорилъ народъ. *Презрѣніемъ!* отвѣтствовала Мароа; изорвала письмо, и на отрывкѣ его написала ко Псковитянамъ: *доброму желанію не вѣримъ, совѣтамъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтися можемъ.*

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ большею ревностію началъ вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы въ его области, съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невскихъ, великаго озера Ильменя, Онеги, Мологи,

Ловати, Шелони, одни за другими являлись въ общемъ станѣ, въ который Мірославъ вывелъ гражданъ Новогородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ витязей. Онъ встрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легіоны, пріучалъ ихъ къ стройному шествію, къ быстрымъ движеніямъ и стремительному нападенію, въ присутствіи женъ Новогородскихъ, которыя съ любопытствомъ и тайнымъ ужасомъ смотрѣли на сей образъ битвы. Между станомъ и вратами Московскими возвышался холмъ; туда обращался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли: тамъ стояла обыкновенно, вмѣстѣ съ матерью, прелестная Ксенія, уже страстная, чувствительная супруга.... Сердце невинное и скромное любитъ тѣмъ пламеннѣе, когда оно, слѣдуя закону Божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Жены Славянскія издревле славились нѣжностію. Ксенія гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ останавливалъ быстрыя тысячи; но чрезъ минуту слезы катились изъ глазъ ея.... она спѣшила отирать ихъ съ милою улыбкою, когда мать на нее смотрѣла. Часто Марѳа сходила съ высокаго холма, и въ шумномъ замѣшательствѣ терялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшитъ къ

Великому градусъ своими храбрыми, опытными легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новогородскихъ, отъ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Міриславъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отечества*... Она возвѣялась; и громкое восклицаніе раздалося: *друзья! въ поле!* Сердца родителей и супругъ затрепетали.... Тысячи колеблются и выступаютъ: первая и вторая состояли изъ знаменитыхъ граждан Новогородскихъ и Людей Житыхъ; одежда ихъ отличалась богатствомъ, оружіе блескомъ, осанка благородствомъ, а сердца пылкостію; каждый изъ нихъ могъ уже славиться дѣлами мужества или почтенными ранами. Михаилъ *Храбрый* шелъ наряду съ другими, какъ простый воинъ. Юный Міриславъ взялъ его за руку, вывелъ впередъ и сказалъ! *Честь Витязей! повелѣвай сими мужами знаменитыми!* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордостію; но взоръ его изъявилъ чувствительность.... «Юноша! я врагъ Борецкихъ!...» — »Но другъ славы Новогородской! «отвѣтствовалъ Міриславъ и Витязь обнялъ его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легіономъ шла *Дружина великодушныхъ*, подъ начальствомъ Ратсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новогородцами, составляли *большой полкъ*, Онежцы и Волховцы *передовой*, жители Деревской области *правую*, Шелонскіе *лѣвую руку*, а Невскіе

стражу.* Мирославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ..... Мароа явилась посреди его и сказала:

«Воины! въ послѣдній разъ да обратятся глаза ваши на сей градъ, славный и великолѣпный: судьба его написана теперь на щитахъ вашихъ! Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости или отчаянія, прославимъ героевъ или устыдимся малодушныхъ. Естьли возвратитесь съ побѣдою, то щастливы родители и жены Новогородскія, которые обнимутъ дѣтей и супруговъ; естьли возвратитесь побѣжденные, то будутъ щастливы сирые, безчадные и вдовицы!...... Тогда живые позавидуютъ мертвымъ.

«О воины великодушные! вы идете спасти отечество и навѣки утвердить благіе законы его: вы любите тѣхъ, съ которыми должны сражаться! но почто же ненавидятъ они величіе Новаграда? Отразите ихъ — и тогда съ радостію примиримся съ ними!

«Грядите — не съ миромъ, но съ войною для мира! Донынѣ Богъ любилъ насъ; донынѣ говорили народы: *кто противъ Бога и Великаго Новаграда*. Онъ съ вами: грядите!»

Заиграли на трубахъ и литаврахъ. Мирославъ вырвался изъ объятій Ксеніи. Мароа, возложивъ

---

* Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею или сторожевымъ полкомъ аріергардъ.

руки на юношу, сказала только: *исполни мою надежду*. Онъ сѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечемъ — и войско двинулось, громко взывая: *кто противъ Бога и Великаго Новаграда*! Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля стонала отъ конскаго топота — и въ облакахъ пыли сокрылись грозныя тысячи. Жены Новогородскія не могли удержать слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала, и съ твердостію сказала матери: *отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!*

Еще много жителей осталось въ Великомъ градѣ; но тишина, которая въ немъ царствуетъ по отходѣ войска, скрываетъ число ихъ. *Торговая сторона* * опустѣла: уже иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоцѣнныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Русской, затворены; не видно никого на *Мѣстѣ Княжескомъ*, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ тѣмъ, кажется великою обителію мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣни. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда, волну-

* Часть города, гдѣ жили купцы.

[illegible] другъ друга... [illegible] безопасности [illegible] грубою и малодушною. Одни [illegible] — одна Марѳа твердо [illegible] Ксенія [illegible] не только не можетъ раздѣлять [illegible] съ нею [illegible] Ксенія ходила съ матерью даже [illegible] Верховныхъ.

Первый гонецъ Мирославовъ [illegible] Ксеніи [illegible] — Марѳа сидѣла подъ тѣнію древняго дуба въ глубокомъ размышленіи. Мирославъ писалъ, что войско [illegible] что всѣ именитые [illegible] въ дружинѣ, и вмѣстѣ [illegible] Димитрій [illegible] что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Тверскими, и приближается: что славный Воевода Московскій, Василій Образецъ, ведетъ [illegible] и что Холмскій есть главный [illegible] начальникъ. — Второй гонецъ привезъ извѣстіе, что Новгородцы разбили отрядъ Іоаннова войска, и взяли въ плѣнъ 30 Московскихъ дворянъ. — Съ третьимъ Мирославъ написалъ только одно слово: сражаемся. Тутъ сердце Марѳы [illegible] затрепетало: она созвала на Великую площадь, сама ударила въ Вѣчевой колоколъ, объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы, стала на Вадимовомъ Мѣстѣ, устремила

взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило,... уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смотрѣлъ на Посадницу. Уже наступалъ вечеръ.... и Марѳа сказала: «я вижу облака пыли.» Всѣ руки поднялися къ небу.... Марѳа долго не говорила ни слова.... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятіе къ нещастной Ксеніи.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Марѳа съ высокаго Мѣста Вадимова увидѣла разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ издревле возили Новогородцы тѣла убитыхъ вождей своихъ....

Безмолвіе мужей и старцевъ въ Великомъ градѣ было ужаснѣе вопля женъ малодушныхъ.... Скоро Посадница ободрилась и велѣла отпереть врата Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой площади. Вокругъ ее шли, потупивъ глаза въ землю — съ горестію, но безъ стыда — Люди Житые и воины чужеземные; кровь запеклась на ихъ оружіи; обломанные щиты, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непріятельскихъ. Подъ сѣнію зна-

менъ, надъ тѣломъ вождя, сидѣлъ Михаилъ *Храбрый*, блѣдный, окровавленный; вѣтеръ развѣвалъ его черные волосы, и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой площади.... Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Мареа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ итти: чиновники взнесли его на желѣзныя ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла тѣло убитаго Мірослава.... на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти.... *Щастливый юноша!* произнесла она тихимъ голосомъ, и спѣшила внимать *Храброму* Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: «будь покойна: я дочь твоя!»

На щитахъ посадили витязя, отъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ томную голову, оперся на мечь свой, и вѣщалъ твердымъ голосомъ:

«Народъ и граждане! разбито воинство храброе, «убитъ полководецъ великій. Небо лишило насъ «побѣды, — не славы!

«На берегахъ Шелоны мы встрѣтились съ Іоан«номъ. Его именемъ Князь Холмскій требовалъ «тайнаго свиданія съ Мірославомъ. *Увидимся на* «*полѣ ратномъ!* отвѣтствовалъ гордый юноша — «и стройно поставилъ воинство. Онежцы первые «вступили въ бой на высотахъ Шелонскихъ: тамъ «Образецъ, славный Воевода Московскій, принялъ «ихъ удары на щитъ свой.... Мы шли въ срединѣ,

«тихо и въ безмолвіи. Мірославъ впереди наблю-
«далъ движенія и силу враговъ. Воинство Іоан-
«ново было многочисленнѣе нашего; необозримые
«ряды его тѣснились на равнинѣ. Мы видѣли Кня-
«зя Московскаго на бѣломъ конѣ; видѣли, какъ
«онъ распоряжалъ легіоны и блестящимъ мечемъ
«своимъ указывалъ на сердце Новогородское, на
«*хоругвь отечества;* видѣли Князя Холмскаго, съ
«сильнымъ отрядомъ идущаго окружить насъ....
«Мірославъ повелѣлъ, и Стража Невская съ Ди-
«митріемъ *Сильнымъ* двинулась на встрѣчу къ
«нему. Вѣроломный!... Еще Онежцы и Волховцы
«не могли занять бугровъ Шелонскихъ: мечь ви-
«тязя Образца дымился ихъ кровію. Мірославъ,
«пылая нетерпѣніемъ, летѣлъ туда на бурномъ
«конѣ своемъ: мы взглянули — и знамена Ново-
«городскія уже развѣвались на холмахъ — и Вол-
«ховцы на щитахъ своихъ подняли вверхъ тѣло
«убитаго начальника Московскаго. Тогда, воскли-
«нувъ громогласно: *кто противъ Бога и Великаго*
«*Новаграда?* всѣ ряды наши устремились въ бит-
«ву, и сразились.... На всей равнинѣ затрещало
«оружіе, и кровь полилась рѣкою. Я видалъ бит-
«вы, но никогда такой не видывалъ. Грудь Рус-
«ская была противъ груди Русской, и витязи съ
«обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что они Сла-
«вяне. Взаимная злоба братій есть самая ужас-
«ная!... Тысячи падали; но первые ряды казались
«цѣлы и невредимы: каждый пылалъ ревностію
«заступить мѣсто убитаго, и безжалостно попи-
«ралъ ногою трупъ своего брата, чтобы только

«отмстить смерть его. Воины Іоанновы стояли «твердынею непоколебимою: Новогородскіе стремились на нихъ какъ бурныя волны. Одни сражались за честь, другіе за честь и вольность: мы «шли впередъ.... за полководцемъ нашимъ, который искалъ взоромъ Іоанна. Князь Московскій «былъ окруженъ знаменитыми витязями; Міро«славъ.разсѣкъ сію крѣпкую ограду — поднялъ «руку — и медлилъ. Сильный оруженосецъ Іоан«новъ ударилъ его мечемъ въ главу, и шлемъ рас«пался на части: онъ хотѣлъ повторить ударъ; но «самъ Іоаннъ закрылъ Мірослава щитомъ своимъ. «Опасность вождя удвоила наши силы — и скоро «главная дружина Московская замѣшалась. Ново«городцы воскликнули побѣду; но въ тоже мгно«веніе имя Іоанново гремѣло за нами.... Мы съ «удивленіемъ обратили взоръ: Князь Холмскій «стылу разилъ лѣвое крыло Новогородское.... Ди«митрій измѣнилъ согражданамъ!... не исполнилъ «повелѣній вождя, завелъ Стражу въ непроходи«мыя блата, не встрѣтилъ врага и далъ ему «время окружить наше войско. Мірославъ спѣ«шилъ изумленныхъ Шелонцевъ: онъ помогъ «имъ только умереть великодушнѣе! Герой сра«жался безъ шлема; но всякій усердный воинъ «Новогородскій служилъ ему щитомъ. Онъ уви«дѣлъ Димитрія среди Московской дружины — «послѣднимъ ударомъ наказалъ измѣнника, и палъ «отъ руки Холмскаго; но падая на берегу Шело«ны, бросилъ мечь свой въ быстрыя воды ея....»

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ помрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли; мечь выпалъ изъ руки его; онъ затрепеталъ — взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ навѣки глаза свои... Чиновники положили тѣло его на колесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

«Народъ!» сказалъ Александръ *Знаменитый*, старшій изъ витязей: «благослови память Михаи«ла! Онъ вышелъ изъ битвы съ *хоругвію отече«ства*, съ тѣломъ Мірослава, обагренный кровію «безчисленныхъ враговъ и собственною; собралъ «остатки храбрыхъ Людей Житыхъ, *Дружины «великодушныхъ*, и въ самомъ бѣдствіи казался «грознымъ Іоанну — враги видѣли насъ еще не «мертвыхъ, и стояли неподвижно. Радость побѣ«ды изображалась на ихъ лицахъ вмѣстѣ съ ужа«сомъ: они купили ее смертію славнѣйшихъ Мо«сковскихъ витязей. Народъ и чиновники! многіе «Новогородцы погибли славно: радуйтесь! нѣко«торые спаслися бѣгствомъ: презирайте мало«душныхъ! Мы живы, но не стыдимся! Сочтите «знаменитыхъ гражданъ: ихъ осталось менѣе по«ловины; всѣ они легли вокругъ *хоругви отече«ства.*» — «Сочтите насъ!» сказалъ начальникъ *Дружины великодушныхъ:* «изъ семи сотъ чуже«земныхъ братій Новогородскихъ видите третію «часть: всѣ они легли вокругъ Мірослава.»

«Убиты ли сыны мои?» спросила Марѳа съ нетерпѣніемъ. *Оба*, отвѣтствовалъ Александръ *Зна-*

менитый * съ горестію. «Хвала Небу!» сказала Посадница. «Отцы и матери Новогородскіе! теперь я могу утѣшать васъ!.... Но прежде, о народъ! будь строгимъ, неумолимымъ судіею и «рѣши — судьбу мою! Унылое молчаніе царствуетъ на Великой площади; я вижу знаки отчаянія «на многихъ лицахъ. Можетъ быть, граждане сожалѣютъ о томъ, что они не упали на колѣна «предъ Іоанномъ, когда Холмскій объявилъ намъ «волю его властвовать въ Новѣгородѣ; можетъ «быть, тайно обвиняютъ меня, что я хотѣла оживить въ сердцахъ гордость народную!.... Пусть «говорятъ враги мои; и естьли они докажутъ, что «сердца Новогородскія не отвѣтствуютъ моему «сердцу; что любовь къ свободѣ есть преступленіе для гражданки вольнаго отечества: то я не «буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною, и «съ радостію кладу голову свою на плаху. Пошлите ее въ даръ Іоанну, и смѣло требуйте его милости!....»

«Нѣтъ! нѣтъ!» воскликнулъ народъ въ живѣйшемъ усердіи: «мы хотимъ умереть съ тобою! Гдѣ «враги твои? гдѣ друзья Іоанновы? Пусть говорятъ они: мы пошлемъ ихъ головы къ Князю «Московскому!» — Отцы, которые лишились дѣтей въ битвѣ Шелонской, тронутые великодушіемъ Мареы, цѣловали одежду ея и говорили: *про-*

* Въ лѣтописяхъ сказано, что сынъ ея Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

сти намъ! мы плакали!.... Слезы текли изъ глазъ Мареы. «Народъ!» сказала она: «съ такою душею «ты еще не побѣжденъ Іоанномъ! Нѣтъ величія «безъ опасностей и бѣдствія: Небо искушаетъ ими «любимцевъ своихъ. Бывали тучи надъ Великимъ «градомъ; но отцы наши не опускали мечей, и мы «родились свободными. Издревле щастіе воинское «славится превратностію. Новгородъ видалъ тѣла «полководцевъ на лобномъ мѣстѣ; видалъ надмен- «наго врага предъ стѣнами своими: ктожъ входилъ «въ нихъ донынѣ? одни друзья его. Народъ вели- «кодушный! будь твердъ и спокоенъ! Еще не все «погибло: Борецкая жива и говоритъ съ тобою! «Когда желѣзныя ступени престанутъ звучать «подъ ногами моими; когда взоръ твой въ часъ рѣ- «шительный напрасно будетъ искать меня на Ва- «димовомъ Мѣстѣ; когда въ глубокую ночь пога- «снетъ лампада въ моемъ высокомъ теремѣ и не «будетъ уже для тебя знакомъ, что Мареа при «свѣтѣ ея мыслитъ о благѣ Новаграда: тогда, то- «гда скажи: *все погибло!....* Теперь, друзья со- «граждане! воздадимъ послѣднюю честь вождю «Мірославу и витязю Михаилу! Чиновники ваши «пекутся о безопасности града.» —— Она дала знакъ рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народъ проводили ее до Софійскаго храма. Ѳеофилъ съ Духовенствомъ встрѣтилъ ихъ. Степенный Посадникъ и Тысячскій положили тѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслилъ успокоиться въ Великомъ градѣ. Чиновники по-

ставили стражу и заключились въ домѣ Ярослава для совѣта съ Маровою. Граждане толпились на стогнахъ, и боялись войти въ домы свои — боялись вопля женъ и матерей отчаянныхъ. Утомленные воины не хотѣли отдохновенія; стояли предъ Вадимовымъ Мѣстомъ, облокотясь на щиты свои, и говорили: *побѣжденные не отдыхаютъ!*— Ксенія молилась надъ тѣломъ Мірослава.

На зарѣ утренней раздалось святое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы витязей были открыты. Марѳа, Ксенія, старецъ, родитель Михаиловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горесть изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ стенать и плакать. Іосифъ Дѣлинскій именемъ Новаграда положилъ во гробы *хартію славы!* *... ихъ опустили въ землю подъ вѣяніем *хоругви отечества*. Посадница стала на могилу; она держала въ рукѣ цвѣты, и говорила: «Честь «и слава храбрымъ! стыдъ и поношеніе робкимъ! «Здѣсь лежатъ знаменитые витязи: совершились «ихъ подвиги; они успокоились въ могилѣ и ни«чѣмъ уже не должны отечеству: но отечество «должно имъ вѣчною благодарностію. О воины «Новогородскіе! кто изъ васъ не позавидуетъ сему «жребію? Храбрые и малодушные умираютъ: бла«женъ, о комъ жалѣютъ вѣрные сограждане, и «чьею смертію они гордятся! Взгляните на сего

---

* На сихъ хартіяхъ (говоритъ Авторъ) изображались славныя дѣла усопшаго.

«старца, родителя Михаилова: согбенный лѣтами «и болѣзнями, безчадный при концѣ жизни, онъ «благодаритъ Небо, ибо Новгородъ погребаетъ «великаго сына его. Взгляните на сію вдовицу «юную: брачное пѣніе соединилось для нее съ «гимнами смерти; но она тверда и великодушна, «ибо ея супругъ умеръ за отечество... Народъ! «естьли Всевышнему угодно сохранить бытіе твое; «естьли грозная туча разсѣется надъ нами, и солн«це озаритъ еще торжество свободы въ Новѣго«родѣ: то сіе мѣсто да будетъ для тебя священно! «Жены знаменитыя да украшаютъ его цвѣтами, «какъ я теперь украшаю ими могилу любезнѣй«шаго изъ сыновъ моихъ...» (Мароа разсыпала цвѣты)... «и витязя храбраго, нѣкогда врага Бо«рецкихъ; но тѣнь его примирилась со мною: мы «оба любили отечество!... Старцы, мужи и юноши «да славятъ здѣсь кончину Героевъ и да клянутъ «память измѣнника Димитрія!» *Клятва, вѣчная клятва его имени и роду!* воскликнули всѣ чиновники и граждане — и братъ Димитрія упалъ мертвый въ толпѣ народной — и супруга его отчаянная бросилась въ шумную глубину Волхова.

Уже легіоны Іоанновы приближались къ Великому граду, и медленно окружали его: народъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ грозныя движенія. Уже бѣлый шатеръ Княжескій, златымъ шаромъ увѣнчанный, стоялъ предъ вратами Московскими — и Степенный Тысячскій отправился посломъ къ Іоанну. Новогородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миромъ.

Марѳа знала сердца народныя, душу Великаго Князя, и спокойно ожидала его отвѣта. Тысяцкій возвратился съ лицемъ печальнымъ: она велѣла ему объявить всенародно успѣхъ посольства... «Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чиновники думали, что Князь Московскій, хотя и побѣдитель, но самою побѣдою, трудною и случайною, увѣренный въ великодушіи Новогородскомъ, можетъ еще примириться съ нами... Бояре ввели меня въ шатеръ Іоанна... Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ требовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія...
«Князь Московскій!» я вѣщалъ ему: «Новгородъ
«еще свободенъ! Онъ желаетъ мира, не рабства.
«Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за вольность: хо-
«чешь ли еще напраснаго кровопролитія? Пощади
«своихъ витязей: отечеству Русскому нужна сила
«ихъ. Естьли казна твоя оскудѣла; естьли богат-
«ство Новгородское прельщаетъ тебя—возьми наши
«сокровища: завтра принесемъ ихъ въ станъ твой
«съ радостію, ибо кровь согражданъ намъ драгоцѣн-
«нѣе злата; но свобода и самой крови намъ драго-
«цѣннѣе. Оставь насъ только быть щастливыми
«подъ древними законами, и мы назовемъ тебя
«своимъ благотворителемъ; скажемъ: *Іоаннъ могъ*
«*лишить насъ верховнаго блага*, *и не сдѣлалъ*
«*того*; *хвала ему!* Но естьли не хочешь мира съ
«людьми свободными, то знай, что совершенная
«побѣда надъ ними должна быть ихъ истребле-
«ніемъ: а мы еще дышемъ и владѣемъ оружіемъ;
«знай, что ни ты, ни преемники твои не будутъ

«увѣрены въ искренней покорности Новаграда, «доколѣ древнія стѣны его не опустѣютъ или не «прiимутъ въ себя жителей, чуждыхъ крови на-«шей!» — *Покорность безъ условiя*, *или гибель мятежникамъ!* отвѣтствовалъ Iоаннъ, и съ гнѣвомъ отвратилъ лице свое. Я удалился.

Мареа предвидѣла дѣйствiе: народъ въ страшномъ озлобленiи требовалъ полководца и битвы. Александру *Знаменитому* вручили жезлъ начальства — и битвы начался...

Дѣла славныя и великiя! Одни Русскiе могли съ обѣихъ сторонъ такъ сражаться, могли такъ побѣждать и быть побѣждаемы. Опытность, хладнокровiе мужества и число благопрiятствовали Iоанну; пылкая храбрость одушевляла Новогородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опытность: юноши, самые отроки становились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и воины Московскiе не чувствовали ослабленiя въ ударахъ противниковъ. Съ торжествомъ возглашалося имя Великаго Князя: иногда, хотя и рѣдко, имя вольности и Мареы бывало также радостнымъ кликомъ побѣдителей (ибо вольность и Мареа одно знаменовали въ Великомъ градѣ). Часто Iоаннъ, видя славную гибель упорныхъ Новогородцевъ, восклицалъ горестно: «я лишаюсь въ нихъ достойныхъ моего сердца подданныхъ!» Бояре Московскiе совѣтовали ему удалиться отъ града; но великая душа его содрогалась отъ мысли уступить непокорнымъ. «Хотите ли (онъ съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ), хотите ли, чтобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ

ногамъ мятежниковъ?...» и суровые Муромцы, жители темныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *Дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на которыхъ изображались слова: *съ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе, такъ Мароа въ Новѣгородѣ воспаляла умы и сердца. Народъ, часто великодушный, не рѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячи приходили въ станъ Княжескій. «Мароа!» говорилъ онъ: «кто нашъ союзникъ? кто поможетъ Великому граду?...» «*Небо*,» отвѣтствовала Посадница: «влажная осень наступаетъ; блата, насъ окружающія, скоро обратятся въ необозримое море; всплывутъ шатры Іоанновы, и войско его погибнетъ или удалится.» Лучь надежды не угасалъ въ сердцахъ, и Новогородцы сражались. Мароа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битвы и держала въ рукѣ *хоругвь отечества*; иногда, видя отступленіе Новогородцевъ, она грозно восклицала, и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ битву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе витязей, думала: *такъ палъ Міроелавъ любезный!* Казалось, что сія невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролитія — столь чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обагреннымъ

кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары Новогородскіе на главу Московскаго Полководца: но желѣзный щитъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго витязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелію на смѣлыхъ противниковъ. Александръ *Знаменитый* съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе отечества, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступали мѣсто вождей Новогородскихъ, ибо юность всего отважнѣе. Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Степенный Посадникъ собралъ знаменитѣйшихъ Бояръ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Вѣчевый колоколъ*. Граждане летѣли на Великую площадь, и всѣ глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Мароа и Ксенія вели на его желѣзныя ступени пустынника Өеодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Старецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знатныхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: «Отечество любезное! пріими снова въ нѣдра свои Өеодосія!... «Въ щастливые дни твои я молился въ пустынѣ; «но братья мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть «съ ними, да совершится клятвенный обѣтъ моей «юности и рода Молинскихъ!...» Іосифъ Дѣлинскій, провождаемый Тысячскими и Боярами, несетъ златую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаетъ ее

на старца и говоритъ ему: «Будь еще Посадни-«комъ великаго града! Исполни усердное желаніе «Верховнаго Совѣта! Съ радостію уступаю тебѣ «мое достоинство: я могу владѣть оружіемъ; могу «умереть въ полѣ!... Народъ! объяви волю свою!...» *Да будетъ! да будетъ!* громогласно отвѣтствовали граждане — и Мареа сказала: «О славное «торжество любви къ отечеству! Старецъ, кото-«раго Новгородъ уже давно оплакалъ какъ мерт-«ваго, воскресаетъ для его служенія! Отшельникъ, «который въ тишинѣ пустыни и земныхъ стра-«стей забылъ уже всѣ радости и скорби человѣка, «вспомнилъ еще обязанность гражданина: оста-«вляетъ мирную пристань и хочетъ дѣлить съ «нами опасности временъ бурныхъ! Народъ и «граждане! можете ли отчаяваться? можете ли «сомнѣваться въ Небесной благости, когда Небо «уступаетъ намъ Своего избраннаго; когда сто-«лѣтняя мудрость и добродѣтель будетъ предсѣ-«дать въ Верховномъ Совѣтѣ? Возвратился Ѳео-«досій: возвратится и благоденствіе, которымъ вы «нѣкогда подъ его мудрымъ правленіемъ наслаж-«дались. Тогда воспоминаніе минувшихъ бѣдствій, «искусившихъ твердость сердецъ Новогородскихъ, «обратится въ славу нашу, и мы будемъ тѣмъ «щастливѣе: ибо *слава* есть щастіе великихъ на-«родовъ!»

Дѣлинскій и Мареа убѣдили Ѳеодосія торжественно явиться въ Великомъ градѣ; они думали, что сія нечаянность сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обманулись. Граждане ло-

бызали руки старца, подобно дѣтямъ, которыя въ отсутствіе отца были нещастливы и надѣются, что опытная мудрость его прекратитъ бѣды ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Ѳеодосія неизъяснимое величіе; но онъ могъ служить отечеству только усердными обѣтами чистой души своей — и безполезными: ибо суды Вышняго непремѣнны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ былъ угостить народъ: Марѳа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! еще духъ братства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родителя, сына или брата, убитыхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минутное, щастливое забвеніе было послѣднимъ благодѣяніемъ Судьбы для Новогородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдствіе; скоро въ Великомъ градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его областями хлѣбородными, житницы народныя знаменитыхъ гражданъ и гостей чужеземныхъ опустѣли. Еще нѣсколько времени усердіе къ отечеству терпѣливо сносило недостатокъ: народъ едва питался и молчалъ. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое утро спѣшили на высокія стѣны и видѣли шатры Московскіе, блескъ оружія, грозные ряды воиновъ; все еще думали, что Іоаннъ удалится, и малѣйшее движеніе въ его станѣ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ отступленія... Такъ надежда возрастаетъ иногда съ бѣд-

ствіемъ, подобно свѣтильнику, который, готовясь угаснуть, расширяетъ пламя свое.... Мареа страдала во глубинѣ души, но еще являлась народу, въ видѣ спокойнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными: когда ходила по стогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзины съ хлѣбами; она раздавала ихъ, встрѣчая бѣдныя, изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи... Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъявляли, что они не одобряютъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣтовали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, столѣтній Ѳеодосій сѣдыми власами отиралъ слезы свои, Мареа вступала въ храмину Совѣта, и всѣ снова казались твердыми. — Граждане, гонимые тоскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Ѳеодосія, стоящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости, бесѣдовала съ его тѣнію и давала ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глада сильно обнаружились, и страшный вопль, предвѣстникъ мятежа, раздался на стогнахъ. Нещастныя матери взывали: «грудь наша изсохла; она уже не питаетъ младенцевъ!» Добрые сыны Новогородскіе восклицали: «мы

готовы умереть; но не можемъ видѣть лютой смерти отцовъ нашихъ!» Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ братьями Новогородскими, и что великодушное терпѣніе есть должность ихъ... Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ тѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство глада терзало нещастныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, безчеловѣчною... Она содрогнулась... Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: «лучше служить Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возвратитъ изобиліе Новуграду: она хочетъ обратить его въ могилу!...» Мароа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молитъ народъ выслушать ее... Граждане, пораженные симъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуютъ... «Въ послѣдній разъ» — вѣщаетъ она — «въ послѣдній разъ заклинаю васъ быть «твердыми еще нѣсколько дней! Отчаяніе да бу«детъ нашею силою! Оно есть послѣдняя надежда «Героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо «да рѣшитъ судьбу нашу!...» Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: «идемъ, идемъ сражаться!» Друзья Іоанновы и враги Посадницы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились; многіе сами упали на колѣна предъ Мароою, называли ее *матерію Новогородскою* и снова кля-

лись умереть великодушно. Сія минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московскія отворились; воины спѣшили въ поле: она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, который обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости навѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣтило Новогородцевъ... Битва продолжалась три часа; она была чудеснымъ усиліемъ храбрости... но Мареа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ и — тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; остатки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Мареу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Ѳеодосій, по требованію народа, отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій отвѣтствовалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Ѳеодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Мареы: невольно

устремился на высокій теремъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы... Нѣсколько времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: «Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ отцемъ Новаграда.» Народъ присталъ къ нимъ и молилъ старца быть его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власти народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой площади, ходили по стогнамъ, нарочно приближались къ вратамъ, гдѣ стояла воинская стража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣтствовали: «вольные люди Новогородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подъ *хоругвію* Новогородскою, среди воинскаго стана, полководцевъ и Бояръ Московскихъ; взоръ его сіялъ величіемъ и радостію. Θеодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники Великаго града. Посадникъ сталъ на колѣна и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ — Тысячскіе преломили жезлы свои, и Старосты Пяти Концовъ Новогородскихъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Θеодосія. «Государь Новаграда!» сказалъ онъ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: *да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Нова-*

града!... «Государь!» продолжалъ старецъ: судьба «наша въ рукахъ твоихъ. Отнынѣ воля Самовла-«стителя будетъ для насъ единственнымъ зако-«номъ. Естьли мы, рожденные подъ иными уста-«вами, кажемся тебѣ виновными, да падутъ наши «головы! Всѣ чиновники, всѣ граждане виновны, «ибо всѣ любили свободу. Естьли простишь насъ, «то будемъ вѣрными подданными: ибо сердца Рус-«скія не знаютъ измѣны, и клятва ихъ надежна. «Твори, что угодно Владыкѣ самодержавному!..» Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Ѳеодосія. *Судъ мой есть правосудіе и милость!* вѣщалъ онъ: *милость всѣмъ чиновникамъ и народу*... «Милость! милость!» воскликнули Бояре Московскіе. «Милость! милость!» радостно повторяло все войско: казалось, что она *ему* была объявлена — столь добродушны Русскіе! Одни чиновники Новогородскіе стояли въ мрачномъ безмолвіи, потупивъ глаза въ землю. «Богъ судилъ меня «съ Новогородцами:» сказалъ Іоаннъ: «кого на-«казалъ Онъ, того милую! Идите: да узнаетъ на-«родъ, что Іоаннъ желаетъ быть отцемъ его!» Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, который, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ врата Московскія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ... «Не бойся мести Іоанновой,» сказали друзья: «онъ всѣхъ прощаетъ...» Марѳа отвѣтствовала имъ гор-

дою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домѣ ея. Холмскій входитъ, ставитъ воиновъ у дверей и велитъ Боярамъ Новогородскимъ удалиться. Мареа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: «Видите, что «Князь Московскій уважаетъ Борецкую: онъ считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите!... Вамъ «еще можно жить...» Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: «Мареа! Государь повѣритъ одному слову твоему....» *Вотъ оно* (отвѣтствовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самаго Новаграда!...* Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ Пяти Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Мареы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну, который съ величіемъ и торжествомъ въѣзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію *хоругви отечества*, среди легіоновъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ.

Мареа, заключенная въ домѣ своемъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: «*да здравствуетъ Государь всея Россіи Великаго Новаграда!...*» «Давно ли,» сказала она милой дочери, кото-

рая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза — «давно ли сей «народъ славилъ Мароу и вольность? Теперь онъ «увидитъ кровь мою, и не покажетъ слезъ сво-«ихъ; иногда съ горестію будетъ воспоминать «меня, но происшествія новыя скоро займутъ всю «душу его, и только слабые, хладные слѣды бы-«тія моего останутся въ преданіяхъ суетнаго лю-«бопытства!... И геройство пылаетъ огнемъ дѣлъ «великихъ, жертвуетъ драгоцѣннымъ спокой-«ствіемъ и всѣми милыми радостями жизни... кому? «неблагодарнымъ! Я могла бы наслаждаться ща-«стіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй «матери, богатствомъ, благотвореніемъ, всеобщею «любовію, почтеніемъ людей и — самою нѣжною «горестію о великомъ отцѣ твоемъ; но я все при-«несла въ жертву свободѣ моего народа: самую «чувствительность женскаго сердца — и хотѣла «ужасовъ войны; самую нѣжность матери, и не «могла плакать о смерти сыновъ моихъ!...» (Тутъ *въ первый разъ* глаза Мароы наполнились слезами *раскаянія*)... «Прости мнѣ, тѣнь великодушнаго «супруга! Сіе движеніе было послѣднимъ гласомъ «женской слабости. Я клялась заступить твое мѣ-«сто въ отечествѣ, и конечно исполнила клятву «свою: ибо Князь Московскій считаетъ меня до-«стойною погибнуть вмѣстѣ съ вольностію Ново-«городскою! Ты позавидовалъ бы моей долѣ, есть-«ли бы еще дышалъ для отечества; самая небла-«годарность народа возвысила бы въ глазахъ тво-«ихъ цѣну великодушной жертвы: награда при-

устремился на высокій теремъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы... Нѣсколько времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: «Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ отцемъ Новаграда.» Народъ присталъ къ нимъ и молилъ старца быть его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власти народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой площади, ходили по стогнамъ, нарочно приближались къ вратамъ, гдѣ стояла воинская стража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣтствовали: «вольные люди Новогородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подъ *хоругвію* Новогородскою, среди воинскаго стана, полководцевъ и Бояръ Московскихъ; взоръ его сіялъ величіемъ и радостію. Өеодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники Великаго града. Посадникъ сталъ на колѣна и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ — Тысячскіе преломили жезлы свои, и Старосты Пяти Концовъ Новогородскихъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Өеодосія. «Государь Новаграда!» сказалъ онъ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: *да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Нова-*

града!... «Государь!» продолжалъ старецъ: судьба «наша въ рукахъ твоихъ. Отнынѣ воля Самовла«стителя будетъ для насъ единственнымъ зако«номъ. Естьли мы, рожденные подъ иными уста«вами, кажемся тебѣ виновными, да падутъ наши «головы! Всѣ чиновники, всѣ граждане виновны, «ибо всѣ любили свободу. Естьли простишь насъ, «то будемъ вѣрными подданными: ибо сердца Рус«скія не знаютъ измѣны, и клятва ихъ надежна. «Твори, что угодно Владыкѣ самодержавному!..» Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Ѳеодосія. *Судъ мой есть правосудіе и милость!* вѣщалъ онъ: *милость всѣмъ чиновникамъ и народу*... «Милость! милость!» воскликнули Бояре Московскіе. «Милость! милость!» радостно повторяло все войско: казалось, что она *ему* была объявлена — столь добродушны Русскіе! Одни чиновники Новогородскіе стояли въ мрачномъ безмолвіи, потупивъ глаза въ землю. «Богъ судилъ меня «съ Новогородцами:» сказалъ Іоаннъ: «кого на«казалъ Онъ, того милую! Идите: да узнаетъ на«родъ, что Іоаннъ желаетъ быть отцемъ его!» Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, который, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ врата Московскія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Маѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ... «Не бойся мести Іоанновой,» сказали друзья: «онъ всѣхъ прощаетъ...» Маѳа отвѣтствовала имъ гор-

дою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домѣ ея. Холмскій входитъ, ставитъ воиновъ у дверей и велитъ Боярамъ Новогородскимъ удалиться. Мареа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: «Видите, что «Князь Московскій уважаетъ Борецкую: онъ счи«таетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите!... Вамъ «еще можно жить...» Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: «Мареа! Государь повѣритъ одному слову твоему....» *Вотъ оно* (отвѣтствовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самаго Новаграда!...* Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ Пяти Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Мареы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну, который съ величіемъ и торжествомъ въѣзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію *хоругви отечества*, среди легіоновъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ.

Мареа, заключенная въ домѣ своемъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: «*да здравствуетъ Государь всея Россіи Великаго Новаграда!...*» «Давно ли,» сказала она милой дочери, кото-

рая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза — «давно ли сей «народъ славилъ Мароу и вольность? Теперь онъ «увидитъ кровь мою, и не покажетъ слезъ сво-«ихъ; иногда съ горестію будетъ воспоминать «меня, но происшествія новыя скоро займутъ всю «душу его, и только слабые, хладные слѣды бы-«тія моего останутся въ преданіяхъ суетнаго лю-«бопытства!... И геройство пылаетъ огнемъ дѣлъ «великихъ, жертвуетъ драгоцѣннымъ спокой-«ствіемъ и всѣми милыми радостями жизни...кому? «неблагодарнымъ! Я могла бы наслаждаться ща-«стіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй «матери, богатствомъ, благотвореніемъ, всеобщею «любовію, почтеніемъ людей и — самою нѣжною «горестію о великомъ отцѣ твоемъ; но я все при-«несла въ жертву свободѣ моего народа: самую «чувствительность женскаго сердца — и хотѣла «ужасовъ войны; самую нѣжность матери, и не «могла плакать о смерти сыновъ моихъ!...» (Тутъ *въ первый разъ* глаза Мароы наполнились слезами *раскаянія*)... «Прости мнѣ, тѣнь великодушнаго «супруга! Сіе движеніе было послѣднимъ гласомъ «женской слабости. Я клялась заступить твое мѣ-«сто въ стечествѣ, и конечно исполнила клятву «свою: ибо Князь Московскій считаетъ меня до-«стойною погибнуть вмѣстѣ съ вольностію Ново-«городскою! Ты позавидовалъ бы моей долѣ, есть-«ли бы еще дышалъ для отечества; самая небла-«годарность народа возвысила бы въ глазахъ тво-«ихъ цѣну великодушной жертвы: награда при-

«знательности уменьшаетъ ее... Теперь я спокой-
«но ожидаю смерти!... Знаю Іоанна; онъ знаетъ
«Мареу, и долженъ однимъ ударомъ сразить гор-
«дость Новогородскую: кто дерзнетъ возстать
«противъ Монарха, который наказалъ Борец-
«кую?... Герои древности, побѣждаемые силою и
«щастіемъ, лишали себя жизни; безстрашные боя-
«лись казни: я не боюсь ее. Небо должно распо-
«лагать жизнію и смертію людей: человѣкъ во-
«ленъ только въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ.» —
Ксенія слушала мать свою, и разумѣла слова ея.

Іоаннъ предъ храмомъ Софійскимъ сошелъ съ коня: Ѳеофилъ и духовенство встрѣтили его со крестами. Сей великій Государь принесъ жертву моленія и благодарности Всевышнему. Всѣ славные Воеводы Московскіе, преклонивъ колѣна, слезами изъявляли радость свою. — Іоаннъ въ домѣ Ярослава угостилъ роскошною трапезою знатнѣйшихъ Бояръ Новогородскихъ, и державною рукою своею сыпалъ злато на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славили его благотворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій Государь Русскій побѣдилъ Русскихъ: любовь отца Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя стражи явились на стогнахъ, и повелѣли гражданамъ удалиться; но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ тишинѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ путь факеломъ, остано-

вились въ оградѣ, и Великій Князь — наклонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онъ изъявлялъ горесть и съ жаромъ упрекалъ Холмскаго смертію сего храбраго витязя... Новогородцы вспомнили тогда, что Государь щитомъ своимъ отразилъ мечь оруженосца, хотѣвшаго умертвить Мірослава; удивлялись — и никогда не могли свѣдать тайны Іоаннова благоволенія къ юношѣ. — Сіи любопытные приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой площади, слышали стукъ сѣкиръ — и высокій эшафотъ явился предъ Домомъ Ярослава. Новогородцы думали, что Іоаннъ нарушитъ слово, и что гнѣвъ его поразитъ всѣхъ именитыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ легіоны Московскіе были въ движеніи, и Холмскій съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ по стогнамъ. Народъ трепеталъ, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Тамъ, на эшафотѣ, лежала сѣкира. Отъ Конца Славянскаго до Мѣста Вадимова стояли воины съ блестящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ; Воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные запоры упали, и врата Борецкихъ растворились: выходитъ Мароа, въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Ѳеодосій несетъ образъ предъ нею. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Мароы; но такъ величаво ходила она всегда по стогнамъ, когда чиновники ожидали

ее въ Совѣтѣ или граждане на *Вѣчѣ*. Народъ и воины соблюдали мертвое безмолвіе; ужасная тишина царствовала: Посадница остановилась предъ Домомъ Ярослава. Ѳеодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Марѳа положила руку на сердце ея — знакомъ изъявила удовольствіе, и спѣшила на высокій эшафотъ — сорвала покрывало съ головы своей: казалась томною, но спокойною — съ любопытствомъ посмотрѣла на лобное мѣсто (гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ) — взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ... приближилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *подданные Іоанна! умираю гражданкою Новогородскою!*... Не стало Марѳы... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло Посадницы одѣли чернымъ покровомъ... Ударили въ бубны — и Холмскій, держа въ рукѣ хартію, сталъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей, и читалъ громогласно слѣдующее:

«Слава правосудію Государя! Такъ гибнутъ «виновники мятежа и кровопролитія! Народъ и «Бояре! не ужасайтесь: Іоаннъ не нарушитъ «слова; на васъ милующая десница его. Кровь «Борецкой примиряетъ вражду единоплеменныхъ; «одна жертва, необходимая для вашего спокой«ствія, навѣки утверждаетъ сей союзъ неразрыв«ный. Отнынѣ предадимъ забвенію всѣ минувшія

«бѣдствія; отнынѣ вся земля Русская будетъ ва-«шимъ любезнымъ отечествомъ, а Государь вели-«кій отцемъ и главою. Народъ! не вольность, часто «гибельная, но *благоустройство*, *правосудіе* и *без-«опасность* суть три столпа гражданскаго щастія: «Іоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицемъ Бога «всемогущаго...»

Тутъ Князь Московскій явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова Дому, безоруженъ и съ главою открытою: онъ взиралъ на гражданъ съ любовію и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе.

«Обѣщаетъ Россіи славу и благоденствіе; кля-«нется своимъ и всѣхъ его преемниковъ именемъ, «что польза народная во вѣки вѣковъ будетъ лю-«безна и священна Самодержцамъ Россійскимъ — «или да накажетъ Богъ клятвопреступника! да ис-«чезнетъ родъ его, и новое, Небомъ благословен-«ное поколѣніе, да властвуетъ на тронѣ ко щастію «людей!» *

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны Княжескіе взывали: *слава и долголѣтіе Іоанну!* Народъ еще безмолвствовалъ. Заиграли на трубахъ — и въ единое мгновеніе высокій эшафотъ разрушился. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и граждане наконецъ воскликнули: *слава Государю Россійскому!*

---

* Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благословенная фамилія Романовыхъ царствуетъ.

Старецъ Өеодосій снова удалился въ пустыню, и тамъ, на берегу великаго озера Ильменя, погребъ тѣла Марөы и Ксеніи. Гости чужеземные вырыли для нихъ могилу, и на гробѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ донынѣ остается тайною. Изъ семи сотъ Нѣмецкихъ гражданъ только пятьдесятъ человѣкъ пережили осаду Новогородскую: они немедленно удалились во свои земли. *Вѣчевый колоколъ* былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего.

1803 г.

РЫЦАРЬ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Вступленiе.

Съ нѣкотораго времени вошли въ моду *историческiе романы*. Неугомонный родъ людей, который называется *Авторами*, тревожитъ священный прахъ Нумъ, Аврелiевъ, Альфредовъ, Карломановъ, и пользуясь изстари присвоеннымъ себѣ правомъ (едва ли *правымъ*), вызываетъ древнихъ Героевъ изъ ихъ *тѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссiанъ), чтобы они, вышедши на сцену, забавляли насъ своими разсказами. Прекрасная кукольная комедiя! Одинъ встаетъ изъ гроба въ длинной Римской *тогѣ*, съ сѣдою головою; другой въ коротенькой Гишпанской епанчѣ, съ черными усами — и каждой, протирая себѣ глаза, начинаетъ свою повѣсть съ яицъ Леды. Только привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они часто зѣваютъ; а съ ними вмѣстѣ... и читатели сихъ историческихъ небылицъ. Я никогда не былъ ревностнымъ послѣдователемъ модъ въ нарядахъ; не хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу будить усопшихъ великановъ человѣчества; не люблю, чтобъ

мои читатели зѣвали — и для того, вмѣсто *историческаго романа*, думаю разсказать *романическую исторію* одного моего пріятеля. Впрочемъ *не любо не слушай*, а говорить *не мѣшай:* вотъ мое невинное правило!

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе моего Героя.

Естьли спросите вы, кто онъ? то я... не скажу вамъ. Имя не человѣкъ, говорили Русскіе въ старину. Но такъ живо, такъ живо опишу вамъ свойства, всѣ качества моего пріятеля — черты лица, ростъ, походку его — что вы засмѣетесь и укажете на него пальцомъ... «Слѣдственно онъ живъ?» Безъ сомнѣнія; и въ случаѣ нужды можетъ доказать, что я не лжецъ и не выдумалъ на него ни *слова*, ни *дѣла* — ни печальнаго ни смѣшнаго. Однакожъ... надобно какъ нибудь назвать его; частыя мѣстоименія въ Русскомъ языкѣ непріятны; назовемъ его — Леономъ.

На луговой сторонѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее прозрачная рѣка Свіяга, и гдѣ, какъ извѣстно по Исторіи Натальи, Боярской дочери, жилъ и умеръ изгнанникомъ невинный Бояринъ Любославскій — тамъ, въ маленькой деревенькѣ, ро-

дился прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ; тамъ родился и самъ Леонъ, въ то время, когда Природа, подобно любезной кокеткѣ, сидящей за туалетомъ, убиралась, наряжалась въ лучшее свое весеннее платье; бѣлилась, румянилась... весенними цвѣтами; смотрѣлась съ улыбкою въ зеркало... водъ прозрачныхъ, и завивала себѣ кудри... на вершинахъ древесныхъ — то есть, въ Маѣ мѣсяцѣ, и въ самую ту минуту, какъ первый лучь земнаго свѣта коснулся до его глазной перепонки, въ орѣховыхъ кусточкахъ запѣли вдругъ соловей и малиновка, а въ березовой рощѣ закричали вдругъ филинъ кукушка: хорошее и худое предзнаменованіе! по которому осмидесятилѣтняя повивальная бабка, принявшая Леона на руки, съ веселою усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ предсказала ему щастье и нещастье въ жизни, ведро и ненастье, богатство и нищету, друзей и непріятелей, успѣхъ въ любви и рога при случаѣ. Читатель увидитъ, что мудрая бабка имѣла въ самомъ дѣлѣ даръ пророчества... Но мы не хотимъ заранѣе открывать будущаго.

Отецъ Леоновъ былъ Русской коренной дворянинъ, израненной отставной Капитанъ, человѣкъ лѣтъ въ пятьдесятъ, ни богатой, ни убогой, и — что всего важнѣе — самой доброй человѣкъ; однакожь ни мало не сходный характеромъ съ извѣстнымъ *дядею* Тристрама Шанди — добрый по-своему, и на Русскую стать. Послѣ Турецкихъ и Шведскихъ кампаній возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться — то есть, не со-

всѣмъ во время — и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самаго ближняго сосѣда, которая, не смотря на молодыя лѣта свои, имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, такъ что цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости; когда же говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчіемъ; а когда взглядывала на человѣка, то всякому хотѣлось остановить на себѣ глаза ея: такъ они были привѣтливы и милы!... Красавицы нашего времени! будьте покойны: я не хочу сравнивать ее съ вами — но долженъ, въ изъясненіе душевной ея любезности, открыть за тайну, что она знала *жестокую*; *жестокая* положила на нее печать свою — и мать героя нашего никогда не была бы супругою отца его, естьли бы *жестокой* въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сорвалъ первую фіялку на берегу Свіяги!... Читатель уже догадался; а естьли нѣтъ, то можетъ — подождать. Время снимаетъ завѣсу со всѣхъ темныхъ случаевъ. Скажемъ только, что сельская наша красавица вышла за-мужъ *непорочная душею и тѣломъ*; и что она искренно любила супруга, во первыхъ за его добродушіе, а во вторыхъ и по тому, что сердце ея никѣмъ другимъ не было... *уже* занято.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Каковъ онъ родился.

Юныя супруги, съ милымъ нетерпѣніемъ ожидающія плода отъ брачнаго, нѣжнаго союза вашего! естьли вы хотите имѣть сына, то какимъ его воображаете? Прекраснымъ?... таковъ былъ Леонъ. Бѣленькимъ, полненькимъ, съ розовыми губками, съ Греческимъ носикомъ, съ черными глазками, съ кофейными волосками на кругленькой головкѣ: не правда ли!... таковъ былъ Леонъ. Теперь вы имѣете объ немъ идею: поцѣлуйте же его въ мысляхъ, и ласковою улыбкою ободрите младенца жить на свѣтѣ, а меня быть его историкомъ!

═

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Его первое младенчество.

Но что говорить о младенчествѣ? оно слишкомъ просто, слишкомъ невинно, а потому и совсѣмъ нелюбопытно для насъ, испорченныхъ людей. Не спорю, что въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать его щастливымъ временемъ, истинною Аркадіею жизни; но потому-то и нечего писать объ немъ;

Страсти, страсти! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а человѣкъ кукла; безъ васъ нѣтъ ни трогательной исторіи, ни занимательнаго романа. Назовемъ младенчество прекраснымъ лужкомъ, на которой хорошо взглянуть, которой хорошо похвалить двумя, тремя словами, но котораго описывать подробно не совѣтую никакому стихотворцу. Страшныя дикія скалы, шумныя рѣки, черные лѣса, Африканскія пустыни, дѣйствуютъ на воображеніе сильнѣе долинъ Темпейскихъ. Какъ? для чего? не знаю; но знаю то, что самой нѣжной другъ дѣтей, хваля и хваля ихъ невинность, ихъ щастье, скоро будетъ зѣвать и задремлетъ, естьли глазамъ или мыслямъ его не представится что нибудь совсѣмъ противное сей невинности, сему щастію.

Однакожь читатель обидитъ меня, естьли подумаемъ, что я такимъ отзывомъ хочу закрыть песчаную безплодность моего воображенія и скорѣе поставить точку. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь Аполлономъ, что я могъ бы набрать довольно цвѣтовъ для украшенія этой главы; могъ бы, не отходя отъ исторической истины, описать живыми красками нѣжность Леоновой родительницы; могъ бы, не нарушая ни Аристотелевыхъ, ни Гораціевыхъ правилъ, десять разъ перемѣнить слогъ, быстро паря вверхъ и плавно опускаясь внизъ, — то рисуя карандашемъ, то расписывая кистью — мѣшая важныя мысли для ума съ трогательными

чертами для сердца; могъ бы, на примѣръ, сказать:

«Тогда не было еще Эмиля, въ которомъ Жанъ «Жакъ Руссо такъ краснорѣчиво, такъ убѣди«тельно говоритъ о священномъ долгѣ матерей, «и, читая котораго, прекрасная Эмилія, милая Ли«дія, отказываются нынѣ отъ блестящихъ собра«ній, и нѣжную грудь свою открываютъ не съ «намѣреніемъ прельщать глаза молодыхъ сласто«любцевъ, а для того, чтобы питать ею своего «младенца; тогда не говорилъ еще Руссо, но гово«рила уже Природа, и мать Героя нашего сама «была его кормилицею. И такъ не удивительно, «что Леонъ на зарѣ жизни своей плакалъ, кри«чалъ и не могъ рѣже другихъ младенцевъ: моло«ко нѣжныхъ родительницъ есть для дѣтей и луч«шая пища и лучшее лекарство. Отъ колыбели до «маленькой кроватки, отъ жестяной гремушки до «маленькаго раскрашеннаго конька, отъ первыхъ «нестройныхъ звуковъ голоса до внятнаго произ«ношенія словъ, Леонъ не зналъ неволи, принуж«денія, горя и сердца. Любовь питала, согрѣвала, «тѣшила, веселила его; была первымъ впечатлѣ«ніемъ его души, первою краскою, первою чер«тою на *бѣломъ листѣ ея чувствительности.* * «Уже внѣшніе предметы начали возбуждать его «вниманіе; уже и взоромъ, и движеніемъ руки, и

---

* Локкъ говоритъ, кажется, что душа рожденнаго младенца есть бѣлый листъ бумаги.

«словами часто спрашивалъ онъ у матери: *что* «*вижу? что слышу?* уже научился онъ ходить «и бѣгать — но ничто не занимало его такъ, какъ «ласки родительницы; никакого вопроса не по«вторялъ онъ столь часто, какъ: *маменька! что* «*тебѣ надобно?* никуда не хотѣлъ итти отъ нее, «и только ходя за нею, ходить научился.»

Не правда ли, что это могло бы иному полюбиться? Тутъ есть и живопись и антитезы и прiятная игра словъ. Но я могъ бы итти еще далѣе; могъ бы прибавить:

«Вотъ основанiе характера его! Первое воспи«танiе едва ли не всегда рѣшитъ и судьбу и глав«ныя свойства человѣка. Душа Леонова образова«лась любовью и для любви. Теперь обманывайте, «терзайте его, жестокiе люди! онъ будетъ воздыхать и плакать; но никогда — или по крайней «мѣрѣ долго, долго сердце его не отвыкнетъ отъ «милой склонности наслаждаться собою въ дру«гомъ сердцѣ; не отстанетъ отъ нѣжной привыч«ки жить для кого нибудь, не смотря на всѣ го«рести, на всѣ свирѣпыя бури, которыя волнуютъ «жизнь чувствительныхъ. Такъ вѣрный подсол«нечникъ не перестаетъ никогда обращаться къ «солнцу; обращается къ нему и тогда, какъ гроз«ныя облака затмѣваютъ свѣтило дня — и поутру «и ввечеру — и тогда, какъ самъ онъ начинаетъ «уже вянуть и сохнуть; все, все къ нему обра«щается, до послѣдней минуты растительнаго бы«тiя своего!»

Надѣюсь, что одинъ Зоилъ не похвалилъ бы

сего мѣста, особливожъ новаго, разительнаго сравненія чувствительныхъ сердецъ, которыя всегда стремятся къ любви, съ цвѣткомъ подсолнечникомъ, всегда клонящимся къ солнцу. Надѣюсь, что нѣкоторыя милыя мои читательницы вздохнули бы изъ глубины сердца и велѣли бы вырѣзать сей цвѣтокъ на своихъ печатяхъ.

«Конецъ главѣ!» скажетъ читатель. Нѣтъ, я могъ бы еще многое придумать и раскрасить; могъ бы наполнить десять, двадцать страницъ описаніемъ Леонова дѣтства; на примѣръ, какъ мать была единственнымъ его лексикономъ; то есть какъ она учила его говорить, и какъ онъ, забывая слова другихъ, замѣчалъ и помнилъ каждое ея слово; какъ онъ, зная уже имена всѣхъ птичекъ, которыя порхали въ ихъ саду и въ рощѣ, и всѣхъ цвѣтовъ, которые расли на лугахъ и въ полѣ, не зналъ еще, какимъ именемъ называютъ въ свѣтѣ дурныхъ людей и дѣла ихъ; какъ развивались первыя способности души его; какъ быстро она вбирала въ себя дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, подобно весеннему лужку, жадно впивающему первый весенній дождь; какъ мысли и чувства раждались въ ней подобно свѣжей Апрѣльской зелени; сколько разъ въ день, въ минуту, нѣжная родительница цѣловала его, плакала и благодарила Небо; сколько разъ и онъ маленькими своими рученками обнималъ ее, прижимаясь къ ея груди; какъ голосъ его тверже и тверже произносилъ: *люблю тебя*, *маменька!* и какъ сердце его время отъ времени чувствовало это живѣе!

Слова мои текли бы рѣкою, естьли бы я только хотѣлъ войти въ подробности; но не хочу, не хочу! Мнѣ еще многое надобно описывать; берегу бумагу, вниманіе читателя и... конецъ главѣ!

═

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Которая написана только для пятой.

Государи мои! вы читаете не романъ, а быль: слѣдственно Авторъ не обязанъ вамъ давать отчета въ происшествіяхъ. *Такъ было точно!...* и болѣе не скажу ни слова. Кстати ли? у мѣста ли? не мое дѣло. Я иду только съ перомъ въ слѣдъ за Судьбою, и описываю, что творитъ она по своему всемогуществу — для чего? спросите у нее; но скажу вамъ напередъ, что отвѣта не получите. Семь тысячь лѣтъ (естьли вѣрить Хронографамъ) чудеситъ она въ мірѣ, и никому еще не изъяснила чудесъ своихъ. Заглянемъ ли въ Исторію, или посмотримъ, что вокругъ насъ дѣлается: вездѣ Сфинксовы загадки, которыхъ и самъ Эдипъ не отгадаетъ. — Роза вянетъ, терніе остается; столѣтній дубъ, благодѣтель странниковъ, падетъ на землю отъ громоваго удара: ядовитое дерево стоитъ невредимо на своемъ корнѣ. Петръ Великій, среди благодѣтельныхъ замысловъ для отечества,

хладѣетъ въ объятіяхъ смерти; ничтожный человѣкъ не рѣдко два раза изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. Юный щастливецъ, котораго жизнь можно назвать улыбкою судьбы и Природы, угасаетъ въ минуту какъ метеоръ: злополучный, не нужный для свѣта, тягостный для самого себя, живетъ, и не можетъ дождаться конца своего.... Чтожь намъ дѣлать? Плакать, у кого есть слезы, и хотя изрѣдка утѣшаться мыслію, что здѣшній свѣтъ есть только Прологъ Драмы!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первый ударъ Рока.

Дунулъ сѣверный вѣтеръ на нѣжную грудь нѣжной родительницы, и Геній жизни ея погасилъ свой факелъ!... Да, любезный читатель, она простудилась, и въ девятый день съ мягкой постели переложили ее на жесткую: въ гробъ — а тамъ и въ землю — и засыпали, какъ водится — и забыли въ свѣтѣ, какъ водится... Нѣтъ, поговоримъ еще о послѣднихъ ея минутахъ.

Герой нашъ былъ тогда семи лѣтъ. Во всю болѣзнь матери онъ не хотѣлъ итти прочь отъ ея постели; сидѣлъ, стоялъ подлѣ нее; глядѣлъ безпрестанно ей въ глаза; спрашивалъ: «лучше ли

тебѣ, милая? *Лучше, лучше*, говорила она, пока говорить могла — смотрѣла на него: глаза ея наполнялись слезами — смотрѣла на небо — хотѣла ласкать любимца души своей, и боялась, чтобы ея болѣзнь не пристала къ нему — то говорила съ улыбкою: *сядь подлѣ меня*; то говорила со вздохомъ: *поди отъ меня!*... Ахъ! онъ слушался только перваго; другому приказанію не хотѣлъ повиноваться.

Надобно было силою оттащить его отъ умирающей. *Постойте, постойте!* кричалъ онъ со слезами: *маменька хочетъ мнѣ что-то сказать; я не отойду, не отойду!*... Но маменька отошла между тѣмъ отъ здѣшняго свѣта.

Его вынесли, хотѣли утѣшать: напрасно!... Онъ твердилъ одно: *къ милой!* вырвался наконецъ изъ рукъ няни, прибѣжалъ, увидѣлъ мертвую на столѣ, схватилъ ея руку: она была какъ дерево — прижался къ ея лицу: оно было какъ ледъ.... *Ахъ, маменька!* закричалъ онъ, и упалъ на землю. Его опять вынесли, больнаго, въ сильномъ жару.

Отецъ рвался, плакалъ: онъ любилъ супругу, какъ только могъ любить. Сердцу его извѣстны были горести въ жизни; но сей ударъ Судьбы казался ему первымъ нещастіемъ.

Съ блѣднымъ лицомъ, съ распущенными сѣдыми волосами стоялъ онъ подлѣ гроба, когда отпѣвали усопшую; рыдая прощался съ нею; съ жаромъ цѣловалъ ея лицо и руки; самъ опускалъ въ могилу; бросилъ на гробъ первую горсть земли; сталъ на колѣни; поднялъ вверхъ глаза и руки;

сказалъ: *на небесахъ душа твоя! мнѣ не долго жить остается!* и тихими шагами пошелъ домой. Сынъ его лежалъ взабытьи; онъ сѣлъ подлѣ кровати и думалъ: *не уже ли и ты пойдешь въ слѣдъ за матерью? не уже ли вы меня одного оставите?... Да будетъ воля Всевышняго!* — Леонъ открылъ глаза, всталъ и протянулъ къ отцу руки, говоря: *гдѣ она? гдѣ она?* — «Съ Ангелами, другъ мой!» — «И не будетъ къ намъ назадъ?» — «Мы къ ней будемъ.» — «Скоро ли?» — «Скоро, другъ мой; время летитъ и для печальныхъ.» — Они обнялися, заплакали: старецъ лилъ слезы вмѣстѣ съ младенцемъ!... имъ стало легче.

И ты, о благотворное время! спѣши излить цѣлебный свой бальзамъ на рану ихъ сердца! И ты, подобно Морфею, разсыпаешь маковые цвѣты забвенія: брось нѣсколько цвѣточковъ на юнаго моего Героя: ахъ! онъ еще не созрѣлъ для глубокой, безпрестанной горести; и много, много еще будетъ ему случаевъ тосковать въ жизни! Пощади его младенчество! Не забудь утѣшить и старца: онъ былъ всегда добрымъ человѣкомъ; рука его, вооруженная лютымъ долгомъ воина, убивала гордыхъ непріятелей, но сердце его никогда не участвовало въ убійствѣ; никогда нога его, въ самомъ пылу сраженія, не ступала безчеловѣчно на трупы нещастныхъ жертвъ: онъ любилъ погребать ихъ и молиться о спасеніи душъ. Благотворное время! успокой старца; дай ему еще нѣсколько мирныхъ лѣтъ, хотя для того, чтобы онъ могъ посвятить ихъ на воспитаніе сына. Пусть

иногда воспоминают они о любезной, но безъ тоски и страданія; пусть ударъ горести изрѣдка отдается въ ихъ сердцѣ, но тише и тише, подобно эху, которое повторяется слабѣе, слабѣе, и наконецъ... замолкаетъ.

Читатель! я хочу, чтобы мысль о покойной осталась въ душѣ твоей: пусть она притаится во глубинѣ ея, но не исчезнетъ! Когда нибудь мы дадимъ тебѣ въ руки маленькую тетрадку — и мысль сія оживится — и въ глазахъ твоихъ сверкнутъ слезы — или я... не Авторъ.

1799 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Успѣхи въ ученьи, въ образованіи ума и чувства.

И такъ летящее время обтерло своими крылами слезы горестныхъ, и всякой снова принялся за свое дѣло: отецъ за хозяйство, а сынъ за часовникъ. Сельской дьячекъ, славнѣйшій грамотей въ околодкѣ, былъ первымъ учителемъ Леона, и не могъ нахвалиться его понятіемъ. «Въ три дни» — разсказывалъ онъ за чудо другимъ грамотѣямъ — «въ три дни затвердить всѣ буквы, въ недѣлю всѣ склады; въ другую разбирать слова и титлы:

этото не видано, не слыхано! Въ ребенкѣ будетъ путь.»

Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ необыкновенное понятіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ читать всѣ церковныя книги какъ *Отче нашъ;* такъ же скоро выучился и писать; такъ же скоро началъ разбирать и печать свѣтскую, къ удивленію сосѣдственныхъ дворянъ, при которыхъ отецъ не рѣдко заставлялъ читать Леона, чтобы радоваться въ душѣ своей ихъ похвалами. Первая свѣтская книга, которую маленькой Герой нашъ, читая и читая, наизусть вытвердилъ, была Езоповы Басни: отъ чего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ тварямъ, помня ихъ умныя разсужденія въ книгѣ Греческаго мудреца, и часто, видя глупости людей, жалѣлъ, что они не имѣютъ благоразумія скотовъ Езоповыхъ.

Скоро отдали Леону ключь отъ желтаго шкапа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даира, восточная повѣсть, Селимъ и Дамасина, Мирамондъ, Исторія Лорда N.: все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ, которое могло бы испугать инаго воспитателя, но которымъ отецъ Леоновъ не могъ нарадоваться, полагая, что охота ко чтенію, какихъ бы то ни было книгъ, есть хорошій знакъ въ ребенкѣ. Только иногда по вечерамъ говаривалъ онъ сыну: «Леонъ! не испорти

глазъ. Завтра день будетъ; успѣешь начитаться.» А самъ про себя думалъ: «весь въ мать! бывало изъ рукъ не выпускала книги. Милой ребенокъ! будь во всемъ похожъ на нее; только будь долголѣтнѣе!»

Но чѣмъ же романы плѣняли его? Не уже ли картина любви имѣла столько прелестей для осьми или десятилѣтняго мальчика, чтобы онъ могъ забывать веселыя игры своего возраста и цѣлой день просиживать на одномъ мѣстѣ, впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣтскимъ вниманіемъ своимъ въ нескладицу Мирамонда или Даиры? Нѣтъ, Леонъ занимался болѣе происшествіями, связію вещей и случаевъ, нежели чувствами любви романической. Натура бросаетъ насъ въ міръ какъ въ темный, дремучій лѣсъ, безъ всякихъ идей и свѣдѣній, но съ большимъ запасомъ любопытства, которое весьма рано начинаетъ дѣйствовать во младенцѣ, тѣмъ ранѣе, чѣмъ природная *основа* души его нѣжнѣе и совершеннѣе. Вотъ то бѣлое облако на зарѣ жизни, за которымъ скоро является свѣтило знаній и опытовъ! Естьли положить на вѣсы съ одной стороны тѣ мысли и свѣдѣнія, которыя въ душѣ младенца накопляются въ теченіе десяти недѣль, а съ другой идеи и знанія, пріобрѣтаемыя зрѣлымъ умомъ въ теченіе десяти лѣтъ: то перевѣсъ окажется безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ первыхъ. Благодѣтельная Натура спѣшитъ надѣлить новорожденнаго всѣмъ необходимымъ для мірскаго странствія: разумъ его летитъ орломъ въ началѣ жизненнаго простран-

ства; но тамъ, гдѣ предметомъ нашего любопытства становится уже не истинная нужда, но только суемудріе, тамъ полетъ обращается въ пѣшеходство и шаги дѣлаются часъ отъ часу труднѣе.

Леону открылся новый свѣтъ въ романахъ; онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру Судьбы, дотолѣ ему совсѣмъ неизвѣстную... (но тайное предчувствіе сердца говорило ему: *ахъ! и ты, и ты будешь нѣкогда ея жертвою! и тебя схватитъ, унесетъ сей вихорь... куда?... куда?...*) Передъ глазами его безпрестанно поднимался новой занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группою, являлись взору. — Душа Леонова плавала въ книжномъ свѣтѣ, какъ Христофоръ Коломбъ на Атлантическомъ морѣ, для открытія... сокрытаго.

Сіе чтеніе не только не повредило его юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства. Въ Даирѣ, Мирамондѣ, въ Селимѣ и Дамасинѣ (знаетъ ли ихъ читатель?), однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкапа Герои и Героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: «и такъ любезность и добродѣтель «одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ

«добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй «гибнетъ!» Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною системою; вопреки самой очевидности онъ скажетъ: «нѣтъ, нѣтъ, торжество порока есть обманъ и призракъ!»

Нѣтъ, нѣтъ! не буду ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ!
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами
(Тама лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ).
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ недостоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья!

Съ какимъ живымъ удовольствіемъ маленькой нашъ Герой, въ шесть или семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ руку у своего отца, спѣшилъ съ книгою на высокой берегъ Волги, въ орѣховые кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ, въ бѣленькомъ своемъ камзольчикѣ бросаясь на зелень, среди полевыхъ цвѣтовъ самъ онъ казался прекраснѣйшимъ, одушевленнымъ цвѣтомъ. Русые волосы, мягкіе какъ шелкъ, развѣвались вѣ-

теркомъ по розамъ милаго личика. Шляпка служила ему столикомъ: на нее клалъ онъ книгу свою, одною рукою подпирая голову, а другою перевертывая листы, въ слѣдъ за большими, голубыми глазами, которые летѣли съ одной страницы на другую, и въ которыхъ, какъ въ ясномъ зеркалѣ, изображались всѣ страсти, худо или хорошо описываемыя въ романѣ: удивленіе, радость, страхъ, сожалѣніе, горесть. Иногда, оставляя книгу, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ-подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парятъ въ воздухѣ. — Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣніи страстей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особливаго радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающихъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испыталъ нѣжной силы подобныхъ воспоминаній, тотъ не знаетъ весьма сладкаго чувства. Родина, Апрѣль жизни, первые цвѣты весны душевной! какъ вы милы всякому, кто рожденъ съ любезною склонностію къ меланхоліи!

=

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Провидѣніе.

Въ сіе лѣто Леоново сердце вкусило живое чувство Міроправителя, при такомъ случаѣ, о которомъ онъ послѣ во всю жизнь свою не могъ воспоминать равнодушно. Мысль о Божествѣ была одною изъ первыхъ его мыслей. Нѣжная родительница наилучшимъ образомъ старалась утвердить ее въ душѣ Леона. Срывая для него весенній луговой цвѣтокъ или садовый лѣтній плодъ, она всегда говорила: «Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды!» — *Богъ!* повторилъ однажды любопытный младенецъ: *кто Онъ, маменька?* — «Небесный отецъ всѣхъ людей, которой ихъ питаетъ, и дѣлаетъ имъ всякое добро; который далъ мнѣ тебя, а тебѣ меня.» *Тебя, милая? Какой же Онъ доброй! Я стану всегда любить его!* — «Люби, и молись Ему всякой день.» — *Какъ же Ему молиться?* — «Говори: Боже! будь къ намъ милостивъ!» — *Стану, стану, милая!...* Леонъ съ того времени всегда молился Богу. Ахъ! онъ молился Ему со слезами въ болѣзнь родительницы своей? Но судьбы Вышняго неисповѣдимы. — Такова была Религія нашего Героя до сего лѣта и до случая, который теперь описать желаю.

Въ одинъ жаркой день онъ, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ

отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона. «Погоди,» отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дожжикъ. Старикъ непремѣнно хотѣлъ итти домой: Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбѣжной смерти: онъ задумался, и не видитъ опасности; еще секунда, двѣ — и нещастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ страшный громъ... какого Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: «Господи!» черезъ полминуты взглянулъ — и видитъ передъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька на силу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его, Леонъ стоялъ все еще на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза на небо, и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога — спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился во глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною во младенцѣ; и молитва его была... благодарность! —

Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, естьли прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и *Систему Натуры.*

Читатель! вѣрь или не вѣрь: но этотъ случай не выдумка. Я превратилъ бы медвѣдя въ благороднѣйшаго льва или тигра, естьли бы они... были у насъ въ Россіи.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Братское общество провинціальныхъ дворянъ.

Знаю, что все идетъ къ лучшему; знаю выгоды нашего времени, и радуюсь успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи; однакожь съ удовольствіемъ обращаю взоръ и на тѣ времена, когда наши дворяне, взявъ отставку, возвращались на свою родину съ тѣмъ, чтобы уже никогда не разставаться съ ея мирными Пенатами; рѣдко заглядывали въ городъ; доживали вѣкъ свой на свободѣ и въ безпечности; правда иногда скучали въ уединеніи, но за то умѣли и веселиться при случаѣ, когда съѣзжались вмѣстѣ. Ошибаюсь ли? но мнѣ кажется, что въ нихъ было много характернаго, особеннаго — чего теперь уже не найдемъ въ провинціяхъ, и что по крайней мѣрѣ занимательно для воображенія. — Просвѣщеніе сближаетъ свойства народовъ

и людей, равняя ихъ какъ дерева въ саду регулярномъ.

Капитанъ Радушинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ пріятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякой разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: «батюшка! ѣдутъ гости!» а Капитанъ нашъ отвѣчалъ: «добро пожаловать!» надѣвалъ круглой парикъ свой, и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицемъ веселымъ. Способъ наскучить людьми есть быть съ ними безпрестанно; способъ живо наслаждаться ихъ обществомъ есть видѣться съ ними изрѣдка. Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь Политика и Литтература, а разсуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ Губерніи, анекдоты старины, служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній... Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи *С**скаго* уѣзда, вѣрные друзья Капитана Радушина! Лебрюнъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ Авторъ Леоновой исторіи: зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный Маіоръ Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ Татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ

своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота Ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ не рѣдко ужасалъ дурныхъ Воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый Ротмистръ Буриловъ, прострѣленный насквозь Башкирскою стрѣлою въ степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душею; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь недостойнаго дворянина въ вашемъ уѣздѣ! Гляжу и на важную осанку твою, бывшій Воеводскій Товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя Секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, разсказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ Фельдмаршалъ Минихъ... вижу всѣхъ васъ, достойные матадоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего Героя; и чтобы представить разительнѣе все благородство сердецъ вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова, и написанныя рукою Прямодушина...

Договоръ братскаго общества.

«Мы нижеподписавшіеся клянемся честію благо«родныхъ людей жить и умереть братьями, стоять «другъ за друга горою во всякомъ случаѣ, не жа«лѣть ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаим«ныхъ, поступать всегда единодушно, наблюдать «общую пользу дворянства, вступаться за притѣ«сненныхъ и помнить Русскую пословицу: *тотъ «дворянинъ, кто за многихъ одинъ;* не бояться ни «знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога и Госу«даря; смѣло говорить правду Губернаторамъ и «Воеводамъ; никогда не быть ихъ прихлебателя«ми, и не такать противъ совѣсти. А кто изъ насъ «не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ стыдно, «и того выключить изъ братскаго общества.» — Слѣдуетъ восемь именъ.

Хотя тайная Хроника говоритъ мнѣ на ухо, что сей дружеской союзъ нашихъ дворянъ заключенъ былъ въ день Леонова рожденія, которое отецъ всегда праздновалъ съ великимъ усердіемъ и съ отмѣнною роскошью (такъ, что посылалъ въ городъ даже за свѣжими лимонами); хотя читатель догадается, что въ такой веселой день, особливо къ вечеру, хозяинъ и гости не могли быть въ обыкновенномъ расположеніи ума и сердца; хотя

Въ восторгахъ Бахуса намъ море по колѣно,
И съ рюмкою въ рукѣ мы всѣ богатыри;

однакожь Исторія, которая лжетъ только изъ году въ годъ (первое Апрѣля и еще 29 Февраля), увѣряетъ, что они, проснувшись на другой день, снова читали трактатъ свой, снова утвердили его и (что не всегда дѣлаютъ и великія Державы Европейскія) старались исполнять во всей точности. Одна смерть разрушила ихъ братскую связь.... Здѣсь хочется мнѣ заглянуть впередъ. Долго еще ждать времени; а можетъ быть тогда, въ богатствѣ случаевъ, и забуду сію любезную черту. И такъ скажу... Когда Судьба, нѣсколько времени игравъ Леономъ въ большомъ свѣтѣ, бросила его опять на родину, онъ нашелъ Маіора Громилова, сидящаго надъ больнымъ Прямодушинымъ, который лежалъ въ параличѣ и не владѣлъ руками — (всѣ прочіе друзья ихъ были уже на томъ свѣтѣ). Громиловъ кормилъ больнаго изъ рукъ своихъ, плакалъ горько и сказалъ Леону: *тошно, тошно быть сиротою на старости!....* Добрые люди! миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словохотную, отъ васъ заимствовалъ Русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ. — Добрые старики! миръ вашему праху!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мечтательность и склонность къ меланхоліи.

И такъ Леонъ читаетъ книги, отъ времени до времени бѣгаетъ встрѣчать гостей, ѣздитъ иногда и самъ въ гости къ добрымъ провинціаламъ, слушаетъ ихъ разговоры, и проч. Довольно занятія; но еще имѣетъ время задумываться и мечтать. Не смотря на маленькую слабость мою къ романамъ, признаюсь, что ихъ можно назвать теплицею для юной души, которая отъ сего чтенія зрѣетъ прéжде времени; а это, естьли вѣрить Философическимъ Медикамъ, бываетъ вредно... по крайней мѣрѣ для здоровья. «Губите себя вашими книгами «и романами!» восклицаетъ одинъ важный Докторъ: «но оставьте въ покоѣ недовершенное про«изведеніе Натуры; не воспаляйте воображенія «дѣтей; дайте укрѣпиться молодымъ нервамъ, и «не приводите ихъ въ напряженіе, естьли не хо«тите, чтобы равновѣсіе жизни разстроилось съ «самаго начала!» Леонъ на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по-два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ. *Опасности и героическая дружба* были любимою его мечтою. Достойно примѣчанія то, что онъ въ опасностяхъ всегда воображалъ себя *избавителемъ*, а не *избавленнымъ:* знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ *мысленно* летѣлъ во мракѣ ночи

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Провидѣніе.

Въ сіе лѣто Леоново сердце вкусило живое чувство Міроправителя, при такомъ случаѣ, о которомъ онъ послѣ во всю жизнь свою не могъ воспоминать равнодушно. Мысль о Божествѣ была одною изъ первыхъ его мыслей. Нѣжная родительница наилучшимъ образомъ старалась утвердить ее въ душѣ Леона. Срывая для него весенній луговой цвѣтокъ или садовый лѣтній плодъ, она всегда говорила: «Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды!» — *Богъ!* повторилъ однажды любопытный младенецъ: *кто Онъ, маменька?* — «Небесный отецъ всѣхъ людей, которой ихъ питаетъ, и дѣлаетъ имъ всякое добро; который далъ мнѣ тебя, а тебѣ меня.» *Тебя, милая? Какой же Онъ доброй! Я стану всегда любить его!* — «Люби, и молись Ему всякой день.» — *Какъ же Ему молиться?* — «Говори: Боже! будь къ намъ милостивъ!» — *Стану, стану, милая!...* Леонъ съ того времени всегда молился Богу. Ахъ! онъ молился Ему со слезами въ болѣзнь родительницы своей? Но судьбы Вышняго неисповѣдимы. — Такова была Религія нашего Героя до сего лѣта и до случая, который теперь описать желаю.

Въ одинъ жаркой день онъ, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ

отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона. «Погоди,» отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дожжикъ. Старикъ непремѣнно хотѣлъ итти домой: Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбѣжной смерти: онъ задумался, и не видитъ опасности; еще секунда, двѣ — и нещастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ страшный громъ... какого Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: «Господи!» черезъ полминуты взглянулъ — и видитъ передъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька на силу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его, Леонъ стоялъ все еще на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза на небо, и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога — спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился во глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною во младенцѣ; и молитва его была... благодарность! —

жимъ румянцемъ... О женщины! какое движеніе чувствительности не находитъ въ сердцѣ вашемъ вѣрнаго отзыва?... Леонъ смотрѣлъ на Эмилію (имя Графини) съ трогательною, живѣйшею благодарностію, а Эмилія на Леона съ нѣжною лаской. Все разстояніе между двадцати-пяти-лѣтнею свѣтскою дамою и десяти-лѣтнимъ деревенскимъ мальчикомъ исчезло въ минуту симпатіи... но эта минута обратилась въ часы, дни и мѣсяцы. Я долженъ теперь разсказывать странности... Не мудрено было полюбить нашего Героя, прекраснаго личикомъ, миловиднаго, чувствительнаго, умнаго; но привязаться къ нему безъ памяти, со всѣми знаками живѣйшей страсти, къ невинному ребенку: вотъ что называю неизъяснимою странностію!... Но развѣ женщины когда нибудь были *изъяснимы?*... Между тѣмъ надобно познакомить читателя съ Графинею.

═

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отрывокъ Графининой исторіи.

L'histoire d'une femme est toujours un roman — *Исторія женщины есть всегда романъ*, сказалъ одинъ Французъ въ такомъ смыслѣ, который всякому понятенъ. Любовь конечно есть главное дѣло

ихъ жизни: правда, что и мущинамъ не весело жить безъ нее; но они имѣютъ разсѣянія, могутъ забываться, обманываться и средства принимать за цѣль; а красавицы безпрестанно стремятся къ одной мѣтѣ, и риѳма: *жить-любить*, есть для нихъ математическая истина. Никто не удивится, естьли скажу, что Графъ былъ для Графини — только мужемъ, то есть: человѣкомъ иногда сносным, иногда нужнымъ, иногда скучнымъ до крайности; но естьли примолвлю, что Графиня, будучи прелестною и милою, до пріѣзда въ деревню умѣла сохранить тишину сердца своего, и не *случайно* (ибо случай бываетъ не рѣдко попечительнымъ дядькою невинности), но по системѣ и разсудку: то самой легковѣрной читатель улыбнется... Тѣмъ хуже для нравовъ нашего времени! Герой мой, вошедши въ свѣтъ, разспрашивалъ о Графинѣ: всѣ говорили объ ней съ почтеніемъ. Пятидесяти-лѣтнія дѣвицы увѣряли его, что Московскія *лѣтописи злословія* упоминали объ ней весьма рѣдко, и то мимоходомъ, приписывая ей одно кокетство минутное или — (техническое слово, неизвѣстное профанамъ!) — *кокетство отъ разсѣянія*, исчезавшее отъ перваго движенія разсудка и не имѣвшее никогда слѣдствій. Не знаю, какъ другіе — а я послѣ такого свидѣтельства расположенъ вѣрить слѣдующему письму Графини, писанному въ день отъѣзда ея къ одной вѣрной пріятельницѣ, которая послѣ сама отдала его Леону. Оно, за неимѣніемъ другихъ біографиче-

скихъ матеріаловъ, послужитъ намъ *эскизомъ* Графининой исторіи.

«Прости милая!... Черезъ два часа мы ѣдемъ. «Бога ради не тужи обо мнѣ и не брани мужа мо«его, который вздумалъ сдѣлаться экономомъ въ «Генварѣ мѣсяцѣ! Клянусь тебѣ, что не жалѣю о «Москвѣ, гдѣ не оставляю ничего любезнаго, и «гдѣ со времени твоего отъѣзда мнѣ было даже «скучно. Ты не вѣришь моему равнодушію къ «свѣтскимъ удовольствіямъ, говоря: *Пусть без«образныя женщины ненавидятъ зеркало; кра«сота и любезность охотно въ него загляды«ваютъ — а свѣтъ есть для насъ зеркало!* Но «я, право, не думаю тебя обманывать. Какъ скоро «женщина не хочетъ быть кокеткою, то блестя«щіе ужины и балы не плѣняютъ ее. Вопреки «злословію мущинъ, мы иногда разсуждаемъ, «имѣемъ правила и слѣдуемъ имъ. Все, что я ви«дѣла въ свѣтѣ, еще болѣе увѣрило меня въ не«обходимости обуздывать движенія вѣтренаго «сердца и самолюбія нашего. Вѣрю, что *пылкія «страсти* имѣютъ райскія минуты — но *мину«ты!* а я хотѣла бы *жить* въ раю: иначе не же«лаю и знать его. Замужняя женщина должна или «находить щастіе дома, или великодушно отъ него «отказаться: судьба не дала мнѣ перваго — и «такъ надобно утѣшиться великодушіемъ. То и «другое видимъ рѣдко: не правда ли? слѣдственно «могу чѣмъ нибудь хвалиться въ жизни. Не бу«дучи, къ щастію, Руссовою Юліею, я предпочла «бы нѣжнаго Сен-Прё слишкомъ благоразумному

«Вольмару, и, не смотря на розницу въ лѣтахъ «умѣла бы обожать своего мужа, естьли бы онъ «былъ... *хотя* Вольмаромъ! Но Графъ мой совер«шенной Стоикъ: не привязывается душею ни къ «чему тлѣнному, и не стыдится говорить, для чего «онъ на мнѣ женился!... Такой мужъ, оставляя «сердце безъ дѣла, даетъ много труда уму и пра«виламъ. Въ первые два года я была съ нимъ не«щастлива; испытала безъ успѣха всѣ способы «вывести его изъ *убійственнаго равнодушія* — «даже самую ревность — и наконецъ успокоилась. «Естьли Провидѣніе исполнитъ единственное же«ланіе моего сердца: быть матерью, то оставлю «дѣтямъ въ наслѣдство непорочное имя. По край«ней мѣрѣ я была достойна щастія, и ничто не «мѣшало бы мнѣ имъ наслаждаться; не боялась «ни проницательныхъ глазъ злословія, ни мнѣнія «людей строгихъ!...

«Однакожь передъ отъѣздомъ нашимъ я была — «едва не въ опасности! Вообрази, что томной Н «побывавъ шесть или семь разъ у насъ въ домѣ, «вздумалъ написать ко мнѣ любовное письмо!... «Бѣдной молодой человѣкъ!... Онъ такъ хорошо «умѣетъ говорить съ женскимъ сердцемъ; такъ «хорошо льстилъ моему самолюбію, не говоря ни «слова, а только смотря на меня и на другихъ «женщинъ! Можно иногда сносить нескромные «взоры, но дерзкое письмо требовало *рѣшитель«ныхъ мѣръ:* ему отказано отъ дому! * По обык-

* Надобно вспомнить, что это было въ старину; по крайней мѣрѣ очень давно.

«новенію своему я принесла къ Графу *новое* любовное объявленіе, написанное, какъ водится, на «розовой бумажкѣ: * по обыкновенію своему онъ «не читалъ его, а спряталъ въ бюро, сказавъ, что «даетъ мнѣ слово прочесть въ деревнѣ, отъ скуки, «всѣ нѣжныя эпистолы моихъ несчастныхъ Селадоновъ. Шутка не дурна! Графъ иногда забавенъ, «и съ нѣкотораго времени бываетъ почти ласковъ. «Можно сказать, что мы живемъ съ нимъ душа «въ душу, съ той минуты, какъ я перестала искать въ немъ души!... Онъ хотѣлъ въ удовольствіе мое взять съ собою въ деревню Италіянскаго пѣвца и еще двухъ или трехъ музыкантовъ: я отказалась — музыка приводитъ меня въ «меланхолію; а въ уединеніи это дѣйствіе можетъ «быть еще сильнѣе... Думаю бросить даже и романы: начто волновать мечтами сердце и воображеніе, когда спокойствіе должно быть моимъ «благополучіемъ?...............

Послѣднихъ десяти строкъ мы никакъ не могли разобрать: онѣ почти совсѣмъ изгладились отъ времени; такія бѣды случаются не рѣдко съ нами, Антикваріями! Но читатели имѣютъ уже легкую идею о характерѣ, умѣ и правилахъ Эмиліи. Надобно сказать что нибудь объ ея наружности: въ женщинахъ это не послѣднее. Онѣ сами въ томъ увѣрены — и добродушная изъ нихъ проститъ вся-

---

* Опять старинное! нынѣ уже не пишутъ въ такихъ случаяхъ на розовыхъ бумажкахъ.

кое злословіе, кромѣ неосторожнаго слова на счетъ ея красоты... Я видѣлъ милый портретъ Графини... «Но живописцы такіе льстецы!...» У меня есть другое свидѣтельство. Герой мой донынѣ говоритъ съ восторгомъ о голубыхъ Ангельскихъ глазахъ ея, нѣжной улыбкѣ, Діаниной стройности, длинныхъ волосахъ каштановаго цвѣта... Читатели опять могутъ остановить меня замѣчаніемъ, что воображеніе романическихъ головъ стоитъ всякаго льстеца живописца... И то правда; но я рѣшу сомнѣніе, объявляя наконецъ, что самъ Графъ Мировъ, который въ глубокой старости познакомился со мною, хваля какую нибудь прелестницу, всегда говаривалъ: «она почти такъ же хороша, какъ была моя Графиня въ молодости.» Свидѣтельство мужа о красотѣ жены принимается во всѣхъ судахъ: и такъ читатели — въ добавокъ въ голубымъ глазамъ, къ нѣжной улыбкѣ, стройному стану и длиннымъ волосамъ каштановаго цвѣта — могутъ вообразить полное собраніе всего, что насъ плѣняетъ въ женщинахъ, и сказать себѣ въ мысляхъ: «такова была Графиня Мирова!» Имѣю довѣренность къ ихъ вкусу.

═

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вторая маменька.

Мы уже назвали привязанность Эмиліи къ Леону *неизъяснимою*; однакожь замѣтимъ истори-

чески нѣкоторыя обстоятельства, служащія къ *объясненію* дѣла. Славный Маіоръ Ѳаддей Громилов, который зналъ людей не хуже Военнаго Устава, и Воеводскій Товарищъ Прямодушинъ, * котораго длинный орлиный нôсъ былъ неоспоримымъ знакомъ наблюдательнаго духа, часто говаривали Капитану Радушину: «Сынъ твой родился въ сорочкѣ: что взглянешь, то полюбишь его!» Это доказываетъ между прочимъ, что старики наши, не зная Лафатера, имѣли уже понятіе о Физіогномикѣ, и считали *дарованіе* нравиться людямъ за великое благополучіе (горе человѣку, который не умѣетъ цѣнить его!)... Леонъ вкрадывался въ любовь какимъ-то привѣтливымъ видомъ, какими-то умильными взорами, какимъ-то мягкимъ звукомъ голоса, который пріятно отзывался въ сердцѣ. Графиня же видѣла его въ прелестную минуту чувствительности, — въ слезахъ нѣжнаго воспоминанія, котораго *она сама была причиною:* сколько выгодъ для нашего Героя! Надобно также сказать, что Эмилія, не смотря на ея *мудрыя правила* и великое благоразуміе, начинала томиться скукою въ деревнѣ, проводя дни и вечера съ глазу на глазъ съ хладнокровнымъ супругомъ. Какъ пріятно обласкать хорошенькаго мальчика! Онъ выросъ въ деревнѣ, застѣнчивъ, неловокъ: какъ весело взять его на свои руки!... «Бѣдной сиротка! у него нѣтъ матери! а онъ такъ любилъ ее!

* Объ нихъ говорено было въ предшедшихъ главахъ.

«Она же была на меня похожа! Я приготовлю «деревенскаго мальчика быть любезнымъ чело-«вѣкомъ въ свѣтѣ, и мое удовольствіе обратится «для него въ благодѣяніе!...» Такъ могла думать Графиня, стараясь ласками привязать къ себѣ Леона, который едва вѣрилъ своему щастію, и съ такою чувствительностію принималъ ихъ, что Эмилія въ другое свиданіе сказала ему сквозь слезы: «Леонъ! я хочу заступить мѣсто твоей маменьки! «Будешь ли любить меня, какъ ты ее любилъ?...» Онъ бросился цѣловать ея руку и заплакалъ отъ радости; ему казалось, что маменька его въ самомъ дѣлѣ воскресла!...

И такъ Эмилія объявила Леона *нѣжнымъ другомъ своимъ*; сперва черезъ день, а наконецъ всякой день присылала за нимъ карету; сама учила его по-Французски, даже Исторіи и Географіи: ибо Леонъ (между нами будь сказано!) до того времени не зналъ ничего, кромѣ Езоповыхъ Басенъ, Даиры и великихъ твореній Ѳедора Эмина. Графиня старалась также образовать въ немъ пріятную наружность: показала, какъ ему надобно ходить, кланяться, быть ловкимъ въ движеніяхъ— и Герой нашъ не имѣлъ нужды въ танцмейстерѣ. Разумѣется, что его одѣли уже по модѣ: маленькая слабость женщинъ! Любя наряжаться, онѣ любятъ и наряжать все, что имѣетъ щастіе имъ нравиться. Черезъ двѣ недѣли сосѣди не узнавали Леона въ модномъ фракѣ его, въ Англійской шляпѣ, съ Эмилиною тросточкою въ рукѣ и совершенно городскою осанкою. «Что за чудо!» раз-

суждали онѣ — но чудо изъяснялось тѣмъ, что любезная свѣтская женщина занималась нашимъ деревенскимъ мальчикомъ. Отецъ говорилъ ему: «Леонъ! я съ тобою почти не вижусь; но мнѣ пріятно, что добрыя сердца тебя любятъ. По милости Графининой ты будешь человѣкомъ!» — Успѣхи его во Французскомъ языкѣ были еще удивительнѣе; не видавъ въ глаза скучной Грамматики, онъ черезъ три мѣсяца могъ уже изъяснить на немъ благодарную любовь свою къ маменькѣ, и зналъ совершенно всѣ тонкости ласковыхъ выраженій. Она гордилась ученикомъ своимъ, а всего болѣе — любила его!

Щастливой ребенокъ! будь осмью годами старѣе, и — кто не позавидовалъ бы твоему щастію? Но ты самому малолѣтству обязанъ своимъ рѣдкимъ благополучіемъ! Эмилія, которой строгія правила намъ извѣстны, могла полюбить одну невинность. Кто боится ребенка, хотя и смышленаго, хотя и пылкаго, хотя и ревностнаго читателя романовъ? Мущины бываютъ страстны тогда, когда ихъ можно узнать въ женскомъ платьѣ: невинность еще не имѣетъ пола! и Графиня безъ всякаго упрека совѣсти согрѣвала Леона нѣжными поцѣлуями, когда онъ, пріѣхавъ, вбѣгалъ холодной въ кабинетъ ея, и естьли — не было съ нею Графа. Она никогда не завтракала безъ ученика своего, какъ ни рано вставала: ибо молодыя супруги мужей, почтенныхъ лѣтами, охотно исполняютъ сіе важное предписаніе Медиковъ. Эмилія сама варила кофе — а онъ, стоя за нею, чесалъ

гребнемъ ея свѣтлые, каштановые волосы, которые почти до земли доставали, и которые любилъ онъ цѣловать... ребячество! и много подобнаго она дозволяла ему. На примѣръ: у него была страсть служить ей за туалетомъ, и горничная дѣвушка ея наконецъ такъ привыкла къ его услугамъ, что не входила уже при Леонѣ въ уборную комнату Госпожи своей... Краснѣюсь за моего Героя, но признаюсь, что онъ подавалъ Графинѣ — даже башмаки!... «Можно ли такъ унижаться благородному человѣку?» скажутъ провинціальные дворяне. За то онъ видѣлъ самыя прекрасныя ножки въ свѣтѣ!... Минуты ученья были для него минутами наслажденія: взявъ Французскую книгу, Леонъ садился подлѣ маменьки, такъ близко, что чувствовалъ біеніе сердца ея; она клала ему на плечо свою голову, чтобы слѣдовать за нимъ глазами по страницамъ. Прочитавъ безъ ошибки нѣсколько строкъ, Леонъ взглядывалъ на нее съ улыбкою — и въ такомъ случаѣ губы ихъ невольно встрѣчались: успѣхъ требовалъ награды, и получалъ ее! Передъ обѣдомъ Графиня садилась за клавесинъ: играла, пѣла — и нѣжной ученикъ ея плѣнялся новостію сего райскаго удовольствія; глаза его наполнялись слезами, сердце трепетало, и душа такъ сильно волновалась, что иногда, схвативъ Эмилію за руку, онъ говорилъ: «полно, полно, маменька!» но черезъ минуту хотѣлъ опять слушать то же... Какая прелестная весна наступила для Леона! Графиня любила ходить пѣшкомъ: онъ былъ ея путеводителемъ, и съ неопи-

саннымъ удовольствіемъ показывалъ ей любезныя мѣста своей родины. Часто садились они на высокомъ берегу Волги, и Леонъ, подъ шумомъ волнъ, засыпалъ на колѣняхъ нѣжной маменьки, которая боялась тронуться, чтобы не разбудить его: сонъ красоты и невинности казался ей такъ милъ и прелестенъ!... Смотри и наслаждайся, любезная Эмилія! Заря чувствительности тиха и прекрасна; но бури не далеко. Сердце любимца твоего зрѣетъ вмѣстѣ съ умомъ его, и цвѣтъ непорочности имѣетъ судьбу другихъ цвѣтовъ!

Читатель подумаетъ, что мы сею риторическою фигурою готовимъ его къ чему нибудь противному невинности: нѣтъ!... время еще впереди! Герою нашему исполнилось только одиннадцать лѣтъ отъ роду... Однакожь любовь къ истинѣ заставляетъ насъ описать маленькой случай, который можетъ быть растолкованъ и такъ и сякъ...

═

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Новый Актеонъ.

Леонъ зналъ, что Графиня всякой день по утру купается въ маленькой рѣчкѣ близъ своего дому. Однажды, проснувшись рано, онъ спѣшилъ одѣться, и, не дожидаясь Графининой кареты, пошелъ

къ сему мѣсту съ какою-то неясною, но заманчивою мыслію. Черезъ часъ стоитъ уже на берегу рѣки; видитъ тропинку, идущую отъ Графскаго дому; видитъ измятую траву... «Тутъ, вѣрно, Графиня раздѣвается; сюда, вѣрно, будетъ она черезъ нѣсколько минутъ: надобно воспользоваться временемъ!...» и Леонъ, спрятавъ свое платье въ кустахъ, бросается въ воду... Высокія ивы съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ рѣчку; она струится по желтому, чистому песку, и лучь солнца, пробиваясь сквозь тѣнь деревьевъ, играетъ, кажется, на самомъ днѣ ея. Герой нашъ никогда еще не купался съ такимъ удовольствіемъ, и думаетъ: «какое прекрасное мѣсто выбрала маменька!» Мудрено ли, что ему хочется вообразить ее въ зеркалѣ водъ?... не умѣетъ!... Деревенской мальчикъ не видалъ ни мраморныхъ Венеръ, ни живописныхъ Діанъ въ купальнѣ!... Правда, въ жаркіе дни ему случалось взглядывать на берегъ пруда, гдѣ сельскія смуглыя красавицы... Но какъ можно сравнивать? смѣшно и подумать!... Леонъ безъ сомнѣнія обратился бы съ вопросами къ *божеству рѣки*, естьли бы зналъ Миѳологію; но онъ по своему невѣжеству думалъ, что въ водѣ живутъ однѣ скромныя, молчаливыя рыбы!... Вдругъ бѣлое платье мелькнуло вдали сквозь деревья... Леону не было времени одѣться: онъ выскочилъ изъ рѣки на другой берегъ и легъ на землю въ малиновыхъ кусточкахъ... Эмилія пришла съ своими дѣвушками, осмотрѣлась и начала раздѣваться... Что дѣлаетъ нашъ малютка? тихонько раздѣляетъ вѣтви куста

и смотритъ: это обвиняетъ его! но сердце бьется въ немъ какъ обыкновенно: это доказываетъ его невинность! Молодость такъ любопытна! взоръ ребенка такъ чистъ и безгрѣшенъ! Во всякомъ случаѣ *преступленіе глазъ* есть самое легкое: кто ихъ боится? и скупцы дозволяютъ смотрѣть на свое золото!... Эмилія снимаетъ съ себя бѣлую кофточку, и берется рукою за кисейной платокъ на груди своей... Читатель ожидаетъ отъ меня картины во вкусѣ златаго вѣка: ошибается! Лѣта научаютъ скромности: пусть одни молодые Авторы сказываютъ публикѣ за новость, что у женщинъ есть руки и ноги! Мы, старики, все знаемъ: знаемъ, что можно видѣть, но должно молчать. Съ другой стороны нужно ли описывать въ романѣ такія вещи, которыя (благодаря модѣ!) нынѣ у всякаго передъ глазами: въ собраніяхъ, на балахъ и гуляньяхъ? Въ романахъ описываютъ только Феникса и Жаръ-Птицу: не воробьевъ, не ласточекъ, всѣмъ извѣстныхъ. Я же долженъ смотрѣть на предметы единственно глазами Героя моего; а онъ ничего не видалъ!... За Графинею прибѣжали три Англійскія собаки, бросились въ рѣку, переплыли на другую сторону, обнюхали въ травѣ бѣднаго Леона и начали лаять. Онъ испугался, и во весь духъ пустился бѣжать отъ нихъ... онѣ за нимъ, съ лаемъ и визгомъ... Нещастный Актеонъ! вотъ наказаніе за твое любопытство видѣть *богиню безъ покрова!* Къ щастію, Графиня была не такъ зла, какъ Діана, и не хотѣла затравить его какъ оленя. Узнавъ бѣглеца, она сама испугалась

и кликала изо всей силы Англійскихъ собакъ своихъ — которыя послушались, и дали ему благополучно убраться за ближній холмъ. Тамъ онъ безъ памяти упалъ на землю, на силу могъ отдохнуть и съ унылымъ видомъ, черезъ часъ времени, возвратился къ своему платью; но видя, что къ шляпѣ его приши̂лена роза, ободрился.... *Маменька на меня не сердится!* думалъ онъ, одѣлся и пошелъ къ ней... однакожь закраснѣлся, взглянувъ на Эмилію; она хотѣла улыбнуться, и также закраснѣлась. Слезы навернулись у него на глазахъ... Графиня подала ему руку, и когда онъ цѣловалъ ее съ *отмѣннымъ* жаромъ, она другою рукою тихонько драла его за ухо. Во весь тотъ день Леонъ казался чувствительнѣе, а Графиня ласковѣе обыкновеннаго: она была добродушна — была прекрасна: и такъ могла ли страшиться нескромнаго любопытства?

1803 г.

(*Продолженія не было*).

СОФІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ОТРЫВОКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Добровъ, дворянинъ (человѣкъ лѣтъ въ шестьдесятъ).

Софія, жена его (лѣтъ двадцати пяти).

Ле-Тьенъ, молодой Французъ, родившійся въ Россіи.

Молодой Добровъ, племянникъ стараго Доброва.

Иванъ, слуга Софіинъ.

Анна, старая дѣвка Софіина.

Параша, молодая дѣвка Софіина.

Слуга ле-Тьенъ, и люди Доброва.

СЦЕНА I.

В деревнѣ Доброва.

(Утро. Представляется комната. Софія сидитъ въ задумчивости подлѣ стола; на лицѣ ея примѣтны сильныя внутреннія движенія. Наконецъ встаетъ.)

Такъ и быть! я рѣшилась. Нынѣ все скажу ему. Будь твердо, сердце мое, будь твердо; перестань трепетать, и успокойся! — Только съ чего начать? и какимъ голосомъ? Какимъ голосомъ сказать ему, что я — — Боже мой! — Онъ идетъ. (*Входитъ Добровъ*).

Добровъ (*подходя къ Софіи*). Ты уже совсѣмъ одѣта! Что это значитъ? Бывало до девяти часовъ не вставала съ постели.

Софія (*цѣлуя руку его*). Я во всю ночь не могла заснуть.

Добровъ (*цѣлуя софію и садясь подлѣ нее*). Отъ чего же? Здорова ли ты, другой мой?

Софія. У меня лежитъ нѣчто на сердцѣ. Намъ должно изъясниться — надобно все сказать — — Боже мой!

Добровъ. Софія! Софія! что съ тобою сдѣлалось? Ты блѣднѣешь — ты больна. Что такое? что? — (*Обнимаетъ ее; молчаніе*).

Софія. Пусти меня — это пройдетъ.

Добровъ. Понюхай чего нибудь. Гдѣ у тебя спиртъ?

Софія (*нюхая спиртъ*) Сядь.

Добровъ (*садясь*) Боже мой! какъ я испугался! Что съ тобою сдѣлалось? Что у тебя лежитъ на сердцѣ? Что хочешь ты сказать?

Софія (*стараясь ободриться*). Да, надобно тебѣ все сказать. — Дай мнѣ только отдохнуть.

Добровъ. Что такое? Выведи меня изъ смертельнаго безпокойства. Скажи, скажи! — Я не могу ничего придумать. Что сдѣлалось? Скажи; не мучь меня!

Софія. Ради Бога, дай мнѣ собраться съ силами! Все узнаешь — узнаешь, другъ мой!

Добровъ. Боже, Боже мой! я внѣ себя. Что такое? — (*Одумывается*). Ты сумасбродишь, сударыня! Тебѣ надобно пустить кровь. У тебя какой нибудь вздоръ въ головѣ. Чему быть важному? Я не боюсь ничего. Мы, слава Богу, живы; впрочемъ никакое нещастіе не сразитъ меня; скажи только, что такое?

Софія. Дай мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ (*встаетъ*). Прикажи подать чаю.

Добровъ (*встаетъ и звонитъ. Вошедшему слугѣ*) Чаю! чаю! — скорѣе!

Слуга (*уходя*). Слышу, сударь!

Добровъ. Не понимаю, не понимаю. (*Обни-*

шаетъ Софію) Милой, любезной, любезной другъ мой!

Софія (*садится, нюхаетъ спиртъ, и по нѣкоторомъ молчаніи, во время котораго Добровъ держитъ ее за руку и съ нѣжною заботливостію смотритъ ей въ глаза*). Сидьте — Вотъ чай. (*Слугѣ, принесшему чайной приборъ*) Подай сюда; я сама стану наливать. (*Слуга ставитъ чай подлѣ Софіи на столъ. Добровъ садится напротивъ и смотритъ на нее, не спуская глазъ. Софія наливаетъ*).

Добровъ. Какова ты?

Софія. Теперь лучше.

Добровъ. Ну, слава Богу! — Лишь бы ты была здорова!

Софія (*роняя на столъ чашку*). Надобно скорѣе все рѣшить. — (*Слугѣ, стоящему у дверей*) Выдь вонъ.

Добровъ (*схвативъ ея руку*). О другъ мой! —

Софія (*твердымъ голосомъ*). Будь мужественъ; одно слово, одно слово....

Добровъ (*въ сильномъ движеніи страха*). О! это не шутка!

Софія. Десять лѣтъ мы жили вмѣстѣ; семь лѣтъ ты былъ для меня все; послѣдніе три года .. (*Смотря ему въ глаза*) Ожидаешь ли, что я скажу тебѣ? — Намъ надобно разстаться.

Добровъ. Разстаться? намъ разстаться?

Софія. Непремѣнно.

Добровъ (*въ изумленіи*) Софія! намъ разстаться? — Для чего?

Софія (*поднявъ глаза вверьхъ*). Боже мой! какая минута! — (*Съ рѣшительностію*) Я тебя недостойна. — Ты видишь во мнѣ преступницу, которая, предавшись непозволенной страсти, въ минуту слабости забыла, что у нее есть супругъ. Знай, я люблю ле-Тьеня....

Добровъ (*какъ громомъ пораженный*). Ты? — Нѣтъ! — нѣтъ!

Софія. Три года сражалась я съ порочною моею склонностію, и не могла преодолѣть ее; наконецъ рѣшилась открыть тебѣ свое преступленіе и удалиться отъ тебя навѣки. — Будь же мужественъ! (*Добровъ блѣднѣетъ и дрожитъ. Софія хочетъ обнять его*). Въ послѣдній разъ осмѣливаюсь....

Добровъ (*отталкивая ее трепещущею рукою*). Нѣтъ — (*Падаетъ на полъ безъ чувствъ.*)

Софія. Боже мой! ударъ! ударъ! — Люди! люди! (*Вбѣгаютъ, одинъ за другимъ, три человѣка.*) Помогите! помогите! Онъ безъ памяти. Ахъ! что дѣлать? (*Люди поднимаютъ Доброва и кладутъ его на канапе*).

Одинъ *изъ людей*. Спирту, сударыня, спирту; надобно тереть его спиртомъ.

Софія (*бросаясь къ нему, льетъ спиртъ ему на голову*). Опомнись! опомнись!

Добровъ (*приходя въ чувство*). А!

Софія. Другъ мой! другъ мой! — Слава Богу! — Ободрись! ободрись!

Добровъ. Слава Богу, Софія! (*Силясь встать, отъ слабости опять упадаетъ на канапе*). Гдѣ

сыны мои? — (*Людямъ*) Подите вонъ. — Софія, Софія! (*томнымъ и нѣжнымъ голосомъ*) скажи, скажи, что это не правда! — Скажи лучше, что ты хотѣла уморить меня! — Скажи только, что это не правда, не правда!

Софія (*со вздохомъ*). Ты уже знаешь.

Добровъ (*съ жаромъ гнѣва*) Злодѣйка! (*Вскочивъ, бросается на Софію; но удержавъ свое стремленіе, садится*) Что я?... Боже! (*поднимая глаза на него*) Боже!

Софія. Успокойся; успокойся! — Я не прошу у тебя прощенія; не хочу извиняться передъ тобою; прошу только поберечь себя.

Добровъ (*смотря на нее съ свирѣпостію*). Поберечь себя! — Разбойникъ, пронзивъ ножемъ мое сердце, проситъ меня, чтобъ я берегъ свое здоровье!

Софія. Презри меня, презри — забудь, и успокойся!

Добровъ. И такъ я прижималъ змѣю къ моему сердцу, не подозрѣвая ничего!

Софія. Ахъ! естьли бы ты зналъ, какъ мучительны были для меня ласки твои!

Добровъ (*какъ будто бы ее не слушая*). Гдѣ были глаза твои, старой младенецъ?

Софія. Когда родился сынъ мой, ты проливалъ радостныя слезы, а я вздыхала, и сердце мое терзалось.

Добровъ (*съ ужасомъ*). *Твой* сынъ? — Нещастной! — Неправосудное Небо! чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ Твой? — (*Въ свирѣпомъ изступленіи*

вскочивъ и топая ногами). Гдѣ онъ? гдѣ злодѣй? — Мщеніе! мщеніе! — Въ адъ низвергнетъ васъ рука моя, — васъ, гнусныя души, — тебя, стыдъ своего пола, и злобнаго, подлаго, неблагодарнаго, адскаго выродка! — Трепещи, развратная женщина! — И тамъ, въ безднахъ ада, тамъ увѣнчается любовь нѣжной четы! Тамъ змѣиной свистъ будетъ музыкою брачнаго пиршества! Тамъ Фуріи освѣтятъ брачное ложе ваше! Тамъ... О! веселись, ликуй! — Отъ чего блѣднѣть? Чего боятъся? — (*Шатается*) Что я? — (*Прислоняется къ столу, роняетъ его и самъ падаетъ. Два человѣка вбѣгаютъ на стукъ, поднимаютъ и держатъ его*). Боже! тягостно наказаніе руки Твоей! — Выведите меня. (*Люди выводятъ его. Голова его приклоняется къ плечу. Софія стоитъ какъ окаменѣлая; ужасъ изображается на лицѣ ея*).

Софія (*по долгомъ молчаніи*). Жива ли я? — Сердце холодно; кровь остановилась. — Какой страшной голосъ! — Ободрись же, слабая женщина! — Развѣ я этова не предвидѣла? Развѣ я не рѣшилась? Теперь и возвратиться поздно, — поздно!

(*Уходитъ*).

═

СЦЕНА II.

—

(Вечеръ. Добровъ сидитъ на креслахъ подлѣ раствореннаго окна и смотритъ на заходящее солнце; голова его повязана бѣлымъ платкомъ.)

Думалъ ли я, будучи пробужденъ утренними лучами твоими, что ты освѣтишь нынѣ ужаснѣйшій день моей жизни? — А! мнѣ нужна помощь Вышняго — Того, Кто невидимою рукою правитъ твоимъ теченіемъ! — Не дерзаю роптать на Его суды — я, червь, во прахѣ пресмыкающійся. Но слезы мои, слезы прахъ орошающія, уже ли будутъ Имъ презрѣны — Тѣмъ, Кто слышитъ крикъ птенцовъ беспомощныхъ? — (*Слезы катятся градомъ изъ глазъ его; молчаніе — звонитъ — входитъ человѣкъ.*) Позови Софію. — Боже! Ты видишь сердце мое! — (*Закрывается платкомъ — Софія входитъ, приближается тихонько къ кресламъ и становится противъ него. Онъ опускаетъ платокъ, взглядываетъ на нее нѣжно и подаетъ ей руку.*) Софія! — Сядь подлѣ меня, Софія! — (*Молчаніе. Софія потупляетъ глаза въ землю. Добровъ пожимаетъ ея руку.*) Ты не хочешь смотрѣть на меня, другъ мой? Взгляни по крайней мѣрѣ на заходящее солнце: какъ тихо и пріятно катится оно за горы! Это часъ обыкновенной прогулки нашей, — часъ удовольствія и кроткой радости. Съ какою нѣжностію прижима-

лась ты къ моей груди, когда я, въ пріятной вечеръ, будучи до слезъ тронутъ своимъ щастіемъ, благодарилъ Бога за всѣ дары Его — за изобиліе — за сердце, которое и въ самой старости чувствительно къ красотамъ Его творенія — и за нѣжную супругу, подпору и утѣшеніе слабыхъ дней моихъ, снисходительную къ моимъ недостаткамъ, тихую, любезную; — когда я описывалъ тебѣ скуку и тоску холостой жизни моей, — пустоту своихъ удовольствій, въ которыя всегда вмѣшивалось горестное чувство одиначества. Вспомни, какъ ты съ веселою улыбкою смотрѣла мнѣ въ глаза, когда я сравнивалъ вечера съ вечерами — вечера, въ которые бродя одинъ по рощамъ и лугамъ, повсюду носилъ я въ душѣ меланхолію; когда всякая мысль родилась и умирала въ головѣ моей; когда сердце мое было темницею всѣхъ чувствъ моихъ — съ вечерами, когда, гуляя съ тобою рука въ руку и обнимаясь въ объятіяхъ Натуры, сообщалъ тебѣ всѣ мысли свои, которыя возбуждали въ тебѣ новыя, взаимно мнѣ сообщаемыя — когда я въ себѣ и въ тебѣ чувствовалъ и наслаждался жизнію! — Ты все еще не хочешь поднять глазъ? — Вспомни....

Софія. А! какой переходъ отъ проклятій къ нѣжности! — (*Поднявъ глаза, снова потупляетъ ихъ.*)

Добровъ. Вспомни тотъ вечеръ, въ которой привелъ я тебя ко гробу моего дѣда и отца, и сквозь слезы сказалъ тебѣ: «Здѣсь плакалъ я за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ и теперь плачу; но

тогдашнія слезы лились отъ горести, а теперешнія отъ радости. Тогда думалъ я: здѣсь погребутъ тебя нечувствительные люди; память твоя погребется вмѣстѣ съ тобою; никто не посѣтитъ твоего гроба. Теперь думаю: здѣсь погребетъ тебя нѣжная супруга, печальная, но разсудительная — печальная, но утѣшаемая надеждою вѣчнаго соединенія въ лучшей жизни. Здѣсь, при свѣтѣ ясной луны, будутъ на гробѣ твоемъ блистать слезы ея, благословляемыя твоимъ духомъ. Тутъ наконецъ будетъ покоиться и ея прахъ, и надъ гробами нашими надпишутъ: *Здѣсь лежатъ вѣрные супруги, которые жизнію своею доказали, что разность лѣтъ не препятствуетъ щастію супружества.*»

Софія. Ради Бога! — Начто это? Добровъ (*продолжая, и какъ бы не слыхавъ ея словъ*). Ты приклонила голову къ моей груди; капля слезъ упала на мое сердце — — (*Останавливается и смотритъ на растроганную Софію*).

Софія (*поднимая глаза, наполненные слезами*). Тогда была я достойна любви твоей; а теперь — теперь — — клями преступницу! Ты имѣешь право мучить меня. Такъ и быть! я рѣшилась все сносить. Но не могу понять, какъ можешь ты — послѣ всего, что тебѣ открылось — говорить со мною такимъ языкомъ.

Добровъ. Такъ пойми же теперь, Софія! (*Встаетъ и становится передъ нею на колѣни*).

Софія. Что? что? (*стараясь поднять его*).

Добровъ. Заклинаю тебя тою любовію, кото-

рую ты нѣкогда ко мнѣ имѣла — а ты конечно любила меня — —

Софія. Ахъ! встань, встань!

Добровъ. Нѣтъ, Софія! дай мнѣ прежде все выговорить. — Заклинаю тебя законами благодарности — ихъ уважаютъ и тѣ, которые презираютъ всѣ прочіе законы — заклинаю тебя всѣмъ, что ты еще можешь почитать за свято: избавь отъ поношенія старость мою — избавь отъ стыда сѣдую голову старца! (*сбрасываетъ съ головы повязку*). Смотри! эта бѣлизна предвѣщаетъ близость смерти — Софія! дай мнѣ умереть спокойно, и потомъ дѣлай, что хочешь!

Софія. Встань! сдѣлай милость, встань! я не могу этова вынести. И чего ты отъ меня требуешь?

Добровъ. Того, чтобы ты презрѣла изверга. Я забуду преступленіе твое, забуду его какъ женскую слабость, и буду любить тебя болѣе, нежели прежде. Свѣтъ не знаетъ еще нашего нещастія; а я найду средство заставить молчать злодѣя. Прости мнѣ давешнее мое изступленіе — ахъ, Софія! ударъ былъ такъ неожидаемъ!

Софія. Дай мнѣ другое сердце, сердце невинное и тебя достойное; тогда я останусь жить съ тобою, и мы будемъ щастливы.

Добровъ (*сквозь слезы, и нѣжнымъ голосомъ.*) Софія! Софія!

Софія. Я недостойна этова голоса. Сдѣлай милость, встань! (*поднимаетъ его.*)

Добровъ (*садясь на кресла и взявъ ее за руку*). Ты не хочешь остаться со мною?

Софія. Естьли бы я и могла побѣдить страсть свою — — —

Добровъ (*съ жаромъ*). Страсть свою! — Софія! думалъ ли я когда нибудь, чтобы ты въ состояніи была такъ унизиться — такъ развратиться — и на моихъ глазахъ! Излишняя увѣренность ослѣпила меня. — И такъ ты не думаешь о томъ, что нещастной мужъ твой будетъ посмѣшищемъ цѣлаго свѣта, которой обыкновенно гнушается невѣрною женою и тѣшится на счетъ обманутаго мужа! Знай только, что ты будешь причиною преждевременной смерти моей. Все станетъ мнѣ воспоминать заблужденіе, на которомъ основывалъ я щастіе свое, все будетъ терзать меня, и жизнь моя не продолжится. Смотри, Софія! здѣсь буду я бороться со смертію; здѣсь будетъ стоять гробъ мой! (*Молчаніе — Софія закрывается платкомъ.*) Хорошо забудь меня, забудь; но думай о собственной судьбѣ твоей. Ты надѣешься, можетъ быть, найти щастіе въ объятіяхъ твоего развратителя? Нѣтъ, Софія, минутные восторги, минутныя изступленія страсти не могутъ составить благополучія жизни нашей. И не уже ли ты думаешь, что развращенной твой любовникъ — (*отъ сильнаго внутренняго движенія перерываются слова его*) — злодѣй, которой погубилъ тебя и меня, — меня, за то, что я принялъ его въ домъ какъ искреннаго друга — Софія! не уже ли ты думаешь, что онъ можетъ любить тебя по-

стоянно? Но онъ и не любитъ тебя, или любитъ такъ, какъ любилъ онъ тысячу презрительныхъ женщинъ.

Софія. Что со мною ни будетъ, намъ надобно разстаться. Я уже потеряла любовь твою; я недостойна любви твоей. Никакое раскаяніе не можетъ мнѣ возвратить ее. Тебѣ не льзя простить меня, не льзя — —

Добровъ (*хочетъ опять броситься передъ нею на колѣни*). Софія!

Софія (*вскочивъ со стула*). Я рѣшилась! — Умертви меня, естьли хочешь, — или я вижу тебя въ послѣдній разъ.

Добровъ. А! когда такъ — (*съ жаромъ*) предаю тебя судьбѣ твоей! — Не ожидай отъ меня мщенія, о которомъ говорилъ я въ первомъ безпамятствѣ. Ты почувствуешь его глубоко въ сердцѣ своемъ; но не моя рука накажетъ тебя. Ступай, нещастная! теперь нѣтъ у тебя супруга! (*Вставъ и стараясь казаться спокойнымъ*). Принадлежащее вамъ теперь же получите. (*Отпираетъ бюро, и вынимаетъ изъ одного ящика бумагу, а изъ другаго пакетъ съ ассигнаціями. Развертывая бумагу*) Двадцать тысячь — — вотъ онѣ. Еще проценты — — извольте взять (*Подаетъ Софіи, которая, взявъ ассигнаціи, бросаетъ ихъ на полъ*). О! начто это? Это ваши деньги, а деньги въ жизни нужны — вы же принуждены будете заводить новое хозяйство. (*Поднимая съ полу ассигнаціи*) Вамъ ихъ послѣ вручатъ, естьли вы теперь не хотите ихъ взять. — (*Звонитъ* —

входитъ человѣкъ). Барыня нынѣ въ ночь ѣдетъ; вели приготовить для нее Англійскую карету. Послѣ спросить, кому она прикажетъ съ собою ѣхать. Слышишь ли? Поди (*Слуга, взглянувъ на Софію, уходитъ*). Теперь, сударыня, надобно вамъ сбираться. Приказывайте, повелѣвайте; все будетъ сдѣлано. Не забудьте отписать къ вашимъ родственникамъ, куда вы ѣдете; а я съ своей стороны увѣдомлю ихъ о благополучномъ вашемъ отъѣздѣ. — Простите, сударыня.

Софія (*бросаяся къ ногамъ его и рыдая*). Въ послѣдній разъ прошу тебя — забудь меня! Въ послѣдній разъ...

Добровъ (*вырываясь*). Желаю вамъ всякаго добра. (*Уходитъ въ кабинетъ. Софія бросается къ дверямъ, но онъ запираетъ ихъ. — Занавѣсъ опускается*).

СЦЕНА III.

(Ночь. Комната освѣщена слабо. Софія, въ дорожномъ платьѣ, сидитъ подлѣ стола, гдѣ горитъ свѣча. Нѣсколько минутъ молчитъ.)

Не могу забыть его голоса, его взоровъ. — Ахъ! я не знала его прежде! — (*Встаетъ и подходитъ къ окну*). Онъ еще нейдетъ. — (*Глазамъ ея представляются луга, гдѣ въ кустахъ поютъ соловьи; рѣка, и за рѣкою большая дубовая роща. Луна ясно освѣщаетъ предметы*). Какая ночь!

канія мѣста! (*Беретъ со стола свѣчу, ставитъ ее на клавесинъ, стоящій близъ окна; садится, играетъ фантазіи, посматривая въ окно; потомъ развертываетъ нотную книгу, играетъ томную мелодію и поетъ тихимъ голосомъ*:)

И буду тамъ во мракѣ жить,
Подъ тѣнью древнихъ сосnъ бродить.
Мѣста пріятныя, простите!
Увы! я здѣсь въ послѣдній разъ.
Слезу изъ сердца въ даръ примите! —
Навѣки оставляю васъ.
Сокроюсь я съ лѣсахъ дремучихъ,
Среди пустынь, песковъ сыпучихъ,

Мѣста пріятныя, простите! и проч.

(*Перестаетъ играть и сидитъ нѣсколько времени въ задумчивости; потомъ встаетъ*). Ночь проходитъ; звѣзды блистаютъ слабо; луна скрывается; показывается заря — а его нѣтъ. (*Ставитъ опять свѣчу на столъ, садится, отпираетъ стоящій на столѣ ларчикъ, и находитъ портретъ Доброва*). А! ты здѣсь! Вонъ! вонъ! (*кидаетъ его на землю, и потомъ опять подымаетъ*). Прости мнѣ! (*кладетъ его на столъ*). Оставайся здѣсь.

Ле-Тьенъ (*подъ окномъ*). Софія!

Софія (*подбѣгая къ окну*). Другъ мой! — Войди, войди! двери отперты.

Ле-Тьенъ (*входитъ изъ саду въ боковую дверь. Софія бросается въ его объятія*). Все готово?

Софія. Все рѣшено, и я предаюсь тебѣ. О

другъ мой! что мнѣ надлежало вытерпѣть! — Удалимся, оставимъ, забудемъ все!

Ле-Тьенъ. Софія! естьли бы могъ я изъяснить тебѣ, какъ тронуло меня письмо твое — —

Софія. Начто изъясненіе? я чувствую — Теперь ты для меня все, все! Тамъ, во тьмѣ Брянскихъ лѣсовъ, будемъ жить другъ для друга; тамъ будетъ и гробъ мой.

Ле-Тьенъ. Естьли все готово, поѣдемъ.

Софія. Поѣдемъ! — (*Смотря на него съ нѣжностію*). Теперь ты меня любишь — я это вижу, знаю — но естьли ты когда нибудь перемѣнишься, когда нибудь перестанешь любить меня — —

Ле-Тьенъ. Я?

Софія. Что со мною будетъ?

Ле-Тьенъ. Какая мысль! — Софія! (*беретъ ея руку и цѣлуетъ*).

Софія (*взглянувъ на него со слезами*). Вспомни тогда, чѣмъ я тебѣ пожертвовала, и люби меня хотя изъ благодарности!

Ле-Тьенъ. Клянусь тебѣ всѣмъ, что есть свято, клянусь — —

Софія (*съ улыбкою и сквозь слезы*). Любить меня?

Ле-Тьенъ. Любить тебя болѣе всего на свѣтѣ.

Софія. Другъ мой! сердце любитъ и не любитъ иногда противъ воли нашей.

Ле-Тьенъ. Я не достоинъ буду жить ни одной минуты, ежели перестану любить тебя.

Софія (*обнимая его*). Поѣдемъ!

Ле-Тьень. Коляска моя стоитъ въ полуверстѣ отсюда — я тамъ буду тебя дожидаться.

Софія. Хорошо.

Ле-Тьень. Прости же!

Софія. Не говори никогда *прости* — это слово для меня страшно.

Ле-Тьень. О Софія! (*цѣлуетъ ея руку и уходитъ*).

Софія (*провожаетъ его глазами, задумывается, молчитъ нѣсколько минутъ, и становится на колѣни*) Боже! (*дрожащимъ голосомъ, поднявъ глаза и руки вверьхъ*) Боже! я дерзаю молить Тебя! — Ниспошли миръ въ сердце оскорбленнаго мною супруга! Утѣшь, успокой его! — Услышь сердечную молитву мою, Отецъ милосердый! — (*Встаетъ и беретъ со стола ларчикъ*). Я уже никогда не возвращусь сюда, никогда, никогда! (*Уходитъ*).

═

СЦЕНА IV.

(Въ Софіиной деревнѣ середи Брянскихъ лѣсовъ. Анна, старая дѣвка, вяжетъ чулокъ; Иванъ, старой слуга, топитъ печь).

Анна. Смотри же, Иванъ, натопи горницу потеплѣе. Барыня все зябнетъ; да и у меня руки корчатся, такъ что чулокъ мой не спорится. Кажется еще и Октября нѣтъ, а холодъ не на шутку.

Иванъ. Да, Аннушка, пришлось мнѣ подъ старость топить горницы. Плачься Богу, а слезы вода.

Анна. Куда какъ ты нѣженъ!

Иванъ. Дорога честь, Аннушка. У барина было мнѣ не таково жить. Ты знаешь, какъ онъ меня жаловалъ. Только было мнѣ и дѣла, что варить чай да кофе. Правду говорятъ, что время переходчиво.

Анна. Всѣ мы это говоримъ, другъ мой, да что дѣлать!

Иванъ. Коли бы я не боялся грѣха — —

Анна. Ну, что жь бы ты сдѣлалъ?

Иванъ. Только бы и жить — —

Анна. Кому?

Иванъ. Тому, кто вчера посулилъ мнѣ, старику, триста лозоновъ за то, что я не хотѣлъ самъ принести дровъ.

Анна. Пришлось терпѣть. Мы служимъ не ему, а барынѣ.

Иванъ. Бѣдная, бѣдная барыня! Всякое воскресенье ставлю я свѣчу Николаю Чудотворцу, и молю святова Угодника, чтобы онъ спасъ ея душу.

Анна. Она погубила себя.

Иванъ. Злодѣй ввелъ ее въ смертной грѣхъ. Пословица говорится: *у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ*. Она развѣся уши его слушала — —

Анна. Знаешь ли, Иванъ, что я думаю? Ужь не приворотилъ ли онъ ее къ себѣ какими нибудь кореньями?

Иванъ. Не кореньями, а гладкими словами.

Лихо разъ поддаться Сатанѣ, а то не увидишь, какъ очутишься въ аду.

Анна. Пресвятая Богородица помилуй ее!

Иванъ. Ты молись за нее, а онъ шепчетъ ей въ уши: нѣтъ ни Святыхъ, ни Богоматери!

Анна. Меня по кожѣ подираетъ.

Иванъ. Какъ бы ты послушала, что онъ ей однажды за столомъ говорилъ!

Анна. А что?

Иванъ. Что! Всего я не понялъ; а знаю только то, что онъ училъ ее Французской вѣрѣ.

Анна (*съ ужасомъ*). Французской вѣрѣ!

Иванъ. У меня сердце обмерло.

Анна. Вотъ до чего мы дожили! Скоро будетъ преставленіе свѣта.

Иванъ. Этова никто знать не можетъ, Аннушка.

Анна. Да когда ужь жены отъ мужей уходятъ, такъ чего ожидать доброва!

Иванъ. Вѣдь это бывало и въ старые годы, Аннушка.

Анна. Барыня кличетъ меня. (*Уходитъ*).

Иванъ. Пойти-было посмотрѣть, не ушла ли и моя. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

(Софія и ле-Тьенъ входитъ).

Ле-Тьенъ. Твое подозрѣніе оскорбляетъ меня.

Софія. Оскорбляетъ тебя? Въ самомъ дѣлѣ?

Ле-Тьень. Я не знаю, какъ мнѣ говорить; какъ изъяснить тебѣ, что я чувствую.

Софія. О! ты умѣлъ говорить, умѣлъ изъясняться тогда, когда въ восторгахъ умиралъ на груди моей. Трепетаніе сердца, огненные глаза, нерерывающіяся слова, томные вздохи — все, все было краснорѣчивымъ выраженіемъ любви твоей. А теперь, когда сердце твое отъ любви утомилось; когда ласки твои стали холодны и принуждены; когда въ глазахъ твоихъ видно мертвое равнодушіе, и скука заставляетъ тебя вздыхать: ты ищешь словъ, — говорить языкомъ: *я люблю тебя, Софія!* а голосъ твой, взоръ твой, сердце твое говоритъ: *уже не люблю тебя, Софія!*

Ле-Тьень. Ты меня мучишь!

Софія. Прости меня, другъ мой, что я трогаю чувствительное твое сердце!

Ле-Тьень. Оно конечно чувствительно; оно любитъ тебя и тогда, когда ты мучишь его.

Софія. Много великодушія!

Ле-Тьень. Я скажу только одно, Софія. Для чего бъ мнѣ жить здѣсь въ мрачномъ уединеніи, въ этой темницѣ непроходимыхъ лѣсовъ, естьли бы я не предпочиталъ тебя всему на свѣтѣ? Ты знаешь, какъ я любилъ городскія веселья, шумныя забавы и многочисленныя общества; однимъ словомъ, какъ я привязанъ былъ къ свѣту, теперь мною оставленному, забытому для тебя, для любви...

Софія. Ты хочешь упрекать меня этою жертвою?

Ле-Тьень. Не упрекать, а доказать тебѣ, какъ я тебя люблю.

Софія. Благодарна! Чувствую все, что ты для меня сдѣлалъ и дѣлаешь; чувствую опять и то, что я для тебя ничего не сдѣлала, и ничѣмъ тебѣ не пожертвовала. Супругъ, благодѣтель мой, другъ мой, честь, доброе имя, спокойствіе совѣсти — все это ничего не значитъ. Такъ ли, другъ мой?

Ле-Тьень. Я въ твоей любви не сомнѣваюсь, Софія.

Софія. А я въ твоей сомнѣваюсь? Даже и тогда, когда ты предлагаешь мнѣ такія убѣдительныя доказательства? Какая несправедливость! — И такъ ты все еще любишь меня, потому что все еще живешь со мною въ этой скучной деревнѣ? А естьли бы ты пересталъ любить?

Ле-Тьень. Тогда бы — —

Софія. Что бы тогда?

Ле-Тьень. Тогда бы я оставилъ тебя, Софія.

Софія (*съ жаромъ*). Ты бы оставилъ меня? Ты бы оставилъ меня? Меня бѣдную, слабую женщину, которая жила и дышала тобою! Когда бы я не могла уже возбуждать въ тебѣ сладострастныхъ вожделѣній, ты бы оставилъ меня, такъ какъ бросаютъ игрушку, когда она уже не забавляетъ насъ? — Ты бы меня оставилъ? — Послушай: я женщина, однако жь у меня есть сердце: (*съ свирѣпостію*) бойся меня! (*Уходитъ*).

Ле-Тьень. Я въ самомъ дѣлѣ боюсь тебя. — Какъ можно теперь ее любить? Надобно поскорѣе отъ нее отдѣлаться. (*Задумывается — поти-*

хоньку отворяются двери — Параша выглядываетъ). А, Параша! Поди, поди сюда! (*Обнимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни*).

Параша. Чтобы насъ не увидѣли!

Ле-Тьень. Не бойся, дурочка.

Параша. Что у васъ было съ барынею? Она очень сердита, и заперлась въ спальнѣ.

Ле-Тьень. Бѣсится.

Параша. Правда, что она очень бѣшена. Какъ ты можешь жить съ нею такъ долго?

Ле-Тьень (*лаская ее*). Твои черненькіе глазки меня за все награждаютъ. Какъ ты мила!

Параша. Льстецъ!

Ле-Тьень. Посмотрись въ зеркало, естьли мнѣ не вѣришь — смотри...

Параша. Ай! ай! идутъ! идутъ! (*Вырывается и бѣжитъ вонъ. Анна входитъ и осматривается*).

Ле-Тьень. Чего ты ищешь?

Анна. Книги, сударь, которую барыня читать изволитъ.

Ле-Тьень. Вотъ она. (*Уходитъ*).

Анна (*смотря за нимъ въ слѣдъ*). Хорошо! хорошо! Я не хочу жива быть, естьли барыня рано или поздно этова не свѣдаетъ. — О мущины, мущины! (*Уходитъ*).

СЦЕНА VI.

(Въ деревнѣ Доброва. Представляется комната. Добровъ лежитъ на постелѣ; племянникъ его сидитъ подлѣ него и держитъ его руку).

Добровъ. Нѣтъ, другъ мой! я чувствую конецъ свой. Не думай, чтобы смерть была страшна для меня — нѣтъ! я желалъ ее, такъ, какъ можетъ желать смерти Христіянинъ. (*Со вздохомъ*) Послѣ того, что я вытерпѣлъ — — Боже, Боже мой!

Молодой Добровъ. Дядюшка! дядюшка!

Добровъ. Стыдись плакать! — Другъ мой! лей слезы при рожденіи младенца, котораго въ океанѣ міра ожидаютъ бури и вихри; но видя тихой конецъ старца, простирающаго нетерпѣливыя объятія къ вѣчности, гдѣ надѣется онъ собрать сладкіе плоды съ горькихъ слезъ здѣшней жизни— другъ мой! радуйся и желай, чтобъ конецъ твой былъ подобенъ его концу.

Мол. Добровъ. Чего вы требуете? — Мысль о вѣчной разлукѣ съ вами — —

Добровъ. Вѣчной? — Нѣтъ, другъ мой; я надѣюсь съ тобой увидѣться. — Живи — помни меня - (*чувствительной молодой человѣкъ со слезами цѣлуетъ его руку*) — помни, что я разстался съ тобою въ надеждѣ радостнаго свиданія. Доброе сердце твое скажетъ тебѣ все прочее. — Приподыми меня. — Хорошо. — Теперь выслушай мою послѣднюю просьбу, которую конечно ты исполнишь (*пожимаетъ его руку*).

Мол. Добровъ. Дядюшка! можете ли вы простить меня!

Добровъ. Ты знаешь нещастную; я никогда не говорилъ объ ней, оплакивая въ тишинѣ судьбу ея. Закрывъ глаза мои, спѣши къ ней; скажи ей, что я давно простилъ ее; что при послѣднемъ моемъ концѣ не желалъ я ничего такъ сердечно, какъ ея блага; что блаженствомъ будущей жизни не могу совершенно наслаждаться, естьли ея участь будетъ нещастна. О естьли бы ты могъ тронуть, могъ размягчить то сердце, которое нечувствительно было къ моей просьбѣ! Правда, что я думалъ тогда болѣе о свѣтѣ, нежели о Богѣ — теперь думаю иначе. Да будетъ твой голосъ подобенъ гласу увѣщающаго Ангела! Влей раскаяніе и утѣшеніе въ душу, столь мнѣ любезную! Обрати ее къ Богу, къ Богу! — Ты закрываешься — дай мнѣ обнять тебя. (*Молчаніе*). Такъ ты исполнишь мою просьбу?

Мол. Добровъ. Я скажу все то, что вы мнѣ приказываете; но позвольте мнѣ надѣяться, что я еще не лишаюсь васъ!

Добровъ. Другъ мой! естьлибъ можно было повелѣвать Натурою! — Я умираю спокойно. — Начинаю слабѣть — — Положи меня. — Нѣтъ, позови сюда людей, естьли они хотятъ со мною проститься. — Мнѣ тошно — тошно — (*Молодой Добровъ поддерживаетъ его клонящуюся голову*). — Дай, дай — мнѣ отдохнуть. (*Вздыхаетъ нѣсколько разъ тяжело, и опять подымается*). — Теперь позови ихъ. (*Мол. Добровъ выходитъ*). —

Боже! и такъ приближается часъ мой! — (*Погружается въ забвеніе. Мол. Добровъ возвращается, становится на колѣни подлѣ постели и беретъ руку его. Пришедшіе съ нимъ люди также становятся на колѣни; горесть видна на лицахъ ихъ.*)

Добровъ (*приходя въ себя*). Ты здѣсь? — И вы здѣсь? — Друзья мои! простите, простите, естьли я иногда былъ противъ васъ несправедливъ! (*Люди плачутъ*).

Одинъ изъ людей. Ты былъ отецъ нашъ!

Другой. Ты былъ намъ дороже отца и матери.

Третій. Мы бы рады были умереть за тебя!

Добровъ. Благодарю васъ. Простите, друзья мои! Вотъ вашъ господинъ (*указывая на племянника*) — любите его. — Обнимите меня. (*Люди цѣлуютъ его руку и рыдаютъ*). Простите! — простите! (*Занавѣсъ опускается*).

═

СЦЕНА VII.

(Въ Софіиной деревнѣ. Представляется комната. Софія входитъ и бросается на кресла).

Какая тоска! какое мученіе! — Вездѣ мрачность! вездѣ тьма; нѣтъ свѣта для души моей! — Боже мой! — Но я не могу молиться; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни вѣры, ни надежды. Что со мною будетъ? — Разумъ мой мѣшается; сердце мое на-

полняется адскою злобою. — Ужасно! ужасно! — Куда скрыться? (*Уходитъ*).

═

СЦЕНА VIII.

(Входитъ Анна; за нею Иванъ).

Иванъ. Я не знаю, надобно ли это сказать барынѣ.

Анна. Непремѣнно.

Иванъ. Да какъ же ты скажешь?

Анна. Я ужъ знаю.

Иванъ Что съ нею будетъ? Она и такъ почти какъ сумасшедшая.

Анна. Не бойся; она отъ этова лучше въ себя придетъ.

Иванъ. Какъ бы она, матушка, приказала намъ раздѣлаться съ нимъ, такъ бы мы дали ему себя знать!

Анна. Ужъ долго пили мы отъ него горькую чашу; теперь полно.—Присматривай же ты, Иванъ, за его людьми; а я пойду къ барынѣ.

Иванъ. Хорошо, Аннушка.

(*Уходятъ въ разныя стороны*).

═

СЦЕНА IX.

(Ночь. Комната освѣщена слабо. Софія поспѣшно входитъ; волосы ея распущены, платье въ безпорядкѣ, лице блѣдно; дикая свирѣпость видна въ ея взорахъ.)

Ты меня оставить хочешь? Хочешь меня оставить, и смѣешься надо мною? — Смѣйся! — Скоро самъ ты будешь посмѣяніемъ ада! — Злодѣй! ты почувствуешь силу руки моей! Затрепещетъ внутренность твоя, затрепещетъ, и звѣрское сердце твое распадется отъ удара моего! — Гдѣ ты, орудіе моего мщенія, гдѣ? (*вынимаетъ изъ кармана большой ножъ*). Я умѣю владѣть тобою. — (*Бьютъ часы*) Это часъ его смерти! (*Уходитъ*).

СЦЕНА X.

(Ясная осенняя ночь. Садъ.)

Ле-Тьенъ (*слугѣ*). Подъѣзжайте съ коляскою къ заднимъ дверямъ сада; я тотчасъ выду.

Слуга. Слышу, сударь.

Ле-Тьенъ. Ну, поди! (*слуга хочетъ итти*) — Постой — Что это? Слышишь ли?

Слуга (*испугавшись*). Нѣтъ — нѣтъ, сударь; я ничего не слышу.

Ле-Тьенъ. Мнѣ послышалось, что кто-то стонетъ.

Слуга. Я ничего не слыхалъ *(Слуга уходитъ)*.

Ле-Тьенъ. Я наконецъ боюсь, чтобы и мнѣ съ ума не сойти. Двѣ ночи сряду видѣлъ я страшные сны, а теперь мнѣ уже наяву чудится. Сумасшествіе заразительно; каждой дикой взоръ ея возбуждаетъ въ душѣ моей какой нибудь ужасной образъ. Мнѣ бъ давно падобно было уѣхать отсюда. — Поѣдемъ, поѣдемъ! Вѣтреная Параша разсѣетъ дорогою мрачныя мысли мои, которыя противъ воли приходятъ мнѣ въ голову. — Странны и непонятны дѣйствія души нашей! Пріѣхавъ въ Москву, стану читать Философовъ, чтобы лучше узнать самого себя. — *(Щупаетъ въ карманѣ)* Тутъ ли деньги? Въ этомъ пакетѣ было у нее, кажется, десять тысячь; иной взялъ бы и бриліанты, а я не дотронулся до нихъ: довольно честности!— *(Садится на лавку и задумывается. — Прибѣгаетъ Параша, осматривается и бросается къ нему на шею.)* А! наконецъ явилась.

Параша. Я насилу могла разстаться съ матушкою. Мнѣ стало такъ грустно, такъ грустно!

Ле-Тьенъ. Полно, дурочка! не говори мнѣ о грусти. *(Обнимаетъ ее. Софія показывается изъ алеи, бросается на Ле-Тьеня, и ранитъ его ножемъ въ шею.)*

Софія. Злодѣй!

Параша. Ай! ай! *(Убѣгаетъ)*.

Ле-Тьенъ. Чудовище! *(Хочетъ схватить ее за руки, но она успѣваетъ еще ранить его въ грудь)*.

Софія. Умри! умри! (*Бросаетъ ножъ и уходитъ.*)

Ле-Тьенъ. Убійца! — Люди! — люди! — Никто не слышитъ. (*Хватается за дерево*). Слабѣю— кровь льется. (*Хочетъ итти, но въ двухъ шагахъ отъ дерева падаетъ*). Нѣтъ силъ!—Я зарѣзанъ!— Не уже ли пришелъ конецъ мой? — Это кровь — я весь въ крови. — (*Силится встать, но не можетъ, и опять падаетъ на землю*). Нѣтъ! — И такъ надобно умереть! — и такъ внезапно! такъ скоро! — (*Зажимаетъ рукою рану въ груди*). Уймись, уймись, горячая кровь! — Она льется изъ сердца. — Я дрожу — въ глазахъ темнѣетъ — не вижу ни неба, ни звѣздъ. — Всему ли конецъ? — Умри же! (*Валяется по песку — смертныя конвульсіи—занавѣсъ опускается*).

СЦЕНА XI.

(Бурная осенняя ночь. Лѣсъ по берегу рѣки. Софія бродитъ въ сумасшествіи по лѣсу.)

Бурные вѣтры! разорвите черныя облака неба, чтобы моря пролилися на землю и смыли съ меня огненную кровь! — Все во мнѣ перегорѣло! — Въ жилахъ моихъ течетъ пламя! — Моря, пролейтесь! — — Кто, кто свиститъ мнѣ въ уши? Черная, большая тѣнь. Какъ страшно! – Кто клянетъ меня? — Это голосъ моего супруга. Обманьщикъ!

ты увѣрялъ, что онъ простилъ меня!—Моря, пролейтесь! Кровь палитъ меня.—Громы! заглушите свистъ черной тѣни и проклятіе моего супруга! — Гдѣ я? — Въ аду? — И умереть не льзя? Страшно! страшно! — (*Подходитъ къ рѣкѣ*). — Вода! вода! (*Бросается въ рѣку и утопаетъ*).

C M B C L.

ВЕЛИКОЙ МУЖЪ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

—

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для *склоненій* и *спряженій*, божится *родами*, видитъ во снѣ *нарѣчія*; и естьли, марая бумагу, ошибаюсь менѣе другихъ — естьли умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть осторожнымъ—то конечно ему обязанъ сею выгодою. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматикѣ. На воротахъ его, всегда запертыхъ, написано множество *вопросительныхъ знаковъ* ??? Сіи *гіероглифы* извѣщаютъ гостей, желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: *кто*

они? за чѣмъ пришли? и проч. — Въ домѣ видите вездѣ живописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣръ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ мантіи, усѣянной буквами, *Ѣ*, *І* и *Ѳ*, есть *Орѳографія*; другая, представленная въ родахъ, Этимологіи; Геркулесъ, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ *удареніе*; маленькой человѣкъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *предлогъ*; камень, летящій между двумя деревами, *междометіе*; Нарцисъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, которая дозволяетъ любовнику обнять себя, *падежъ*; старикъ, считающій деньги, *имена числительныя* — и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ: слѣдственно наука языка есть истинно человѣческая и важнѣйшая*. Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закутанной въ пелены, и надпись говоритъ: *никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ*: ибо хозяинъ думаетъ, что мы еще не имѣемъ совершенной Грамматики — и когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголовъ: *калывать*, *гариватъ*, *баливать*, *жидать*, *лыгать*, *колебливать*, *трепливать*, и воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: «О Небо! когда въ *семъ наклоненіи* «бывали такіе глаголы въ языкѣ Русскомъ? Можно ли *изъявительное* такъ своевольно обратить «въ *неокончательное* и *глаголы недостаточные* «*въ полные?* Можно ли забыть, что нѣкоторые

«изъ нихъ употребляются только съ *предлогами*, «какъ-то: *накалывать*, *ожидать*, *прилыгать!*» — Слезы текли ручьями по лицу чувствительнаго старца. Я не могъ видѣть его печали, ушелъ и черезъ двѣ недѣли снова явился въ кабинетѣ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ началъ говорить о новой Грамматикѣ, хвалилъ въ ней многія полезныя замѣчанія, но осуждалъ раздѣленіе глаголовъ по ихъ *окончательному наклоненію*, доказывая его невѣрность и сбивчивость. «Мой другъ! сказалъ онъ: намъ даютъ правила; но «всякое изъ нихъ раждаетъ исключеніе. Я могу «вытвердить ихъ наизусть и безпрестанно оши«баться: слѣдственно правила неосновательны. На «примѣръ: Авторы говорятъ, что глаголы, кото«рые въ *неопредѣленномъ наклоненіи* оканчиваются «ся на *ать*, перемѣняютъ сіи буквы въ *изъяви«тельномъ наклоненіи перваго лица настоящаго «времени* на *ю*; но они должны тотчасъ примол«вить, что глаголы *плакать*, *кликать* и многіе «другіе уклоняются отъ сего закона! Не будемъ «клеветать на языкъ: онъ имѣетъ вѣрные законы «для измѣненія буквъ въ разныхъ случаяхъ *гла«гола*; но мы только еще не открыли ихъ. Изъ«яснимъ *великое малымъ*, и скажемъ, что Натура «во всѣхъ твореніяхъ и разрушеніяхъ слѣдуетъ «вѣчнымъ, единообразнымъ законамъ, которые «однакожъ по большой части укрываются отъ На«туралистовъ. *Спряженія* во всѣхъ коренныхъ «языкахъ составляютъ главную трудность: кто

«приведетъ ихъ у насъ въ ясную систему, того «ожидаетъ вѣнецъ безсмертія; но сей великій му-«дрецъ, сей блаженный смертный, еще не родил-«ся. Я посѣдѣлъ надъ *глаголами* и не дерзаю ду-«мать о системѣ!

«Однакожъ Небо награждаетъ усердіе друзей «истины, и естьли не совсѣмъ, то хотя сколько ни-«будь озаряетъ ихъ свѣтомъ ея. Такимъ образомъ «и мнѣ удалось открыть въ разсужденіи *глаго-«ловъ* истинное правило—*истинное*, говорю: ибо «оно не имѣетъ ни одного исключенія.» — Всякой догадается, что я нетерпѣливо хотѣлъ знать его. Хозяинъ мой улыбнулся съ гордостію — видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую эпоху жизни своей — поправилъ на головѣ колпакъ, откашлялся, сѣлъ прямѣе на креслахъ, значительнымъ движеніемъ руки приготовилъ меня ко вниманію, и съ неизъяснимою важностію громко произнесъ слѣдующее: «Всѣ глаголы, которые въ настоя-«щемъ времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго «числа кончатся на *итъ*, должны во множествен-«номъ числѣ того же лица и времени оканчивать-«ся на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ*, *мчатъ*; *славитъ*, «*славятъ*); другое же окончаніе единственнаго чи-«сла, съ буквою *Е* вмѣсто *И*, перемѣняется во мно-«жественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ*, «*владѣютъ*; *лжетъ*, *лгутъ*). Теперь найдите, лю-«безный другъ, хотя одинъ *глаголъ*, который у-«клонялся бы отъ сего правила! Даю вамъ часъ, «годъ, вѣкъ на размышленіе!»

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ те-

реть себѣ ладони пальцами, и не хотѣлъ смотрѣть на меня, чтобы не мѣшать мнѣ думать.... Черезъ нѣсколько минутъ глубокаго молчанія я смиренно объявилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумать ни одного исключенія, но что не вижу также и большой пользы сего правила. «Пользы!» возразилъ онъ съ живостію: «а развѣ Авторы наши «не пишутъ *надпятся* вмѣсто *надпются*, *спятъ* «вмѣсто *спютъ* и *стоютъ* вмѣсто *стоятъ*? Самъ «я, рожденный для Грамматики, въ семъ случаѣ «угадывалъ истину единственно по щастливому «вдохновенію Природы!... Выслушайте исторію. «Паденіе яблока съ дерева, въ глазахъ Невтона, «открыло намъ систему *тяготѣнія*: Грамматика «обязана моимъ открытіемъ — ржанію лошадей. «Однажды кучеръ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: *два* «*дни сряду у насъ безпрестанно* ржатъ *лошади*. «Врешь, отвѣчалъ я: надобно говорить *ржутъ*. «Упрямой кучеръ не хотѣлъ согласиться со мною. «Мы призвали другихъ людей: выходила разного«лосица. Я безпокоился, ѣздилъ, бѣгалъ по ули«цамъ, останавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ, «спрашивая: *ржутъ* или *ржатъ*? Не многіе по«нимали важность моего вопроса; нѣкоторые смо«трѣли на меня съ удивленіемъ; другіе смѣялись. «Одинъ молодой человѣкъ, которой ѣхалъ верхомъ «съ дамою, будучи такимъ образомъ остановленъ «мною и видя, что красавица его испугалась мо«его грамматическаго вопроса, махнулъ хлыстомъ «и — сдѣлалъ меня Циклопомъ навѣки». (Надобно знать, что Грамматикъ нашъ кривъ). «Это без-

«дѣлица; но къ нещастію, я не могъ *употребле-*«*ніемъ языка* рѣшить спора моего съ кучеромъ: «одни соглашались со мною, другіе съ нимъ. Над-«лежало искать правила — и чрезъ 6 мѣсяцевъ, «самыхъ безпокойнѣйшихъ въ жизни моей, я на-«шелъ его (оно уже вамъ извѣстно): надобно го-«ворить *ржутъ*, ибо мы говоримъ *ржетъ*, *Е* пере-«мѣняется только на *У* или *Ю*».

Я слушалъ великаго мужа съ искреннимъ вни-маніемъ и смотрѣлъ на кривой глазъ его съ почте-ніемъ. Кто изъ смертныхъ приносилъ такія жер-твы грамматическому любопытству?

Но сей великодушной человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣ-тахъ заплативъ глазомъ за открытіе истины въ *спряженіяхъ*, еще въ молодости лишился выгод-наго мѣста отъ усердія къ правильности *склоне-ній*. Мы въ другое свиданіе говорили съ нимъ объ *именахъ числительныхъ*: онъ доказывалъ, что на-ши Грамматики не даютъ вѣрнаго правила для со-чиненія ихъ съ другими *именами*, и сказалъ: «Вы «найдете въ Грамматикѣ, что надобно говорить: «*два человѣка*, *семь рублей*: важное наставленіе! «Кто изъ Русскихъ ошибается въ этомъ случаѣ? «Но гдѣ же узнаете, какъ должно писать: *съ дву-*«*мя стами Гренадеръ* или *Гренадерами*, *съ двумя* «*тысячами рублей* или *рублями?* Вотъ камень прет-«кновенія! вотъ узелъ Гордіевъ!... Любезный другъ! «теперь сообщу вамъ мое второе открытіе и раз-«скажу еще анектотъ. Я былъ нѣкогда Секрета-«ремъ у Графа N. N. и пользовался его милостію. «Онъ приказалъ мнѣ однажды сочинить письмо къ

«Министру о важномъ дѣлѣ. Я уже дописывалъ «его, но вдругъ остановился; надобно было ска«зать: *въ осьмидесяти тысячахъ рубляхъ* или *руб«лей*: какъ же правильнѣе? думалъ, ломалъ голо«ву; часы и дни проходили. Графъ требовалъ пись«ма, и слыша все одинъ отвѣтъ: *не готово!* нако«нецъ такъ разсердился, что не велѣлъ меня вы«пускать изъ горницы и осудилъ, какъ Англійска«го Присяжнаго, на голодную смерть, естьли не «исполню своей должности. Неволя и голодъ безъ «сомнѣнія непріятны, но ужаснѣе всего ошибить«ся противъ Грамматики, и я три дни не пилъ, не «ѣлъ, не спалъ, а въ четвертой, по милости Неба' «нашелъ правило — дописалъ письмо, и едва могъ «отъ изнуренія силъ, дотащиться до Графскаго ка«бинета, чтобы вручить ему бумагу. Онъ хотѣлъ «знать причину моего неизъяснимаго упрямства — «и душа моя, обрадованная великимъ открытіемъ' «излилась передъ нимъ въ искреннемъ признаніи. «Графъ засмѣялся, подарилъ мнѣ осыпанную бри«ліантами табакерку, но велѣлъ искать другаго «мѣста, сказавъ: *тебѣ и впредь могутъ встрѣ«чаться грамматическія сомнѣнія, а бумаги «мои требуютъ скорости.*»

Я желалъ свѣдать правило, которое выгнало его изъ Графской Канцеляріи. «Вотъ оно,» отвѣчалъ великодушный грамматикъ (разумѣется, что онъ опять взялъ на себя видъ законодателя, который съ высоты трона даетъ уставы вселенной): «есть«ли *имя числительное* не имѣетъ *рода* (какъ-то «*два, пять, десять, семдесять*), то *существитель-*

«*ное* должно быть съ нимъ въ одномъ *падежѣ*, и «мы говоримъ: *въ шестидесяти рубляхъ*, а не *руб-«лей*; когда же число имѣетъ *родъ* (на примѣръ: «*пятокъ*, *десятокъ*, *сотня*, *тысяча*, *милліонъ*), то «имя, за нимъ слѣдующее, должно быть всегда въ «*родительномъ падежѣ*, и надобно говорить: *ты-«сячами рублей*, *въ милліонѣ душъ*, а не *тысяча-«ми рублями*, не въ *милліонѣ душахъ*. Когда же «за тысячами или за милліономъ слѣдуетъ число «*безродное*, то *существительное* принимаетъ его «*падежъ* и надобно писать: *съ двумя тысячами «двадцатью Гранадерами*, а не *Гранадеръ*.» — — «Хорошо, сказалъ я: но число *сто* имѣетъ ли *родъ* «по сему правилу, и какъ надобно сочинять его съ «именами? — «Браво, браво, любезный другъ!» отвѣтствовалъ ученый мужъ: «этотъ вопросъ «доказываетъ, что Геній Грамматики, пролетая «вселенную, махнулъ крыломъ надъ твоею голо-«вою! Такъ, число сто приводило меня въ сомнѣ-«ніе; но я увѣрился наконецъ, что оно имѣетъ *родъ*, «когда мы говоримъ: *первое* сто, *второе* сто, и ко-«гда оно употребляется во множественномъ числѣ: «*пять сотъ*, *шесть сотъ*, и проч. Это рѣшитель-«но — и въ слѣдствіе моего правила должно гово-«рить: *съ тремя стами Русскихъ*, а не *Русски-«ми*. — Такимъ образомъ любовь къ *великой нау-«кѣ* отъ времени до времени производитъ откры-«тія; но (говорю и повторяю), что Россійская Грам-«матика есть донынѣ богиня Изида въ пеленахъ: «никто еще не обнажилъ всѣхъ ея *тайностей*. «Мой другъ! гораздо легче имѣть полную, ясную,

«мудрую систему гражданскаго законодательства, «нежели языка; гораздо легче сдѣлаться всѣмъ «судьямъ правосудными, нежели всѣмъ Писате- «лямъ грамотными».... Тутъ я невольнымъ образомъ воскликнулъ *увы!*... Грамматикъ мой продолжалъ: «Разумѣю ваше, любезный другъ, *межедо-* «*метie*; оно конечно горестно; но такъ вѣчнымъ «Судьбамъ угодно!...

O Grammaire, abyme immense!
Tu nous laisses sans clarté.
Notre sort est l'ignorance:
Le savoir est vanité. *

«Мы щастливы и тѣмъ, что можемъ *надѣяться*— «и я заказалъ уже первому живописцу нашей Ака- «деміи представить на картинѣ Минерву, выходя- «щую въ блестящихъ досцѣхахъ изъ Юпитерова «мозгу: она будетъ для меня образомъ Граммати- «ки, которая со временемъ выдетъ изъ головы му- «дрецовъ Россійскихъ, *вооруженная вѣрными пра-* «*вилами на всѣ возможные случаи языка.* Въ «послѣднюю минуту жизни моей взгляну на эту «картину, и спокойно закрою глаза навѣки!»

Но сей огненный любовникъ правилъ не можетъ терпѣть излишно строгихъ. Онъ разсердился до крайности на сочинителей упомянутой новѣйшей Грамматики, которые говорятъ рѣшительно, что

* Пародія Вольтеровыхъ стиховъ: O nature, abyme immense!

предлогъ *между* требуетъ всегда *падежа творительнаго*, и что *родительный* есть въ такомъ случаѣ ошибка. «Мой другъ!» сказалъ онъ: «*употребленіе* есть избалованное дитя народовъ, съ «которымъ не льзя обходиться сурово; надобно во «многомъ щадить его. Давно уже Русскіе говорятъ: *между полями* и *между полей*, сообразуясь иногда съ пріятностію слуха. Сохрани насъ «Богъ отъ тиранства! Грамматикъ долженъ быть «добродушнымъ и жалостливымъ, особливо къ «стихотворцамъ. Ахъ! они и такъ не рѣдко стенаютъ отъ упругости длинныхъ словъ въ языкѣ «Русскомъ: начто ихъ обременять лишними слогами? Нѣтъ, у насъ не каменныя сердца; нѣтъ! «Грамматикъ чувствительной, и даже справедливой, съ обыкновенною искренностію скажетъ «имъ: пишите смѣло *между ясминовъ* и *лилей*, «вы невинныя дѣти Аполлоновы! Пишите, какъ «вамъ угодно — какъ вамъ угодно, друзья мои!»...

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на лицѣ изобразилась такая добродушная, милая, нѣжная улыбка, что слезы покатились изъ глазъ моихъ.... О торжество чувствительности даже и въ самой Грамматикѣ!... Одно воспоминаніе сей минуты трогаетъ мое сердце - и я долженъ бросить перо!!

1808 г.

О ЩАСТЛИВѢЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.

—

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія Натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и не льзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра ума: Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается

училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка етть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ серединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное) но — *послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія.* Какъ

плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Естьли бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклоняясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вернѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено: стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ

сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній.... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣ-

лая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню щастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!* естьли бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

1802 г.

ЗАПИСКИ

СТАРАГО МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Эмилія уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на *булеварь* нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья: куда же мнѣ дѣваться, и что дѣлать? Отъ скуки всего лучше писать; въ такомъ случаѣ перо служитъ *отводомъ* ея, и передаетъ всю скуку Автора читателямъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло! всякой о себѣ думай.... Къ тому же мнѣ стукнуло 62 года, и я жилъ не съ завязанными глазами въ свѣтѣ: сколько важныхъ наблюденій могу сообщить любопытнымъ, не хуже того *славнаго эфемера*, который, родясь на восходѣ солнца, видитъ себя въ глубокой старости при его захожденіи, и съ краснорѣчіемъ Доктора Франклина (Автора сей остроумной басни *) разсказываетъ юнѣйшимъ эфемерамъ о великихъ перемѣнахъ свѣта, замѣченныхъ имъ въ теченіе столь долгаго времени, то есть въ 15 или 16 часовъ! Боже мой! сколько сдѣлалось перемѣнъ

---

* Она напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

и на моихъ глазахъ! Красавицы подурнѣли, веселыя женщины стали унылыми: въ рукахъ, которыя прежде такъ мило играли опахаломъ и въ легкомъ *вальсѣ* обнимали щастливыхъ Зефировъ, вижу теперь четки или карты; взоры, съ которыми нѣкогда всѣ другіе встрѣчались, нынѣ бродятъ уединенно по залѣ, наполненной людьми невнимательными. Многіе умники обратились въ глупцовъ, честные люди въ бездѣльниковъ, подлецы въ гордецовъ, святоши въ вольнодумцевъ и вольнодумцы въ святошъ. Однимъ словомъ, я, старой эфемеръ, замѣчалъ метаморфозы въ жизни, которыя стоятъ Овидіевыхъ; видѣлъ все, кромѣ того, чтобы плуты дѣлались честными, а глупцы умными.

Но не льзя писать обо всемъ, что знаешь: назовутъ Сатирикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можетъ быть отъ того, что оно всегда напоминаетъ мнѣ гнусную фигуру Сатира. Не хочу также сообщать наблюденій, которыя можно растолковать въ худую сторону для настоящаго времени; скажутъ: «таковы старики! хвалятъ, чего уже нѣтъ, а все новое осуждаютъ!» Нѣтъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси.... Но въ такомъ случаѣ должно подумать....

«Господинъ! господинъ! не надобно ли вамъ цвѣтовъ?»... Этотъ голосъ, перервавъ нить идей моихъ, могъ бы чрезмѣрно разсердить меня, есть-

ли бы онъ былъ не женской; но я, по старой привычкѣ, все еще не умѣю сердиться на женщинъ.... Смотрю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ креселъ какъ молодой человѣкъ (ибо у меня еще нѣтъ подагры), даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ, и снова ищу въ головѣ мыслей.... Но чего лучше? этотъ букетъ можетъ быть темою.... Безъ сомнѣнія!... Задумываюсь на минуту и восклицаю: «слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!»

Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей столицѣ сія новая отрасль торговли; на моей памяти стали продавать здѣсь ландыши. Естьли докажутъ мнѣ, что въ шести десятыхъ годахъ хотя одинъ сельской букетъ былъ купленъ на Московской улицѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первой огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ.... Изъ чего мы, Философы, заключаемъ, что Московскіе жители просвѣтились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣтамъ есть любовь къ Натурѣ; а любовь къ Натурѣ предполагаетъ вкусъ нѣжный, утонченный Искусствомъ. Какъ первые пріемы Философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ Вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка отъ Натуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней. Старинные Русскіе Бояре не заглядывали

въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенькій воздухъ.... Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизъяснимое чудо!... О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ тѣнію черемухи, пивали холодный медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время Царя Михаила Ѳедоровича привезъ въ Москву Голштинецъ Петръ Марселинъ! *—Только при Государѣ Петрѣ Великомъ знатные начали строить домы въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись въ зиму городскими удовольствіями, при началѣ весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! А кто долженъ остаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по крайней мѣрѣ переселиться за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ занимаютъ не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной Под-

* Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы.

московной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату съ диванами: тутъ въ хорошее время года живетъ довольно богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городѣ у него каменный домъ и большой садъ; но онъ говоритъ: «что можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятностію сельской жизни?» Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы горы, къ Симонову монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: «какія мѣста! и никто не наслаждается ими!» а теперь вездѣ нахожу общество!

Однимъ словомъ, Русскіе уже чувствуютъ красоту Природы; умѣютъ даже украшать ее. Объѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самого Британскаго Лорда; щастливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи—гдѣ дикость Природы соединяется съ удобностями Искусства, и всякая дорожка ведетъ къ чему ни-

будь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дачѣ — наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, которые ни на что не похожи въ Натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная....

Знаете ли, что и самой Московскій *булеваръ*, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе раждаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіатцы, и которыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ незнатными, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то щастливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго образованія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе, но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ *булеваръ* скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ несчастью, именемъ своимъ напоминаетъ *булевáры* Париж-

скіе, столь прекрасные и сѣнистые! Древней столицѣ Рускаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскимъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о самыхъ жителяхъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотчасъ ведутъ его на свои прелестныя *террассы*, въ свои тѣнистыя аллеи, которыя украшаютъ всѣ города ихъ....

Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы—и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки * между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естьли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу пасадить аллею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ, большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей; огромный Воспитательный домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ малень-

* Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ. Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ.

кими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеваръ*, свою *Липовую улицу*.... Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ.... Сверхъ того Кремль есть любопытнѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе.

Но это одна мысль. Кремлевская стѣна есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? Развѣ одно время разрушитъ ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными).... И такъ удовольствуемся своимъ *булеваромъ!* куда, государи мои, вы дозволите мнѣ и теперь отправиться: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минуты, въ которую могу еще поговорить съ вами о другихъ перемѣнахъ въ Москвѣ бѣлокаменной и новыхъ выгодахъ нашего времени.

1803 г.

Анонимъ.

О ВѢРНОМЪ СПОСОБѢ

ИМѢТЬ ВЪ РОССІИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ.

—

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣреніемъ его какъ дѣломъ, и—мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій—летятъ мыслію къ счастливому исполненію плана; другіе трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбія, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ ни мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что первые не рѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, естьли бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, творцы государственнаго блага, не сіяли бы тогда въ Исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, которыя они преодолѣваютъ.

Такимъ образомъ и сей новый Уставъ просвѣ-

щенія, которымъ утѣшаются добрые Патріоты, можетъ иному флегматическому Скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: «гдѣ Россія будетъ на«ходить столько учителей, сколько ихъ нужно для «Уѣздныхъ и Губернскихъ школъ по новому обра«зованію? кѣмъ наполнятся Педагогическіе Инсти«туты? можно ли надѣяться на довольное число «охотниковъ?» Отвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои *донынѣ* выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Русскими, которые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ отечественной. Другіе учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей благодѣтельности выходили хорошіе Студенты, Бакалавры, Магистры, Профессоры. Обязанные нравственнымъ бытіемъ своимъ Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состояній, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣяніями оживитъ сей Институтъ, то Россія будетъ

имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ итти симъ путемъ! сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ! Жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ человѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и постороннiе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія будутъ на дѣлѣ изъявлять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія за особенное усердіе и способность въ отправленіи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсію. Какое щастіе для человѣка, который родился въ бѣдности и могъ быть тягостію для злополучнаго отца, естьли бы благодѣтельное Правительство не взяло на себя его воспитанія! Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянія. Народный учитель есть конечно, какъ говорится, не великой господинъ; но малочи-

новность бываетъ оскорбительна *для* самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе знаменіе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ *гордость школьнаго мастера* вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны нещастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ расположеніе Правительства; бѣдные готовы служить во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россія *на первый случай* можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, не только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не для успѣховъ самой науки, не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ: но есть ли и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть

нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на Профессорскую каѳедру? хотя — признаюсь — я душевно бы обрадовался первому феномену въ семъ родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленія: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, и приближать щастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!... Но я долженъ извиниться передъ читателями; такія мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что естьли въ Москвѣ и въ каждомъ *учебномъ округѣ* Россіи будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или 15 лѣтъ Университетскимъ Правленіямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей. Патріотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не отяготить казны издержками. Благодѣяніе есть потребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерд-

ніе. Человѣколюбивыя намѣренія Монарха явно дѣйствуютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропія*; вездѣ хотятъ общеполезныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ Правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, Оно всегда болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ щастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей. Уже патріотизмъ готовъ, дерзну сказать, удивить Россію своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не дозволяетъ намъ еще произнести имени. Исторія нашего отечества доказываетъ, что многіе Русскіе имѣли славу быть *первыми* въ блестящихъ дѣлахъ добра, но никогда не оставались безъ подражателей; наше время безъ сомнѣнія не представитъ исключенія. Естьли мы, усердно прославляя знаменитыхъ благотворителей Россійской учености, не имѣемъ способовъ равняться въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло итти къ жертвеннику отечества и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богатой человѣкъ достойно славится тѣмъ, что его благотворительность воспитываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслію, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, даетъ хотя *одному* сыну бѣднаго мѣщанина сред-

ство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодѣяніе такого роду *безконечно*, и слѣдствія его переживутъ нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на современниковъ, дѣйствуетъ и на потомство, которое не особеннымъ откровеніемъ, а нашими мыслями и свѣдѣніями должно просвѣтиться.

Московскіе Дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодѣяніемъ Университета — гдѣ они или сами учились или учатъ дѣтей своихъ — не захотятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? не захотятъ ли присвоить ему славы надѣлять Россію учителями, а другіе Университеты Профессорами? Для сего (повторяю) надобно только умножить число народныхъ или государственныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназіи; и тогда Ректоръ Университетской, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: «вотъ питомцы щедраго Московскаго Дворянства!» Съ какимъ удовольствіемъ сіи государственные благотворители видѣли бы успѣхи молодыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ питомцемъ и гордился бы его отличіемъ. Содержаніе ученика стоитъ въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можетъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щастливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердецъ, веселыя лица, чувствительность Русскихъ къ добру, вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей поль-

зы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ человѣколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождаться. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душею.—Разныя обстоятельства измѣнили нашъ простой, доброй характеръ, и запятнали его на время: видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Патріотовъ, въ которыхъ истинная Русская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на гласъ Отечества, когда онъ несется съ Трона.

1803 г.

О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

---

24 Января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи Наукъ въ Россіи. Сей щастливый Императоръ — ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу Его. Многіе государи имѣли славу быть покровителями Наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательной, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый Университетъ, Великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ Исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень го-

сударственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою Монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и щастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа Патріотизма — не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и — однимъ словомъ — не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко щастію ввѣренныхъ Ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ Своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться Его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ

злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи Его славныхъ и великихъ Предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будетъ вѣчно сіять въ заглавіи Исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, Который имѣетъ щастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило Ему славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышлености многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже *много* «просвѣщенія, но еще *не довольно;* въ неизмѣри-«мыхъ странахъ ея мы находили милліоны жите-«лей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они «еще не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ ни-«какихъ способовъ умножать свои идеи, научать-«ся опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и бла-«городныхъ наслажденій.» Русскіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли — и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земле-

дѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и щастливо — тѣмъ щастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе; * мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежиость къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Русскіе Патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть вь самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ — и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души Своей, исполнилъ ихъ желаніе. — Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на

---

* Можно поставить въ примѣръ Швейцарскихъ, многихъ Нѣмецкихъ (особливо Голштинскихъ) и Англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты.

Россію; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, Который *всѣхъ* Своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любить и *всѣхъ* считаетъ людьми.

Теперь Дворянство Россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого Монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности Дворянъ: они безъ сомнѣнія изъявятъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названіемъ *безкорыстной;* но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ. *Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общиго блага.* Можемъ вспомнить нашу Исторію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ Русскимъ Боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что Бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жиз-

нію, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря Провидѣнію! времена спокойны, и мы не въ *печальной*, но въ *радостной* одеждѣ можемъ служить отечеству или Александру (къ щастію, великія имена Ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, Котораго человѣколюбивая Политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслію, тотъ безъ сомнѣнія живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его нещастіи: но о комъ изъ истинныхъ Дворянъ Русскихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ Писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій, и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ Лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ го-

сударственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метафизиками въ свѣтѣ. *Исторія ума* представляетъ *двѣ* главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе Морали, простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской. * Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! — Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше Правительство соединяетъ уважаемый наро-

* См. 32 статью Устава.

домъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностію сельскихъ учителей. *

Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго Устава останется (какъ мы сказали) заведеніе сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другія, великія пользы. Городскія школы, Гимназіи, Университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль отдѣлить ученіе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученыя мѣста должны зависѣть только отъ ученыхъ — и Ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ Наукъ, тѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣ. Довѣренность, изъявляемая Монархомъ къ собранію Профессоровъ, которые избираютъ своего начальника и правятъ не только Университетомъ, но и всѣми окружными Гимназіями и другими школами, еще болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ. Новыя выгоды и почести (право избранія есть великая), данныя ученому состоянію, большее число Профессоровъ и другихъ людей, къ нему принадлежащихъ, отнынѣ твердо и надежно основываютъ его въ Россіи.

* Статья 33.

Должно замѣтить еще двѣ важныя, новыя идеи Устава. Великая Екатерина знала необходимость образовать собственныхъ учителей для государства, которому назначено просвѣтиться — и мы имѣли нѣкоторыя педагогическія заведенія; но Кандидаты сего важнаго состоянія людей рѣдко оставались въ ихъ званіи, находя въ другихъ болѣе личныхъ выгодъ. Теперь мудрый Законодатель взялъ мѣры для отвращенія сего великаго зла: Кандидатъ педагогическій долженъ по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ быть учителемъ, чтобы перейти въ другу службу. * Ободренія, назначаемыя для тѣхъ, которые отличатся въ сей должности, могутъ также имѣть весьма полезныя дѣйствія; ** сверхъ того всякой изъ нихъ по достоинству награждается пенсіею. *** Вторая великая идея есть побудить къ законовѣдѣнію всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ гражданскую службу. Черезъ 5 лѣтъ никто уже не будетъ опредѣленъ къ должности, требующей Юридическихъ и другихъ познаній, не доказавъ, что онъ пріобрѣлъ ихъ систематическимъ ученіемъ. Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что Науки вообще благодѣтельны для Морали, скажемъ, что не столько злое намѣ-

* Статья 40.
** Статья 22.
*** Статья 23.

реніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и Государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, Который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой Державѣ своей. Естьли всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію Имперію (въ которой творческая сила человѣколюбиваго Генія дѣйствуетъ нынѣ живѣе, нежели гдѣ нибудь), то ни одно любопытство раждаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой....

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливость добраго сердца, которое, плѣнясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нѣтъ, великія государственныя творенія бываютъ медленны—такъ угодно Небу — и естьли Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми, щастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія и новыхъ силъ:* надобно вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ щастія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранится

вѣнецъ ихъ. — Довольно, что сей безсмертный Уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей требуетъ только — вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?

1803 г.

ЦВѢТОКЪ

НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА.

—

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world: *This was a man!*
Shakesp are.

—

Нѣтъ Агатона!... Нѣтъ моего друга!— Читатель! ты не зналъ его — онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ — онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей—украшенный одними достоинствами, не чинами, не блескомъ роскоши, — и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! — Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, — о чемъ проливаетъ слезы, и вѣчно проливать будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество, и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ Природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ

самой Грецiи, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго — оставьте сiи безпорядочныя строки, орошаемыя моими слезами! Не для васъ изливаю горесть свою, и не требую вашего одобренiя. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огнь чувства угаснетъ въ груди моей; когда, забывъ святую истину, паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденiй: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствiю; тогда удостоите меня благопрiятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ васъ тронуть.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими занятiями человѣчества; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацiй. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю — можетъ быть пламенное усердiе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитанiемъ, — искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ, чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было прiятнѣйшею мечтою моего воображенiя — человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнiя; которой могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденiя, и научать меня

не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; — однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается — и время нашего знакомства, нашего дружества, будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли не много, немногимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе — ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, — и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ, и возвращался домой съ покойною душею, съ новыми знаніями, или съ новыми идеями.

Естьли когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать *исторію* моихъ *мыслей*, тогда опишу, можетъ быть, и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое, *эстетическое чувство*,

нужное для любителей Литтературы. Вѣрный вкусъ друга моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) былъ для меня свѣтильникомъ въ Искусствѣ и Поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ, и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; — онъ былъ первымъ моимъ судьею, и хотя замѣчалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, который занимается Литтературою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агатонъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихой кругъ читателей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе Автора, котораго спокойствіе не рѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него предъ глазами. *Надлежитъ или сравняться съ ними* (думалъ онъ), *или не выходить на сцену*; первое казалось ему труднымъ и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказываютъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души: Агатонъ и я любили *одно*, но любили *различнымъ образомъ*. Гдѣ онъ *одобрялъ* съ спокойною улыбкою, тамъ я *восхищался*; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холод-

ную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный Философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: — но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество. Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна — и два человѣка, совершенно одинакихъ свойствъ, всего скорѣе наскучатъ другъ другу.

Обстоятельства разлучали насъ — онъ писалъ ко мнѣ — и сіи письма (примѣръ чистаго слога и зеркало тихой, стройной души) будутъ всегда храниться близъ моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей; когда желаніе видѣть Природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи, видѣть тѣхъ великихъ мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную страсть; когда удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставить на время отечество и друзей моихъ: тогда онъ пожертвовалъ на минуту своею твердостію, и слезы покатились изъ глазъ его. *Спѣши*, сказалъ онъ, *спѣши, куда влечетъ тебя стремленіе твоего духа, и возвратись къ намъ благополучно, съ тѣмъ же сердцемъ, съ которымъ отъ насъ ѣдешь!* Мы разстались. Онъ стоялъ на дорогѣ, и смотрѣлъ въ

слѣдъ за мною; платокъ долго бѣлѣлся въ рукахъ его.

Великое пространство раздѣляло насъ, но мы не забывали другъ друга. «Воспоминаніе о тебѣ (писалъ онъ ко мнѣ въ Женеву) есть одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. Часто путешествую за «тобою по ландкартѣ; расчисляю, когда куда могъ «ты пріѣхать, и сколько гдѣ пробыть; взбираюсь «съ тобой на высокія горы, воображаю тебя бро«дящаго по прекраснымъ мѣстамъ, или сидящаго «въ кабинетѣ какого нибудь Ученаго. Усердно «желаю, мой любезный другъ, чтобы вездѣ встрѣ«чались тебѣ такіе люди, которыхъ знакомство и «воспоминаніе возвышало бы удовольствія, нахо«димыя тобою въ наслажденіи прекрасною При«родою, и утѣшало бы тебя въ непріятномъ опы«тѣ, что вездѣ есть зло. Могу себѣ представить, «что сей опытъ часто тебя огорчаетъ и приводитъ «въ такое грустное расположеніе, въ какомъ я ви«далъ тебя, живши съ тобою.» Такъ, мой другъ! вездѣ есть зло; но

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ тобою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Наконецъ я возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣренпаго души моей; воображалъ его пріятное удивле-

ніе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно лучу осенняго солнца.

Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась!—Горестная мысль! горестный опытъ!

Пришла весна, и благодѣтельныя вліянія сего прекраснаго времени года возвратили мнѣ друга; бальзамическія испаренія зеленѣющихъ травъ освѣжили его томное сердце; вмѣстѣ съ цвѣтами расцвѣтала душа его, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый духъ его оперялся. Сія весна, сіе лѣто, останутся незабвенными въ моей жизни!

Всегда, всегда будете вы предметомъ благодарной слезы моей, вы, пріятные вечера, проведенные мною въ сообществѣ милаго друга, на зеленыхъ лугахъ, орошаемыхъ тихою рѣкою, хотя не столь славною, какъ Аѳинскій Иллисъ, гдѣ Сократы и Критоны древле бесѣдовали о мудрости, но чистою и прекрасною въ своемъ теченіи! Тамъ,

будучи друзьями цѣлому свѣту, разсуждали мы о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества, радовались и горевали; тамъ вопрошали мы Натуру о великихъ тайнахъ ея — иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы, иногда страшные удары грома были намъ отвѣтомъ ея; — мы благоговѣли, и признавали слабость своего разума. — Естьли обитатели оныхъ сверкающихъ міровъ, которыми усѣяно голубое небо, иногда съ высоты своей взираютъ на смертныхъ чадъ земли: то конечно и мы удостоились ихъ взоровъ — два юноши, страстно любящіе истину и добродѣтель!

Всякой день, всякой вечеръ были мы вмѣстѣ, какъ будто бы предчувствуя, что сіе лѣто будетъ послѣднимъ лѣтомъ дружбы нашей! — Я спѣшилъ къ нему съ каждою новою книгою, съ каждымъ новымъ твореніемъ ума человѣческаго; онъ спѣшилъ ко мнѣ — съ новыми мыслями, съ новыми догадками, съ новою любезностію.

Осень была для насъ печальна; зимою мы разстались — и разстались навѣки!

Навѣки! — Я обнималъ тебя въ послѣдній разъ, неоцѣненный другъ души моей! въ послѣдній разъ видѣлъ твою чувствительность! Ты любилъ меня — и никогда любовь твоя не была такъ красноречива, какъ въ сію минуту! *Можетъ быть мы скоро увидимся; можетъ быть опять будемъ жить вмѣстѣ* — сказалъ онъ и закрылъ лице свое. Милый другъ! сердце твое конечно предчувствовало,

что намъ уже никогда не видаться въ здѣшней жизни!

Перемѣна климата, а можетъ быть и чрезмѣрная дѣятельность, разстроили его слабое здоровье; онъ занемогъ опасною болѣзнію — страдалъ — томился — ни молодость, ни искусство врачей, ни пламенная молитва дружбы не помогли ему.... Онъ скончался!...

Ахъ! для чего не могъ я быть при концѣ твоемъ,—не могъ слышать послѣднихъ словъ, видѣть послѣднихъ взоровъ моего друга? — Ты хладѣлъ въ объятіяхъ смерти, и можетъ быть никто изъ окружавшихъ тебя не зналъ, какая душа оставляла міръ сей, какой человѣкъ умиралъ въ глазахъ ихъ! Можетъ быть безчувственные люди положили тебя въ гробъ,—безчувственные люди опустили гробъ твой въ землю! — Я хотѣлъ бы оросить слезами то мертвое тѣло, въ которомъ обиталъ безсмертный духъ твой; хотѣлъ бы проститься съ тобою, и со всею горячностію дружбы поцѣловать тѣ хладныя уста, изъ которыхъ нѣкогда лились въ грудь мою отрада и утѣшеніе; хотѣлъ бы успокоить тебя и въ самомъ гробѣ, и первымъ весеннимъ цвѣткомъ украсить могилу твою!... Ахъ! на что мы разлучались? Сіи немногіе дни, которые оставалось прожить тебѣ въ юдоли смертнаго, протекли бы въ тишинѣ и мирѣ; попеченія любви, старанія дружбы облегчили бы переходъ твой въ вѣчность, и Ангелъ смерти принялъ бы тебя изъ объятій чувствительнаго человѣка!

Онъ умиралъ спокойно. *Я говорилъ съ нимъ за*

два дни до кончины его (пишетъ ко мнѣ любезный Д*) *и никогда не перестану удивляться силамъ души его* — а я, за сіе удивленіе, никогда не перестану любить тебя, милой Д*)!

Величественная Натура.... или Ты, Котораго назвать не умѣю.... Ты, Котораго истинное имя и существо таятся въ непроницаемомъ мракѣ, или — въ неприступномъ свѣтѣ! дерзнетъ ли смертный съ слабымъ, но чистымъ сердцемъ, безъ страха и трепета вопросить Тебя: почто образовалъ Ты прекрасную душу моего друга, и скрылъ ее на зарѣ утренней, прежде нежели возсіяла она во всей красотѣ своей? Уже ли мудрая рука Твоя ошиблась, и произвела оную не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ? — Невидимая сила заграждаетъ уста мои — безмолвствую.

Горесть моя бутетъ продолжительна — безконечна! Я имѣю друзей сердца, которые меня любятъ, и мнѣ всего на свѣтѣ милѣе; но духъ мой лишился любезнѣйшаго своего брата и совоспитанника, котораго никто, никто замѣнить не можетъ!

Дражайшій Агатонъ! рука времени не загладитъ образа твоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду вспоминать о незабвенномъ другѣ: ибо память твоя впечатлѣлась въ существо души моей, и слилася съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро расцвѣтетъ пространный садъ Натуры; скоро птички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулять туда, гдѣ гулялъ съ тобою; сяду на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ съ тобою,

и подъ шумомъ весеннихъ водопадовъ пролью сладкія слезы. Тамъ, видя радостное обновленіе Природы, буду воображать тебя обновленнаго въ таинственныхъ жилищахъ вѣчности, которыя стали мнѣ извѣстнѣе съ того времени, какъ ты въ оныя преселился — въ жилищахъ, гдѣ непремѣнная весна царствуетъ, и алѣютъ цвѣты неувядаемые; гдѣ ни слезъ, ни вздоховъ; гдѣ мудрые древности, какъ нѣжные братья, бесѣдуютъ съ тобою, и гдѣ нѣкогда встрѣтишь ты и меня съ Ангельскою улыбкою небесной дружбы.

Прости!

Марта 28, 1793 г.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

—

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, проницательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, естьли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, сострадaніи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэта, * то,

---

* Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Ферн
ейскихъ жителей, имѣлъ конечно не злое сердце.

вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ—каррикатуру Заиры. Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлается противнымъ, ядовитымъ питіемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ *изящнымъ*, изображать красоту, гармонію, и распространять въ *области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Естьли творческая Натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минуту раздора своего съ Красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти,—оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, естьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію нещастій рода человѣческаго—и естьли сердце твое не обольется кровію, оставь перо,—или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное

желаніе всеобщаго блага: тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ—онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину—ты не будешь безполезнымъ Писателемъ —и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляешься чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жакъ-Жакъ Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ?— Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: — ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

1793 г.

НѢЧТО О НАУКАХЪ,

—

Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent
la vie!
St. Lambert.

—

Былъ человѣкъ—и человѣкъ великой, незабвенный въ лѣтописяхъ Философіи, въ Исторіи людей — былъ человѣкъ, который со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что Науки несовмѣстны съ добродѣтелію!

Я чту великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо! Уважаю истины, открытыя тобою современникамъ и потомству—истины, отнынѣ незагладимыя на дскахъ нашего познанія — люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою къ человѣчеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами.

Вообще разсужденіе его о Наукахъ * есть, такъ

* Discours sur la question proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs?

сказать, логической Хаосъ, въ которомъ видѣнъ только обманчивый порядокъ или призракъ порядка; въ которомъ сіяетъ только *ложное* солнце — какъ въ Хаосѣ творенія, по описанію одного Поэта —и день съ ночью непосредственно, то есть безъ утра и вечера, соединяются. Оно есть собраніе противорѣчій и софизмовъ, предложенныхъ — въ чемъ надобно отдать справедливость Автору — съ немалымъ искусствомъ.

«Но Жанъ - Жака нѣтъ уже на свѣтѣ: на что безпокоить прахъ его?» — Творца нѣтъ на свѣтѣ, но твореніе существуетъ; невѣжды читаютъ его— самые тѣ, которые ничего болѣе не читаютъ — и подъ Эгидою славнаго Женевскаго Гражданина злословятъ просвѣщеніе. Естьли бы небесный Юпитеръ отдалъ имъ на время громъ свой, то великолѣпное зданіе Наукъ въ одну минуту превратилось бы въ пепелъ.

Я осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя примѣчанія, нѣкоторыя мысли свои о семъ важномъ предметѣ. Онѣ не суть плодъ глубокаго размышленія, но первыя, такъ сказать, идеи, возбужденныя чтеніемъ Руссова творенія. *

---

* Новая піеса одного неизвѣстнаго Нѣмецкаго Автора, которая нечаянно попалась мнѣ въ руки, и въ которой бѣдныя Науки страдаютъ ужаснымъ образомъ, заставила меня прочесть со вниманіемъ Discours de J. J. Примѣчанія мои неважны; но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ Готье, ни изъ Лаборда, ни изъ Мену, которыхъ я или совсѣмъ не читалъ, или совсѣмъ

Со временъ Аристотелевыхъ твердятъ Ученые, что надобно опредѣлять вещи, когда желаешь говорить объ нихъ и говорить основательно. Дефиниціи или опредѣленія служатъ Фаросомъ въ путяхъ умствованія — Фаросомъ, который безпрестанно долженъ сіять предъ глазами нашими, естьли мы не хотимъ съ прямой черты совратиться. Руссо пишетъ о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что суть Науки, что Искусства. Правда, естьли бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи трактата его—поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дымѣ, какъ пустые фантомы и чада Химеры: то есть, трактатъ его остался бы въ туманной области небытія—а Жанъ-Жаку непремѣнно хотѣлось бранить ученость и просвѣщеніе. Для чего же? Можетъ быть для странности; для того, чтобы удивить людей, и показать свое отмѣнное остроуміе: суетность, которая бываетъ слабостію и самыхъ великихъ умовъ!—

Не смотря на разные классы Наукъ, не смотря на разныя имена ихъ, онѣ суть не что иное, какъ *познаніе Натуры и человѣка, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ.* *

забылъ. — Что же принадлежитъ до Господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, тупоумія и несноснаго Готшедскаго слога, ничѣмъ похвалиться не можетъ; на такія сочиненія нѣтъ отвѣта.

* Познаніе сихъ двухъ предметовъ ведетъ насъ къ чувствованію всевѣчнаго творческаго Разума.

Отъ чего произошли онѣ?—Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Добрый Руссо! ты, который всегда хвалишь мудрость Природы, называешь себя другомъ ея и сыномъ, и хочешь обратить людей къ ея простымъ спасительнымъ законамъ! скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, столь изобильно вокругъ насъ разсѣянными? Не она ли призываетъ насъ къ Наукамъ!—Можетъ ли человѣкъ быть безчувственъ тогда, когда громы Натуры гремятъ надъ его головою; когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и ревутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или сіяетъ въ златѣ блестящихъ плодовъ, или, какъ будто бы утружденная великолѣпіемъ своихъ феноменовъ, облекается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во тьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вступимъ въ тѣ, давно истлѣвшіе лѣса, въ которыхъ человѣчество, по словамъ твоимъ, о Руссо! блаженствовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи; устремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, тамъ живущаго: мы увидимъ, что и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ душу,

которая требуетъ себѣ не тѣлесной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на картину Натуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, опѣняемой валами, на прекрасной ландшафтъ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нитяхъ, гдѣ свѣжіе цвѣты пестрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ тихомъ восхищеніи плѣняется естественными красотами, иногда нѣжными и милыми, иногда страшными: впиваетъ ихъ, такъ сказать, въ свое сердце всѣми чувствами и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ нервахъ своихъ; спѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ стороны надъ нимъ разливается — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ предѣловъ твоему любопытству и наслажденію!* —Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленныя идеи или чувственныя понятія, которыя суть не что иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и которыя носятся сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней та удивительная сила или способность, которую называемъ мы *разумомъ*, и которая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарному солнцу освѣщаетъ она Хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ими различія и сходства, отношенія, частное и общее, и производитъ идеи

особливаго рода, идеи отвлеченныя, которыя составляютъ *знаніе*,* составляютъ уже *Науку* — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а потомъ, черезъ разныя отвлеченія, достигаетъ человѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращается отъ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говоритъ: cogito, ergo sum—*мыслю, слѣдственно существую* ** *что жь я?*... Вся наша Антропологія есть не что иное, какъ отвѣтъ на сей вопросъ.

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Професcоровъ, Магистровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Натура, гдѣ человѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ— тамъ Наука.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, которыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницевъ— тамъ источникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣтвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Кто же, описывая дикаго или естественнаго че-

---

* Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее отъ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

** Извѣстной Декартовъ силогизмъ.

ловѣка, представляетъ его невнимательнымъ, нелюбопытнымъ, живущимъ всегда въ одной сферѣ чувственныхъ впечатлѣній, безъ всякихъ отвлеченныхъ идей — думающимъ только объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часть времени во снѣ и безчувствіи — однимъ словомъ, звѣремъ: тотъ сочиняетъ романъ, и описываетъ человѣка, который совсѣмъ не есть человѣкъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножать свои понятія; и Караибы имѣютъ отвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній.* — Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ человѣчества, младенецъ, котораго душа чиста еще отъ всѣхъ наростовъ, несвойственныхъ ея натурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенный предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видитъ Философъ опредѣленіе человѣка; видитъ, что мы сотворены для *знаній*, для *Науки*.

---

* Наприм. всякое прилагательное имя есть отвлеченіе. Времена глаголовъ, мѣстоименія - все сіе требуетъ утонченныхъ дѣйствій разума.

Что суть Искусства? — *Подражаніе Натурѣ.* Густыя, сростшіяся вѣтьви были образцомъ первой хижины и основаніемъ Архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ отверстіе сломленной трости, или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ, тѣнь предметовъ — рисованью и живописи. Горлица, сѣтующая на вѣтьви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго Элегическаго Поэта; * подобно ей хотѣлъ онъ выражать горесть свою, лишась милой подруги — и всѣ пѣсни младенчественныхъ народовъ начинаются сравненіемъ съ предметами или дѣйствіями Натуры.

---

* Я думаю, что первое піитическое твореніе было не что иное, какъ изліяніе томно-горестнаго сердца; то есть, что первая Поэзія была Элегическая. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Напротивъ того горестный другъ, горестный любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю Природу въ повѣренные грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболѣзнуютъ о его утратѣ; состояніе души его есть уже, такъ сказать, Поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его — слезами и пѣсніею. — Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства, не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

Но что жь заставило насъ подражать Натурѣ, то есть, что произвело Искусства? *Природное* человѣку стремленіе къ улучшенію бытія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятностей. Отъ перваго шалаша до Луврской колоннады, отъ первыхъ звуковъ простой свирели до симфоній Гайдена, отъ перваго начертанія деревъ до картинъ Рафаэлевыхъ, отъ первой пѣсни дикаго до Поэмы Клопштоковой, человѣкъ слѣдовалъ сему стремленію. Онъ хочетъ жить *покойно:* раждаются такъ называемыя *полезныя Искусства*; возносятся зданія, которыя защищаютъ его отъ свирѣпости стихій. Онъ хочетъ жить *пріятно:* являются такъ называемыя *изящныя Искусства*, которыя усыпаютъ цвѣтами жизненный путь его.

И такъ Искусства и Науки *необходимы:* ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, то есть, союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню — и всегда буду помнить — что добрѣйшій и любезнѣйшій изъ нашихъ Философовъ, великой Боннетъ, сказалъ мнѣ однажды на берегу

Женевскаго озера, когда мы, взирая на заходящее солнце, на златыя струи Лемана, говорили объ успѣхахъ человѣческаго разума. «Мой другъ!...» симъ именемъ называетъ Боннетъ * всѣхъ тѣхъ‘ которые приходятъ къ нему съ любовію къ истинѣ... «мой другъ! размышляющій человѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ путяхъ Философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега — но когда явится онъ утружденному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда — можетъ быть исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства.» — Небесный свѣтъ сіялъ въ сію минуту на лицѣ Женевскаго Философа, и мнѣ казалось, что я слышу гласъ пророка.

Такъ, Искусства и Науки неразлучны съ существомъ нашимъ — и естьли бы какой нибудь духъ тьмы могъ теперь въ одну минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то потомки наши снова найдутъ потерянное, и снова возсіяютъ Искусства и Науки

* Онъ былъ еще живъ, когда я писалъ сіи примѣчанія.

какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни Греки, ни Римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратитъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіе грядущихъ временъ родятся новые Баконы, которые положатъ новое, и можетъ быть еще твердѣйшее основаніе храма Наукъ; родятся новые Невтоны, которые откроютъ законы всемірнаго движенія; новый Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кондильяки, новые Боннеты силою ума своего оживятъ статую, * и новые Поэты воспоютъ красоту Натуры, человѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучь божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить. Перемѣните душу, вы ненавистники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ человѣколюбивыхъ своихъ предпріятіяхъ; и никогда Прометеевъ огонь на землѣ не угаснетъ!

Заключимъ: ежели Искусства и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то они *необходимое* зло, — зло, истекающее изъ самаго естества нашего; зло, для ко-

* См. Essai analitique sur l'Ame, par Bonnet, и Traité des Sensations, par Condillac.

тораго Природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благостію Природы, съ благостію Творца нашего? Могъ ли Всевышній произвести человѣка съ любопытною и разумною душею, когда плоды сего любопытства и сего разума долженствовали быть пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ.

Науки портятъ нравы, говоритъ онъ: *нашъ просвѣщенный вѣкъ служитъ тому доказательствомъ.*

Правда, что осьмой-надесять вѣкъ просвѣщеннѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; правда и то, что многіе пишутъ на него сатиры; многіе, кстати и не кстати восклицаютъ: о tempora! о mores! *о времена! о нравы!* многіе жалуются на развратъ, на гибельные пороки нашихъ временъ,— но много ли Философовъ? много ли размышляющихъ людей? много ли такихъ, которые проницаютъ взоромъ своимъ во глубину нравственности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ теченіе среднихъ вѣковъ, тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ? Пусть заглянутъ въ старыя лѣтописи, и сличатъ ихъ съ исторіею нашихъ временъ! — Намъ будутъ говорить о Сатурновомъ вѣкѣ, щастливой Аркадіи... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая страна, подъ благимъ, свѣтлымъ небомъ, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любятъ другъ друга какъ нѣж-

ныя братья, не знаютъ ни зависти ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однимъ движеніямъ своего сердца, и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхитительное для воображенія чувствительныхъ людей; но — будемъ искренны, и признаемся, что сія щастливая страна есть не что иное, какъ пріятной сонъ, какъ восхитительная мечта сего самаго воображенія. По крайней мѣрѣ никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существовала. Аркадія Греціи не есть та прекрасная Аркадія, которою древніе и новые Поэты прельщаютъ наше сердце и душу.

J'ouvre les fastes: sur cet âge
Partout je trouve des regrets:
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Se plaignent d'être nés après.

Самыя отдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Исторіи — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ — не представляютъ ли намъ пороковъ и злодѣяній? Самъ ты, о Руссо! животворною своею кистію изобразилъ одно изъ сихъ страшныхъ происшествій древности, которыя возмущаютъ всякое чувство * и показываютъ, что сердце человѣческое оскверналось тогда самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ.

* Въ Lévite d'Ephraim.

Ты обвиняешь вѣкъ нашъ утонченнымъ лицемѣріемъ, притворствомъ, но отъ чего же порокъ старается нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не отъ того ли, что въ нынѣшнія времена гнушаются имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относится къ чести нашихъ нравовъ; и естьли мы обязаны тѣмъ просвѣщенію, то оно благотворно и спасительно для нравовъ. Иначе можно будетъ доказать что и добродѣтель развращаетъ людей, заставляя порочнаго лицемѣрить: ибо никогда не имѣетъ онъ такой нужды притворяться добрымъ, какъ въ присутствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ человѣкъ, которые оба злонравны, но съ тѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонностямъ, и слѣдственно не стыдится ихъ, — а другой таитъ оныя, и слѣдственно самъ чувствуетъ, что онѣ не похвальны: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній: ибо первый шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во времена невѣжества не могло быть столько обмановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитростей, есть совершенно ложная. Простые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые: первые грубымъ образомъ, а вторые искуснымъ — ибо мы не можемъ быть ни равно просты, ни равно хитры. Вспомнимъ жрецовъ идолопоклонства: они были конечно не Ученые, не мудрецы, но умѣли ослѣ-

плять людей, и кровь человѣческая лилась на жертвенникахъ.

Сія учтивость, сія привѣтливость, сія ласковость, которая свойственна нашему времени и которую новые Тимоны * называютъ сусальнымъ золотомъ осьмаго-надесять вѣка, въ глазахъ Философа есть истинная добродѣтель общежитія и слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія. Не спорю, что отереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели приласкать человѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ доставить другъ другу невинное удовольствіе, есть должность наша — и кто хотя одну минуту жизни сдѣлалъ для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель. Мудрая, любезная Натура не только даетъ намъ пищу, она производитъ еще и алую розу и бѣлую лилію, которыя не нужны для нашего физическаго существованія — но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Натура производитъ ихъ. Учтивость, привѣтливость есть цвѣтъ общежитія.

═

Спартанцы не знали ни Наукъ, ни Искусствъ — говоритъ нашъ *Мизософъ* — *и были до-*

---

* Извѣстно, что Аѳинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. «Я люблю тебя, сказалъ онъ Альцибіаду, за то, что ты сдѣлаешь довольно зла своему отечеству.»

бродтельнѣе прочихъ Грековъ, — и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повелѣвали міромъ; но Римъ просвѣтился, и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства. *

Во-первыхъ — Спартанцы не были такими невѣждами и грубыми людьми, какими хочетъ ихъ описывать Женевской Гражданинъ. Они не занимались ни Астрономіею, ни Метафизикою, не Геометріею: но у нихъ были другія Науки и самыя Изящныя Искусства. Они имѣли свое Нравоученіе, свою Логику, свою Реторику, хотя учились имъ не въ Академіяхъ, а на площадяхъ — не отъ Профессоровъ, а отъ своихъ Эфоровъ. Не священная ли Поэзія приготовила сихъ Республиканцевъ къ Ликурговымъ уставамъ? Пѣснопѣвецъ Ѳалесъ ** былъ предтечею сего законодателя; явился въ Спартѣ съ златострунною лирою, воспѣлъ щастіе мудрыхъ законовъ, благо согласія, и восхитилъ сердца слушателей. Тогда пришелъ Ликургъ, и Спартанцы приняли его какъ друга боговъ и человѣковъ, котораго устами вѣщала Истина и Мудрость. Во время второй Мессенской войны повелѣвалъ Лакедемонцами Аѳинской Поэтъ Тир-

* Все, что Руссо говоритъ въ своемъ Discours о Спартѣ и Римѣ, взято изъ Essais Montaigne, главы XXIV, du Pedantisme. Жанъ-Жакъ любилъ Монтаня.

** Сей Поетъ Ѳалесъ жилъ прежде мудреца Ѳалеса или Талеса.

тей; онъ пѣлъ, игралъ на арфѣ, и воины его, какъ яростные вихри, стремились на брань и смерть: доказательство, что сердца ихъ отверзались *впечатлѣніемъ изящнаго*, чувствовали въ истинѣ красоту и въ красотѣ истину! — У нихъ были и собственные свои Поэты, на прим. Алкманъ, которой «всю жизнь свою посвящалъ любви, и во всю жизнь свою воспѣвалъ любовь;» были музыканты и живописцы — первые гармоніею струнъ своихъ возбуждали въ нихъ ревность геройства; кисть вторыхъ изображала *красоту* и *силу*, въ видѣ Аполлона и Марса, чтобы Спартанки, обращая на нихъ взоры свои, раждали Аполлоновъ и Марсовъ—были и Риторы, которые въ собраніяхъ народа, или на печальныхъ празднествахъ, учрежденныхъ въ память Павзанію и Леониду, убѣждали и трогали согражданъ своихъ — на прим. самые Аѳинцы удивлялись краснорѣчію Спартанца Бразида, и сравнивали его съ лучшими изъ Греческихъ Ораторовъ. Законы Лакедемонскіе не запрещали наслаждаться Изящными Искусствами, но не терпѣли ихъ злоупотребленія. Для сего-то Эфоры не позволяли гражданамъ своимъ читать соблазнительныхъ твореній Сатирика Архилоха; для сего-то велѣли они молчать лирѣ одного музыканта, который нѣжною, томною игрою вливалъ ядъ сладострастія въ души воиновъ; для сего-то выгнали они изъ Спарты того Ритора, который хотѣлъ говорить о всѣхъ предметахъ съ равнымъ искусствомъ и жаромъ. Истинное краснорѣчіе, одушевленное правдою, на правдѣ

основанное, было имъ любезно — ложное, софистическое, ненавистно. Ихъ теорія нравственности поставлялась въ примѣръ ясной краткости, силы и убѣдительности, такъ что многіе Философы древности, на прим. Ѳалесъ, Питтакъ и другіе, заимствовали отъ нихъ методы своего ученія.

Во вторыхъ — точно ли Спартанцы были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ, гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ невольниковъ, какъ дикихъ звѣрей; гдѣ тирански умерщвляли слабыхъ младенцевъ, для того что Республика не могла надѣяться на силу руки ихъ — тамъ, слѣдуя общему человѣческому понятію, не льзя искать нравственнаго совершенства. Естьли древніе говорили, «что самый Спартанскій воздухъ вселяетъ, кажется, *Аретинъ*,» то подъ симъ словомъ разумѣли они не то, что мы разумѣемъ нынѣ подъ именемъ *добродътели*, vertu, Tugend, а *мужество* или *храбрость*, * которая только по своему употребленію бываетъ добродѣтелію. Спартанцы были всегда храбры, но не всегда добродѣтельны. Леонидъ и друзья его, которые принесли себя въ жертву отечеству, суть мои Герои, истинно-великіе мужи, полубоги; безъ слезъ не могу я думать о славной смерти ихъ при Термопилахъ — но когда питомцы Ликурговыхъ законовъ лили кровь

---

* *Аретин* происходитъ отъ *Арисъ*. Симъ именемъ, какъ извѣстно, называется по-Гречески Марсъ.

человѣческую для того, чтобы умножить число своихъ невольниковъ и поработить слабѣйшія Греческія области: тогда храбрость ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордость сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ побѣды.

Просвѣщенные Аѳины, гдѣ такъ сказать, возрастали всѣ наши Искусства и Науки — Аѳины производили также своихъ Героевъ, которые въ великодушіи и храбрости не уступали Лакедемонскимъ. Ѳемистоклъ, Аристидъ, Фокіонъ! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Исторіи человѣчества какъ благодѣтельныя свѣтила — и вѣчно сіять будете! — Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; отъ высочайшихъ умозрѣній Философіи летѣлъ онъ на поле брани умирать за любезныя Аѳины — и я не знаю, кто болѣе имѣетъ причинъ любить и защищать свое отечество, сынъ Софронисковъ, или какой нибудь Абдеритъ: первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни, цвѣтами природы, Искусства, самимъ собою, своимъ человѣчествомъ, силами и способностями души своей; а второй въ благословенной Абдерѣ — *живетъ*, и болѣе ничего. Для кого страшнѣе узы варваровъ? Сократъ, сражаясь за Аѳины, сражается за мѣсто своего щастія, своихъ удовольствій, которыя вкушалъ онъ въ садахъ Философскихъ, въ бесѣдѣ друзей и мудрецовъ — Абдеритъ и

подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдеритомъ. *

Что принадлежитъ до Рима, то Науки не могли быть причиною его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времени, презиралъ опасность и гремѣлъ противъ Катилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и притомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величіи!

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики: но какую связь имѣетъ роскошь съ Науками? Сія политическая и нравственная язва перешла въ Римъ изъ странъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, которое бываетъ ея источникомъ и пищею. Чѣмъ же обагатились потомки Ромуловы? Конечно не Науками, но завоеваніями — и такимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ погибели.

---

* Говорятъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или въ Искусствахъ разслабляетъ тѣлесныя силы, нужныя воину; но развѣ Ученый или художникъ непремѣнно долженъ морить себя въ кабинетѣ? Соблюдая умѣренность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить отечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Впрочемъ не Атлетовы силы, но любовь къ отечеству дѣлаетъ воиновъ непобѣдимыми.

Успѣхъ самыхъ *пріятныхъ искусствъ* ни мало не зависитъ отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣютъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ для того, чтобы сочинить безсмертную Поэму, написать изящную картину, очаровать слухъ нашъ сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго потребенъ вкусъ: и то и другое есть особливый даръ Неба, который не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранится, и не съ золотымъ пескомъ пріобрѣтается. *

И кто имѣетъ болѣе алчности къ богатству, просвѣщенный человѣкъ или невѣжда? человѣкъ съ дарованіями или глупецъ? Философъ цѣнитъ умозрѣнія свои дороже золота. Архимедъ не взялъ бы милліоновъ за ту минуту, въ которую воскликнулъ онъ: *Эврика! нашелъ! нашелъ!* Камоэнсъ не думалъ о своемъ имѣніи, когда тонулъ корабль

---

* Но чѣмъ же въ бѣдной землѣ будетъ награжденъ Писатель или художникъ? Похвалою, одобреніемъ, удовольствіемъ своихъ согражданъ: вотъ то, что истинному Артисту всего милѣе, всего дороже!—Музы не умѣютъ считать денегъ, и бѣгутъ отъ желѣзныхъ сундуковъ, на которыхъ гремятъ замки и запоры. Тамъ, гдѣ любятъ ихъ чистымъ сердцемъ; гдѣ умѣютъ чувствовать красоту ихъ—тамъ онѣ всѣмъ довольны, довольны бѣдною хижиною и ключевою водою. Въ другое мѣсто не заманишь ихъ и славнымъ бриллiантомъ Португальской Королевы.

его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ Лузіаду. Сіи отмѣнные люди находятъ въ самихъ себѣ источникъ живѣйшихъ удовольствій — и потому самому богатство не можетъ быть ихъ идоломъ.

—

Но сколько заблужденій въ Наукахъ! Правда, для того, что онѣ несовершенны; но предметъ ихъ есть *истина*. Заблужденія въ Наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными затрудненіями, ибо мы можемъ преодолѣть ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣкоторую радость въ глубинѣ сердецъ своихъ: вѣрный знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ! * Ка-

* Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Натуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкоторую тоску, неудовольствіе, непріят-

жется, будто Натура, скрывая иногда истину—по словамъ Философа Демокрита—*на днѣ глубокаго кладезя*, хочетъ единственно того, чтобы мы долѣе наслаждались пріятнымъ искапіемъ, и тѣмъ живѣе чувствовали красоту ея. Такъ нѣжная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ страстнаго Палемона, единственно для того, чтобы еще болѣе воспалить жаркую любовь его!

Науки съ Искусствами вредны и потому — продолжаетъ ихъ славный Антагонистъ—*что мы тратимъ на нихъ драгоцѣнное время*; но какъ же, уничтоживъ всѣ Науки и всѣ Искусства, будемъ употреблять его? На земледѣліе, на скотоводство? Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять ими всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ? когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и па-

---

ность. Сіе противное чувство говоритъ намъ: «ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Натурою: обратись на него!» Кто не повинуется сему гласу, тотъ вѣчно будетъ несчастливъ.—Напротивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкоторое тихое удовольствіе, радость. Сіе чувство говоритъ намъ: «ты идешь путемъ, предписаннымъ тебѣ Натурою: не совращайся съ онаго!»

стухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ хижинахъ? Тогда не будетъ уже книгъ, благословенныхъ книгъ, сихъ вѣрныхъ, милыхъ друзей, которые доселѣ услаждали для насъ печальную осень и скучную зиму, то обогащая душу великими истинами Философіи, то извлекая слезы чувствительности изъ глазъ нашихъ трогательными повѣствованіями. Священная небесная Меланхолія, мать всѣхъ безсмертныхъ произведеній ума человѣческаго! ты будешь чужда хладному нашему сердцу; оно забудетъ тогда всѣ благороднѣйшія свои движенія, и сіе пламя всемірной любви, которое развѣваютъ въ немъ творенія истинныхъ мудрецовъ и друзей человѣчества, подобно угасающей лампадѣ блеснетъ — и померкнетъ!... Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человѣкамъ; ты умеръ, но духъ твой живетъ въ Эмилѣ, но сердце твое живетъ въ Элоизѣ —и ты возставалъ противъ Наукъ, противъ Словесности! и ты проповѣдывалъ щастіе невѣжества, славилъ безсмысленіе, блаженство звѣрской жизни! ибо что иное какъ не звѣрь есть тотъ человѣкъ, который живетъ только для удовлетворенія своимъ физическимъ потребностямъ? Не уже ли скажутъ намъ, что онъ, удовлетворяя симъ потребностямъ, спокоенъ и щастливъ? Ахъ, нѣтъ! на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ онъ бѣденъ и злополученъ; на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуетъ онъ вѣчный недостатокъ, вѣчную скуку. Одинъ, чтобы наполнить сію мучительную пустоту сердца, выдумываетъ тысячу

мнимыхъ нуждъ, тысячу мнимыхъ потребностей жизни; * другой, угнетаемый бременемъ мысленной силы своей, ищетъ облегченія въ совершенномъ забвеніи самого себя, или прибѣгаетъ къ ужасному распутству. — Такъ конечно! человѣкъ носитъ въ груди своей пламень Этны: живое побужденіе дѣятельности, которое мучитъ празднаго — Искусства же и Науки суть благотворный источникъ, утоляющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаетъ Руссо. *Учись быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнымъ гражданиномъ, человѣкомъ, и ты не будешь празденъ!* Что же есть Мораль, изъ Наукъ важнѣйшихъ, Альфа и Омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываетъ человѣку, что онъ для собственнаго своего щастія долженъ быть добрымъ? Не она ли представляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка? Не она ли соглашаетъ волю его съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узахъ? Не она ли сообщаетъ ему тѣ правила, которыя разрѣшаютъ его недоумѣнія, во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною стезею ведетъ его къ добродѣтели? — Всѣ животныя, кромѣ человѣка, подвержены уставу необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра,

* Вотъ главная причина роскоши! Слѣдственно Науки будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши, которая питается праздностію.

ни зла; но мы не имѣемъ сего, такъ сказать, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими: вмѣсто его данъ человѣку разумъ, который долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видитъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и разсуждаемъ, то есть сравниваемъ, разбираемъ, и потомъ уже дѣйствуемъ.

«Отъ чего же тѣ люди, которые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочные нравы?» — Конечно не отъ того, что они въ Наукахъ упражняются; но совсѣмъ отъ другихъ причинъ: на прим. отъ худаго воспитанія, сего главнаго источника нравственныхъ золъ, и отъ худыхъ навыковъ, глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы врачуютъ всегда душевныя болѣзни. Хотя и бываютъ такіе злые недуги, которыхъ не могутъ онѣ излечить *совершенно*; но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благотворны — и человѣкъ, который, не взирая на нѣжный союзъ съ ними, все еще предается порокамъ, во мракѣ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, страшнымъ чудовищемъ, извергомъ творенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Натуры, возвышаютъ душу; дѣлаютъ ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстроиваютъ прекрасную связь общежитія. Кто чрезъ миріады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ,

умѣетъ возноситься духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества; кто внимаетъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ, въ шумѣ морей и—собственномъ сердцѣ своемъ; кто въ атомѣ видитъ міръ и въ мірѣ атомъ безпредѣльнаго творенія; кто въ каждомъ цвѣточкѣ, въ каждомъ движеніи и дѣйствіи Природы чувствуетъ дыханіе вышней Благости, и въ алыхъ небесныхъ молніяхъ лобызаетъ край Саваоѳовой ризы: тотъ не можетъ быть злодѣемъ. На мраморныхъ скрижалахъ Исторіи, между именами изверговъ, покажутъ ли намъ имя Бакона, де-Карта, Галлера, Томсона, Гесснера?... Наблюдатель человѣчества! будь вторымъ Говардомъ, и посѣти мрачныя обители, гдѣ ожесточенные преступники ждутъ себѣ праведнаго наказанія—сіи нещастные, долженствующіе кровію своею примириться съ раздраженными законами; спроси—естьли не онѣмѣютъ уста твои въ семъ жилищѣ страха и ужаса—спроси, кто они? и ты узнаешь, что просвѣщеніе не было никогда ихъ долею, и что благодѣтельные лучи Наукъ никогда не озаряли хладныхъ и жестокихъ сердецъ ихъ. Ахъ! тогда повѣришь, что ночь и тьма есть жилище Грей, Горгонъ и Гарпій; что все изящное, все доброе любитъ свѣтъ и солнце.

Такъ! просвѣщеніе есть Палладіумъ благонравія — и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите Науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ

обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ—нѣтъ! сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки—и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое состояніе—просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Сатрапа.

Просвѣщенный земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не слышу ни одного справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здравомыслящимъ, не ученымъ, не полиглотомъ, не педантомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ строжайшей Логики, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опредѣляетъ ее: Томазій или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое *энѳимемата*, *барбара*, *целарентъ*, *феріо*, и проч. Для сего конечно не достаетъ земледѣльцу времени—ибо онъ

долженъ обработывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основаніе и существо Логики—для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать премудрость, благость и красоту Натуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее, и быть щастливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыхалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человѣка? — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, который читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ и даже иностранныхъ Авторовъ, и самъ пишетъ прекрасные стихи. * Сіи упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. «Всякой день,

* Многіе изъ нихъ читалъ я въ Нѣмецкомъ Музеумѣ.

«говоритъ онъ, * благодарю я Бога за то, что «Онъ опредѣлилъ мнѣ быть поселяниномъ, котора«го состояніе есть самое ближайшее къ Натурѣ, и «слѣдственно самое щастливѣйшее.»

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ—*просвѣщеніе!* Гласомъ онаго благодѣтельнаго грома, который не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ питательными и плодотворными силами, вѣщай человѣкамъ: *созерцайте Природу, и наслаждайтесь ея красотами; познавайте свое сердце, свою душу; дѣйствуйте всѣми силами, Творческою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!*

Когда свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя Гарпіи, доселѣ осквернявшія человѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтѣ дня исчезаютъ; тогда, можетъ быть, настанетъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонравія — и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ.

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ ва-

---

* Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ.

ни я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяжкой праздности. Хотя живу на краю Сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснетесь рукою, и печальная сосна въ лавръ Аполлоновъ превращается; дохнете божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе расцвѣтаютъ. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суетности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душъ вотъ мое щастіе, моя отрада въ горестяхъ!... Ахъ! я иногда проливаю слезы, и не стыжусь ихъ!

Меня не будетъ — но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: *онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!*

1793 г.

НѢЖНОСТЬ ДРУЖБЫ

ВЪ НИЗКОМЪ СОСТОЯНІИ.

—

Госпожа М*, возвращаясь изъ деревни въ Москву, остановилась ночевать въ городкѣ О* на постояломъ дворѣ. Въ избѣ все было чисто и порядочно. Три прекрасные мальчика, какими пишутся Купидоны, играли между собою, безъ всякой робости подбѣгали къ гостьѣ, смотрѣли на ея часы, табакерку, муфту, — смѣялись и прыгали. Госпожа М* хвалила, ласкала ихъ, и примѣтила радость на лицѣ молодой женщины, которая стояла у печи. — «Конечно ты мать ихъ?» спросила она съ улыбкою. — «Нѣтъ, сударыня!» отвѣчала женщина: «это дѣти покойнаго брата моего. Мать ихъ пошла за водою.» — «И такъ не ты хозяйка въ домѣ?» — «Все одно, сударыня! Мы обѣ хозяйки.» — «Видно, что ты любишь своихъ племянниковъ? — «Какъ не любить, сударыня! Вы сами ихъ хвалите.» Тутъ мальчики подбѣжали къ теткѣ, схватили ее за руки, и подняли вверхъ головенки свои; она съ нѣжностію всѣхъ перецѣловала. — Скоро пришла мать, женщина лѣтъ въ *тридцать*, миловидная лицемъ. — «Бѣдная! какъ

ты озябла!» сказала золовка, взявъ ее за руку: «поди скорѣе на печь: я буду служить барынѣ.»

Между тѣмъ Госпожа М* отужинала, и всѣ люди ушли спать, кромѣ ее и двухъ хозяекъ, которыя просили, чтобы она дозволила имъ работать подлѣ свѣчи. Онѣ стали шить и разговаривать между собою, но очень тихо, боясь обезпокоить свою гостью.

Госпожа М*. Говорите! говорите! Я не хочу спать; вы мнѣ не помѣшаете.

Золовка. Да вамъ скучно будетъ насъ слушать, сударыня. Мы не умѣемъ хорошо говорить. Маша, невѣстка моя, не глупа, очень не глупа; только робка и боится чужихъ людей — а я никогда не умѣю сказать того, что думаю.

Маша взглянула на нее, разсмѣялась и покачала головою. Она хотѣла сказать: *не правда*; *ты хорошо говоришь*.

Госпожа М*. Мнѣ кажется, что вы живете согласно.

Золовка. Да, сударыня! Мы, слава Богу! никогда не ссоримся. Маша моя такъ смирна, какъ овечка, а я люблю ее больше сестры родной: какъ же намъ жить не согласно?

Маша. Анюта любитъ ребятишекъ моихъ какъ дѣтей своихъ, сударыня; а дѣти мои любятъ ее какъ мать родную.

Госпожа М*. Вамъ должно быть очень весело, друзья мои?

Анюта. Какъ не весело, сударыня! Мы рады всегда бѣлому свѣту; встаемъ, молимся Богу, цѣ-

луемся, работаемъ съ охотой, шутимъ, смѣемся, говоримъ почти безъ умолку; а когда сказать не чего, такъ взглядываемъ другъ на друга. Послѣ работы отдыхаемъ, играемъ съ дѣтьми, и не видимъ какъ проходитъ день.

Госпожа М*. Давно ли живете вы въ одномъ домѣ?

Анюта. Болѣе десяти лѣтъ, сударыня.

Госпожа М*. И никогда не разставались?

Анюта. Только одинъ разъ — правда, что надолго.

Госпожа М*. Вѣрно вы тогда не были еще такъ дружны?

Анюта. Нѣтъ, сударыня! Маша и тогда была мнѣ всего на свѣтѣ милѣе. Мы съ самаго ребячества любили другъ друга — и я отслужила въ церкви большой молебенъ, когда братъ мой помолвилъ на ней жениться.

Госпожа М*. Жаль, что они не долго жили вмѣстѣ. Братъ твой, думаю, очень любилъ ее?

Маша взглянула на своего друга, и опустила глаза въ землю. Анюта задумалась, сняла со свѣчи, и сказала со вздохомъ: «Братъ мой, сударыня — братъ мой умеръ. Суди Богъ тѣхъ людей, которые сбивали его съ пути и научали худому!»

Тутъ Маша опять посмотрѣла на друга своего; въ глазахъ ея блистали слезы.

Анюта. Я поклялась, сударыня, никогда не выходить за мужъ. Мы женщины право лучше мущинъ; они не умѣютъ любить насъ, и слезы наши имъ ничего.

Госпожа М* (*съ улыбкою*). Хорошо, что ты говоришь не съ мущиною.

Маша. Онъ, право, былъ добрый человѣкъ, Анюта!

Анюта. Богъ съ нимъ! — Перестанемъ объ этомъ говорить.

Госпожа М*. Когда же ты разлучалась съ другомъ своимъ!

Анюта. Вотъ видите, сударыня — братъ мой не оставилъ намъ ничего, кромѣ худой избы и — троихъ дѣтей, которыя требовали хлѣба. Чѣмъ жить? чѣмъ кормиться? Я вздумала ѣхать въ Москву, къ теткѣ своей башмашницѣ, чтобы выучиться мастерству ея. Маша плакала, не хотѣла отпустить меня; я крѣпилась, уговаривала ее; продала лишнее свое платье, оставила ей рублей пять денегъ, залилась слезами и поѣхала въ Москву.

Маша. Я не могу объ этомъ вспомнить!

Анюта. Тетка взялась учить меня съ охотою, и хотѣла, чтобы я всегда жила у нее; только мнѣ было скучно и грустно. Днемъ думала я о Машѣ, ночью думала о Машѣ; ходила по праздникамъ въ церковь, и молилась о Машѣ. Однажды, мѣсяца черезъ три, сдѣлалось мнѣ такъ тошно, что работа выпала у меня изъ рукъ, и я хотѣла броситься на колѣни передъ Образомъ — тутъ вдругъ отворилась дверь, и Маша кинулась мнѣ на шею. Котомка висѣла у нее за плечами, а въ рукахъ былъ посохъ. Бѣдная пришла пѣшкомъ.

Маша. Ахъ, сударыня! всякой кусокъ хлѣба казался мнѣ безъ нее горекъ; и дѣти перестали

веселить меня. Пришла весна, красные дни; ласточка свила гнѣздо подъ нашею кровлею — Анюты не было! Я просиживала у воротъ до самой ночи, и глядѣла на большую дорогу.

Анюта. Дурочка стосковалась по мнѣ, и передъ Троицынымъ днемъ вздумала сама итти въ Москву, оставила дѣтей у нашего дяди, и пошла.

Госпожа М*. Какъ вы, думаю, обрадовались другъ другу!

Анюта. Такъ обрадовались, сударыня, что — не умѣю сказать вамъ. — Тетка моя, смотря на насъ, плакала; она доброй человѣкъ, сударыня; у нее жалостливое сердце. — «Мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя,» говорила Маша: «слава Богу, что ты жива, — что ты здорова, — что ты меня любишь! Теперь мнѣ можно возвратиться къ моимъ ребятишкамъ. — Нѣтъ Маша! сказала я: нѣтъ, ты пойдешь домой не одна. Мнѣ было безъ тебя очень тошно; я пойду съ тобою. Богъ насъ прокормитъ.

Анюта обтерла слезы свои, и продолжала: «На другой день, въ праздникъ Троицы, повела я Машу свою въ городъ, на Красную площадь, въ Соборы. Ей все казалось чудно; однакожь я тихонько говорила ей, чтобы она ни на что не заглядывалась, и не очень дивилась.»

Госпожа М*. Для чего же?

Анюта. Для того, сударыня, чтобы люди не назвали ее деревенскою, такъ какъ меня когда я въ первый разъ увидѣла высокія каменныя башни, большой колоколъ и страшную пушку. — Когда

заблаговѣстили въ Соборѣ, Маша вынула изъ кармана два пучечка цвѣтовъ — «одинъ для тебя, Анюта (сказала она), а другой для меня; будемъ стоять съ ними у обѣдни.»

Маша. Подходя къ Москвѣ, сударыня, я нарвала въ лѣсу душистыхъ травокъ и цвѣточковъ, и связала изъ нихъ два пучечка. Мнѣ хотѣлось что нибудь принести Анютѣ для Троицына дня.

Анюта. Обѣдню слушали мы въ Архангельскомъ Соборѣ. Мнѣ было очень весело; только я плакала — и Маша плакала — наши цвѣточки взмокли отъ слезъ; однакожь не завяли. Вышедши изъ церкви, мы ими помѣнялись; и теперь, сударыня, лежатъ они у насъ за Образомъ.

Маша. Я часто смотрю на нихъ; стебельки и листочки высохли, а все еще хорошо пахнутъ.

Анюта. Въ тотъ же день простились мы съ теткою, которая дала мнѣ двадцать рублей денегъ; я сказала вамъ, сударыня, что она доброй человѣкъ. — Время было лѣтнее; мы пошли пѣшкомъ; ночевали всегда въ полѣ, на бережку чистенькихъ ручейковъ, и спали подъ кусточками.

Маша. Соловьи пѣли тогда очень хорошо.

Анюта. Соловьи и жаворонки. Какъ весело было намъ слушать ихъ! — Благополучно пришли мы домой, взяли своихъ малютокъ, наняли себѣ эту избу, и стали держать постоялой дворъ. — Богъ къ намъ милостивъ, сударыня; дѣти наши не терпятъ нужды.

Госпожа М*. И такъ вы совершенно довольны своимъ состояніемъ, друзья мои?

Анюта. Конечно, сударыня!

Госпожа М*. И ничего больше не желаете?

Анюта. Кромѣ того, чтобы Маша моя была жива и здорова. Ахъ, сударыня! она часто неможетъ!... Вотъ одно мое горе!

Маша. Не бойся, Анюта! Богъ помилуетъ меня для тебя. Я не говорю о дѣтяхъ — у нихъ и безъ меня будетъ мать. Ты мнѣ жалка — я не хочу умереть!

Анюта. Сохрани Боже! Никогда не могу я видѣть въ лѣсу одной горлицы, чтобы не залиться слезами. Дай Господи намъ жить и умереть вмѣстѣ — умереть, когда Ему угодно, только вмѣстѣ, въ одно время, чтобы и въ могилѣ лежали мы другъ подлѣ друга!

Маша. Чтобы и на томъ свѣтѣ были мы другъ подлѣ друга!

Анюта. Я не могу жить безъ Маши.

Маша. Я не могу жить безъ Анюты.

Анюта. Маша!

Маша. Анюта!

Тутъ обнялись онѣ въ восторгѣ, въ жаркомъ изліяніи сердецъ своихъ, забывъ все; слезы ихъ лились градомъ; онѣ рыдали...

Читатель! это не выдумка. Сіи нѣжные друзья живутъ и нынѣ въ городкѣ О*. Госпожа М* всегда къ нимъ заѣзжаетъ, и никогда безъ чувства съ ними не разстается. Такія души, такая дружба, и въ такомъ состояніи! — Мизантропъ!...

1793 г.

N3

АѲИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

—

Греки, Греки! кто васъ не любитъ? Кто съ холоднымъ сердцемъ можетъ вообразить себѣ прекрасную картину древнихъ Аѳинъ? Кто не скажетъ иногда со вздохомъ: «для чего я не современникъ Платоновъ?»

Нашъ вѣкъ имѣетъ свои преимущества — знаю — и великія преимущества. Однакожь —

Сказать ли вамъ, государи мои, что мнѣ кажется? — Мы *ученье* Грековъ, а Греки были — умнѣе насъ, такъ какъ дѣти, бѣгающіе по весеннему лугу за пестрою бабочкою, умнѣе взрослыхъ людей, плывущихъ въ Америку или въ Индію за пряными кореньями.

Тамъ, въ отечествѣ Сократовъ, болѣе нежели гдѣ нибудь, болѣе нежели когда нибудь занимались люди важнымъ искусствомъ щастія. Наслажденіе было цѣлію ихъ Философіи, Экономіи, народныхъ собраній; празднествъ, зрѣлищъ, трудовъ и работъ. Вездѣ и во всемъ искали они — наслажденія; искали съ жаромъ страсти, съ живѣйшимъ чувствомъ потребности, какъ любовникъ ищетъ свою любовницу — и жизнь ихъ была, такъ сказать, самою цвѣтущею Поэзіею.

Смѣйтесь, друзья мои! но я отдалъ бы съ радостію свой любимый темный фракъ за какой нибудь Греческой *хитонъ* * — и въ минуты пріятныхъ мыслей отдаю его — завертываюсь въ пурпуровую мантію (разумѣется, въ воображеніи) — покрываю голову большою, распущенною шляпою, и выступаю, въ Альцибіадовскихъ башмакахъ, ровнымъ шагомъ, съ философскою важностію — на древнюю Аѳинскую площадь. Тутъ многочисленный народъ волнуется; тутъ знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство, привѣтствуютъ и забавляютъ другъ друга, разсказываютъ новыя происшествія свѣта, Греціи, своего отечества, домашніе анекдоты, трогательные и веселые, — шутятъ другъ надъ другомъ съ тою пріятною и нѣжною остротою, которая отъ Аѳинъ получила свое названіе, и смѣшила людей безъ обиды и оскорбленія. Тутъ Риторы и Стихотворцы читаютъ наизусть свои произведенія, и собираютъ достойныя похвалы: ибо всякой гражданинъ есть знающій критикъ, умной судья всего умнаго; тутъ живописецъ показываетъ свою картину, ваятель статую; слушаетъ мнѣнія зрителей, и поправляетъ ея недостатки. Тутъ Философы и Софисты спорятъ объ отвлеченныхъ истинахъ, о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ Метафизики и Морали, и народъ одобряетъ плесками того, кто

* Родъ полукафтанья, которое носили Греки подъ мантіею.

побѣждаетъ своихъ противниковъ силою красноречія и доказательствъ. Тутъ ученикъ Гераклитовъ представляетъ Натуру страшнымъ чудовищемъ, безжалостною тиранкою, которая производитъ чувствительныхъ тварей единственно для того, чтобы онѣ терзались и мучились. Тутъ пріятель Абдерскаго мудреца * живыми красками описываетъ благость сей самой Натуры, и вездѣ видитъ безконечную жизнь и радость. Другой соединяетъ противоположныя системы, и находитъ въ необозримыхъ областяхъ творенія зло и добро, разрушеніе и новое бытіе, вѣчную комедію и вѣчную трагедію. Третій весь міръ и все сущее въ немъ называетъ ничтожнымъ привидѣніемъ, всѣ знанія невѣжествомъ, всѣ истины ложью, и человѣка нещастною жертвою вѣчныхъ обмановъ. Наконецъ, утомленный шумомъ и множествомъ любопытныхъ предметовъ, наполнившихъ, такъ сказать, всю мѣру души моей, я удаляюсь — ищу тишины, пріятнаго уединенія, — и древнія аллеи, осѣняющія берегъ свѣтлаго Илисса, влекутъ меня въ прохладную тѣнь свою. Чувства мои нѣмѣютъ подобно эху, вдали умирающему... я теряюсь въ сладостномъ забвеніи.

Аристенъ, добрый юноша, приближается ко мнѣ съ дружелюбною улыбкою—беретъ меня за руку— и мы, вдоль по теченію свѣтлаго Илисса, выходимъ на обширныя равнины и тучныя поля, гдѣ

---

* Демокрита.

зрѣлые колосы какъ златое море волнуются отъ вѣтра. Вездѣ приносятся благодарныя жертвы богинѣ Церерѣ; сельскіе олтари украюшаются первенцами благословенной жатвы, и жнецы поютъ радостныя пѣсни:

Весело въ полѣ работать.
Будьте прилѣжны друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетъ надъ нами;
Птицы въ кусточкахъ поютъ.
Весело въ полѣ работать:
Будьте прилѣжны друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
Доброй богини плодовъ!
Жителямъ неба любезенъ
Гласъ благодарныхъ сердецъ.

Скоро настанетъ и вечеръ;
Вечеръ для отдыха данъ.
Пользуйтесь часомъ работы,
Пользуйтесь временемъ дня!

Мы мѣшаемся съ веселыми толпами, и вмѣстѣ со всѣми поемъ:

Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Звѣри работы не знаютъ,
Птицы живутъ безъ труда:
Люди не звѣри, не птицы —
Люди работой живутъ.

Между сими жнецами вижу я пурпуровыя мантіи; вижу Архонтовъ, Сенаторовъ, Полководцевъ. Собираніе земныхъ плодовъ, непосредственнаго дара богини Цереры, есть для Грековъ нѣчто священное, — есть часть Богослуженія. Тамъ, за зеленою рѣшеткою густыхъ вѣтвей, пылаетъ и развѣвается розовое пламя: тамъ обѣдъ для жнецовъ готовится. Здѣсь сельскія красавицы изъ блестящихъ источниковъ черпаютъ свѣжую воду для прохлажденія жаждущихъ работниковъ; тутъ сѣдые старцы сидятъ въ тѣни померанцовыхъ деревъ, смотрятъ на трудящихся юношей, и съ удовольствіемъ воспоминаютъ о лѣтахъ своей младости.

Мы возвращаемся въ городъ, и видимъ передъ собою храмъ Музъ, окруженный густыми, крытыми аллеями — тутъ шумятъ водопады; тутъ шумятъ древніе яворы; тутъ мудрый Платонъ бесѣдуетъ съ друзьями и учениками своими. Приближаемся — глубокое молчаніе царствуетъ. Всѣ взоры устремлены на божественнаго мудреца; его взоръ устремленъ на небо; глубокія чувства изображаются на лицѣ его; слезы, священныя слезы, блистаютъ въ его очахъ. Платонъ говорилъ о своемъ незабвенномъ учителѣ: ахъ! могъ ли онъ говорить объ немъ безъ сердечнаго умиленія?

«Такъ, друзья мои (продолжаетъ чувствительный Философъ) такъ! Сократъ былъ величайшій изъ божественныхъ смертныхъ; былъ славою не однихъ Аѳинъ, но всего человѣчества; былъ живымъ образомъ безсмертныхъ. Щастливъ, кто зналъ его! Щастливъ, кто любилъ его! щастливъ кто объ немъ слезы проливаетъ!... Сіи слезы будутъ всегда сладостною пищею моего сердца.» — Платонъ съ блестящимъ и разительнымъ краснорѣчіемъ описываетъ всю жизнь великаго Сократа, жизнь, единой добродѣтели и мудрости посвященную; описываетъ чистоту и стройность его души, гармонію всѣхъ ея склонностей и побужденій; великія идеи его о Божествѣ и Натурѣ; пламенную любовь къ ближнимъ; ревность къ истребленію всѣхъ предразсудковъ, унижающихъ достоинство человѣка; усердіе къ распространенію всѣхъ благихъ истинъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу земнородныхъ; всегдашнюю дѣятельность, постоянство, неутомимость; любезную скромность, которая обнаруживалась во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ бесѣдахъ и умствованіяхъ; его страсть ко всему изящному, которое почиталъ онъ зерцаломъ внутренней доброты; его нѣжность къ друзьямъ, ученикамъ и ко всѣмъ искреннимъ любителямъ мудрости. — «И такой человѣкъ имѣлъ враговъ, «враговъ злобныхъ и непримиримыхъ? Но враги «добродѣтели были его врагами! — И такой че«ловѣкъ изверженъ изъ гражданскаго общества «рукою правосудія? Но правосудіе людей не есть «Небесное правосудіе!... О человѣчество! я опла-

«киваю твое ослѣпленіе! О человѣчество! я сте-
«наю о твоихъ заблужденіяхъ! Ослѣпленіе не мо-
«жетъ быть вѣчно; заблужденія исчезаютъ отъ
«свѣта истины — но ахъ! благодѣтели твои ле-
«жатъ уже во прахѣ, умерщвленные, растерзан-
«ные, бездушные! Ты проливаешь слезы.... Слезы
«не оживятъ ихъ, — и Муза Исторіи изобразитъ на
«мраморѣ вѣчный стыдъ твой! — Но смерть бы-
«ла Сократу торжествомъ и славою. Невиненъ въ
«своемъ сердцѣ, онъ безстрашно простиралъ къ
«ней руки свои. Невиненъ въ своемъ сердцѣ, онъ
«не хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ краснорѣчія для
«своего оправданія. *Изслѣдуйте всю жизнь мою*,
«говорилъ мудрый: *ей должно меня оправды-*
«*вать.* — Съ какою горестію, съ какимъ слад-
«кимъ душевнымъ умиленіемъ мы внимали ему
«въ послѣдніе часы его! Онъ говорилъ о жи-
«зни, о добрѣ и злѣ ея; говорилъ такъ, какъ
«плаватель, достигшій брега, говоритъ о путяхъ
«моря. Онъ говорилъ о безсмертіи — и лучь
«душевнаго веселія, подобно кроткому свѣту
«Авроры, озарялъ лице его; и живое предчув-
«ствіе вѣчности, изливаясь изъ его сердца, про-
«ницало въ наше. Онъ говорилъ о своихъ не-
«пріятеляхъ.... Нѣтъ! прости мнѣ, безсмертный
«духъ безсмертнаго мужа! Нѣтъ! ты не хотѣлъ
«именовать ихъ своими непріятелями! Ты вѣ-
«рилъ Провидѣнію, зрѣлъ во всемъ руку его, и съ
«мирною, сердечною тишиною покорялся Небес-
«ному уставу. — *Обвинители мои торжеству-*
«*ютъ*, вѣщалъ мудрый: *они не знаютъ*, *что до-*

«*бродѣтельный остается всегда побѣдителемъ!*—
«Мы проливали слезы.... ахъ! болѣе о жалкой
«своей участи, нежели о его судьбѣ! Мы остава-
«лись сиротами!... Онъ утѣшалъ насъ словами,
«взорами, объятіями. Уже смертоносная чаша бы-
«ла въ рукѣ его.... Критонъ, любезнѣйшій ему
«ученикъ, блѣдный Критонъ цѣловалъ его руку.
«Юный, чувствительный Аполлодоръ рыдалъ без-
«престанно. Другіе закрылись мантіями... *Ахъ! кто
«будетъ Геніемъ хранителемъ нашимъ?* воскли-
«кнулъ Антистенъ. *Добродѣтель*, отвѣтствовалъ
«святый другъ нашъ — и выпилъ чашу смерти.
«Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса.... Сократъ въ послѣд-
«ній разъ воззрѣлъ на друзей своихъ — и еще лю-
«бовь сіяла въ очахъ его!... въ послѣдній разъ!...
«Уже ядъ свирѣпствовалъ въ его сердцѣ.... пламя
«жизни угасало.... угасло!... Міръ лишился вѣнца
«своего!... Критонъ закрылъ глаза добродѣтель-
«наго!» — Платонъ преклонилъ голову — всѣ слу-
шали, рыдали — мы тихими шагами удалились отъ
Храма Музъ, съ полными, отягченными серд-
цами.

Аристенъ ведетъ меня въ Театръ, огромное
зданіе, которому небо служитъ кровомъ. Съ одной
стороны возвышается сцена съ блестящими укра-
шеніями, на другой — величественный амфите-

* Платонъ, за болѣзнію, не былъ свидѣтелемъ по-
слѣднихъ минутъ Сократовой жизни; онъ говоритъ здѣсь
то, что слышалъ отъ соучениковъ и друзей своихъ.

атръ съ безчисленными уступами, гдѣ тысячи зрителей сидятъ въ глубокомъ молчаніи. Представляютъ Софоклова Эдипа. Является нещастный старецъ, жертва судьбы, преступникъ невинный въ душѣ своей, изгнанный изъ отечества, лишенный зрѣнія, оставленный людьми и богами. Исмена и Антигона, дочери и единственные друзья сердца его, раздѣляютъ съ нимъ всѣ бѣдствія. Оракулъ предсказалъ ему близкій конецъ; небо покрывается черными тучами: страшная гроза свирѣпствуетъ. Старецъ чувствуетъ хладную руку смерти и обнимаетъ своихъ любезныхъ....

Гремитъ ужасный громъ, небесный сводъ пылаетъ —
О боги! часъ насталъ погибели моей!
Эдипъ, Эдипъ сей міръ навѣки оставляетъ
И сердца своего любезнѣйшихъ друзей!...
Простите!... громъ гремитъ!

ХОРЪ.

Громъ гремитъ
И разитъ!...
Мы сердцами
И слезами
Молимъ васъ,
Боги гнѣва
И Эрева,
Въ страшный часъ!
Ахъ! пошлите
Солнца лучь!
Разгоните
Мраки тучь!...

Нѣтъ спасенья,
Избавленья
Намъ въ бѣдахъ!...
Погибаемъ!...
Ощущаемъ
Смерть въ сердцахъ!

Эдипъ лишается жизни. Ужасъ на всѣхъ лицахъ — въ душѣ сладкое удовольствіе. О чудо Искусства! кто изъяснитъ твои Мистеріи? — О Софоклъ! — Трагедія кончилась. Я вижу на сценѣ олтарь и сѣдовласыхъ Архонтовъ, приносящихъ жертву изліянія богу Вакху. Такъ Греки освящаютъ забавы свои, и тѣмъ болѣе наслаждаются!

Солнце позлащаетъ уже послѣдними лучами своими великолѣпный храмъ Минервинъ. Мы идемъ по Гремесовой улицѣ, и высокой, огромной домъ представляется глазамъ нашимъ, съ надписью: *жилище Гиппія, сына Хабріева; храмъ удовольствій и щастія, отверстый для всѣхъ мудрыхъ любителей наслажденія.* «Мы можемъ войти въ него,» говоритъ мнѣ Аристенъ: «юный Гиппій угощаетъ нынѣ друзей своихъ.» Подъ аркадами встрѣчаютъ насъ богато-одѣтые невольники, и ведутъ въ прекрасную купальню, гдѣ свѣтлая ключевая вода блистаетъ въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ. * Мы освѣжаемся въ прохладной влагѣ, натираемъ себя драгоцѣнными аро-

* Греки всегда купались или мылись передъ ужиномъ.

матами; отдыхаемъ на шелковыхъ Вавилонскихъ коврахъ, и спѣшимъ къ любезному хозяину, который съ ласковою улыбкою принимаетъ насъ въ великолѣпной галлереѣ, украшенной золотомъ и слоновою костью. — Многочисленное собраніе друзей окружаетъ Гиппія, собраніе Философовъ, Ораторовъ, Поэтовъ, художниковъ и веселыхъ юношей. Тутъ Синопскій Діогенъ забавляетъ гостей своимъ остроуміемъ; издѣвается надъ Платономъ; называетъ его мудрецомъ *ощипанныхъ пѣтуховъ*; * слушаетъ съ нетерпѣніемъ Оратора Анаксимена, важно читающаго свое новое произведеніе, — ищетъ глазами конца рукописи — восклицаетъ: *берегъ, берегъ, друзья мои!* и заставляетъ всѣхъ смѣяться. Тутъ нѣжный Ксаноосъ съ жаромъ описываетъ Аѳинскихъ красавицъ, сравниваетъ Лаису съ Кипридою, Дорису съ Діаною, Эвхарису съ Юноною, и заключаетъ со вздохомъ: *но Левкиппа всѣхъ прекраснѣе, Левкиппа всѣхъ милѣе!* «Левкиппа его любовница,» говорятъ юноши съ усмѣшкою, и не хотятъ ему противорѣчить. — Тутъ Ликосъ, не давно бывшій въ Спартѣ, превозноситъ до небесъ Лакедемонцевъ, ихъ простоту, трезвость, мужество и

---

* Платонъ, говоря однажды о человѣкѣ, сказалъ, что онъ есть *двуножное животное безъ перьевъ.* Діогенъ, желая доказать несправедливость сего опредѣленія, принесъ въ Академію ощипаннаго пѣтуха, бросилъ его на землю и закричалъ: *друзья! смотрите, вотъ человѣкъ Платоновъ!*

добродѣтели. Өеагенъ доказываетъ, что въ Спартѣ учатъ людей *презирать жизнь*, а въ Аөинахъ *ею пользоваться* — и всѣ мы громкимъ рукоплесканіемъ изъявляемъ согласіе свое съ Өеагеномъ. — Стихотворецъ Гиппархъ краснорѣчиво изображаетъ намъ различныя достоинства Аөинскихъ Трагиковъ; сравниваетъ Эсхила съ шумною рѣкою, которая стремится между дикихъ, грозныхъ утесовъ; Софокла съ прозрачнымъ каналомъ, орошающимъ сады и миртовыя рощи; Эврипида съ быстрымъ ручьемъ, который вокругъ зеленыхъ луговъ извивается.

Ужинъ готовъ — ужинъ, какъ будто бы самою богинею сластолюбія приготовленный. Видъ каждаго блюда даетъ уже предчувствовать вкусъ онаго. Рыбы Сиціонскія, рыбы Беотійскаго озера лежатъ въ серебряныхъ сосудахъ вмѣстѣ съ разными птицами, которыми островъ Мелосъ надѣляетъ Аөины, вмѣстѣ съ лучшими плодами садовъ и лѣсовъ. — Въ углахъ комнаты курятся өиміамы и благовонныя масти.

Приносятъ златую чашу, обвитую розами и наполненную виномъ Гераклейскимъ. Гиппій изливаетъ на Діанинъ жертвенникъ нѣсколько капель сего драгоцѣннаго, ароматическаго нектара, и всѣ гости пьютъ изъ чаши, въ знакъ общаго, искренняго дружества. Прекрасные мальчики, подобные Эротамъ, увѣнчеваютъ насъ цвѣтами, и подаютъ каждому миртовую вѣтвь, сплетенную съ лаврами. Веселіе сіяетъ на всѣхъ лицахъ, веселіе, не помраченное ни малѣйшимъ облакомъ заботы. Вина Кор-

кирскія и Лезбійскія пѣнятся въ фіалахъ, которыя изъ рукъ въ руки переходятъ. Самъ Циникъ * начинаетъ улыбаться. Чувствуя пріятную теплоту въ сердцѣ и на лицѣ своемъ, забываетъ свою бочку и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что и мудрый можетъ *иногда* наслаждаться всѣмъ избыткомъ благъ земныхъ. — Первая фіала посвящается отечеству, и мы поемъ:

Цвѣти, отечество святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ боготворимъ тебя,
И въ жертву принести себя,
Для пользы твоея готовы.
Ахъ! смерть ничто, когда оковы
И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ!
Такъ древле Кодры умирали,
Такъ Леониды погибали
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
Союзъ родства и узы крови
Не такъ священны для сердецъ,
Какъ святъ законъ твоей любви.
Оставитъ милыхъ чадъ отецъ,
И сынъ родителя забудетъ,
Спѣша отечеству служить;
Умретъ онъ, но потомство будетъ
Героя полубогомъ чтить.

Менитъ, искусный музыкантъ, беретъ арфу, настроиваетъ, играетъ, и каждый изъ нихъ поетъ въ

* То есть Діогенъ.

свою очередь веселую пѣсню. Мы прославляемъ Вакха; описываемъ его шумное путешествіе въ Индію, — щастливыя побѣды, которыя не стоили человѣчеству ни капли крови, и осыпали побѣжденныхъ благодѣяніями и новыми для нихъ дарами Природы. *

Вакхъ не терпитъ мрачныхъ взоровъ,
Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
Радость въ сердце тихо льетъ,
Завистъ, злобу истребляетъ;
Горесть, скорби умерщвляетъ;
Въ мирѣ съ добрыми живетъ.

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Впредь что будетъ, мы не знаемъ —
Что прошло, позабываемъ:
Настоящее для насъ.
Презримъ суетность земную,
Важность, скучную, пустую;
Часъ веселья сладкой часъ.

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

* Покоряя себѣ народы, онъ научалъ ихъ сажденію винограда.

Вдругъ передъ глазами нашими поднимается занавѣсъ, и мы видимъ на сценѣ девять Музъ,* которыя ведутъ за руку Амура и привязываютъ его цвѣтами къ миртовому дереву. Тщетно умоляетъ ихъ маленькой богъ: нѣтъ прощенія! Онъ хочетъ плакать, но слезы изъ глазъ его не льются —веселая и коварная улыбка играетъ на розовыхъ устахъ прелестнаго Амура! Въ сію минуту является Венера; сходитъ съ колесницы своей, и проситъ Музъ сжалиться надъ божественнымъ малюткою, и возвратить ему свободу; но хитрый Купидонъ смѣется, ласкаетъ Парнасскихъ богинь, и не хочетъ свободы. Хоръ поетъ:

Я неволенъ,
Но доволенъ,
И желаю плѣннымъ быть.
Милы узы
Ваши, Музы,
Ихъ не тягостно носить.
Что мнѣ въ волѣ?
Я въ неволѣ
Веселъ, щастливъ и блаженъ.
Наслаждаюсь,
Восхищаюсь
И любовью упоенъ.

Музы обнимаютъ, цѣлуютъ милаго своего плѣнника — и густое облако скрываетъ ихъ. — Скоро

---

* Богачи Греческіе не рѣдко забавляли пріятелей своихъ, за ужиномъ, такими представленіями.

видимъ мы другое явленіе. Вдали синѣется и шумитъ море; дикая скала возвышается надъ онымъ. Блѣдная женщина, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, съ пламеннымъ взоромъ, приближается къ намъ медленными, тихими шагами. Златострунная лира въ рукахъ ея. Все умолкаетъ — мы внимаемъ — она играетъ и поетъ:

Почто, о богъ любви коварный!
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ?

Почто?—Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ —
Дрожу, томлюся, умираю
Въ восторгѣ, въ пламенныхъ слезахъ. *

Мнѣ все противно, все постыло,
Когда сокроется Фаонъ;
Брожу въ лѣсахъ одна уныло, —
Зрю тьму вездѣ и слышу стонъ.

---

* Читатель вспомнитъ послѣднюю строфу извѣстной Сафиной оды.

Жестокій Сафою скучаетъ:
Ему несносенъ взоръ *ея*.
Жестокій Сафы убѣгаетъ:
Ему несносна жизнь моя!

На что же мнѣ вздыхать томиться?
Любовь злощастная есть адъ.
Иду отъ страсти исцѣлиться
Въ твоихъ пучинахъ, о Левкадъ! *

Пусть жизнь съ любовью прекратится
Въ шумящихъ пѣнистыхъ волнахъ:
Рѣка забвенія струится
Въ блаженныхъ Орковыхъ странахъ **

Ея питательныя воды
Жаръ груди, сердца прохладятъ,
И щастье мирныя свободы
Невинной Сафѣ возвратятъ.

Я тамъ жестокаго забуду,
Какъ утромъ забываютъ сонъ....
О радость!... я любить не буду,
Тебя, безжалостный Фаонъ!

---

* Древніе Греки думали, что нещастные любовники, бросаясь въ море съ Левкадской скалы, исцѣляются отъ своей страсти; многіе бросались и—погибали.

** Миѳологія говоритъ, что въ странахъ Орковыхъ, то есть въ жилищѣ мертвыхъ, течетъ Лѣта, *рѣка забвенія*. Души умершихъ прежде всего къ ней провождаются — пьютъ съ жадностію воду ея, и забываютъ всѣ горести земной жизни. Прекрасная выдумка! и много такихъ найдемъ мы въ Греческой Миѳологіи.

Она спѣшитъ на дикую скалу, и низвергается въ морскую пучину. Тихій и печальный хоръ поетъ:

Погибаетъ!... погибаетъ!...
Бездна Сафу поглощаетъ!
Лира Сафина въ волнахъ —
Нѣтъ души въ ея струнахъ!...
Жертва страсти, не порока!
Жертва бѣдственнаго рока!
Даръ небесный, сладкій гласъ,
Отъ Судьбы тебя не спасъ!

Раздается ударъ грома—и сцена перемѣняется. Мы видимъ Ѳракійскія долины и берегъ дикаго Стримона; мы слышимъ шумъ рѣки—но шумъ рѣки умолкаетъ —Орфей, сидя въ уныніи средп печальныхъ кипарисовъ, играетъ на своей лирѣ. Лавровый вѣнокъ увялъ на головѣ пѣснопѣвца. Орфей поетъ:

«Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса, мо- «гу ли надѣяться, что нѣжная лира моя тронетъ «еще ваше хладное сердце; что вы, безсмертныя «Силы, вторично возвратите мнѣ Эвридику, милую «Эвридику?

«Ядовитое жало змѣи прекратило юную, весен- «нюю жизнь ея. Нещастный Орфей лилъ слезы «день и ночь, скитался въ лѣсахъ и пустыняхъ, «одинъ съ своею горестію, одинъ съ своею лирою, «томною и печальною. Ея унылые звуки были от- «зывомъ моего унылаго сердца.

«Но скорбь моя не облегчалась; время не могло «утолить ее. Гонимый тоскою, я нисшелъ въ

«мрачное царство грознаго Плутона; прошелъ гус-«тые, темные лѣса, гдѣ вѣчный ужасъ оби-«таетъ; приближился къ вратамъ ада, къ жилищу «оныхъ страшныхъ боговъ, которыхъ никогда «моленіе смертныхъ не смягчало.... Звуки лиры «моей раздались въ глубочайшихъ пещерахъ Тар-«тара, и блѣдныя тѣни изумились. Зміевласыя Фу-«ріи внимали, и чувствовали сладость гармоніи; «умолкъ трезѣвный Церберъ, и колесо Иксіоново «остановилось.

«Смягчилися жестокіе владыки ада, и возврати-«ли мнѣ любезную. О восторгъ! о блаженство! «торжество любви и гармоніи!—Но гласъ Судьбы «изрекъ: *страшись въ предѣлахъ Тартара воз-«зрѣть на прекрасную: ты снова лишишься ее, и «на вѣки!* — Уже приближались мы къ странамъ «свѣта, къ обителямъ земнородныхъ; уже грозный «лай, адскаго стража едва, едва достигалъ изъ отда-«ленія до нашего слуха...о боги! внезапное движе-«ніе сердца возмутило кровь мою—изреченіе Судь-«бы затьмилось въ умѣ моемъ—я обратилъ взоръ «на Эвридику!... увы!... Эвридика исчезла, подобно «легкому, воздушному метеору.... Тщетно я стре-«мился за нею, тщетно призывалъ любезнѣйшую! «Она скрылась, съ блестящею слезою, съ умиль-«нымъ взглядомъ — уста ея не произнесли ни у-«прека, ни жалобы на ея злощастнаго убійцу!... «Ахъ! любовь, любовь была моимъ преступленіі-«емъ! — Вереи ада страшно заскрипѣли, и врата «желѣзныя затворились.»

«Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса, мо-

«гу ли надѣяться, что нѣжная лира моя тронетъ «еще ваше хладное сердце; что вы, безсмертныя «Силы, вторично возвратите мнѣ Эвридику, милую «Эвридику?

«Нѣтъ! законъ Судьбы вѣченъ; завѣтъ Тартара «подобенъ діаманту нетлѣнному; уставъ вышнихъ «Силъ не премѣняется!—Я возвратился на печаль«ную землю; тоскую непрестанно! Уже слезы изъ «глазъ моихъ не льются; лира не услаждаетъ серд«ца. Нѣтъ для меня радостей въ жизни! Имя люб«ви ужасно моему слуху! — Боги, адскіе боги! во «мракѣ Тартара соедините Орфея съ Эвридикою!»

Гласъ пѣвца прерывается. Мы слышимъ опять шумъ рѣки — и нестройные звуки мусикійскихъ орудій. Изступленныя жрицы Вакховы какъ Фуріи стремятся къ Орфею, съ *тирсами* * и съ пламенниками, и восклицая: *эвое! эвое!* ** окружаютъ печальнаго. Тщетно думаетъ онъ спастись отъ ихъ свирѣпыхъ восторговъ! злобныя мучатъ, терзаютъ его, и наконецъ увлекаютъ съ собою *** Невидимый хоръ поетъ:

---

* Копья Вакханокъ.

** Обыкновенныя восклицанія Вакховыхъ жрицъ.

*** Ѳракійскія женщины, какъ повѣствуютъ Миѳологисты, растерзали Орфея за то, что онъ, соблюдая вѣрность къ незабвенной Эврпдикѣ своей, былъ нечувствителенъ къ любви, и не хотѣлъ удовлетворять ихъ сладострастнымъ вожделѣніямъ. — Платонъ говоритъ не то, по ненависти своей къ Поэтамъ; но мы не хотимъ вѣрить Платону.

Нимфы, плачьте! нѣтъ Орфея!...
Вѣтръ унылый, тихо вѣя,
Намъ вѣщаетъ: *нѣтъ его!*
Ярость Фурій изступленныхъ,
Гнусной страстью воспаленныхъ,
Прекратила жизнь того,
Кто плѣнялъ своей игрою
Кровожаждущихъ звѣрей,
Гармоническою струною
Трогалъ сердце лютыхъ Грей,
И для нѣжной Эвридики
Въ Тартаръ мрачный нисходилъ.
Ахъ, стенайте!—Берегъ дикій
Прахъ его въ себя вмѣстилъ.
Сиротѣющая лира
Отъ дыханія зефира
Звукъ печальный издаетъ:
Нѣтъ Пѣвца! Орфея нѣтъ!
Эхо повторяетъ: *нѣтъ!*
Надъ могилою священной,
Мягкимъ дерномъ покровенной,
Филомела слезы льетъ.

Легкое облако задумчивости осѣнило пирующихъ. Чаши, розами оплетенныя, стояли передъ нами неподвижно. Молчаніе царствовало. Наконецъ кроткій Филоклесъ перервалъ оное: «Что есть жизнь наша?» сказалъ юноша съ тихимъ вздохомъ: «*мечта тѣни*, какъ говоритъ Пиндаръ; темное, печальное сновидѣніе, которое, исчезая въ «пространствахъ ничтожества, оставляетъ горест«ную слезу въ окѣ спящаго.» — «Нѣтъ, будемъ «чувствительны, но будемъ и благодарны!» отвѣ-

«чаетъ ему мудрый Аристъ: жизнь есть благій «даръ боговъ, милостивыхъ и любезныхъ. Горесть «соединена съ нею, но горесть имѣетъ свою отра«ду. Сія отрада, кроткій свѣтъ души, бываетъ ми«ла сердцу. Не всегда лучезарный Фебъ сіяетъ на «небѣ; но и тихая, ночная лампада имѣетъ красо«ту свою. Горесть соединена съ жизнію; но самая «горесть приготовляетъ сердце наше къ нѣжному «чувству удовольствій. Печаленъ видъ Природы, «когда гремятъ громы и шумный дождь ліется изъ «облаковъ рѣками; но подъ кровомъ сей глубокой «тьмы оживляются въ земныхъ нѣдрахъ сѣмена «плодотворныя. Мракъ исчезнетъ: фіалка и лилія «расцвѣтутъ на зеленыхъ лугахъ благословенной «Аттики.... Часто лучь веселія меркнетъ въ душѣ «смертнаго: страшная ночь осѣняетъ ее; слабый «унываетъ; сердце его тоскуетъ.... Утѣшься, «страдалецъ! Обрати взоръ свой на восточное не«бо: тамъ бѣлѣется уже юный день, тамъ скоро «новый лучь возсіяетъ, и утренній пѣвецъ воспа«ритъ къ небесамъ надъ тобою?—Друзья! будемъ «чувствительны, но будемъ и благодарны! Всемо«гущіе боги вліяли много радостей въ чашу жизни «нашей. Кто безъ душевнаго веселія можетъ взи«рать на сапфиръ неба, гдѣ пылаетъ великолѣпное «солнце, гдѣ сверкаютъ милліоны звѣздъ блестя«щихъ, гдѣ ясная луна смиренно красуется въ ти«хомъ своемъ теченіи? Кто безъ сладкаго чувства «можетъ вступить въ святилище пальмовой рощи, «чтобы подъ шумящими листьями укрываясь отъ «зноя на мягкой муравѣ ожидать къ себѣ любез-

«наго Агатона или прелестной Лидіи, и бесѣдовать «съ ними о милыхъ сокровенностяхъ сердца или «предаваться восторгамъ нѣжной страсти? Когда «же на размаринной вѣтьви, въ минуты вечернія, «поетъ соловей; когда невидимыя Нимфы по лу«гамъ гуляютъ, и нѣжными руками своими обнов«ляютъ на нихъ красоты цвѣтовъ и травокъ, по«блекшихъ отъ дневнаго жара; когда въ сладост«номъ вѣяніи зефира вся Природа объявляетъ «намъ, кажется, любовь свою и призываетъ къ сер«дечному наслажденію—ахъ! можетъ ли человѣкъ «жаловаться тогда на участь свою?—Филоклесъ! я «понимаю томный взглядъ твой. Критонъ! я разу«мѣю кроткій вздохъ твоего сердца. Меандръ! бле«стящая слеза твоя не скрылась отъ глазъ моихъ. «Вы вкусили горесть жизни. Филоклесъ! ты ли«шился своего Агатона, незабвеннаго, добродѣ«тельнаго. Критонъ! ты потерялъ свою Лидію, «прекрасную, чувствительную. Слезы ваши оро«шаютъ кипарисъ и хладную гробницу; но — са«мыя слезы служатъ вамъ утѣшеніемъ. Мысль о «любезныхъ питаетъ душу; память любви ихъ «есть цѣлебный бальзамъ для вашего сердца. «Тамъ, гдѣ стенаетъ горлица; тамъ, гдѣ сѣтуетъ «филомела; гдѣ анемонъ съ гіацинтомъ напомина«ютъ намъ безвременное увяданіе цвѣтущей юно«сти — тамъ духъ вашъ сладостно погрузится въ «самого себя, и нѣжно обнимется съ милою тѣ«нію.—Меандръ! ты любилъ; но любовь твою пре«зирала жестокая!... Ободрись, юноша! Время, раз«судокъ, Философія, тебя успокоятъ. Священная

«дружба согрѣетъ твое сердце. Ты можешь еще «пользоваться жизнію, и благословлять ея пріят«ности.

«Друзья сограждане! мы весело провели сей ве«черъ: мы были щастливы. Да будетъ таковъ ве«черъ жизни нашей — и съ тихою улыбкою пода«димъ руку Маину сыну, провождающему смерт«ныхъ въ свѣтлыя поля Елисейскія!»

Электрическій огнь любви разливается въ сердцахъ нашихъ. Мы всѣ клянемся жить и умереть друзьями боговъ и человѣковъ.

Тутъ спѣшатъ къ намъ хороводы юныхъ красавицъ: однѣ играютъ на флейтахъ; другія, наученныя Терпсихорою, прельщаютъ глаза искусными тѣлодвиженіями и призываютъ насъ къ пляскѣ. Кроткая радость уступаетъ мѣсто шумной, Нимфы приводятъ въ волненіе кровь нашу своими взглядами.... О чудо! я вижу суроваго Діогена, вертящагося съ рѣзвою Дафною, и важнаго Ликоса, хвалителя строгихъ Ликурговыхъ законовъ, вижу — у ногъ смѣющейся Феаны!—Но мнѣ ли открывать таинства Элевзинскія? Угрюмый Гарпократъ кладетъ палецъ на уста мои—и темная ночь одѣваетъ насъ покровомъ своимъ.

=

О друзья! все проходитъ, все исчезаетъ! Гдѣ Аѳины? Гдѣ жилище Гиппіево? Гдѣ храмъ наслажденія? Гдѣ моя Греческая мантія? — Мечта! мечта! Я сижу одинъ въ сельскомъ кабинетѣ сво-

емъ, въ худомъ шлафрокѣ, и не вижу передъ собою ничего, кромѣ догарающей свѣчки, измараннаго листа бумаги и Гамбургскихъ газетъ, которыя завтра поутру (а не прежде: ибо я хочу спать нынѣшнюю ночь покойнымъ сномъ) извѣстятъ меня объ ужасномъ безумствѣ нашихъ просвѣщенныхъ современниковъ.

1793 г.

МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ? Въ какомъ уединеніи скрываешься! Какіе предметы занимаютъ душу твою! Чѣмъ питается твое сердце? Что дѣлаетъ тебѣ жизнь пріятною? — И думаешь ли нынѣ о своемъ Мелодорѣ?

Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя проситъ, требуетъ. Оно помнитъ любезные твои взоры, сладкой голосъ, и нѣжныя, чувствомъ согрѣваемыя объятія, въ которыхъ жизнь бывала ему вдвое милѣе—помнитъ, и велитъ глазамъ моимъ искать тебя — велитъ рукамъ моимъ къ тебѣ простираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: теперь мы въ одной землѣ — и не вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мелодоръ летитъ къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минуты буду хотя писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени? Сколько перемѣнъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ?... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ *твою* душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно: хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобъ ты

собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего, и видѣть — прости мнѣ *смѣлое* выраженіе — видѣть всѣ *развалины надеждъ и замысловъ*, надъ которыми въ тихіе часы ночи сѣтуетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, стовратныхъ Ѳивъ или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ Исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эфирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческой возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству*. Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ - и свѣтлой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточикъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ Философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жиз-

ненныхъ удовольствій, всемѣстное распростране ніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость Правленій, и пр. и пр.? — Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучь надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды; «все исчезнетъ, и «царство общей мудрости настанетъ, рано или «поздно настанетъ — и блаженъ тотъ изъ смерт«ныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ «разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума че«ловѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ прибли«жить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ «хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вло«жить рукою любви въ сердце чувствительныхъ, и «такимъ образомъ ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!»

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? — Осьмойнадесять вѣкъ кон-

чается, и нещастный филантропъ * мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать!.. Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ, — съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ!—Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ.... Фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ Наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для щастія? — Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой! но—небесная красота исчезла—змѣи шипятъ на ея мѣстѣ! —' Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу Искусствъ и Наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго; драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! —

---

* То есть, другъ людей.

И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая Натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются—сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы * торжествуютъ: «Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вотъ плоды вашихъ Наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша Философія!...» — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* — А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ *общее мнѣніе:* вообрази же слѣдствія!

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно: я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ — но какова будетъ тишина сія? Естьли мертвая, хладная, мрачная?

Такъ, мой другъ, паденіе Наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не толь-

---

* Ненавистники Наукъ.

ко вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ.... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ—что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ! — Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины: но что же будетъ съ міромъ, съ *цѣлымъ* человѣческимъ родомъ? Ахъ, мой другъ! для добрыхъ сердецъ нѣтъ щастія, когда они не могутъ дѣлить его съ другими. Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его человѣколюбивой души. Александръ не принялъ сосуда съ водою, и не хотѣлъ утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; въ сію минуту былъ онъ подлинно Великимъ Александромъ! Такія движенія неизвѣстны эгоистамъ; за то первый врагъ истинной Философіи есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверстые гробы для *нѣжной нравственности*. Сердца ожестачаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія, и долженъ дѣйствіемъ какого нибудь чуднаго и тайнаго закона, ниспадать

съ сей высоты, чтобы снова погрузиться въ варварство и снова мало по малу, выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи взнесенъ на верхъ горы, собственною своею тяжестію скатывается внизъ, и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? — Горестная мысль! печальный образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ *вѣроятность* сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ Азіатскихъ народовъ и царствъ; но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ, до насъ дошедшимъ, можно думать, что сіи народы были не варвары; что они имѣли свои Искусства, свои Науки: кто знаетъ тогдашніе успѣхи разума человѣческаго? Царства разрушались, народы исчезали; изъ праха ихъ, подобно какъ изъ праха фениксова, раждались новыя племена, раждались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и—славились. Можетъ быть эоны погрузились въ вѣчность, и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная Исторія. Библіотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно не что иное, какъ спасенный остатокъ древнѣйшихъ библіотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Греческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, краснорѣчивыя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ зрѣніе, душу, сердце; тамъ красуются Ли-

курги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы— однимъ словомъ, тамъ должно дивиться утонченнымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жь послѣдовало за сею блестящею эпохою человѣчества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тьма. Наконецъ солнце Наукъ возсіяло, и Философія изумила насъ быстрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ; исчисляли, измѣряли путь ума; напрягали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегъ!...* Но вдругъ небо дымится, и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ туманахъ! — О потомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Естьли опять возвратится на землю третій и четвертый-надесять вѣкъ?... Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гробами своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: *Прохожій! услаждай свои чувства; все прочее ничто!* * — О мой другъ!

* Квинтъ-Курцій пишетъ, что Александръ Великій нашелъ гробъ Сарданапаловъ съ сею надписью.

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ которомъ живу, кажется мнѣ пустынею. Вижу людей; но взоръ мой не находитъ сердца въ ихъ взорахъ. Слышу разсужденія, и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но вѣтеръ разноситъ слова мои... мертвое эхо повторяетъ ихъ!

Иногда несносная грусть тѣснитъ моe сердце; иногда упадаю на колѣни, и простираю руки свои — къ Невидимому.... Нѣтъ отвѣта!—Голова моя клонится къ сердцу.

Самая Природа не веселитъ меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея объятіяхъ мечтать о близкомъ щастіи людей; съ того времени, какъ удалилась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться!

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи со днемъ; вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ.... мой другъ! начто жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? Начто жили предки наши? Начто будетъ жить потомство?

Суди о хаосѣ души моей, который представляетъ мнѣ все твореніе въ безпорядкѣ! Смотрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почто восходишь? Стою подъ сѣнію шумящаго дуба, и спра-

шиваю: почто шумишь? — Теперь все существуетъ для меня безъ цѣли.

Вообрази себѣ человѣка, заснувшаго сладкимъ сномъ въ тихомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣтей, и вдругъ, очарованіемъ какихъ нибудь злыхъ волшебниковъ, перенесеннаго на степь Африканскую — удары грома пробуждаютъ его — нещастный открываетъ глаза, видитъ ночь и пустыню вокругъ себя — изумляется—думаетъ, и не понимаетъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ случилось — слышитъ вездѣ ревъ звѣрей, и не знаетъ, куда итти.... Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣжная супруга? гдѣ милыя дѣти?... Нѣтъ пути! нѣтъ спасенія!... Онъ терзается, проливаетъ слезы, и устремляетъ взоръ на небо; но небо покрыто тьмою, небо грозно! — Состояніе сего человѣка нѣкоторымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! въ твои объятія изливаетъ сердце мое — сердце, жестоко уязвленное—горестныя свои чувства. Оживи его благотворнымъ своимъ бальзамомъ; услади нѣжнымъ состраданіемъ!

Филалетъ! ты вмѣстѣ со мною веселился нѣкогда жизнію, Природою, человѣчествомъ; теперь скорби со мною, или утѣшь меня!

Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ; но я достоинъ еще дружбы твоей, ибо я — люблю еще добродѣтель! — Вотъ черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора; узнаешь и въ бурю и въ грозу, и на краю могилы!

ФИЛАЛЕТЪ КЪ МЕЛОДОРУ.

Мелодоръ! слезы катились изъ глазъ моихъ, когда я читалъ любезное письмо твое. Давно уже такія сладкія чувства не посѣщали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѣйшая. Она сливается въ чувствительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣтъ, сего краснаго утра жизни, лучшей эпохи нравственнаго бытія. Два добрыя сердца, привыкшія любить другъ друга, находятъ въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ удовольствій и добродѣтельнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ постоянствѣ своего Филалета? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ Зонахъ — вездѣ образъ твой путешествовалъ со мною, освѣжалъ томнаго странника подъ огненнымъ небомъ Ливіи, и согрѣвалъ его въ предѣлахъ льдистаго Полюса. Наконецъ я въ отечествѣ, и не съ тобою? но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ щастію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ *одной* странѣ съ Филалетомъ!... Спѣши, спѣши къ

своему другу! Въ сельскихъ кущахъ ожидаю тебя — тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою встрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои исчезли; ты ищешь на театрѣ міра — и не находишь всѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго Философа.

Но не уже ли, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать

міръ, Природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*

Уничтожься навѣки мыслепная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель — чуждое растѣніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ, и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпо-

стяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце, и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, естьли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильйонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? — Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не льзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, кто великолѣпно прославилъ Себя въ Натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. — Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ путяхъ Ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! — Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее *. *Нѣтъ! я знаю моего друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе.* Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратитъ все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучь утѣшенія кротко

---

* Дамонъ и Питіасъ — славные друзья въ древности.

озарить мракъ души твоей! — Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ? Теряясь въ лабиринтѣ неизъяснимыхъ затрудненій, она можетъ довести насъ до отчаянія, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ естественно-добрѣе сердце наше. Иногда, признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; отвращаюсь отъ свѣта, отъ людей, и говорю съ Грессетомъ:

Je suis mal où je suis, et je veux être bien;

душа моя стремится во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самаго ничтожества; но я стараюсь уменьшать число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всетворящемъ Божествѣ, Которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. «Развѣ Оно не любитъ человѣка!» думаю самъ въ себѣ: «развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ Его рукѣ вмѣстѣ съ милліонами другихъ міровъ?... «Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше — и взоръ мой проясняется; отираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ. Иду въ тихій кабинетъ свой, читаю добрыхъ философовъ, утѣшителей; размышляю — и сравниваю жестокія потрясенія въ нравственномъ мірѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло; на берегахъ Тага снова возвышается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнію.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ утѣшаться мыслію, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ, и не исчезнетъ вовѣки; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны: но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зефировъ.

Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ златаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто не любитъ воображать себя добрымъ, благодательнымъ существомъ? Мой другъ! я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицемъ, а добро съ пріятною улыбкою!... Сія черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмой-надесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣръ, девятомнадесять вѣкѣ — правствен-

ность болѣе исправится — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до Мизософовъ, мой другъ, то они никогда, никогда торжествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо наукъ? — Разогнемъ книгу Исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? На примѣръ, распри суевѣрія вооружили сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напротивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей, и спокоенъ; имѣю довѣренность ко благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ, Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, до-

казывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: *науки вредны, ибо осьмойнадесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами;* тому скажу я: «осьмойнадесять вѣкъ не могъ именовать себя просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.»

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія застала людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были не что иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ

удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго отрока. Читай вмѣстѣ Платона и Воннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и потомъ скажи мнѣ, что была Греческая философія въ сравненіи съ нашею?

Для чего и теперь не думать намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ однакожь, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли *въ цѣломъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ тѣмъ лучезарнѣе, и тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтильники разума въ Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый ѳиміамъ воскурился Музамъ на земномъ шарѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Исторіи никакихъ повтореній. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особливый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра

вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ вовѣки!

Природа уже не веселитъ тебя?... тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по нещастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благостію и безчисленными красотами! Иногда жаркая слеза выкатится изъ глазъ нашихъ: кроткой зефиръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — «естьли ужасное пробужденіе описаннаго тобою нещастливца было не что иное — какъ новый *сонъ*; если онъ вторично откроетъ глаза; естьли всѣ ужасы вокругъ его исчезнутъ; естьли Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней?...»

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить въ семъ мірѣ. Ударитъ часъ, и все перемѣнится! Съ сею любовію къ добродѣтели, которая была, есть и будетъ

вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихою землею!...

Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,

тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ земныхъ тружениковъ!

1794 г.

ДЕРЕВНЯ.

—

Благословляю васъ, мирныя сельскія тѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, златыми класами покрытыя! Благословляю тебя, тихая рѣчка, и васъ, журчащіе ручейки, въ нее текущіе! Я пришелъ къ вамъ искать отдохновенія.

Давно уже душа моя не наслаждалась такимъ совершеннымъ уединеніемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Натурою.

Какъ мила Природа въ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя мною въ тишинѣ сельской, на краю Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены Натуры были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скатившійся надъ моею головою съ небеснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи.

Вижу садъ, аллеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство противно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Ан-

глійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженныя березками и липками, производятъ во мнѣ какое-то противное чувство. Гдѣ видны трудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкаетъ безъ любви. Натура лучше нашего знаетъ, гдѣ расти дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Рощи мои будутъ цѣлы — пусть заростаютъ онѣ высокою травою! пастушка пойдетъ искать заблуждшейся овцы своей, и проложитъ мнѣ тропинку. Къ тому же я люблю преодолѣвать затрудненія — люблю продираться сквозь чащу кустарника и раздѣлять сростшіяся вѣтьви. Ядовитая змѣя услышитъ шорохъ и удалится отъ ноги моей. Листья, къ которымъ дыханіе человѣческое рѣдко прикасается, свѣжѣе и ароматнѣе.

Не хочу имѣть въ деревнѣ большаго, высокаго дому; всякая огромность противна сельской простотѣ. Домикъ какъ хижина, низинькой, со всѣхъ сторонъ осѣняемый деревами — жилище прохлады и свѣжести — вотъ чего желаю! Не будетъ виду изъ оконъ — правда — но его и не надобно.

Естьли я, сидя въ своей комнатѣ, вижу прелестные ландшафты, то мнѣ не такъ скоро захочется итти гулять. Нѣтъ, гораздо лучше смотрѣть на нихъ съ какого нибудь холма. Да и какъ улыбнутся передо мною долины и пригорки, когда я взгляну на нихъ, вышедши изъ моего сумрачнаго жилища! Въ комнатѣ надобно только отдыхать или работать, а наслаждаться въ полѣ.

День мой.

И человѣкъ просыпаетъ сіи торжественные часы утра, когда бѣлыя облака на позлащенныхъ хребтахъ своихъ изъ бездиъ океана выносятъ свѣтозарнаго жениха Натуры, привѣтствуемаго громкими хорами живаго творенія! — Молчу; и покланяюсь! — Удивительно ли, что младенцы человѣчества, чада дикой Природы, простодушные народы древности обожали сіе великолѣпное свѣтило, на все жизнь и свѣтъ изливающее? Оно есть покровъ и одежда невидимаго Божества.

Какая свѣжесть въ воздухѣ! Моря благоуханій волнуются между небомъ и землею, какъ между двумя берегами, раздѣленными великимъ пространствомъ.

Уже стада разсыпаются вокругъ холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющій жаворонокъ вьется надъ трудящимся поселяниномъ — и нѣжная Лавинія приготовляетъ завтракъ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь сре-

брится растѣніе Азіи; тамъ желтѣетъ колосистая рожь; тутъ зеленѣетъ ячмень съ острыми иглами своими. Живописецъ! кисть твоя никогда не изобразитъ всѣхъ оттѣнокъ сей прекрасной картины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Стаканъ густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня: какъ они пріятны послѣ утренней прогулки! — Теперь перебираю книги свои; нахожу Томсона — иду съ нимъ въ рощу, и читаю — кладу книгу подлѣ малиноваго кусточка, смотрю на высокія дерева, на густую зелень вѣтьвей, которая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ тѣни въ тѣнь переливается; слушая разногласный шумъ листьевъ, столь отличный отъ городскаго, Парижскаго, Лондонскаго шуму — погружаюсь въ задумчивость, и потомъ снова берусь за книгу.

Время летитъ, и часы мои показываютъ полдень. Выхожу изъ рощи — солнце льетъ на меня пламя — вѣтерокъ не дышетъ — сребрящіеся листочки осинника не колеблются; легкое перо лежитъ на муравѣ неподвижно — василекъ повѣсилъ свою головку: пестрая Сильфида отдыхаетъ на немъ. Все молчитъ, кромѣ стрекозы, сидящей подъ томною травкою — пчела съ сладкимъ запасомъ своимъ сокрылась въ улей — селянинъ покоится на бальзамической травѣ, имъ скошенной. Рѣчка журчитъ и манитъ меня къ берегамъ своимъ — подхожу — ея струи прельщаютъ, влекутъ меня — не могу противиться сему влеченію, и бросаюсь въ текущій кристаллъ. Двѣ ивы спле-

таютъ надо мною зеленую бесѣдку — лучь солнечный едва, едва проницаетъ сквозь кровъ ея, и пестритъ осѣненную воду. Прохлада освѣжаетъ мое сердце... Ахъ! тотъ не знаетъ одного изъ живѣйшихъ чувственныхъ удовольствій, кто въ жаркое время никогда въ рѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой готовъ — два блюда, самыя простыя, составляютъ его. — Сажусь подъ тѣнію вяза, растущаго противъ самыхъ оконъ моихъ; читаю Ла-Фонтена, Грессета, — книга изъ рукъ моихъ выпадаетъ, и тонкая дремота на нѣсколько минутъ покрываетъ глаза мои флеромъ — зефиръ свѣваетъ его — пробуждаюсь, и чувствую легкой жаръ въ моей внутренности — услужливой садовникъ приноситъ мнѣ корзинку съ благовонною малиною.... Какъ пріятны, освѣжительны сіи сочные плоды щедрой Натуры! Ахъ можно ли не любить ее за все то, чѣмъ она тѣшитъ и нѣжитъ человѣка!

Жаръ проходитъ — иду на лугъ ботанизировать, какъ маленькой Коммерсонъ — любуюсь травками и цвѣточками — разсматриваю ихъ тонкія жилочки, зубчатые краешки, пестренькіе листочки, будто бы изъ тончайшаго шелка сотканные, то гладкіе, то пушистые — удивляюсь разнодушистымъ испареніямъ, разносвойственнымъ сокамъ, варимымъ въ цвѣточныхъ чашечкахъ искусною Природою — удивляюсь тонкимъ сосудамъ, въ которыхъ сіи питательные соки обращаются, и которые втягиваютъ во внутренность растѣнія живительный воздухъ. Срываю — и каж-

дую травку, каждый цвѣточикъ бережно завертываю въ особливую бумажку. Возвратясь въ свою комнату, разбираю, кладу ихъ на солнце и не будучи многоученымъ Ботанистомъ, на каждое растѣніе пишу краткія примѣчанія.... На прим.: «Сіи бѣлые цвѣточки съ желтою оттѣнкою, на «гладкомъ, темнозеленомъ, сочномъ стеблѣ, пріятны для глазъ, но еще пріятнѣе для обонянія. «Когда сокроется дневное свѣтило и вечерній «мракъ сгустится въ пространствѣ воздуха, поди «въ темную рощу: тамъ нервы твои затрепещутъ «отъ небеснаго благоуханія, и ты въ сладостномъ «упоеніи чувствъ воскликнешь: *Ангелъ на кры- «лахъ ночи спустился въ рощу!* Нѣтъ! сіе бла- «гоуханіе изливается изъ колокольчиковъ, кото- «рые бѣлѣются въ густой травѣ, и по справедли- «вости называются *красотою ночи.*»

Я слышу свирѣль пастуха — стадо возвращается въ деревню, и каждая овечка находитъ дворъ свой: но селянинъ еще не возвратился съ поля. — Какъ пріятенъ чай на чистомъ воздухѣ! Вечерніе ароматы льются ко мнѣ въ чашку. Но я спѣшу видѣть конецъ лучезарнаго дня — спѣшу на высокой песчаный берегъ излучистой рѣчки. Тамъ обширный гладкій лугъ представляется глазамъ моимъ — и за симъ лугомъ, по свѣтлому небу, катится вечернее солнце, въ тихомъ велелѣпіи и въ кроткомъ величествѣ. Уже достигаетъ оно до вратъ запада — мерцаетъ за тонкимъ, златоволнистымъ облакомъ — растопляетъ его лучами своими — является снова во всей полнотѣ — бро-

саетъ на землю блескъ и сіяніе — и скрывается. Вечерняя заря алѣетъ теперь на западѣ. — Такъ мудрый и добродѣтельный мужъ, котората жизнь была благотворнымъ свѣтиломъ для нравственныхъ существъ, собратій его, тихо и великолѣпно приближается къ цѣли своего теченія. Пылкое воображеніе съ лѣтами прохлаждается, но разумъ не темнѣетъ и на западѣ жизни; спокойное величество блистаетъ на челѣ мудраго и въ самое то время, когда мрачная могила передъ нимъ разверзается; послѣдній ясный взоръ его есть послѣднее благодѣяніе для человѣчества. Онъ скрывается, но память его сіяетъ въ мірѣ какъ заря вечерняя. — Я преклоняю колѣна. Всемогущій! сердце мое Тебѣ открыто: исполни его желаніе, достойное человѣка!

Величественная ночь несется на черныхъ орлахъ своихъ; ея темная мантія развѣвается по воздуху, и все на землѣ засыпаетъ.

Я одинъ иду по тихой равнинѣ, въ молчаніи, въ глубокой задумчивости. Но вдругъ душа моя содрагается отъ внезапнаго блеска огненныхъ лучей. Смотрю на восточное небо — тамъ въ сизыхъ тучахъ блистаетъ молнія, и освѣщаетъ передо мною развалины старой церкви и густою травою заросшія могилы. Съ другой стороны восходитъ свѣтлая луна; небо вокругъ ее чисто. — Такъ мракъ и свѣтъ, порокъ и добродѣтель, буря и спокойствіе, скорбь и радость, совокупно владычествуютъ въ нашемъ мірѣ!

1792 г.

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ

И

НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.

—

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая*, *нравственная и политическая*.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое щастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ гробѣ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно маг-

ниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растѣніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы расли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы расли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкото-

рыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.—На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго Патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій Кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: «Никто не можетъ быть щастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ не льзя замѣнить согражданъ. Я живу

«не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не «такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя «къ новостямъ, и мнѣ скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе Натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его щастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и есть-ли оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою Патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи бы-

ло не много Патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ — а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелію народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ, въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ

Русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготовили торжество Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ нещастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими нещастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамер-

лалъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отметилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца — граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ.... Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго Патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *Его щастливое* время.

Петръ Великій, *соединивъ* насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ

присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожь не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-надесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость;* но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія

души? Сказывают, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того—и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состоянiе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германiи, Англiи, и проч. Естьли бы наши молодые дворяне *учась могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи Литтературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произвенiя могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскiе, Англiйскiе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманiе Русскихъ. Расположенiе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей

чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литтературы, не хотятъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе Журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. * Кому не будетъ обидно походить на Даланбертову мамку, которая живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русской языкъ грубъ и не пріятенъ; что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мущины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣетъ гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ то-

---

* Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

нахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный Министръ сказалъ при мнѣ, что «языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому.» Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ?—Языкъ важенъ для Патріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ — и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *раскрытія*; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на щастіе.

1802 года.

РАЗГОВОРЪ О ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

—

Филалетъ.

Нѣсколько минутъ смотрю на тебя, и жалѣю, что я не живописецъ: не льзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

Мелодоръ.

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*).

Филалетъ.

Что, естьли смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрестанное движеніе, связь души съ тѣломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

Мелодоръ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ... о средствѣ быть щастливымъ въ жизни. Это стоитъ Философскаго камня.

Филалетъ.

Съ нѣкоторой стороны.

Мелодоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезный другъ, начто мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и

Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ, на перестилѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: *Щастіе!* Вхожу во внутренность: гремятъ хоры — *Щастію!* Вижу безчисленное множество людей: спѣшатъ, тѣснятся, простираютъ руку — ко *Щастію*, единственному божеству храма; но божество... невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ миртовою вѣтвію, роскошный блескомъ сокровищъ своихъ: оно не является! Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для Щастія; но оно глухо, слѣпо — не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Филалѣтъ.

Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

Мелодоръ.

Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

Филалетъ.

Друзья схватятъ тебя за руку, будутъ просить, кланяться — и нѣжной, снисходительной Мелодоръ останется съ ними.

Мелодоръ.

Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наску-

чило быть Дон-Кишотомъ, гоняться за воображаемою Дульцинеею, за пустою мечтою, и смѣшить холодныхъ людей моими плачевными вздохами.

Филалетъ.

Участь всѣхъ рыцарей въ наше время!

Мелодоръ.

Кто же не рыцарь щастія? Но оставимъ шутку, и поговоримъ съ важностію о такомъ предметѣ, который всего милѣе для нашего сердца. Все велитъ мнѣ разстаться съ прелестною надеждою; но я хочу знать твои мысли, и сравниваю себя съ такимъ любовникомъ, который видѣлъ, видѣлъ собственными глазами измѣну любовницы своей, но все еще *хотѣлъ бы* сомнѣваться; ненавидитъ свое увѣреніе, и говоря ей: *не оправдывайся!* слушаетъ... ея оправданіе.

Филалетъ.

Я помню слова одного Философа. «Есть ли щастіе?» спросилъ у него любопытный человѣкъ. — Люди съ начала міра ищутъ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно... «Слѣдственно его нѣтъ?» сказалъ любопытный. — Однакожь, продолжалъ мудрецъ, естьли бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мыслях, и все ищутъ, то надобно... «Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія; которое же справедливо?» спросилъ опять любопытный. — Рѣши самъ! отвѣчалъ

Философъ; завернулся въ свою мантію и замолчалъ.

Мелодоръ.

Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этого Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное щастіе въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

Филалетъ.

Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

Мелодоръ.

Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пиѳію, которая всегда говорила: *да и нѣтъ! нѣтъ и да!* или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

Филалетъ.

Естьли мы разумѣемъ подъ щастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями...

Мелодоръ.

Потерявъ всѣ чувства недостатка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего.

Филалетъ.

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились; на примѣръ: молодой Эрастъ,

общій нашъ знакомецъ, страстно влюбленъ въ Плѣниру; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пусть рокъ соединитъ ихъ: Эрастъ, по обыкновенію всѣхъ щастливыхъ любовниковъ, скоро увидитъ ошибку свою; увидитъ, что Плѣнира хотя мила, очень мила, однакожъ не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни. Вообразимъ, что я Эрастовъ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онъ желаетъ, то въ минуту исполняю.

Мелодоръ.

Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, на примѣръ, богатства.

Филалетъ.

И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

Мелодоръ.

Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

Филалетъ.

Предупреждаю его желанію: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *остроумцы* скачутъ къ нему на почтовыхъ.

Мелодоръ.

Онъ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

Филалетъ.

Даю ему разумъ Фонтенеля, Вольтера, Руссо.

Мелодоръ.

Захочетъ славы Героя —

Филалетъ.

Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

Мелодоръ.

Пожелаетъ —

Филалетъ.

Конечно не того, чтобы два и два составили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами Природы и фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ... Но что же? Восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно *ослабѣвать;* каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его *способности наслаждаться;* каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щастіе. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ... блаженства.

Мелодоръ.

Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ.

Филалетъ.

Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составляли пять: по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — потому человѣкъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, которыми восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

Мелодоръ.

Слѣдствіе...

Филалетъ.

Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни: *оно не возможно по образованію души нашей*. Но...

Мелодоръ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Филалетъ.

Но естьли щастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мелодоръ.

Какъ же я буду доволенъ, когда...

Филалетъ.

Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце есть младенецъ, который бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ говорить ему: *это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!*

Мелодоръ.

Но естьли послѣдняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ отказывать; естьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ слишкомъ дорого; естьли на каждую пріятность можно считать по сту непріятностей; естьли всѣ страсти

пагубны, какъ утверждали Стоики; естьли вѣчное сраженіе съ чувствами будетъ для насъ закономъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно твое возможное щастье! и начто родиться человѣку?

Филлетъ.

Нѣтъ, я не люблю Стоиковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю Природу, и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами: она дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Мелодоръ.

Ты хочешь быть Пагенеристомъ страстей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадской, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

Филлетъ.

Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

Мелодоръ.

Кому же назначать предѣлы?

Филлетъ.

Я сказалъ: разсудку. Страсть для сердца есть не что иное, какъ живое чувство удовольствія; но разсудокъ находитъ, что удовольствіе есть только *приманка;* что Натура скрываетъ подъ нимъ нѣ-

что важнѣйшее: пользу. Тутъ ставитъ онъ пограничный столпъ, и говоритъ сердцу: *не далѣе!* Когда чувствительный пастухъ видитъ и любитъ милую пастушку; вздыхаетъ, краснѣется передъ нею; ласкаетъ ея овечекъ; усыпаетъ цвѣтами тропинку, по которой она часто ходитъ; играетъ на свирѣли нѣжную пѣсню, между тѣмъ какъ пастушка сидитъ на бережку ручейка, и задумчиво смотрится въ зеркало воды кристальной: тогда я вижу намѣреніе Природы — она говоритъ въ его сердцѣ; она хочетъ, чтобы пастухи любились, и чтобы нѣжные плоды взаимной склонности играли на колѣняхъ пастушекъ. Для того рука ея украсила розами любовь Аркадскую. Но можетъ ли Природа хотѣть, чтобы Сафы падали на землю отъ звуковъ Фаонова голоса, трепетали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ.... утопали въ пучинѣ Левкадской? Тутъ нѣтъ никакой цѣли: одно разрушеніе, противное намѣренію любви, которой поручено, такъ сказать, храненіе человѣческаго рода. Лезбійская Героиня служитъ неестественнымъ примѣромъ заблужденія въ естественной и самой щастливой склонности.

МЕЛОДОРЪ.

Но развѣ пастушокъ твой не можетъ быть нещастливъ въ любовной своей Идилліи? На примѣръ, онъ вздыхаетъ, краснѣется, а его не примѣчаютъ; гладитъ любимыхъ пастушкиныхъ овечекъ, а его не благодарятъ взоромъ; усыпаетъ тропинки цвѣтами, играетъ на свирѣли, а его.... не любятъ! Что, естьли нашъ Дафнисъ, потерявъ

надежду, вздумаетъ грустить, тосковать, не глядѣть на свѣтъ Божій? Жестокой человѣкъ! можешь ли ты не пожалѣть объ немъ? Можешь ли не осудить Природы, которая говорила въ его сердцѣ для того, чтобы сказать ему: *будь нещастливъ?*

Филалетъ.

Нѣтъ, я не позволяю тосковать пастушку моему. Пусть онъ вздохнетъ два, три раза—не больше—и пойдетъ искать другой, благосклоннѣйшей красавицы.

Мелодоръ.

Прекрасно, но возможно ли, когда страсть завладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душею?

Филалетъ.

Натура того не хочетъ, и предостерегаетъ насъ отъ излишностей чувствомъ страданія. Разсудокъ велитъ *умѣрять* любовь, когда она *мучитъ* сердце и можетъ погубить его.

Мелодоръ.

Только разсудокъ въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, который предвѣщаетъ намъ бурю, но не можетъ отвратить ее?

Филалетъ.

Всегда можетъ, могу говорить; человѣкъ рождается покорить ему волю свою, принять его совѣты. На примѣръ: мнѣ очень нравится женщина, я чувствую, что могу полюбить ее страстно. Что совѣтуетъ благоразуміе? Увѣриться въ ея взаимной любви, или удалиться отъ опасной Цирцеи! Благодѣтельная Природа образовала наше сердце такъ,

что мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности. Надежда часто обманываетъ: но отъ чего же? Отъ безумнаго, вѣтренаго самолюбія, которое толкуетъ въ свою пользу всякой вздоръ, всякое слово, и слышитъ *да!* гдѣ говорятъ *нѣтъ!* или ничего не говорятъ. Заблужденіе открывается: что дѣлать? Проклинать судьбу, боговъ и чувствительность!

Мелодоръ.

А непостоянство, измѣна —

Филалетъ.

Бываетъ только въ слабыхъ, или, лучше сказать, въ мнимыхъ привязанностяхъ; но два сердца, образованныя для истинной, взаимной любви, никогда не могутъ разстаться въ жизни; всякой день утверждаетъ связь ихъ, наслажденіемъ, воспоминаніемъ, чувствомъ благодарности, разсужденіемъ, и наконецъ золотою цѣпью привычки. Непостоянный есть такой человѣкъ, который никогда не любилъ и никогда (что все одно) не былъ любимъ.

Мелодоръ.

Однакожь N., мой пріятель, оставленный своею красавицею, былъ въ отчаяніи и хотѣлъ застрѣлиться.

Филалетъ.

Не сердце, а гордость его была въ отчаяніи, которое и продолжалось, кажется, не болѣе семи дней. Онъ терзался мыслію, что красавица предпочла ему другова. А я увѣренъ, что и нѣжная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безъ помощи раздраженнаго самолю-

бія, а можетъ быть и суетнаго желанія, еще болѣе прославить себя въ Исторіи такимъ геройскимъ дѣломъ. — Однимъ словомъ, съ осторожностію, съ благоразуміемъ, любовь дѣлаетъ насъ только щастливыми. — То же можно сказать о другихъ природныхъ страстяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ своей, подъ руководствомъ ума. На примѣръ —

Мелодоръ.

Имѣй сердце похвалить корыстолюбіе!

Филлетъ.

Да, и корыстолюбіе хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть не что иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: вотъ что еетественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

Мелодоръ.

Но естьли оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучить людей для умноженія моихъ сокровищъ?...

Филлетъ.

Тогда Природа и разсудокъ отступятся отъ Мелодора. Первая говоритъ: *собирай;* а второй договариваетъ: «хорошими средствами, для собствен«ной твоей пользы. Какъ поступаешь въ отноше«ніи къ другимъ, такъ другіе имѣютъ право по«ступать въ отношеніи къ тебѣ. Возьмешь чужое, «возьмутъ твое — и вмѣсто того, чтобы обезо«пасить жизнь свою, будешь всегда въ опасности.»

Мелодоръ.

Я угадываю, что ты скажешь о честолюбіи.

Филалетъ.

То, что оно есть самая благороднѣйшая, нравственная страсть, собственно человѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній. Не говори мнѣ о Геростратахъ, Александрахъ, Аттилахъ; они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, природное, есть желаніе нравиться подобнымъ себѣ нравственнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственному ѳеатру ея; она источникъ многихъ добрыхъ дѣлъ — и Натура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, — такъ какъ нѣтъ инова надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

Мелодоръ.

Вотъ хорошая сторона страстей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезный другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ человѣку засорять ихъ свѣтлый источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливать на міръ столько зла и горя?

Филалетъ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту

минуту, когда приноситъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума, тотъ благодаритъ Природу за данную намъ волю слѣдовать ему или не слѣдовать. Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. Кто забываетъ цѣль врожденныхъ склонностей, которая въ житейскомъ мореплаваніи должна всегда, какъ Фаросъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей; кто искусственно растравляетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предается ихъ бурному стремленію, и хочетъ, такъ сказать, цѣлой міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: тотъ, гоняясь за призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ существенною тоскою, пьетъ соленую воду для утоленія жажды, и за минутные восторги платитъ долговременною мукою — восторги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней *алчность къ наслажденіямъ*, ослабляютъ ея *способность наслаждаться*. Нещастный Танталъ есть образъ человѣка, который служитъ такъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искусственнымъ фантомамъ нашего воображенія; который, на примѣръ, какъ Сафо хочетъ любить съ изступленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чтобы найти вѣрную, кроткую сопут-

ницу въ жизни, но для безпрестанныхъ восторговъ; который, притупивъ чувства свои однимъ предметомъ, спѣшитъ оживить ихъ другимъ; или который, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, летитъ за лаврами на край свѣта, черезъ кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодѣяніями, благодѣтельною жизнію, тамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или который собираетъ не для того, чтобы жить, но живетъ для того, чтобы собирать; отказывается отъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, отъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуя пріобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для пріобрѣтеній.— Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, естьли мы нещастливы и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. «Человѣкъ дол«женъ быть творцомъ своего благополучія, при«водя страсти въ щастливое равновѣсіе, и образуя «вкусъ для истинныхъ наслажденій.

Мелодоръ.

Но естьли я не нахожу для себя *хорошей пищи*, то съ самымъ *прекраснымъ вкусомъ* могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной, избѣ, или Камчадалъ, который вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

Филалетъ.

Однакожь находитъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во-время; радуется благополучному ведру, полнотѣ житницъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть сердце, которому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ катится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая тепло, отдыхъ, поцѣлуй жены и.... рыбій жиръ на столѣ.—Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и послѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинаковою пріятностію. Богачь изъ огромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходить по мраморной лѣстницѣ отдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ, и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ.... подлѣ бѣднаго земледѣльца, который также покоится, также легко дышетъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. — Арисъ, молодой вельможа, говоритъ: «первая блаженная минута въ жизни моей!» Что привело его въ такое восхищеніе? Онъ стоитъ на колѣнахъ передъ обожаемою имъ женщиною, и въ первый разъ услышалъ отъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую ту же минуту какой нибудь сельской красавицъ щастливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь селькой красавицы, признаніемъ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знатнаго любовника и молодаго крестья-

нина теперь одинаковы.—Ты знаешь Клеона, который истощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы менѣе скучать въ жизни; который спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки: часто завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками — для чего? чтобы уставъ и промокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: «какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!» Въ самой тотъ же часъ бѣдный дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей и чувствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся разница состоитъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ; но Провидѣніе и Натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не обдѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить! Не все то легко, что кажется просто, и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ тихой, родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: щастливъ, щастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится.

Sans changer de toit, ni d'amour!

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго

благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію; не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ мицахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить, любить своихъ родныхъ, семейство, друзей — вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Мелодоръ.

Философія твоя довольно утѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

Филалетъ.

Думаю; но истина останется въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, искусственныя удовольствія не стоятъ общихъ при-

родныхъ; и что можно быть щастливымъ и нещастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Натура позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

Мелодоръ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ терній горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

Филалетъ.

Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень немного: тѣлесное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить отъ болѣзней, а честная, нравственная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые трезвые люди бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи: согласись, что это чрезвычайность — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ: Онъ видитъ страданія дѣтей Своихъ, и не позволитъ ему превзойти мѣру терпѣнія. Къ тому же.... ты удивишься; но я скажу по чувству души моей.... скажу, что въ самомъ нещастіи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь

тѣлесную; покойною ясностію сердца освѣщать мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротко-восхитительное.... Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарилъ Небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ нещастіяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ потерею имѣнія выучились наслаждаться жизнію, собою, своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я не давно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, который былъ нѣкогда знатенъ и богатъ въ своемъ отечествѣ, а теперь.... шьетъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣть ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилѣжно, весело; поетъ *водевили* и философствуетъ какъ Сократъ о пріятностяхъ трудолюбія. — Мы, мы сами составляемъ тысячу отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ N. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо — М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ— Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду, отъ то-

го, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнію?

Мелодоръ.

Но лишиться того, что дѣлало меня истинно-щастливымъ, не есть ли бѣдствіе? На примѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ....

Филалетъ.

Горесть тогда необходима; но она есть *для души* то же, что болѣзнь *для* тѣла: душа всячески стремится вытти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ піитическимъ элегіямъ. Природа милостивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ этова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), который извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горесть, глубокая, истинная горесть есть чрезвычайный феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она людей нещастными. Но обыкновенный бичь сердца есть *дурной нравъ* и скука.

Мелодоръ.

Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

Филалетъ.

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинный Философъ или (что все одно) истинно-благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ нещастливѣе Камчадала; * знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

Мелодоръ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

Филалетъ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые

* Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: «О чемъ писать къ вамъ, отцы име«нитые? и какъ? самъ не знаю; и лучше хотѣлъ бы «страдать, нежели чувствовать такое разслабленіе, та«кое.... но я ничего не чувствую.»

по связямъ гражданскаго общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать для жизни человѣческой только первые матеріалы, чтобы мы сами ихъ обработывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главныя эпохи жизни его непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія; люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно отдаться подъ ея законъ, который велитъ *жить* и *работать;* надобно, чтобы *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника.

Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами, всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава:* вотъ мой девизъ!

Мелодоръ.

Ты говоришь, что во всякомъ состояніи можно быть щастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, естьли бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребіи?

Филалетъ.

Самое ближайшее къ природѣ состояніе независимаго земледѣльца, который умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанія, но и нѣкоторыя удобности въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькій садикъ, умъ для вниманія къ премудрымъ дѣйствіямъ Натуры и чувствительное сердце для любви къ милой подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: то самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — твое, мое. Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: «здѣсь чувство слиш-

комъ изнѣжено для сильнаго наслажденія!» Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: «здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!» Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго щастія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ.... миловидную женщину, за рукодѣліемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба, спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣютъ наслаждаться Природою, Искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

Мелодоръ.

Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, порокъ и злоба? Ты оправдываешь Натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ?... Могу ли я, на примѣръ, восхищаться великолѣпною картиною утра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліоны извергов, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ?... Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; стремлюся къ нимъ душею.... но встрѣчаю злодѣевъ и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эта мысль не есть ли горькая отрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

Филалетъ.

Любезный другъ! чернить нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть щастливымъ и добрымъ, или быть щастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Злой боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть нещастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй или человѣкъ, который любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная піитическая выдумка, по край-

ней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ.

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: «Возможное земное щастіе состо«итъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, по«корныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обра«щенномъ на Природу — въ хорошемъ употребле«ніи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестан«ное наслажденіе такъ же невозможно, какъ без«престанное движеніе; машину надобно заводить «для хода, а работа заводитъ душу для чувства «новыхъ удовольствій. Быть щастливымъ, есть «быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ «мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на об«щемъ добрѣ и противны злу, то *быть щастли«вымъ есть.... быть добрымъ.*»

1797 г.

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

(Письмо къ Издателю Журнала).

—

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чтобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ отчета ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ *девизомъ*.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу —свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Читателей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ красавицъ!... Нѣкогда люди прятались въ темныхъ домахъ и подъ щитомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлые домы и большія окна на улицу: просимъ смотрѣть! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслить въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуютъ не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа спѣшитъ какъ можно скорѣе сообщить

свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитъ книгъ подъ титуломъ: *мои опыты*, *тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признаніе. Какъ скоро нѣтъ въ человѣкѣ старомоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Авторомъ исповѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чтобы я хотѣлъ оправдываться примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкоторымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ противность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, что *признанія мои* не имѣютъ никакой нравственной цѣли. Пишу — *такъ!* Еще и другимъ отличусь отъ моихъ собратій-Авторовъ, а именно, краткостію. Они умѣютъ расплодить самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Натура произвела меня совершенно особеннымъ человѣкомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то отмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ богатаго, знатнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по-Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

(Письмо къ Издателю Журнала).

—

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чтобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ отчета ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ *девизомъ*.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу —свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Читателей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ красавицъ!... Нѣкогда люди прятались въ темныхъ домахъ и подъ щитомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлые домы и большія окна на улицу: просимъ смотрѣть! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслить въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуютъ не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа спѣшитъ какъ можно скорѣе сообщить

свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитъ книгъ подъ титуломъ: *мои опыты*, *тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признаніе. Какъ скоро нѣтъ въ человѣкѣ старомоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Авторомъ исповѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чтобы я хотѣлъ оправдываться примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкоторымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ противность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, что *признанія мои* не имѣютъ никакой нравственной цѣли. Пишу — *такъ!* Еще и другимъ отличусь отъ моихъ собратій-Авторовъ, а именно, краткостію. Они умѣютъ расплодить самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Натура произвела меня совершенно особеннымъ человѣкомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то отмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ богатаго, знатнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по-Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ

пятнадцать лѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ человѣка и гражданина.

На шестнадцатомъ году дали мнѣ нарядный чинъ и отправили меня въ чужіе краи, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣтить, а не Французъ, потому что въ это время Французскіе гуверцеры въ знатныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), которому даны были всѣ нужныя наставленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большой части готовится знатной молодой человѣкъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды—и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно отдать ему справедливость: онъ любилъ искренность, и немедленно со мною объяснился. «Любезный Графъ!» сказалъ мнѣ Гофмейстеръ: «Природа и Судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ любезности щастія; ты прекрасенъ, уменъ, богатъ и знатенъ: довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоитъ труда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ; родители твои, слѣдуя обыкновенію, желаютъ, чтобы ты украсилъ разумъ свой знаніями, и поручили тебя моему смотрѣнію: будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу тиранство! Надѣюсь только, что моя снисходительность заслужитъ со временемъ твою признательность.» Я обнялъ его, и обѣщалъ ему такую пенсію, какая не всегда дается и Министру за долголѣтнюю службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомиться со всѣми славными Профессорами—и Ним-

фами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабость къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ—и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужины. Часы лекціи казались мнѣ минутою, отъ того, что я любилъ дремать подъ каѳедрою Докторовъ, и не могъ ихъ наслушаться, отъ того, что никогда не слушалъ. Между тѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, которымъ меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигѣ, мы отправились путешествовать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣнивъ. Родители мои изъ каждаго города получали отъ насъ толстые пакеты, не могли нарадоваться умными замѣчаніями своего сына, и съ гордостію читали ихъ нашимъ родственникамъ. Я не виноватъ былъ ни въ одной строкѣ, уполномочивъ Секретаря своего философствовать вмѣсто меня (къ щастію, рука его совершенно на мою походила); но къ нѣкоторымъ его описаніямъ прибавлялъ отъ себя выразительныя каррикатуры: произведеніе единственнаго таланта, даннаго мнѣ Натурою!

Однакожъ я надѣлалъ много шуму въ своемъ путешествіи—тѣмъ, что, прыгая въ контрдансахъ съ важными дамами Нѣмецкихъ Княжескихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ на землю самымъ неблагопристойнымъ образомъ; а всего болѣе тѣмъ, что съ добрыми Католиками цѣлуя туфель Папы,

укусилъ ему ногу, и заставилъ бѣднаго старика закричать изо всей силы. Эта шутка не прошла мнѣ даромъ, и я высидѣлъ нѣсколько дней въ крѣпости Св. Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — стрѣлять бумажными шариками, изъ духоваго пистолета въ спину постильйонамъ!.

Въ Парижѣ я вошелъ въ связь со многими изъ славныхъ вѣтренниковъ, и нашелъ способъ удивить ихъ какъ смѣлою своею философіею, такъ и всѣми тонкостями *языка повѣсъ*, всѣми его техническими выраженіями, заимствованными мною по большой части отъ Господина Менделя, который служилъ нѣкогда домашнимъ Секретаремъ Герцогу Ришелье. Будучи введенъ въ нѣкоторые хорошіе домы, я имѣлъ случай узнать и славнѣйшихъ Французскихъ остроумцевъ; слышалъ однажды чтеніе Лагарповой Меланіи, хвалилъ безъ памяти талантъ Автора, и послѣ свѣдалъ, что онъ въ письмѣ своемъ къ одному знатному человѣку въ П * (безъ сомнѣнія изъ благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, рожденнымъ для чести и славы отечества. Я имѣлъ щастіе быть представленъ Герцогу Орлеанскому, ужинать съ его избранными друзьями и раздѣлять забавы ихъ, достойныя кисти новаго Петронія.

Надобно было видѣть Англію: подобно Альцибіаду, я сталъ другимъ человѣкомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Британцами, что черезъ мѣсяцъ слегъ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ каррикатуры на

всю Королевскую фамилію—и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было горестно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось столкнуть его съ лѣстницы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нѣжная Англичанка упала въ обморокъ, между тѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою ступени. Однакожь увѣряю Читателя, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности: это минутное движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель разстался со мною. Мы оба увѣдомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ; онъ называлъ меня шалуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо; но матушка одному мнѣ повѣрила, а батюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возвратился въ отечество, гдѣ лавры и мирты ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Китайскихъ тѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ, всѣ должности несноснымъ принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія; но зная выгоды человѣка, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я спѣшилъ поразить умы соотечественниковъ разными странностями, и съ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодателемъ столицы. Мореплаватель во время бури не смотритъ съ такимъ вниманіемъ на магнитную стрѣл-

ку, съ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чтобы во всемъ соображаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя съ ногъ до головы: всѣ мои движенія были срисованы и повторены съ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины, которыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюбленность*—извините новое слово: оно выражаетъ вещь—влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣтеніе для свѣта, который безъ нее походилъ бы на монастырь Латрапскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимаютъ пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думать; являясь въ обществахъ, знаешь, кого искать глазами; все имѣетъ цѣль свою. Правда, что мужья иногда досадуютъ; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство притворяться и самого себя обманывать, не даютъ засыпать сердцу. Часто выходитъ безпорядокъ въ семействахъ; но онъ имѣетъ свою пріятность. Сцены обморока, отчаянія, для знатоковъ живописны. Sauve qui peut! всякой о себѣ думай—и довольно!

Будучи моднымъ прелестникомъ, я имѣлъ щастіе поссорить многихъ короткихъ пріятельницъ между собою, и развести не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная исторія болѣе и болѣе прославляла меня. О характерѣ моемъ говорили

ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я тиранилъ женщинъ, то холодностію, то ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на *любовное дежурство*, садился на *оттоманъ*, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалить другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня недѣль шесть, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи—и новый миртовый вѣнокъ падалъ мнѣ на голову. Справедливость требуетъ отъ меня признанія, что не всѣ красавицы были моими Дидонами: нѣтъ, одна изъ нихъ, вышедши изъ терпѣнія, осмѣлилась указать мнѣ двери. Я былъ въ отчаяніи, и на другой день представилъ ее въ живой каррикатурѣ: заставилъ всѣхъ смѣяться, и самъ утѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль жениться, не столько въ угожденіе матери (отца моего уже не было на свѣтѣ), сколько для того, чтобы завести у себя въ домѣ благородный спектакль, который могъ служить для меня пріятнымъ разсѣяніемъ среди трудныхъ обязанностей моднаго человѣка. Я выбралъ прекрасную небогатую дѣвушку (хорошо воспитанную въ одномъ знатномъ домѣ), надѣясь, что она изъ благодарности оставитъ меня въ покоѣ, и въ сихъ мысляхъ обѣщался на другой день ужинать, по обыкновенію, съ глазу на глазъ съ рѣзвою Алиною, которая тогда занимала меня своею любезностію. Вышло напротивъ. Эмилія изъ благодарности считала за долгъ быть нѣжною

страстною женою; а нѣжность и страсть всегда ревнивы. Философія моя заставляла ее плакать, рваться: я вооружился терпѣніемъ, смотрѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью—и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмилія мало по малу приходила въ разсудокъ, утихала, и становилась гораздо милѣе; томные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ ее толпу искателей. Домъ нашъ сдѣлался отъ того гораздо пріятнѣе: Эмилія перестала грубить молодымъ женщинамъ, и всячески старалась заслужить имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Италіянскихъ Кастратовъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины—подписывали счеты, но никогда не считали—занимали деньги, и никогда не имѣли ихъ — однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мать моя, у которой отъ старости испортился нравъ, была недовольна, и часто упрекала меня вѣтреною безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилія дурно ведетъ себя! Но я—зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣтовалъ ей беречь свое здоровье, то есть, не сердиться. Она не хотѣла послушаться, и прежде времени отправилась на тотъ свѣтъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней—тѣмъ искреннѣе, что ея смерть на нѣсколько мѣсяцевъ разстроила наши спектакли.

Скоро въ хозяйствѣ нашемъ открылись маленькія непріятности: иногда, наканунѣ большаго ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнаты — и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ товарами: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ ту же минуту покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время отъ времени встрѣчалось болѣе трудностей, и часто за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Читателя, что искусные люди, которыхъ профаны называютъ ростовщиками, знаютъ наизусть всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богатыхъ мотовъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минуту исчисляютъ, во сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ такой-то останется безъ души Христіанской; по сему вѣрному расчету служатъ ближнему дѣятельно, усердно, и рѣдко обманываются. Наши отечественные лихоимцы прежде всѣхъ другихъ оставляютъ человѣка на славномъ и широкомъ пути разоренія, подобно меланхолическимъ Докторамъ, которые слишкомъ рано осуждаютъ больныхъ на смерть; они отдаютъ его на руки иностраннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы уступаютъ мѣсто Французамъ, Французы Италіянцамъ, Италіянцы Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху рубль мота ходитъ уже въ копѣйкѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю Жидовскую фалангу, и стоялъ уже на послѣдней ступени. Имѣніе мое записывали, про-

давали съ публичнаго торгу; но я все еще не унывалъ, и въ самой тотъ день, какъ меня выгнали изъ дому, думалъ играть главную ролю въ Комедіи *Безпечнаго.* Жестокіе заимодавцы не хотѣли видѣть спектакля—и мнѣ надлежало искать убѣжища въ домѣ одного моего родственника.

Естьли Читатель удивится, что семь или восемь тысячь душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ сомнѣнія не знаетъ умножительной силы долговъ, считаемыхъ не должникомъ, а заимодавцами; вексели какъ полипы чудеснымъ образомъ плодятся, естьли завѣса безпечности скрываетъ слѣдствія отъ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почтенной мотъ находитъ вѣрныхъ сотрудниковъ въ своихъ управителяхъ и дворецкихъ, которые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія, примѣтивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я назвалъ мота *почтеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есть благодѣтель отечества и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собиратель подобенъ жадной рѣкѣ, которая течетъ въ прямой линіи, глотаетъ ручейки и потоки, влажитъ только берега свои и сушитъ окрестности; но расточителя можно сравнить съ рѣкою щедрою, которая дѣлится на тысячу рукавовъ, сообщаетъ влагу свою великому пространству, и мало по малу исчезая, дѣлается жертвою благотворительности.

Кому угодно, тотъ можетъ вообразить меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человѣка несли за мною двѣ корзины, наполненныя

любовными женскими письмами; единственное сокровище, которое заимодавцы позволили мнѣ вынести изъ дому! Родственникъ принялъ меня холодно и съ упреками. Эмилія пріѣхала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣстѣ проживали имѣніе, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила торжественно, что союзъ нашъ разрывается; сѣла въ карету и скрылась. Я летѣлъ къ женщинѣ, которая за день передъ тѣмъ увѣряла меня въ любви своей: меня не приняли — летѣлъ по многочисленнымъ друзьямъ моимъ: однихъ не было дома; другіе вздумали читать мнѣ наизусть книжныя наставленія, какъ должно быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ жизни! Имъ надлежало бы говорить о томъ, когда я угощалъ ихъ.—Въ прибавокъ ко всему меня выгнали изъ службы какъ распутнаго человѣка.

Такіе случаи и непріятности могли бы огорчить другова; но я родился Философомъ — сносилъ все равнодушно, и твердилъ любимое слово свое: *Китайскія тѣни! Китайскія тѣни!* Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные остатками моего имѣнія, грозились посадить меня въ тюрьму. Признаюсь, что мысль о темной конуркѣ пугала и самую мою философію.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ одинъ богатый Князь, съ требованіемъ, чтобы я подписалъ нѣкоторую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствовать моихъ кредиторовъ: то есть, мнѣ надлежало взвести на себя небылицу, которая давала Эмиліи право избрать другова мужа. Я сперва захохоталъ,

а послѣ задумался, воображая съ одной стороны ужасы темницы, а съ другой злыя насмѣшки людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, что онъ намѣренъ жениться на Эмиліи, желая спасти ее отъ бѣдствій нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, что домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ меня жить къ себѣ. Тутъ *щастливая мысль* пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилія краснорѣчивымъ письмомъ изъявила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя, который немедленно выкупилъ мои вексели), и въ заключеніе говорила: «Мы не умѣли быть щастливыми супругами: будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.» — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя; обѣдалъ, ужиналъ съ Эмиліею; казался томнымъ, печальнымъ, и оставаясь наединѣ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки щастіи, то есть, имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила; но мало по малу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ человѣкъ пожилой и весьма непріятной наружностію. Часто глаза ея тихонько сравнивали насъ, и съ выраженіемъ горести потуплялись въ землю. Эмилія нѣкогда любила меня; переставъ быть ея мужемъ, я казался ей тѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, который громко

осуждалъ ея второе замужство, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣстно, питаетъ страсти. Женщина, самая романическая въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ прельститься богатствомъ; но богатство теряетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу томить Читателя долгимъ пріуготовленіемъ. *Планъ мой* щастливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилія отдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей страсти; а я черезъ минуту едва могъ удержаться отъ смѣха, воображая странность побѣды своей и новость такой связи. — Старый мужъ отмстилъ новому; но мнѣ еще не довольно было восторговъ Эмиліи, тайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хотѣлъ громкой славы! и предложилъ своей женѣ-любовницѣ уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щастливымъ (ибо Князь стыдился ревновать ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, естьли мы отважимся на такой неслыханной примѣръ разврата — и заклинала меня со слезами сжалиться надъ ея судьбою. Но женщина, которая преступила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должности, не можетъ ни въ чемъ отвѣчать за себя. Я хотѣлъ непремѣнно, требовалъ, грозилъ (помнится) застрѣлить себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо**ской дорогѣ.

Торжество мое было совершенно: я живо представлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ романическими Ловеласами, и ставилъ ихъ подъ ногами

своими: они увозили любовницъ, а я увезъ бывшую жену мою отъ втораго мужа! Эмилія грустила, но утѣшилась мыслію, что она слѣдуетъ движенію непобѣдимаго чувства, и что любовь ея ко мнѣ есть героическая: утѣшеніе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ женщины въ заблужденіяхъ страсти или воображенія!

Въ М**ѣ знатные мои родственники не хотѣли пустить меня въ домъ; а набожныя тетки и бабушки, встрѣчаясь со мною на улицѣ, крестились отъ ужаса. За то нѣкоторые молодые люди удивлялись смѣлости моего дѣла, и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій: ибо добрый Князь, заключивъ горесть въ сердцѣ, не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ самъ отправилъ жену въ М**у для экономіи. Эмилія продала свои брилліянты, и мы жили не дурно; но она жаловалась иногда на мое равнодушіе, и наконецъ, узнавъ, что я вошелъ въ связь съ одною извѣстною вѣтреницею, слегла въ постелю; сказала мнѣ, что, бывъ женою, она могла сносить мои невѣрности; но сдѣлавшись любовницею, умираетъ отъ нихъ. Эмилія сдержала слово — и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи, отъ которыхъ волосы мои стали бы дыбомъ, естьли бы, къ нещастью, была во мнѣ хотя искра совѣсти; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно; только въ ту ночь видѣлъ страшный сонъ, который безъ сомнѣнія не сбудется въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любов-

ныхъ приключеніяхъ, которыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хотя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣта и невоздержность кладутъ на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другія мѣры, сдѣлался ростовщикомъ, и сверхъ того забавникомъ, шутомъ, повѣреннымъ мужей и женъ въ ихъ маленькихъ слабостяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова отворенъ входъ во многіе именитые домы? Такіе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положеніемъ: и видя во всемъ дѣйствіе необходимой судьбы, ни одной минуты въ жизни моей не омрачилъ горестнымъ раскаяніемъ. Естьли бы я могъ возвратить прошедшее, то думаю, что повторилъ бы снова всѣ дѣла свои: захотѣлъ бы опять укусить ногу Папѣ, распутствовать въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играть любовныя Комедіи на Театрѣ и въ свѣтѣ, промотать имѣніе и увезти жену свою отъ втораго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ призрѣніемъ, и говорятъ, что я остыдилъ родъ свой; что знатная фамилія есть обязанность быть полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ стараются подражать мнѣ, живутъ безъ цѣли, женятся безъ любви, разводятся для забавы, и разоряются для ужиновъ! Нѣтъ, нѣтъ! я совершилъ свое предопредѣленіе, и подобно страннику, который, стоя

на высотѣ, съ удовольствіемъ обнимаетъ взоромъ пройденныя имъ мѣста, радостно воспоминаю, что было со мною, и говорю себѣ: *такъ я жилъ!*

Графъ N. N.

1808 г.

О ЛЕГКОЙ ОДЕЖДѢ

МОДНЫХЪ КРАСАВИЦЪ

ДЕВЯТАГО-НАДЕСЯТЬ ВѢКА.

—

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была *скромность*. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красотою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ услаждаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взоровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щитъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятаго-надесять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильтоновомъ ли раю (въ кото-

ромъ милая Натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всесильныя моды, которую, подобно фортунѣ, должно писать слѣпою! Наши стыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную стыдливость свою, единственно для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія тѣ, которыя прыгали контрдансы на могилахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами Революціи, и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоитъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хотимъ соглашаться съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо утонченіе свѣтскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ теченіе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвратится, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезность, которая — естьли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго трона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины даютъ нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядчиковъ* (fournisseurs), обогащенныхъ народною казною — женщины низкаго состоянія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знатныхъ Француженокъ, которыя всего болѣе отличались игрою

ума и *кокетствовали*, такъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ пристойности. Мудрено ли, что сіи новыя, молодыя Аристократки — сіи цвѣты, которыя выросли и распустились на землѣ облитой кровію нещастныхъ жертвъ гильйотины — не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, стараясь нравиться, употребляютъ способы Парижскихъ Лаисъ, единственныхъ образцевъ своихъ? Но мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ трудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при своемъ, такъ-называемомъ *Греческомъ уборѣ*, который скорѣе можно назвать Американскимъ. Кто читалъ древнихъ Авторовъ или хотя Анахарсиса, тотъ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію отечества, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Натуры, отдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, естьли угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаетъ объ нихъ — на примѣръ, какой нибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, пріѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность женскихъ сердецъ?*

Увѣримъ ли его, что наши молодыя супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній оскорбительныхъ для святости супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: «Отправьте же ихъ скорѣе домой; онѣ безъ сомнѣнія лунатики, сонныя вышли *изъ спальни* и сонныя сюда пріѣхали!» Естьли будемъ изъяснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ вообразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Естьли красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гиппократовъ и Галеновъ, что въ сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ нещастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея, всѣмъ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Натура не предвидѣла сего обыкновенія, и надѣясь на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ баловъ, которые стоятъ труда всѣхъ Греческихъ Атлетовъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, которая, постепенно изгла-

живая всѣ ея прелести, ведетъ ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдуя правиламъ школьной Реторики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили мы для конца. Вотъ оно: воображеніе есть самой льстивой живописецъ; оно питаетъ страсти; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе: я не воображаю того, что вижу; а видя нынѣ и завтра, привыкаю, и часъ отъ часу смотрю равнодушнѣе. Вамъ конечно нѣтъ дѣла до меня, красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за семдесятъ лѣтъ); но такъ самые молодые люди чувствуютъ, и Жанъ-Жакъ Руссо, по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу, вамъ то же скажетъ, естьли загляннете въ Эмиля. Вы конечно прелестны, и живописцы ходятъ за вами съ кистію; но истинная польза *милой страсти*, которая составляетъ главное дѣло вашего, иногда слишкомъ чувствительнаго сердца, требуетъ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Вертера, который сказалъ, что жена его никогда не будетъ *вальсировать:* это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ мое время мужья и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо терпѣливѣе и покойнѣе; тѣмъ лучше для семейственнаго мира, но—тѣмъ хуже для живости страстей; тѣмъ хуже для милой власти женскаго пола!

В. Мулатовъ.

1802 г.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РОССІИ МАЛО АВТОРСКИХЪ ТАЛАНТОВЪ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: «отъ холоднаго климата.» Со временъ Монтескьё всѣ феномены умственнаго, политическаго и нравственнаго міра изъясняются климатомъ. ¡ Ah moncher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Лапландія; здѣсь солнце также лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можетъ ли дѣйствіе его на человѣка, столь умѣренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, разслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ

талантъ. Давно извѣстно Медикамъ-наблюдателямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйствій души, которая въ здѣшнемъ мірѣ столь тѣсно соединена съ тѣломъ. — Естьли бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый еиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргилія и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ.... табакъ, а въ Италіи поютъ.... Кастраты.

У насъ конечно менѣе Авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ; но мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляться имъ только въ чужихъ земляхъ. Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели?»

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы, однакожь ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе — то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ

Русскимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 Авторовъ вѣка Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, * можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красотъ отъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обагатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской *Кандидатъ Авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ, не-Русскими фразами. Чтожь остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители

---

* Какъ сочинителя единственныхъ сказокъ.

нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія женщины не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Естьли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: «не знаю; но это грубо, несносно!» — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Русской только отчасти: Французы пишутъ какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени.* Но естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естьли и самое щастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдате-

лемъ, всегдашнимъ ученикомъ; писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время итти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также *спѣшатъ* вытти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего трудно Писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ тонкости и пріятности въ слогѣ, *перепрaвляли*, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щастливъ, кто слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ купле-

сахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литтературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоду въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить риѳмами. Какой хорошій Авторъ въ дѣтствѣ своемъ не сочинялъ уже сатиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельства не всегда уступаютъ природѣ; естьли они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большой части гаснутъ. Чему быть трудно, то бываетъ рѣдко — однакожъ бываетъ—и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязыва-

ютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляютъ его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не безполезенъ для отечества: что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить;* что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты; что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы умомъ своимъ, естьли бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ худыхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Литтературѣ; мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

1802 г.

———

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, томное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображеніи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть щастливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неистощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ отсутствіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человѣкъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Отдѣ-

ляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растѣнію, лишенному животворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человѣкъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уединеніе кажется единственно его отрадою, единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на Океанѣ безпокойной жизни; тамъ въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною Природою; тамъ, съ горестію воспоминая жестокую холодность людей, онъ утѣшится мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или кроткимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не питаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорятъ

Мизантропъ, есть только одно слово безъ всякого истиннаго значенія. Какая мысль остается въ душѣ, естьли она забудетъ свѣтъ? а воспиминая его, скоро начнемъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось, отъ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсъ неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ примѣсъ нечистоты въ горнилѣ — и добродушный пустынникъ или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтѣ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чтобы въ густыхъ тѣняхъ Парна размышлять объ измѣненіяхъ

человѣка въ гражданской жизни, и слогъ его въ семъ творенiи имѣетъ свѣжесть Природы.

Временное уединенiе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцанiемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самое себя, оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединенiе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ кроткомъ покоѣ души насладиться еще его воспоминанiемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединенiе, которое своими размышленiями и мечтами питаетъ страсти.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединенiе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенiя. Чтобы прiятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостiю воображенiя, всѣмъ *Эпикурейцамъ чувствительности*, совѣтую иногда вдругъ изъ шум-

наго многолюдства переходитъ въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля, *блистаютъ красотой, одеждою, умомъ*, выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тотъ чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его явленіями. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. «Величественный шумъ деревъ, ка«чаемыхъ вѣтромъ надъ моею головою (говоритъ одинъ Писатель) есть мистическій языкъ Нату«ры, который бываетъ для меня священнѣе *послѣ городскаго шума.*»

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно тѣмъ людямъ, съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но съ которыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

1803 г.

АНЕКДОТЪ.

—

Шесть человѣкъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ трактирѣ Крестовскаго острова въ П — ѣ. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа N. N., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, стучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ затихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость откровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждаго было сердце на языкѣ; всякой разсказывалъ о своихъ желаніяхъ, надеждахъ, успѣхахъ и неудачахъ. Ліодоръ наименовалъ Эмилію — и всѣ закричали: «какъ ты щастливъ, естьли она тебя любитъ!» Эмилія была одною изъ первыхъ Мо—скихъ красавицъ. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки портретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Восклицанія: «какъ ты щастливъ!» повторялись. «Ахъ! благодарю Судьбу!» сказалъ онъ: «кто имѣетъ прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года отъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!» Ліодоръ, говоря такимъ образомъ, съ горячностію обнималъ Милона,

нѣжнаго друга своего.... Между тѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье утомило молодыхъ людей; надлежало разстаться, впредь до скораго и радостнаго свиданія.

Ліодоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря краcила небо, отсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Ліодоръ былъ въ самомъ щастливѣйшемъ расположеніи, и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила жизнь! какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу!* — На берегу друзья простились: имъ надлежало итти въ разныя стороны. Ліодоръ остановился, взглянулъ назадъ, и видя, что Милонъ также стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился еще разъ обнять друга; глаза его наполнились слезами, радостными и сладкими.... Предчувствіемъ бѣдствія называемъ мы обыкновенно уныніе и тоску безъ извѣстной причины; но иногда таится оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизъяснимомъ сердечномъ удовольствіи. Щастье, готовясь оставить насъ, представляется сердцу во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ отмѣнною живостію. Судьба, поднимая руку съ мечемъ, другою сыплетъ цвѣты на жертву свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Ліодоръ нашелъ дома письмо изъ Мо — вы, въ которомъ увѣдомляли его объ Эмиліиной скоропостижной смерти!... Есть горести, которыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человѣкъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору преступленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: «я въ отчаяніи, а ты не знаешь!»—У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана, а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на столѣ: онъ умеръ наканунѣ!...

Ліодоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ горячностію — и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу N. N., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодорѣ не было лица человѣческаго. Онъ требовалъ своей отставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣтовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся.... Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щастливъ!... Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которое для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно перемѣнить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перемѣнилась. — Открылась М — ва, въ

которую воображеніе и сердце его такъ часто летало, и куда онъ надѣялся возвратиться за тѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмиліею!... Ліодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствія могилъ, которыми онъ наполненъ. Въ семъ истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-то симпатія.... Ліодоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмиліею и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери; подлѣ сего монумента лежалъ новый камень.... Сердце нещастнаго любовника затрепетало; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмиліину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей отчаяніе любви своей — душа его дѣлилась между небомъ и землею, стремясь къ остаткамъ тлѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его.... Въ сіи минуты, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкоторымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажется, эфирное существо ихъ. Живость сихъ восторговъ заставляетъ насъ думать, что они не совсѣмъ мечтательны, и что смерть не есть совершенный разрывъ сердецъ, которыя жили однимъ чувствомъ.

Естьли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить память любезныхъ, то не уже ли они въ другой сферѣ бытія совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? Какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милаго? и что останется нетлѣннаго въ душѣ, естьли въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи восторги не продолжительны; душа ниспадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ одинъ слабый лучь надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечеръ Ліодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіанская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суетѣ міра, указывалъ на гробы!... Онъ утѣшалъ молодаго человѣка, но единственно такъ, какъ утѣшаетъ Религія — не мечтами, не видами новыхъ удовольствій въ жизни, а необходимостію покоряться таинственной волѣ Всевышняго.

Ліодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во—ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко оттуда есть монастырь, основанный (какъ говоритъ преданіе) въ шестомъ-надесять вѣкѣ однимъ нещастнымъ отцомъ и супругомъ, который служилъ въ войскѣ Царя, возвратился въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сгорѣли во время его отсутствія. Онъ построилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и

навѣки отказаться отъ міра. Начальникъ тамошняго Духовенства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человѣкъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ Христіанскихъ отшельниковъ. Господинъ П* (который разсказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ втораго года: Ліодоръ казался въ душѣ и сердцѣ мертвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ нещастіяхъ и потеряхъ.—Господинъ П* увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закраснѣвшись, указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмиліи. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; разсказывалъ всѣ обстоятельства своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П*, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ молодой человѣкъ: «я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ.—Вотъ гробъ мой!» примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П* узналъ, что Ліодоръ умеръ, *бывъ выгнанъ изъ монастыря за непристойные поступки*, которыхъ я не хочу описывать!!... Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ нещастливы, когда угодно

Провидѣнію отнимать у насъ радости, но останемся на ѳеатрѣ до послѣдняго дѣйствія — останемся въ училищѣ горестей до той минуты, какъ таинственный звонокъ перезоветъ насъ въ другое мѣсто! — А вы, молодые люди, въ несчастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслію, что рана ваша неисцѣлима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнію, излечается отъ горестей собственною внутреннею силою — и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. — Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единственно утраты бываютъ невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйствовать вопреки плану Натуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Естьли между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія; естьли не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хотя для разсѣянія, хотя для удовольствія другихъ людей, опираясь на якорь Религіи, которая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдствіяхъ, но не обманываетъ человѣка такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

1803. г.

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

и

ЛЮБВИ КО ЧТЕНІЮ ВЪ РОССІИ.

—

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячь рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Мо-

сковскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, правилось Публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими Государственными извѣстіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6,000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ; и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возрастало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, *что пишутъ изъ чужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чтеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ складываются и берутъ Московскія газеты, хотя четверо не знаютъ грамотѣ; но пятой разбираетъ буквы, а другіе слушаютъ.

Наша книжная торговля не можетъ еще рав-

нятьcя съ Нѣмецкою, Французскою или Англійскою; но чего не льзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства нашей Литтературы. Такъ, на примѣръ, сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями: нынѣ ѣздятъ они съ *ученымъ товаромъ*, и хотя по большой части сами не умѣютъ читать, но желая прельстить охотниковъ, разсказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма забавно. Я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегодно дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библіотечки*, радуются ими, и между тѣмъ, какъ мы бросаемъ, куда попало, богатыя изданія Вольтера, Бюффона, они не дадутъ упасть пылинки на самаго Мирамонда; читаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечитываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходятся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: «романы!» Не мудрено: сей родъ сочиненій безъ сомнѣнія плѣнителенъ для большой части Публики, занимая сердце и воображеніе, представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ любопытныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ

самую обыкновенную страсть въ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можетъ философствовать или ставить себя на мѣстѣ Героевъ Исторіи; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любить, и находитъ въ романическомъ Героѣ самого себя. Читателю кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ питаетъ надежду, въ другомъ пріятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностранные Авторы перебиваютъ славу у Русскихъ. Теперь въ страшной модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы требовали *Персидскихъ Писемъ* отъ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное— все одно, естьли на титулѣ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь, лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ*, *злощастнымъ дворяниномъ*, тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь

поближе: одному Жанъ Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ нравственный открываетъ человѣку вѣрную аналогію предмета съ его душею; но сія душа можетъ возвыситься постепенно — и кто начинаетъ *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитъ до Грандисона.

Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни воображеніе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой нибудь Американской островъ, истощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растѣній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ читатель узнаетъ и Географію и Натуральную Исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для сердца: всѣ они представляютъ обыкновенно славу добродѣтели или нравоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ

нихъ бываютъ вмѣстѣ и привлекательны и порочны; но чѣмъ же они привлекательны? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображенiемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какiе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ кроткихъ впечатлѣнiй любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображенiе... *романическими*: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнiя не романическiя сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то есть, совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченiя, и не отдастъ ихъ за самыя удовольствiя эгоистовъ.

Однимъ словомъ, хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

1802 г.

О СЛУЧАЯХЪ И ХАРАКТЕРАХЪ

ВЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ,

КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ ХУДОЖЕСТВЪ.

—

Письмо къ Господину N. N.

Мысль, задавать художникамъ предметы изъ отечественной Исторіи, достойна вашего патріотизма, и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Русскому всего ближе и любезнѣе прославлять Русское, въ то щастливое время, когда Монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. Должно пріучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Артиста и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ,

но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патріотизма. Естьли историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе: мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими: надобно знать настоящее, должно имѣть свѣдѣніе о прошедшемъ.

Вы говорите о трехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани*, *избраніе Михаила Ѳеодоровича* и *Полтавское сраженіе* представляютъ намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Татарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, истинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ воцареніемъ Романовыхъ отечество наше—говоря простыми Русскими словами—*увидѣло свѣтъ*: мятежи прекратились, и Россія начала возрастать въ величіи и славѣ съ какою-то удивительно стройною постепенностію. А Полтавское сраженіе утвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на Сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почтивъ такимъ образомъ сіи три важныя эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ требованіямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хотите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи дальнѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пустой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель отечественной Исторіи, имѣющій только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало Россійской Исторіи, то есть, призваніе Варяжскихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ совѣтуются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внут-

ренними раздорами. — Художникъ отличитъ лица Славянскія отъ Варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія Русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Датскія. Варяги были Норманцы: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель.

Естьли бы Гостомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ, то мы конечно бы захотѣли его изображенія; но Несторъ не говоритъ объ немъ ни слова. — Вадимъ *храбрый* принадлежитъ также къ баснословію нашей Исторіи.

Олегъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту минуту, какъ онъ прибиваетъ щитъ свой къ Цареградскимъ воротамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его товарищей, которые смотрятъ на сей щитъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту минуту Олегъ могъ спросить: *кто болѣе и славнѣе меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другаго роду—*философической*, естьли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященныя древностію и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемыя, особливо естьли онѣ представляютъ *живыя черты времени*, или заключаютъ въ себѣ нравоученіе, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой. Волхвы предсказали ему, что онъ умретъ отъ любимаго

коня своего. Геройство не спасало тогда людей отъ суевѣрія: Олегъ, повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ себя любимаго коня; вспомнилъ объ немъ черезъ нѣсколько лѣтъ — узналъ, что онъ умеръ — захотѣлъ видѣть его кости — и толкнувъ ногою черепъ, сказалъ: «это ли для меня опасно?» Но змѣя скрывалась въ черепѣ, ужалила Олега въ ногу, и Герой, побѣдитель Греческой Имперіи, умеръ отъ гадины! Впечатлѣніе сей картины долженъ быль нравоучительное: *помни тлѣнность человѣческой жизни!* Я изобразилъ бы Олега въ то мгновеніе, какъ онъ съ видомъ презрѣнія отталкиваетъ черепъ; змѣя выставляетъ голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выраженіе ея непріятны въ лицѣ геройскомъ. За нимъ стоятъ воины съ Греческими трофеями, въ знакъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи можно представить одного изъ волхвовъ, который смотритъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя разсказываютъ чудеса объ ея хитрости. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остается выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представленій*. Захочетъ ли онъ изобразить Ольгу въ ту минуту, какъ она, пылая местію въ сердцѣ за убіеніе супруга, и скрывая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки, принимаетъ у себя въ теремѣ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоревой отправляетъ тризну (что подаетъ художнику случай представить древніе обряды язычества); или ког-

да она среди торжественнаго великолѣпія Греческой Религіи, крестится въ Царѣградѣ. Но я знаю, что художники не любятъ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода, и такъ они могутъ изобразить ея сговоръ. На примѣръ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, который съ восхищеніемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею стоитъ мать ея, о которой нѣтъ хотя ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присутствіемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравственномъ образованіи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и состояніи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ приготовленія къ сговору по своей фантазіи. Одинъ почтенный Россіянинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю противорѣчить ему, и знаю, что Несторъ объ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Артистъ могъ бы представить на сей картинѣ священныхъ служителей Лада, чтобы обогатить ея содержаніе.

Никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ, не только храбрый витязь, не только ужасъ Грековъ (которые стращали дѣтей своихъ именемъ *Сфендосолова:* такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣтскою рукою бросивъ копье въ Древлянъ, убійцъ его родителя, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ по-

лѣ, дѣлилъ нужду и труды съ вѣрными товарищами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя славу, любилъ и строгую воинскую честность. Несторъ, скупой на слова, не забылъ сей великой черты характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну* (что, въ тогдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и потому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Русскихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь были иностранцы: Святославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ *мысленнымъ образцемъ* Геройства и съ духомъ времени, представитъ намъ, какъ сей древній Суворовъ Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видитъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла; побѣда казалась ей наконецъ невозможною. Святославъ говоритъ рѣчь, достойную Спартанца или Славянина: рѣчь, которую всѣ наши Историки хотѣли украсить, но которая прекрасна только въ Несторѣ, и безъ сомнѣнія не есть выдумка: ибо сей добрый старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь сказалъ: *ляжемъ здѣ костьми; мертвые бо срама не имутъ*, обнажаетъ мечь свой: вотъ минута для живописца! Святослановы витязи (которыхъ онъ изобразитъ, сколько хочетъ) въ быстромъ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекаютъ мечи, машутъ копьями,

гремятъ щитами, и проч. Вдали можно представить Греческій необозримый станъ.—Думаю, что искусный Артистъ найдетъ способъ оживить сію картину.

Владиміра хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновеніе, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею картиною ознаменовалась бы великая эпоха въ нашей Исторіи: введеніе Христіанской Религіи, и художникъ могъ бы обнаружить весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владиміра, Царевны Анны, и въ щастливомъ расположеніи другихъ фигуръ: Греческихъ вельможъ, Духовныхъ, и Владиміровыхъ полководцевъ. Въ разсужденіи Царевны я замѣтилъ бы одно: лице ея должно сіять только небесною, благочестивою радостію; она выходитъ за Владиміра не по земной любви, а желая единственно обратить его въ Христіанство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и нещастную Рогнѣду, названную отъ великихъ горестей ея трогательнымъ именемъ *Гориславы*? Владиміръ разорилъ отечество ея, умертвилъ родителей, братьевъ и женился на сей отчаянной плѣнницѣ *. Онъ могъ бы еще вѣрною любовію примирить съ собою нѣжное сердце женщины; но удовлетворивъ страсти, Князь хочетъ удалить супругу. Тогда оскорбленная лю-

---

* Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатію.

бовь возобновляетъ въ памяти своей всѣ злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго Владиміра, и Горислава, подкрѣпляемая ученіемъ языческой вѣры, которая ставила месть въ число добродѣтелей, рѣшится умертвить его. Онъ въ послѣдній разъ приходитъ къ ней и засыпаетъ въ ея теремѣ: Рогнѣда беретъ ножъ — медлитъ — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное оружіе изъ дрожащихъ рукъ ея. Тутъ Горислава, въ изступленіи отчаянія, исчисляетъ всѣ свои оскорбленія и его жестокости... Я, кажется, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ тронутаго Владиміра; вижу нещастную, вдохновенную сердцемъ Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ растрепанными волосами... Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенія и рѣзный образъ Перуна, стоящій въ углу, Владиміръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукѣ вырванный имъ ножъ; онъ слушаетъ Рогнѣду съ такимъ вниманіемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ трогателенъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ отрока Переяслава съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ *моментъ:* * изобразитъ ли ихъ въ усиліяхъ борьбы,

* Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновеніемъ*.

въ напряженіи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновеніе, какъ Русской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эта побѣда была спасительна для отечества: Владиміръ, въ честь отрока, назвалъ его именемъ новой городъ Переяславль. Кажется, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Русскаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мстислава, Князя Тмутороканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедею, великаномъ и богатыремъ (котораго онъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ ударилъ объ землю), и поединокъ — правда, баснословный — Владиміра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафинскимъ или Ѳеодосійскимъ) воеводою, котораго онъ махомъ копья *изъ сѣдла высадилъ*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску. *

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣтить Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянской языкъ. Вотъ мысль для картины: «Ярославъ одною рукою развертываетъ свитокъ законовъ, а «въ другой держитъ мечь, готовый наказать пре«ступника. Вельможи Новогородскіе съ видомъ

---

* Несторъ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

«смиренія пріемлютъ ихъ отъ Князя и меча его. «За Ярославомъ стоятъ монахи съ переведенны-«ми книгами, въ знакъ того, что онъ въ нихъ по-«черпнулъ нѣкоторыя идеи для своего законода-«тельства.» — Хорошо также изобразить Ярослава, молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лютымъ Святополкомъ, на восходѣ солнца, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проливалась кровь святаго Бориса, за которую Ярославъ хотѣлъ быть мстителемъ.

Нѣкоторые изъ Критиковъ Россійской Исторіи не хотятъ вѣрить, чтобы Генрихъ I, Король Французскій, былъ женатъ на Ярославовой дочери Аннѣ, потому что лѣтописи наши молчатъ о семъ бракѣ; что отдаленная Франція не имѣла тогда никакой связи съ Россіею, и что различіе Вѣръ долженствовало быть препятствіемъ для такого союза. На сію критику возражаемъ: 1) что наши лѣтописи весьма не полны; 2) что всѣ Французскія согласно называютъ супругу Генриха *Русскою Принцессою* Анною, дочерью Ярослава (имена, которыя безъ сего случая едва ли могли бы имъ быть извѣстны); 3) что еще гораздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскимъ) были уже въ Германіи послы Русскіе; что войны и трактаты нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Политика могла заставить и Генриха и Ярослава войти въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другаго къ Западной Церкви, долженствовала усту-

нить государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочитали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославовны имѣетъ всю историческую достовѣрность— и я хотѣлъ бы оживить на полотнѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава, отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и трогательно для сердца. Оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной дѣвической жизни, чтобы ѣхать на край свѣта, съ людьми чужими, которые говорили непонятнымъ языкомъ и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому Богу!... Здѣсь чувствительность должна быть вдохновеніемъ Артиста... Князь хочетъ казаться твердымъ; но горячность родительская въ сію минуту превозмогаетъ Политику и честолюбіе: слезы готовы излиться изъ глазъ его... Нещастная мать въ обморокѣ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ тронахъ Россіи. Внутренніе раздоры занимаютъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но Художество найдетъ еще богатые для себя предметы и должно ознаменовать на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новагорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣтили бы его болота и пустыни, которыя не представляли ему ни добычи, ни сла-

вы побѣдъ. Вообще надобно замѣтить, что сіи древніе завоеватели, полагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста малоизвѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченіемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажность окрестныхъ мѣстъ, не даютъ образоваться непроходимымъ для войска болотамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ наше время Историкамъ уже не позволено быть Романистами и выдумывать древнее происхожденіе для городовъ, чтобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ втораго-надесять вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, властолюбивымъ, иногда жестокимъ, но до старости любителемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Русской Исторіи или Татищева. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысячскаго, плѣнила Юрія. Грубые тогдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, который, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армію и спѣшилъ освободить красавицу изъ заточенія. Мѣстоположеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ страстнаго Князя, отмѣнно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строить городъ. — Мнѣ хотѣлось бы

представить начало Москвы *ландшафтомъ* — лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: дерева падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей — небольшое селеніе Дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Святославомъ, движеніемъ руки показываетъ, что тутъ будетъ великой городъ — молодые вельможи занимаются ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая строгую нравственную пристойность, долженъ забыть прелестную хозяйку; но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразить человѣка въ глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ. Мы угадали бы, кто онъ — вспомнили бы трагическій конецъ любовнаго романа — и тѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія картины.

Но я нечувствительно написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончить, съ живымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галлерею отечественной Исторіи и дѣйствіе ея на сердце любителей Искусства. Русской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захотѣлъ бы читать наши лѣтописи — хотя въ Левекѣ.

Мы приближались въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдственнымъ временамъ Россіи; и естьли живописецъ положитъ кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чтобы сохранить память Русскаго геройства въ нещастіяхъ, которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ

людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагренномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Русскомъ, отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надписи и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями!... А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *Изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго;

не они рождены сдѣлать намъ имя Русское еще любезнѣе и дороже. — Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-надесять вѣкѣ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными Искусствами, Литтературою и Науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства!

1802 г.

ПИСЬМО

СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

—

Вы желаете, любезный другъ, знать всѣ подробности моего уединенія; но мы, деревенскіе люди, живемъ такъ обыкновенно, такъ просто, что не умѣемъ сказать о себѣ ничего любопытнаго и достойнаго примѣчанія. Только вы, горожане, имѣете способъ разнообразить свою дѣятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями въ планахъ, надеждахъ, удовольствіяхъ. Естьли не всегда можете хвалиться щастіемъ, то по крайней мѣрѣ богатѣете опытами, наблюденіями, и ваши сутки стоятъ нашего мѣсяца. Мы въ деревнѣ наблюдаемъ только погоду, и наши записки служатъ исторіею не сердца человѣческаго, а термометра....

Вы назовете это сельскою шуткою — и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, щастлива, ибо я доволенъ ею. Лѣта конечно исцѣляютъ насъ отъ сей душевной лихорадки, отъ сего внутренняго неизъяснимаго безпокойства, которое тревожитъ молодость; но и самый чистый воздухъ полей и лѣсовъ, самый видъ сельской Природы не имѣ-

етъ ли также благотворнаго вліянія на сердце, и не располагаетъ ли его *физически* къ сладкому чувству покоя? Спросите о томъ у вашихъ Медиковъ-Философовъ; а я между тѣмъ нахожу сіе дѣйствіе вѣроятнымъ, чувствуя себя какъ будто бы другимъ человѣкомъ со времени моего пріѣзда въ деревню.

Вамъ извѣстно любезный другъ, что я не бывалъ мизантропомъ, даже и въ такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы извинить маленькую досаду на ближнихъ; знаете, что я нѣкогда пылалъ ревностію имѣть обширный кругъ дѣйствія, въ нескромной надеждѣ на свою любовь къ добру и человѣчеству. Но долговременное ученье въ школѣ опыта и *феруля* сего жестокаго мастера смирили мою гордость — такъ смирили, что я, оставивъ всѣ дальнѣйшія требованія на блестящую долю *славныхъ людей*, взялся — за плугъ и соху! Подивитесь же теперь чудной игрѣ нашего самолюбія: съ сего времени мнѣ кажется, что добрый земледѣлецъ есть первый благодѣтель рода человѣческаго и полезнѣйшій гражданинъ въ обществѣ. «Гдѣ много Героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба — а хлѣбъ есть корень изобилія.» Что вы скажете о семъ разсужденіи? Оно вѣрно полюбилось бы Китайцамъ.

Это вступленіе готовитъ васъ къ длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенскіе

жители любятъ поговорить, когда есть случай, а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дѣла. Мнѣ хочется, на примѣръ дать вамъ идею о главныхъ моихъ *сельскихъ подвигахъ*.

Я выросъ тамъ, гдѣ живу нынѣ. Путешествіе и служба совершенно раззнакомили меня съ деревнею; однакожь, сдѣлавшись рано господиномъ изряднаго имѣнія, и будучи, смѣю сказать, напитанъ духомъ филантропическихъ Авторовъ, то есть, ненавистію ко злоупотребленіямъ власти, я желалъ быть заочно благодѣтелемъ поселянъ моихъ: отдалъ имъ всю землю, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не хотѣлъ имѣть въ деревнѣ ни управителя, ни прикащика, которые не рѣдко бываютъ хуже самыхъ худыхъ господъ, и съ удовольствіемъ искренняго человѣколюбія написалъ къ крестьянамъ: «Добрые земле-«дѣльцы. сами изберите себѣ начальника для по-«рядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и счи-«тайте меня своимъ вѣрнымъ заступникомъ во «всякомъ притѣсненіи.» Возвращаясь наконецъ къ Пенатамъ родины, чтобы умереть тамъ, гдѣ началъ жить, я сердечно утѣшался пріятною мыслію, что найду деревню свою въ цвѣтущемъ состояніи; какъ Поэтъ воображалъ богатыя нивы, пажити, полныя житницы, избытокъ, благоденствіе и сочинялъ уже въ головѣ своей письмо къ какому нибудь Русскому Журналисту о щастливыхъ плодахъ свободы, данной мною крестьянамъ.... Пріѣзжаю и нахожу бѣдность, поля весьма

худо обработанныя, житницы пустыя, хижины гніющія!... Съ горестнымъ удивленіемъ призываю къ себѣ стариковъ, которыхъ имена были мнѣ еще съ ребячества памятны, — распрашиваю ихъ, и наконецъ узнаю истину! Покойный отецъ мой, живучи самъ въ деревнѣ, смотрѣлъ не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотѣлъ, чтобы и тѣ и другія были хорошо обработаны — и въ нашей деревнѣ хлѣбъ родился лучше, нежели во многихъ другихъ; господинъ богатѣлъ и земледѣльцы не бѣднѣли. Воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло: то есть, въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему съ нѣкотораго времени до ужасной крайности какъ въ нашей. такъ и въ другихъ Губерніяхъ. Эта язва въ здѣшнихъ, удаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, есть новое явленіе: живо помня лѣта своего дѣтства, помню и то, что прежде въ одни большіе годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая другъ друга домашнимъ пивомъ или виномъ, купленнымъ въ городѣ. Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья: ибо въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома. Къ чести нѣкоторыхъ дворянъ, сосѣдей моихъ, скажу, что они отвергаютъ выгоды, представляемыя имъ откупщиками, и не дозволяютъ заводить у себя храмовъ Русскаго неопрятнаго Бахуса; но другіе не такъ думаютъ, — особливо тѣ, которые сами въ

откупахъ участвуютъ. Не мое дѣло осуждать сей легкой и модной способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чтобы онъ былъ несогласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго Патріота: ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны. Однакожъ тѣ ошибаются, которые думаютъ, что Русскіе искони любили излишнее употребленіе вина, и что никакая законодательная мудрость не отвратитъ ихъ отъ сего порока: онъ заразилъ народъ только со временъ Годунова; сей Царь, желая обогатить казну государственную, умножилъ число питейныхъ домовъ; * а случай и удобность, какъ извѣстно, соблазняютъ людей. Напримѣръ, при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ народъ Московской безъ сомнѣнія не любилъ пьянства, ибо онъ укорялъ симъ порокомъ иностранныхъ солдатъ: Нѣмцовъ, Поляковъ и Литовцевъ, взятыхъ тогда въ Русскую службу. ** Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно уже усилилось въ Москвѣ, такъ, что благодѣтельное Правительство искало мѣръ

---

* Слова лѣтописца: «Уставя же Царь Борисъ въ Россіи и пошлину имати со всякихъ товаровъ, и мыты и «перевозы и пиво продавати изъ казны.»

** См. Герберштейна, Гваньини, Олеарія. — Мѣсто, гдѣ они жили (за Москвою рѣкою), прозвалось *Налейками*, отъ слова *налей*, которое часто употреблялось ими.

остановить его, уничтожило питейные домы и положило во всякомъ городѣ быть одному *кружешному двору*, чтобы продавать вино только ведрами и кружками.... Извините, любезный другъ: такая матерія совсѣмъ непріятна. Но мнѣ надлежало здѣсь имѣть дѣло съ откупщиками и блеснуть передъ ними *ученостію въ исторіи* ихъ промысла. Я постращалъ сихъ господъ, что скоро выдамъ книгу о вредѣ его для государства и нравовъ, естьли они не избавятъ нашей деревни отъ своей вывѣски. Жестокая угроза и 1000 рублей убѣдили ихъ исполнить это желаніе. Вотъ первый мой *подвигъ* для блага земледѣльцевъ!

Землю мою отдавали они въ наймы, и брали пять рублей за десятину, которая можетъ принести отъ 30 до 40 — но съ трудомъ, а имъ не хотѣлось и для своей выгоды работать. Я возобновилъ господскую пашню, сдѣлался самымъ усерднымъ экономомъ, началъ входить во всѣ подробности, надѣлилъ бѣдныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, объявилъ войну лѣнивымъ, но войну не кровопролитную; вмѣстѣ съ ними, на поляхъ, встрѣчалъ и провожалъ солнце; хотѣлъ, чтобы они и для себя также старательно трудились, во время пахали и сѣяли; требовалъ отъ нихъ строгаго отчета и въ нерабочихъ дняхъ: перестроилъ всю деревню самымъ удобнѣйшимъ образомъ; ввелъ по возможности опрятность, чистоту въ ихъ избахъ, не столько пріятную для глазъ, сколько нужную для сохраненія жизни и здоровья. Наконецъ — безъ всякихъ Англійскихъ мудростей,

безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, ни известкою, ни толчеными костями— смѣю похвалиться, что и друзья земледѣлія и друзья человѣчества могутъ съ удовольствіемъ взглянуть на мои поля, село и жителей его. Всего же болѣе похвалюсь тѣмъ, что крестьяне благодарятъ меня за нынѣшнюю свою трезвость и работливость, видя щастливые плоды ихъ: изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣютъ хлѣбъ, лошадей, скотоводство и надежду быть со временемъ сельскими богачами. Одинъ опытъ могъ увѣрить ихъ въ щастіи трудолюбія. Принутьте злаго дѣлать добро: отвѣчаю, что онъ скоро полюбитъ его. Заставьте лѣниваго работать: онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ. Сократъ называлъ добродѣтель *знаніемъ:* всякой порокъ можно назвать *невѣжествомъ* — ибо онъ есть слѣпота ума; ибо въ немъ гораздо болѣе страданія, нежели пріятности. Иностранные путешественники, видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. «Какъ ему охотно трудиться (говорятъ сіи «господа), когда помѣщикъ можетъ всегда отнять «у него имущество?» Но смѣю увѣрить ихъ, что такая Философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ въ самомъ дѣлѣ отнимаетъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ими богатыхъ и промышленныхъ? Достойно замѣчанія, что нерадивые

всегда приписывают избыток работящих не трудам их, а щастію! Иностранные глубокомысленные Политики, говоря о Россіи, знают все, кромѣ Россіи. Я разсуждал так же в городском кабинетѣ своем; но в деревнѣ перемѣнил мысли. У нас много вольных крестьян: но лучше ли господских они обработывают землю? по большой части напротив. С нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣх Губерніях приходит в лучшее состояніе: от чего же? от старанія помѣщиков: плоды их экономіи, их смотрѣнія, надѣляют изобиліем рынки столиц. Естьли бы они, приняв совѣт иностранных Филантропов, всѣ сдѣлали то же, что я прежде дѣлал: наложили на крестьян оброк, отдали им всю землю, и сами навсегда уѣхали в город, то я увѣрен, что на другой год пришло бы гораздо менѣе хлѣбных барок как в Москву, так и в Петербург. Не знаю, что вышло бы через пятьдесят или сто лѣт: время конечно имѣет благотворныя дѣйствія; но первые годы без сомнѣнія поколебали бы систему мудрых Англійских, Французских и Нѣмецких голов. Она хороша, естьли бы мы, приняв ее, могли заснуть с Эпименидом по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣк; но всякой из нас хочет жить хорошо, спокойно и щастливо нынѣ, завтра, и так далѣе. Время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идет шаг за шагом и смотрит вокруг себя. Бог видит, люблю ли я человѣче-

ство и народъ Русской; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти — но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ. Къ щастію мы живемъ въ такое время, когда мудрое, отеческое Правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага: съ какою радостію читалъ я указъ о заведеніи школъ деревенскихъ! Вотъ исполинскій шагъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ! Они Русскіе: слѣдственно имѣютъ много природнаго ума; но умъ безъ знанія есть сидень.

Сей указъ обрадовалъ меня тѣмъ болѣе, что я въ нынѣшнюю зиму по собственному движенію завелъ у себя школу для крестьянскихъ дѣтей, съ намѣреніемъ учить ихъ не только грамотѣ, но и правиламъ сельской Морали, и надосугѣ сочинилъ катихизисъ, самый простой и незатѣйливой, въ которомъ объясняются *должности поселянина, необходимыя для его щастія.* Умный новый Священникъ деревни нашей былъ въ этомъ дѣлѣ моимъ критикомъ, совѣтникомъ и помощникомъ. За то и я бываю его критикомъ и совѣтникомъ, когда онъ пишетъ сельскія проповѣди. Доставлю вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, и вы увидите, что у насъ есть свои Йорики. Когда отецъ Савва начинаетъ говорить въ церкви, земледѣльцы мои подвигаются къ нему ближе и ближе: это хорошій знакъ. Мы живемъ съ нимъ дружно, часто обѣдаемъ вмѣстѣ,

и сидя на диванѣ, въ разговорахъ своихъ перебираемъ всю Натуру отъ кедра до исопа. Отецъ Савва есть не только Теологъ и Моралистъ, но и Физикъ, Ботанистъ, даже Медикъ самоучкою: я взялъ на себя должность Аптекаря, и мы ребарбаромъ, сосновыми шишками и Шифгаузенскимъ пластыремъ дѣлаемъ здѣсь чудеса. Крестьяне въ охотѣ лечиться едва ли уступаютъ городскимъ жителямъ. Слабому человѣку сродно искать облегченія въ его страданіяхъ, и Медицина въ нѣкоторомъ смыслѣ есть дочь Натуры. Чѣмъ она простѣе, тѣмъ лучше, и торжество ея всегда явнѣе въ деревняхъ, гдѣ Природа, укрѣпленная суровою жизнію, при малѣйшемъ пособіи Искусства какъ Геркулесъ отражаетъ болѣзнь. Дѣйствительность нашей маленькой Аптеки отводитъ поселянъ отъ употребленія вредныхъ средствъ, предписываемыхъ имъ въ болѣзняхъ ворожеями, колдунами и другими сельскими Адептами: польза немалая! Мнѣ сказывали, что въ Московской Заиконоспасской Академіи съ нѣкотораго времени учатъ Студентовъ Анатоміи и Ботаникѣ, то есть, готовятъ быть и Священниками и лекарями: эта мысль прекрасна и достойна нынѣшняго Правительства. Такъ издревле ведется на Востокѣ, гдѣ одни люди врачуютъ душу и тѣло. Благодѣянія Медика возвышаютъ достоинство нравственнаго учителя. Вижу опытъ того въ своей деревнѣ: крестьяне мои уважаютъ и любятъ Священника какъ отца, и сдѣлались при немъ гораздо набожнѣе. Я съ своей стороны помогаю сему щастливому ихъ расположенію усерднымъ при-

мѣромъ своимъ, и всякое, воскресенье являюсь въ церкви. Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій быть добрымъ: набожность замѣняетъ ихъ для грубаго земледѣльца, и смягчаетъ его душу. Ему, кажется, такъ естественно молиться Небу, предмету надежды и страха для полей его! Питаясь непосредственно изъ рукъ Натуры, можетъ ли онъ забывать ея Творца великаго? Но, къ нещастію, суевѣріе гораздо обыкновеннѣе набожности между людьми непросвѣщенными.

Зная, любезный другъ, охоту вашу къ садамъ, желалъ бы я сообщить вамъ прелестное описаніе какого-нибудь *Эдема*, мною заведеннаго; но, къ великому благополучію, не имѣю уже работниковъ для такого дѣла... Изъясню вамъ загадку. Сначала мы не рѣдко ссорились съ крестьянами за нерадивость и худое исполненіе моихъ приказаній: какъ же наказывать виноватыхъ? Я выдумывалъ для нихъ работы въ саду, довольно трудныя, и хотѣлъ удивить моихъ сосѣдей лабиринтами, Парнассами, водяными зеркалами, и проч. Но мало по малу число преступниковъ уменьшалось, и наконецъ работы наши совсѣмъ остановились. *Тѣмъ лучше!* сказалъ я садовнику, и не думаю болѣе о лабиринтахъ. Поля и рощи служатъ для меня самымъ пріятнѣйшимъ Англійскимъ садомъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ дворянъ жалѣютъ о моемъ дурномъ вкусѣ: что дѣлать? я люблю добрыхъ, исправныхъ земледѣльцевъ гораздо болѣе садовъ, и не могу безъ вины наказывать ихъ тру-

дами, вымышляемыми прихотью. Одно нужное и полезное кажется мнѣ хорошимъ. Такъ на примѣръ, я съ великимъ удовольствіемъ отрылъ собственными руками источникъ свѣжей воды подлѣ самой большой дороги, обложилъ его дикимъ камнемъ, сдѣлалъ вокругъ дерновое канапе, часто сижу на немъ и веселюсь, смотря на проѣзжихъ, утоляющихъ жажду *моею* водою... Разумѣется, что вашъ пріятель сравниваетъ себя тогда съ славными благодѣтелями Востока, которые, слѣдуя предписанію Алкорана, дѣлаютъ колодези для странниковъ въ степяхъ Аравійскихъ. Видите мой *романизмъ:* это болѣзнь неизлечимая.

Однакожь, любезный другъ, не смотря на то, я не хотѣлъ завести у себя романическихъ *праздниковъ розы*. Пусть во Франціи семнадцатилѣтняя невинность какъ фениксъ украшается вѣнками славы: у насъ всѣ дѣвушки смиренны и невинны. Не хочу бросить *яблока раздора* между ими. Довольно, что мы три раза въ годъ цѣлою деревнею веселимся, праздпуя весну, окончаніе полевыхъ работъ и день рожденія моей дочери. Широкой господской дворъ обращается тогда въ залу пиршества и храмъ изобилія; даемъ обѣдъ, какіе описываются въ старинныхъ Русскихъ сказкахъ и въ Гомеровыхъ Поэмахъ; сажаемъ земледѣльцевъ съ ихъ семьями за *столы дубовые*, и не жалѣемъ плодовъ земныхъ для угощенія. Послѣ обѣда является Русской *Трубадуръ*, слѣпой Украинской скоморохъ съ волынкою, и начинаются пляски. Между тѣмъ изъ *роговъ миѳологической козы Амальтеи*

льется пиво и медъ для шумнаго собранія; и естьли пословица всѣхъ народовъ говоритъ правду, что хмѣль обнаруживаетъ сердце, то крестьяне любятъ меня душевно: ибо они, въ Бахусовыхъ восторгахъ, хотятъ безпрестанно цѣловать мои руки и называютъ меня самыми ласковыми именами... Да и въ самомъ дѣлѣ за что имъ не любить господина, который старается быть добрымъ, и главное свое удовольствіе находитъ въ ихъ пользѣ? Они люди, и слѣдственно имѣютъ чувство справедливости. Злая неблагодарность не такъ обыкновенна, какъ думаютъ; но мы часто твердимъ объ ней для того, что она красиво выражается въ реторическихъ фразахъ; для того, что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели дѣлать добро великодушно и безкорыстно... Крестьяне мои знаютъ, что я, подобно другимъ, могъ бы завести винный заводъ, приставить ихъ къ огромнымъ кубамъ, палить огнемъ неугасаемымъ, взять винную поставку и нажиться скорѣе, нежели отъ земледѣлія. Я требую отъ нихъ работы, но единственно той, для которой человѣкъ созданъ, и которая нужна для самаго ихъ щастія. Они лѣнились, пили и терпѣли недостатокъ: нынѣ работаютъ весело, пьютъ только въ гостяхъ у своего помѣщика и не знаютъ нужды. Сверхъ того обхожденіе мое съ ними показываетъ имъ, что я считаю ихъ людьми и братьями по человѣчеству и Христіанству... Нѣтъ, не могу сомнѣваться въ любви ихъ!

Это увѣреніе, любезный другъ, пріятно душѣ моей; но еще гораздо пріятнѣе, гораздо сладостнѣе

то увѣреніе, что живу съ истинною пользою для пяти сотъ человѣкъ, ввѣренныхъ мнѣ судьбою. Прискорбно жить съ людьми, которые не хотятъ любить насъ: всего же несноснѣе жить въ свѣтѣ безполезно. Главное право Русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ Монарху какъ вѣрный подданный: ибо Александръ желаетъ щастія земледѣльцевъ.

1802 г.

О МОСКОВСКОМЪ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІИ

1802 года.

—

14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движеніяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по разсказамъ) на Трубѣ Рожественкѣ и за Яузою. Въ иныхъ мѣстахъ его совсѣмъ не примѣтили. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ Городской Части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности. Такія землетрясенія называются въ Физикѣ *колебательными* * (tremblement de terre d'oscillation).

---

* Ихъ раздѣляютъ на три рода: одно колеблетъ землю, другое разрываетъ ее, третье извергаетъ пламя.

Удары были чувствительнѣе въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья. Многіе люди, не вѣря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спасской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися. Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. Оно не есть новое и чрезвычайное явленіе въ нашемъ климатѣ, какъ нѣкоторые думаютъ; земли, лежащія еще гораздо ближе къ сѣверу, бываютъ ему подвержены. Лѣтописи наши говорятъ о землетрясеніи, которое случилось въ Москвѣ при Князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (въ самый тотъ день, какъ Ханъ Татарскій отпустилъ его изъ плѣна), и которое ужаснуло народъ: ибо онъ, по невѣжеству и суевѣрію, вообразилъ, что сей естественный случай предзнаменуетъ государственныя бѣдствія: какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало страдала видя Князя своего въ безчестномъ плѣну, Татаръ, властелинами Россіи, все отечество въ горести, и бывъ за три мѣсяца передъ тѣмъ жертвою пламени, которое всѣ домы ея обратило въ кучу пепла! Достойно замѣчанія, что и тогда землетрясеніе случилось въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и также послѣ весьма жаркаго лѣта и засухъ, какія были у насъ въ нынѣшній годъ. Сіи два происшествія раздѣлены тремя вѣками съ половиною: слѣдственно можемъ надѣяться, что и впредь столько же времени пройдетъ въ Москвѣ безъ порыва сихъ воз-

душныхъ массъ, заключенныхъ во глубинѣ земли, которыя (по мнѣнію Физиковъ), будучи тѣснимы огнемъ, съ бурнымъ стремленіемъ ищутъ себѣ выхода. Поблагодаримъ судьбу, удалившую насъ отъ средоточія Вулкановъ! Вообразимъ жителей острововъ Антильскихъ, Филиппинскихъ, Архипелага, Сициліи, особливо Японіи: тамъ землетрясеніе почти столь же обыкновенно, какъ у насъ сильная грозъ лѣтомъ; но они спокойно наслаждаются жизнію! Таковы люди: привычка дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ самымъ ужасамъ Натуры.

Теперь съ любопытствомъ ожидаемъ извѣстій изъ чужихъ краевъ: вѣроятно, что Московское легкое землетрясеніе было только эхомъ какого нибудь сильнаго въ другомъ мѣстѣ. Иногда двѣ части міра вдругъ трепещутъ на своемъ основаніи: такъ Лиссабонское землетрясеніе отдалось въ Америкѣ; но удары имѣютъ всегда одинъ центръ. Надобно знать, что во глубинѣ земли есть пустоты или каналы, которые идутъ въ разныя стороны, но имѣютъ сообщеніе между собою: въ нихъ-то свирѣпствуетъ воспаленный воздухъ, разливаясь какъ огненное море, и въ одну минуту дѣйствуя на великомъ пространствѣ.

Замѣчено, что землетрясенія бываютъ осенью чаще, нежели въ другое время года, и ночью, а не денегъ: Московское въ 1445 году случилось по лѣтописямъ въ самую полночь, а нынѣшнее удалилось отъ правила. Замѣчено также, что въ годы

сихъ феноменовъ зимы бываютъ не холодны, а лѣта плодородны.

Густой и непрерывный туманъ, который у насъ до сего дня * продолжается, есть совсѣмъ необыкновенное явленіе и конечно имѣетъ связь съ землетрясеніемъ. Любопытно знать, произвело ли оно какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились новые, не поднялись ли рѣки, и проч.: что обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ самыхъ легкихъ потрясеній.

---

* Писано 18 Октября.

ПРІЯТНЫЕ ВИДЫ,

НАДЕЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

(писано въ 1802 году).

—

Всѣ тѣ, которые имѣютъ щастіе мыслить и судятъ безпристрастно, должны согласиться, что никакое время не обѣщало столько политическаго и нравственнаго благоденствія Европѣ, какъ наше. Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что самое Турецкое правленіе лучше анархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе любопытными произведеніями остро-

умія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ Правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости Властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.

То есть, Французская Революція, грозившая испровергнуть всѣ Правительства, утвердила ихъ. Естьли бѣдствія рода человѣческаго въ какомъ нибудь смыслѣ могутъ назваться благодѣтельными, то симъ благодѣяніемъ мы конечно обязаны Революціи. Теперь гражданскія Начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

Съ самой половины осьмаго-надесять вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали, и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло, и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякой изъ насъ возвратился домой, благодарить Небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ!

Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами Властителей, и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ.

Съ другой стороны Правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ тронахъ Европы видимъ юныхъ Государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы: Правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ общества. Революція обѣщала равенство состояній: Государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи могъ быть доволенъ; чтобы ни которое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человѣкъ не можетъ наслаждаться безопасностію? Свирѣпствуетъ ли гдѣ нибудь тиранство въ Европѣ, естьли исключимъ Турецію? Не вездѣ ли обѣщаютъ Наукамъ покровительство? Не вездѣ ли Начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности; которое образуетъ мудрыхъ Министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, рождая чувства патріотизма, чести, народной гордости; и безъ котораго

люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и могутъ чувствовать только одну потребность: *благотворить*, и смотря на всякаго гражданина, думать: «я заслужилъ любовь его!»

Въ самой Литтературѣ, которая столь сильно дѣйствуетъ на умы, видимъ мы полезное слѣдствіе Революціи. Прежде сей эпохи всякая дерзкая книга была модною: нынѣ, напротивъ того, Писатели боятся оскорбить нравственность, ибо передъ всякимъ жива картина бѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ; даже въ самыхъ дурныхъ романахъ соблюдается какая-то благопристойность и уваженіе къ святынѣ нравовъ: ибо сего требуетъ щастливое расположеніе умо̀въ и сердецъ. Вольтеръ не могъ бы нынѣ прославиться нѣкоторыми насмѣшками, Буланже педантствомъ, Ламетри безуміемъ. Литтература, болѣе нежели когда нибудь способствуя истинному просвѣщенію, обратилась нынѣ къ утвержденію всѣхъ общественныхъ связей.

Дружественный союзъ народовъ, благопріятствуя взаимному сообщенію великихъ умовъ, подаетъ справедливую надежду, что Науки обогатятся еще открытіями новыхъ феноменовъ или слѣд-

ствій, новыхъ отношеній любопытства къ пользѣ, которая есть истинное совершенство учености. Науки физическія еще далеки отъ своихъ крайнимъ предѣловъ; Натура имѣетъ много таинственнаго; время и опыты могутъ снять еще многіе покровы и завѣсы на ея необозримой сценѣ... И не только физическія Науки, но и самая Мораль открываетъ обширное поле для новыхъ соображеній ко благу людей. Мы несравненно богатѣе Древнихъ идеями и знаніемъ человѣческаго сердца; однакожь не истощили нравственныхъ наблюденій, и не всѣми извѣстными воспользовались для утвержденія своихъ понятій о человѣкѣ и способахъ щастія, которое должно быть главною наукою человѣчества, и котораго не могутъ дать сердцу самыя мудрѣйшія Правительства: ибо оно есть дѣло Судьбы, ума и характера.

Взоръ Русскаго Патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшмемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго Монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ Политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіянская война доказала міру, что Колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія Державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величествен-

ію. Довольная своимъ пространствомъ, естественными сокровищами и милліонами жителей; не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ, не желая ни чьей гибели, не боясь никакой Державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношеніи къ ней), она можетъ презирать обыкновенныя хитрости Дипломатики, и Судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ.

Главнымъ, важнѣйшимъ благомъ въ ея внутреннемъ состояніи назову я.... нынѣшнее общее спокойствіе сердецъ; оно всего дороже и милѣе; оно есть вѣрное доказательство мудрости Начальства въ гражданскомъ порядкѣ. Съ другой стороны другъ людей и Патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ Россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ находимъ между благородными достойныхъ Членовъ Государства, знающихъ его потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли, но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кто изъ насъ не имѣлъ случая удивляться ихъ любопытству здравому, разсудку и патріотическимъ идеямъ. Они чувствуютъ болѣе, нежели когда нибудь, важность правъ сво-

ихъ, и никому не завидуютъ. Сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные Писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ нещастливы, удивились бы, естьли бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленость и богатство многихъ; видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійской дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и Натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право!

Но Патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть; и жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго, и вѣчно жалуются, мы не хотимъ впасть и въ другую крайность, не хотимъ увѣрять себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣтъ, мудрое Правленіе наше тѣмъ щастливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра отечеству.

На примѣръ (не говоря о другомъ): какимъ ве-

ликимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится Монаршая воля Его; когда будемъ имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ? Я не удивляюсь (какъ нѣкоторые), что законы Ярославовы цѣнили деньгами убійство и вооружали родственниковъ убитаго кинжаломъ мести; не удивляюсь, что Судебникъ Царя Іоанна велитъ рѣшить сомнительныя дѣла поединкомъ; не удивляюсь, что въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича нѣтъ философическихъ сентенцій, и что Законодатель не предвидѣлъ случаевъ нашего времени: ибо знаю, что всѣ Европейскіе народы въ разныя эпохи имѣли такіе же несовершенные законы, какъ и мы. *Правда* Ярославова есть Кодексъ всѣхъ Сѣверныхъ народовъ, разрушителей Римской Имперіи и завоевателей Европы. Судебникъ Іоанновъ ознаменованъ печатію среднихъ вѣковъ, когда духъ рыцарства и живая вѣра къ праведнымъ дѣйствіямъ Неба ввели въ законное обыкновеніе поединокъ. Авторы Уложенія знали уже, какъ видно, Іустиніановъ Кодексъ, не имѣли у себя въ виду единственно тогдашнее состояніе Россіи. Указы Отца Отечества, Императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой, рѣшатъ всѣ важнѣйшіе вовросы о *людяхъ* и *вещахъ* въ порядкѣ гражданскомъ: нужна только философическая метода для расположенія предметовъ; но совершеніе сего дѣла будетъ славно для Монарха и Государства. Метода и порядокъ заключаютъ въ себѣ какую-то особенную силу для раз-

ума, и судья, обнимая однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою. Тогда мы не позавидуемъ Фридрихову (вновь исправленному) Кодексу; не позавидуемъ умному плану Французскаго, и пожалѣемъ объ Англичанахъ, которыхъ судилища безпрестанно запутываются въ лабиринтѣ несогласныхъ установленій (writs), служащихъ имъ правиломъ. Великая Екатерина даровала намъ систему политическихъ уставовъ, опредѣляющихъ права и отношенія состояній къ государству. Александръ даруетъ намъ систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою. Тогда Законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ Россіянъ и войдетъ въ систему общаго воспитанія.

Мы упомянули о воспитаніи: можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце? Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ Океаномъ: но щастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для щастія. Хорошо, естьли отецъ можетъ поручить сы-

на мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо Натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность, дѣйствіе полу-просвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они — не знаю, будетъ ли исключеніе — всѣ они, говорю, любятъ семейныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько пріятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія: а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который даетъ имъ и мысли и чувства; ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими какъ своею милою собственностію и готовитъ свѣту *украшенные нравственные образы самого себя?* Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикой Американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтьвяхъ—Европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому — играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ и жизнь—старость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ *поселиться дома.* Новыя привычки тягостны нака-

нунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ по крайней мѣрѣ сей тягости; живъ всегда дома, не имѣетъ нужды привыкать въ старости къ кабинету, и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшительныя воспоминанія; всякой бездушной предметъ есть для него старой другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣе!... Я говорилъ только о щастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ Республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. — Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для го-

сударства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ беззаконнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы не рѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Ввечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи.... Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти *сюрпризовъ* въ одинъ вечеръ, и даже отъ Французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, одныхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія!—Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей сто рублей за ана-

насъ для десерта. «Но богатствомъ должно пользоваться?» Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, естьли можно, въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленость; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!»

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ Россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога Искусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и щастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, щастіе ихъ есть *сложное*. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, Ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ

печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. — Россіяне одарены отъ Природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли — и обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже не одного Европейскаго народа.

Не жалѣю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?

О РУССКОЙ ГРАММАТИКѢ

ФРАНЦУЗА МОДРЮ.

—

Вотъ любопытный феноменъ! Русская Грамматика, сочиненная Французомъ и напечатанная въ Парижѣ со всею Дидотовскою чистотою и красивостію, чтобы заманить Республиканцевъ въ лабиринтъ нашего языка! Гражданинъ Модрю доказываетъ имъ, что они должны учиться ему какъ для выгодъ коммерціи, такъ и для лучшаго знанія самой Французской Грамматики. *Монитеръ* и *Декада* прославляютъ ученость сего творенія; первый говоритъ даже, что не многіе изъ Русскихъ знаютъ такъ основательно языкъ свой, какъ знаетъ его Гражданинъ Модрю. Смиряемся въ духѣ передъ Консульскимъ Журналомъ! Словесная ученость Автора въ избыткѣ Греко-Латино-Французскихъ грамматическихъ наименованій, старыхъ и вновь имъ изобрѣтенныхъ, доходитъ въ самомъ дѣлѣ до варварства! Но объясняются ли черезъ то свойство и правила языка? не думаю.

Модрю (какъ намъ сказывали) былъ въ Россіи учителемъ, стряпчимъ, купцомъ, даже Именитымъ

Гражданиномъ, даже Гвардіи Капраломъ или Сержантомъ: онъ имѣлъ время и способъ изслѣдовать всѣ *глубины* и *сгибы* языка нашего! Будемъ признательны: Г. Модрю хвалитъ его богатство, величество, силу, гармонію; замѣчаетъ въ немъ только нѣкоторую суровость, и, какъ Французъ, какъ вѣрный согражданинъ Президента Монтескьё, приписываетъ ее климату. Изображая выгоды Русскаго языка, онъ находитъ великую въ возможности ставить слова, какъ хочешь. Это говорили и наши Грамматики, но справедливо ли? Мнѣ кажется, что для перестановокъ въ Русскомъ языкѣ есть законъ; каждая даетъ фразѣ особенный смыслъ; и гдѣ надобно сказать: *солнце плодотворитъ землю*, тамъ: *землю плодотворитъ солнце*, или: *плодотворитъ солнце землю*, будетъ ошибкою. Лучшій, то есть истинный порядокъ всегда *одинъ* для расположенія словъ; Русская Грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ Писателей! и право ошибаться не есть выгода.

Г. Модрю почти съ восторгомъ говоритъ о нашихъ *уменьшительныхъ*, и находитъ ихъ даже въ глаголахъ: *поколоть* есть для него *немножко уколоть!!*— Пусть угадаетъ Читатель, какія слова прельщаютъ Автора своею силою и богатствомъ въ смыслѣ? *Тройка* и *часовникъ!!* Имя *часовникъ*, переводитъ онъ такимъ образомъ: Livre qui contient les prières publiques et autres exercices de réligion; это не переводъ имени, а толкованіе смысла. Развѣ Французское les heures не то же значитъ, что нашъ *часовникъ* въ смыслѣ *молитвенника?*

Г. Модрю находитъ въ одномъ имени *временщика* цѣлый трактатъ о непостоянствѣ придворнаго щастія... Это замѣчаніе имѣетъ свою цѣну, и мы согласны, что Русской *временщикъ* лучше Французскаго mignon. Но можемъ ли согласиться, чтобы слово *язычество* заключало въ себѣ тотъ глубокой смыслъ, который онъ ему приписываетъ, говоря: «Русскіе видятъ во многобожіи «*пустословіе*, и для того изъ слова *явычникъ*, «означающаго пустомелю или болтуна (!!), они «составили язычество?» Гражданинъ Модрю не знаетъ, что *языкъ* значитъ по-Славянски народъ, и что слово *язычество* такъ же образовано отъ имени народа, какъ Латинское gentilitas отъ gens.

Въ числѣ именъ сложныхъ, которыя ему нравятся и не нравятся, поставлены: *невѣстопрасителъница*, *перстолюбецъ! Шляхетство*, *щенокъ* и *листокъ*, оскорбляютъ, а *заимодавица* и *подаиваю* (je trais) плѣняютъ нѣжной слухъ его; первыя кажутся ему вдохновеніемъ сѣвернаго, а другія южнаго климата. Слово *частоплюй* изображаетъ для него народную привычку Русскихъ (miséricorde!!); но скорѣе можно укорять ею Нѣмцевъ, которые любятъ курить табакъ. Ласка *голубчикъ* есть, по мнѣнію Автора, слѣдствіе нашей вѣры во Святаго Духа; а слово *братъ* и *братецъ* представляютъ ему важную истину: ту, что нѣкогда всѣ люди были въ Россіи братьями!! «Когда же «развратились нравы, тогда знатные взяли себѣ «имя *братецъ*, а *братъ* достался въ удѣлъ народу; «одно есть знакъ уваженія, а другое презрѣнія!!»

Гражданинъ Модрю велитъ нашимъ Историкамъ изслѣдовать, въ какое время произошло это различіе въ смыслѣ *брата* и *братца*. Задача трудная! не беремся рѣшить ее.

Онъ замѣчаетъ, что Русскіе говорятъ: *на войнѣ*; а Французы: dans la guerre — отъ чего же такая розница въ предлогахъ? «Отъ того, что Французы «воображаютъ войну только мѣстомъ; а Русскіе «Вулканомъ, огнедышущею горою: это представляетъ картину!»... Модрю есть Грамматикъ-Поэтъ! но еще болѣе Грамматикъ-Философъ — какъ то видно изъ слѣдующаго важнаго примѣчанія:

«Монархи въ Россіи имѣютъ неограниченную «власть; но какъ языкъ Русской повинуется только «законамъ *общаго* Синтаксиса, то мы должны «заключить, что и народъ Русской повиновался «нѣкогда одной волѣ своей. Заглядываемъ въ его «Исторію, и находимъ, что сіе мнѣніе есть истина.» Во первыхъ нашъ языкъ, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ свои *особенныя* правила; во вторыхъ, знаетъ ли Гражданинъ Модрю нашу Исторію, думая, что Русскіе истребили Славянъ, и что языкъ Славянскій остался единственно въ священныхъ книгахъ побѣдителей — «для того ли, «говоритъ онъ, что первые Христіанскіе Священ«ники въ Россіи были Славяне, или, можетъ быть, «для того, что сей языкъ казался Русскимъ вы«разительнѣе для богослуженія??» Такое невѣжество едва вѣроятно... Гражданинъ Модрю воображаетъ, что горсть Варяжскихъ храбрецовъ, кото-

рыхъ привелъ съ собою Рюрикъ, добровольно призванный Славянами, уничтожила, такъ сказать, нравственное бытіе сего великаго народа, и что мы говоримъ нынѣ по-Варяжски!! Сей ученый мужъ не знаетъ, что Русской языкъ есть Славянской, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсомъ нѣкоторыхъ чужихъ словъ! Не удалось ли ему слышать, что Греческій Императоръ Константинъ различаетъ ихъ въ своемъ твореніи? Правда, что въ его время назывался Русскимъ языкъ Норманскій: но онъ никогда не былъ народнымъ языкомъ въ Россіи. Князья Варяжскіе сообщили намъ имя *Руси*, но Славяне не приняли языка ихъ, и мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его въ нашемъ... Гражданинъ Модрю напомнилъ мнѣ одного Нѣмецкаго путешественника, надъ которымъ смѣялся Коцебу въ своемъ Журналѣ, и который сообщилъ публикѣ за извѣстіе, что наши священныя книги писаны языкомъ Скандинавскимъ! Одно стоитъ другаго.

Желаютъ ли Читатели, чтобы мы еще представили имъ опытъ Логики нашего Грамматика? Онъ собралъ нѣсколько Латинскихъ и Русскихъ словъ, въ доказательство, что между сими двумя языками есть сходство, и спрашиваетъ: кто у кого занялъ сіи, почти одинакія слова? Имя *камзолъ*, по его мнѣнію, рѣшитъ вопросъ. Въ Латинскомъ языкѣ есть только camisia, а въ Русскомъ *камзолъ*, *камзольчикъ*, *камзолецъ*, *камзолище*: «слѣдственно Латинской заимствовалъ отъ Славянскаго!!» Cette multiplicité d'aspects sous les quels se présen-

te un même mot, ne permet guère de croire que ce soit la langue Slavonne qui ait emprunté de la Latine...

Гражданинъ Модрю усерденъ къ чести языка Славянскаго: это хорошо — но показавъ свое худое знаніе въ Исторіи Русскихъ, показываетъ его и въ исторіи языка ихъ. «Многія сложныя Рус-«скія имена, говоритъ онъ, заставляютъ почти ду-«мать, что они составлены по Греческимъ (on se-«rioit ténté de croire, etc):» слѣдственно ему не извѣстно за *вѣрное*, что Авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго. *Слово о полку Игоревѣ*, драгоцѣнный остатокъ его, доказываетъ, что онъ былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, вѣроятно, по-Гречески: къ тому же переписчики дозволяли себѣ поправлять слогъ его.

За симъ имѣемъ честь откланяться Гражданину Модрю и двумъ большимъ томамъ его Грамматики, желая искренно, чтобы Французы могли умудриться и понять изъ нее свойство языка Русскаго. Приведенныя нами мѣста взяты изъ одной главы (coup d'oeil); но мы заглядывали и въ другія: видѣли, на примѣръ такой переводъ словъ: *разоспаться*, commencer à dormir; *напричать*, se lasser à crier, *послѣдородный*, rejeton; *блажить*, rendre heureux, и много подобнаго. Классическій Ав-

торъ Русскаго языка есть для Г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція выбраны сіи щастливыя фразы: «Александръ неотмѣнную *пред«пріялъ надежду* обладать вселенною — Апеллесъ «одинъ имѣлъ позволеніе *смалевать* образъ Алек«сандровъ — сна отъ природы употребляетъ мало — «ежели бы боги изволили, чтобъ величество воз«раста твоего было равно жадности души твоей— «ежели способы, къ великимъ дѣламъ пріуготов«ленные, нерадѣніемъ преемника приведены бу«дутъ въ худое состояніе» — и проч. и проч. Но слѣдующая фраза принадлежитъ конечно самому Автору: «Гульбище, сотворенное на Трехъ горахъ, есть гульбище прохладное...

Однимъ словомъ, Гражданинъ Модрю, говоря въ Грамматикѣ своей о многихъ правилахъ, забылъ одно: *не учи тому, чего самъ не разумѣешь!*

C'est ainsi qu'en partant je lui fais mes adieux!

СТРАННОСТЬ.

—

Французъ, который жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ оттуда въ Московскимъ газетахъ, * что онъ близъ Парижа завелъ пансіонъ для Русскихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей отправить къ нему изъ Россіи дѣтей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному, особливо же языку Русскому! Живучи въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложенніемъ господина N. N. Французы вѣтрены — были и будутъ! Снисходительной человѣкъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забыть священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердецъ чужому, неизвѣстному человѣку? Мы готовы платить Францу-

* Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца 1801.

замъ, или другимъ иностранцамъ, за уроки въ ихъ языкахъ, которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ ему средствомъ просвѣщенія: у насъ есть деньги! но у насъ есть и разсудокъ. Мы знаемъ первый и святѣйшій законъ природы, что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ, которая есть главная часть воспитанія; мы знаемъ, что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ — а намъ, для государственнаго щастія, не надобно ни Французовъ, ни Англичанъ! Пусть въ нѣкоторыя лѣта молодой человѣкъ, уже приготовленный къ основательному разсужденію, ѣдетъ въ чужія земли узнать Европейскіе народы, сравнять ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ, чувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ! Я не боюсь за него: сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ; оно будетъ стремиться къ намъ изъ отдаленія; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ: *хорошо; но въ Россіи семейство мое, друзья, товарищи моего дѣтства!* Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой страны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но *всегда, всегда любитъ ту, въ которой воспитывался:* истиная важна для отцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впеча-

тлѣнія юности составляютъ главную драгоцѣнность души; они всего для насъ любезнѣе, подобно какъ самой простой весенній цвѣтокъ радуетъ насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Естьли отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя нравственныя, сильныя чувства, и сама Натура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ старается заранѣе узнать ея обычаи, и естьли не дѣломъ, то хотя воображеніемъ привыкаетъ къ нимъ, зная, что не привычка къ образу мыслей и жизни тѣхъ людей, съ которыми намъ ежедневно быть должно, производитъ для насъ многія, существенныя непріятности. А сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать Русскихъ, съ которыми у него одно гражданское и нравственное щастіе: а я пошлю его къ Французамъ! Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени сближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останется въ свойствахъ, обычаяхъ и нра-

вахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, *судьбы нашихъ предковъ* и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ Философами.

Господинъ N. N., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: «вы должны согласиться, «что человѣкъ еще важнѣе гражданина: а чело-«вѣкъ можетъ лучше образоваться во Франціи, «нежели въ Россіи.» Первое справедливо: на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у насъ есть всѣ способы просвѣщенія, какіе только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учатъ одному, по однимъ Авторамъ и книгамъ. Самый Французской языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ; положимъ, что и не такъ хорошо: но нѣкоторые совершеннѣйшіе его оттѣнки награждаютъ ли за нравственный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе Французскаго; а господинъ N. N., не смотря на свое милостивое обѣщаніе, не выучитъ дѣтей нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по-Русски, какъ они здѣсь выучатся. Питомцы его, черезъ 6 или 7 лѣтъ возвратясь въ Россію, стали бы терзать слухъ нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: «мы *говоримъ языкъ* свой; мы знаемъ *Ма-«тематики*; мы *представляемъ наши почтенія* «согражданамъ.» * — а сограждане назвали бы

---

* Такія фразы слыхали мы отъ Русскихъ Францу-

ихъ глупцами, невѣждами, дурно-воспитанными людьми: ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ конечно дурно воспитанъ, хотя бы зналъ наизусть и всѣ книги Браминовъ; они сказали бы симъ полу-Галламъ: «за чѣмъ вы къ намъ «пріѣхали? за чѣмъ не остались во Франціи? Мы «не признаемъ васъ земляками своими; вы недо«стойны называться Русскими, которые гордятся «языкомъ Святослава, Владиміра, Пожарскаго, Пе«тра Великаго. Вы не имѣете отечества: ибо и «самые Французы, не смотря на то, что вы пре«красно даете чувствовать нѣмое Е, не признаютъ «васъ Французами!...» И добродушные родители, лишивъ себя неизъяснимаго удовольствія видѣть на лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей расцвѣтаніе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или попугаевъ, которые наименовали бы имъ всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувствомъ произнести священнаго имени Россіи, отца, матери и сограждангъ!

Но я, подобно славному рыцарю Донъ-Кишоту, сражаюсь съ вѣтреными мельницами, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отправить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ которымъ безъ сомнѣнія и Французы смѣются.

зовъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ даже, что нашъ языкъ не имѣетъ правилъ. Нещастные!

О ПУБЛИЧНОМЪ

ПРЕПОДАВАНІИ НАУКЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Никогда Науки не были столь общеполезны, какъ въ наше время. Языкъ ихъ, прежде трудный и мистическій, сдѣлался легкимъ и яснымъ. Знанія, бывшія удѣломъ особеннаго класса людей, собственно называемаго *ученымъ*, нынѣ болѣе и болѣе распространяются, вышедши изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ они долго заключались. Великіе Геніи, убѣжденные въ необходимости *народнаго* просвѣщенія какъ для частнаго, такъ и для государственнаго блага, старались и стараются заманить людей въ богатыя области Наукъ, сообщая имъ важныя истины и свѣдѣнія не только понятнымъ, но и пріятнымъ образомъ, и ведутъ ихъ къ сокровищамъ ума путемъ, усѣяннымъ цвѣтами.

Въ сіе щастливое для Наукъ время мудрое наше Правительство размножило ихъ источники въ Россіи и открыло имъ новые способы дѣйствовать на

умъ народа. Къ числу сихъ способовъ принадлежатъ и *публичныя лекціи* Московскаго Университета. Цѣль ихъ есть та, чтобы самымъ тѣмъ людямъ, которые не думаютъ и не могутъ исключительно посвятить себя ученому состоянію, сообщать свѣдѣнія и понятія о Наукахъ *любопытнѣйшихъ*.

Двѣ изъ нихъ заслуживаютъ по справедливости имя *важнѣйшихъ* для человѣка: *одна* представляетъ Натуру во всей безчисленности ея твореній, описывая видъ, образъ жизни или бытія существъ; *другая* Наука знакомитъ насъ съ судьбою человѣческаго рода, изображая великія картины Государствъ, и вникая въ причины ихъ славы, щастія и паденія. Я говорю объ Исторіи Естественной и еще ближайшей къ намъ Исторіи народовъ: знаніе той и другой необходимо для человѣка и гражданина, естьли онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ.

Къ симъ двумъ Наукамъ Московскій Университетъ для публичныхъ лекцій присоединилъ еще Опытную Физику и систематическое обозрѣніе торговли. Первая самымъ пріятнымъ образомъ занимаетъ умъ изъясненіемъ любопытныхъ физическихъ открытій, и представляетъ чудесное дѣйствіе силъ Натуры, о которыхъ не только Древніе, но и самые ученые Физики седьмаго-надесять вѣка не имѣли понятія. — Торговля, будучи связію народовъ, мѣною ихъ промышлености, доставленіемъ многихъ пріятностей жизни и способомъ какъ частнаго, такъ и государственнаго обо-

гашенія, сдѣлалась нынѣ важною Наукою для людей, которые посвящаютъ себя ея великимъ предпріятіямъ, и весьма любопытною для того, кто хочетъ имѣть ясныя идеи о политическомъ состояніи нынѣшнихъ Государствъ. Не только купцу или человѣку, обязанному по своей гражданской должности знать основаніе, свойство и ходъ торговли, но и всякому другому пріятно имѣть свѣдѣніе о разныхъ родахъ коммерціи, о государственныхъ выгодахъ, отъ нее происходящихъ, — о государственныхъ правилахъ, которымъ въ разсужденіи торговли слѣдуютъ благоразумные Министры, — о Банкахъ, обращеніи денегъ, курсѣ, и проч.

Щастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ Университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ Московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, Духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспасской Академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую каѳедру.

Можно было предвидѣть, что лекціи Опытной Физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ Господъ Профессоровъ; но феномены силы электрической, Гальванизма, опыты аэростатическіе и проч., сами по себѣ столь любопытны, и Господинъ Страховъ изъясняетъ ихъ столь хоро-

шо, столь вразумительно, что Публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій. Такимъ образомъ и въ Парижѣ, гдѣ славнѣйшіе Ученые — Фуркруа, Вокеленъ, Вижье, Шарль и другіе — занимаютъ любопытныхъ преподаваніемъ Наукъ въ Лицеяхъ, Опытная Физика сдѣлалась *модною Наукою*. Любезнѣйшія свѣтскія женщины и лучшіе молодые люди составляютъ тамъ многочисленную аудиторію Профессора Шарля.

Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ Господъ Московскихъ Профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать Науки *публично*, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи. — Господинъ Политковскій, слѣдуя Линнеевой Системѣ, проходитъ царства Натуры, изъясняетъ ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ Русскомъ, и замѣчая все достойное удивленія какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой Наукѣ Природы. — Лекціи Господина Гейма, представляя въ системѣ всѣ отношенія торговли, служатъ доказательствомъ его обширныхъ познаній въ сей части. Русской языкъ не есть его природный; но онъ говоритъ имъ чисто и правильно. — Молодой Профессоръ Шлецеръ, читая Исторію Европы со времени паденія Римской Имперіи (по искусному Робертсонову введенію въ Исторію Карла V), не только именемъ, но и талантомъ своимъ напоминаетъ славнаго Геттингенска-

то Шлецера, отца его. Онъ говоритъ съ живостію и съ благороднымъ краснорѣчіемъ, предлагая слушателямъ собственныя зрѣлыя мысли о случаяхъ и характерахъ. Исторія среднихъ вѣковъ, столь отличная отъ древней Греческой и Римской, не менѣе ихъ достойна любопытства, изображая страшное волненіе народовъ, смѣсь ихъ и наконецъ рожденіе новыхъ, которые, выходя, такъ сказать, мало по малу изъ всеобщаго хаоса, сдѣлались основателями нынѣшнихъ великихъ Государствъ Европейскихъ. Мысль, преподавать сію важную часть Исторіи въ Московскомъ Университетѣ для Публики и наиболѣе для молодыхъ людей, была весьма щастливою мыслію. Всякой хорошо воспитанный человѣкъ имѣетъ понятіе о древнихъ Государствахъ, о судьбѣ Аѳинъ, Спарты, Рима; но многіе ли умѣютъ ясно вообразить себѣ происшествія, которыя слѣдовали за паденіемъ Римской Имперіи, и преобразовали Европу? Тѣмъ нужнѣе впечатлѣвать ихъ въ разумъ юношества систематическимъ *изустнымъ* предложеніемъ, которое остается въ памяти долѣе всего *читаемаго* нами въ книгахъ. — Нѣмецкій языкъ, на которомъ Господинъ Шлецеръ преподаетъ Исторію, хотя вообще и не столь извѣстенъ у насъ, какъ Французскій; однакожъ сей достойный Профессоръ имѣетъ довольно слушателей изъ числа благородныхъ молодыхъ людей, для которыхъ наставленія его могутъ быть тѣмъ полезнѣе.

Сіи публичныя лекціи должны со временемъ имѣть еще болѣе успѣха, то есть, образовать еще

большее число *любителей учености* въ такомъ городѣ, который можно назвать столицею Россійскаго Дворянства, и въ такой вѣкъ, когда отличныя свѣдѣнія необходимы для утвержденія знаменитыхъ правъ Дворянскихъ; когда для всякаго важнаго государственнаго мѣста требуется разумъ просвѣщенный; когда мудрое наше Правительство *замѣчаетъ* молодыхъ людей, ревностныхъ къ снисканію знаній. Нѣжные отцы семействъ ничего не жалѣютъ у насъ для воспитанія дѣтей; но иностранные учители, которымъ платятъ они столь дорого, могутъ ли питомцевъ своихъ наставлять въ важнымъ Наукахъ? По крайней мѣрѣ весьма рѣдко; а не обыкновенное не можетъ служить примѣромъ. И такъ не должны ли сіи попечительные отцы, живущіе въ Москвѣ, радоваться тому, что дѣти ихъ могутъ нынѣ столь удобно и легко пріобрѣтать драгоцѣнныя знанія, слушая лекціи Университетскія? Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія Наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга Патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, естьли будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли, учиться тому, что преподается въ нашихъ Университетахъ. Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными Мужами: скоро новые Профессоры, вызванное изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и *первый* Университетъ Россійской, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго

къ успѣху Наукъ Попечителя, Михайла Никитича Муравьева, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ.

1808 г.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ И ХОЛОДНЫЙ.

ДВА ХАРАКТЕРА.

—

Духъ системы заставлялъ разумныхъ людей утверждать многія странности и даже нелѣпости: такъ нѣкоторые писали и доказывали, что наши природныя способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитанія не только образуютъ или развиваютъ, но и даютъ характеръ человѣку, вмѣстѣ съ особеннымъ умомъ и талантами; что Александръ въ другихъ обстоятельствахъ могъ быть миролюбивымъ Браминомъ, Эвклидъ Авторомъ чувствительныхъ романовъ, Аттила нѣжнымъ пастушкомъ, а Петръ Великій — обыкновеннымъ человѣкомъ! Естьли бы надобно было опровергать явную ложь, то мы представили бы здѣсь множество хорошо-воспитанныхъ, множество ученыхъ людей, которые имѣютъ все, кромѣ — чувства и разума... Нѣтъ! одна Природа творитъ и даетъ: воспитаніе только образуетъ Одна Природа сѣетъ: искусство или наставленіе только поливаетъ сѣмя, чтобы оно лучше и совершеннѣе распустилось. Какъ умъ, такъ и ха-

рактеръ людей есть дѣло ея: отецъ, учитель, обстоятельства, могутъ помогать его дальнѣйшимъ развитіямъ, но не болѣе. — Привязываетъ ли Натура умственныя способности и нравственныя свойства къ нѣкоторымъ особеннымъ формамъ или дѣйствіямъ физическаго состава, мы не знаемъ: это ея тайна. Система Лафатера и Доктора Галя кажется намъ по сіе время одно игрою воображенія. Самъ почтенный и благоразумный Кабанисъ, изъясняя свойствомъ твердыхъ частей и жидкостей щастье и нещастье жизни — нравъ, страсти, печаль и веселье, не берется размѣрить и развѣсить по-Аптекарски, сколько чего надобно для произведенія Генія, Математика, Философа, Стихотворца, злодѣя или добродѣтельнаго мужа.

Какъ бы то ни было, мы видимъ въ свѣтѣ людей умныхъ и чувствительныхъ, умныхъ и холодныхъ *отъ колыбели до гроба*, согласно съ Русскою пословицею; и нравственное свойство ихъ такъ независимо отъ воли, что всѣ убѣжденія разсудка, всѣ твердыя намѣренія перемѣниться нравомъ, остаются безъ дѣйствія. Лафонтенъ сказалъ:

Мы вѣчно то, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено.
Гони Природу въ дверь: она влетитъ въ окно!

Правда, что сію неволю знаютъ одни чувствительные; холодные всегда довольны собою, и не желаютъ перемѣниться. Одно такое замѣчаніе не доказываетъ ли, что выгода и щастіе на сторонѣ послѣднихъ? Первые безъ сомнѣнія живѣе насла-

ждаются; но какъ въ жизни болѣе горестей, нежели удовольствій, то слабѣе чувствовать тѣ и другія есть выигрышь. *Боги не даютъ, а продаютъ намъ удовольствія*, сказалъ Греческій Трагикъ: *и слишкомъ дорого*, можно примолвить, такъ, что мы съ покупкою остаемся въ глупцахъ. Но чувствительный есть природный мотъ: онъ видитъ свое разореніе, борется съ собою и все покупаетъ.

Однакожь, любя справедливость, замѣтимъ и свойственныя ему преимущества. Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстроиваютъ гармонію общества; но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда *небольшой примѣсъ безразсудности*, un peu de folie; они-то блистаютъ талантами воображенія и творческаго ума: Поэзія и Краснорѣчіе есть дарованіе ихъ. Холодные люди могутъ быть только Математиками, Географами, Натуралистами, Антикваріями и — естьли угодно — Философами!...

Мы имѣли случай узнать исторію двухъ человѣкъ, которая представляетъ въ лицахъ сіи два характера.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансіонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первой могъ назваться красавцемъ: второй обращалъ на себя вниманіе людей отмѣнно-умнымъ лицомъ. Въ первомъ съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая

чувствительность: второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялъ своимъ понятіемъ, Леонидъ прилѣжаніемъ. Казалось, что первой не учится, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что узнавалъ однажды. Первой, отъ излишней надежности на себя, откладывая всякое дѣло до послѣдней минуты, иногда не выучивалъ урока: второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще твердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькія проказы, ссорился съ товарищами и не рѣдко заслуживалъ наказаніе; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого: но его только хвалили. Одного считали искреннимъ, добродушнымъ: таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другаго подозрѣвали въ хитрости и даже въ лукавствѣ: но онъ былъ только остороженъ. — Ихъ взаимная дружба казалась чудною; столь были они не сходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла *прелесть удивительнаго*. Чувствительность одного требовала сообщенія: равнодушіе и холодность другаго искали занятія. Когда сердце и воображеніе пылаютъ въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствія, онъ слушаетъ съ удовольствіемъ. Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, Поэзіей, а въ Исторіи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія. Леонидъ не понималъ, какъ можно за-

ниматься небылицами, то есть, романами! Стихотворство казалось ему трудною и безполезною игрою ума, а стихотворцы людьми, которые хотятъ прытко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ Исторію съ великою прилѣжностію, но единственно для того, чтобы знать ее, не для внутренняго наслажденія, но какъ вокабулы или Грамматику. Мудрено ли, что мнѣнія друзей о герояхъ ея были не согласны? Эрастъ превозносилъ до небесъ великодушіе и храбрость Александра: Леонидъ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первой говорилъ: *онъ побѣдилъ вселенную!* Второй отвѣтствовалъ: *не зная для чего!* Эрастъ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубійцу: Леонидъ считалъ его помѣшеннымъ гордецомъ. Эрастъ восхищался бурными временами Греческой и Римской свободы: Леонидъ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастъ вѣрилъ въ Исторіи всему чрезвычайному: Леонидъ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Одинъ спрашивался съ воображеніемъ пылкимъ, а другой съ флегматическимъ своимъ характеромъ.

Какъ мнѣнія, такъ и поступки нашихъ друзей были различны. Однажды домъ, гдѣ они учились и жили, загорѣлся ночью: Эрастъ вскочилъ съ постели неодѣтый, разбудилъ Леонида и другихъ пансіонеровъ, тушилъ огонь, спасалъ драгоцѣнныя вещи своего Профессора и не думалъ о собственныхъ. Домъ сгорѣлъ, и Эрастъ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ: *я всего*

лишился; но въ общихъ бѣдствіяхъ хорошо забывать себя... «Очень дурно,» отвѣчалъ Леонидъ съ хладнокровіемъ: «человѣкъ созданъ думать сперва о себѣ, а тамъ о другихъ; иначе не льзя стоять «свѣту. Хорошо, что мнѣ удалось поправить твою «безразсудность: я спасъ и сундуки и книги наши.» Такъ Леонидъ мыслилъ и поступалъ на шестнадцатомъ году жизни. — Въ другой разъ они шли по берегу рѣки: въ глазахъ ихъ мальчикъ упалъ съ мосту. Эрастъ ахнулъ и бросился въ воду. Леонидъ хотѣлъ удержать его, но не успѣлъ; однакожь не потерялъ головы, даже не закричалъ, а только изо всей силы пустился бѣжать къ рыбакамъ, которые въ дали расправляли сѣти, — бросилъ имъ рубль и велѣлъ спасти Эраста, который уже тонулъ. Рыбаки черезъ пять минутъ вытащили его вмѣстѣ съ мальчикомъ. Леонидъ бранилъ своего друга: называлъ глупцомъ, безумнымъ; однакожь плакалъ... Рѣдкая чувствительность холодныхъ людей бываетъ тѣмъ замѣтнѣе и трогательнѣе. Эрастъ цѣловалъ его и восклицалъ: *я жертвовалъ собою для спасенія человѣка́, обязанъ жизнію другу и вижу слезы его: какое щастіе!*

Они въ одно время оставили пансіонъ и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ твердилъ: *надобно искать славы!* Леонидъ говорилъ: *долгъ велитъ служить дворянину...* Первой бросался въ опасности — другой шелъ, куда посылали его. Первой отъ излишней запальчивости скоро попался въ плѣнъ къ непріятелю; другой заслужилъ имя хлад-

покровнаго, благоразумнаго Офицера, и крестъ Георгія при концѣ войны. Миръ освободилъ Эраста... Какъ искренно радовался онъ возвышенію друга, который далеко опередилъ его въ чинахъ воинскихъ! Ни малѣйшая тѣнь зависти не омрачила его добраго, чистаго сердца. — Оба вмѣстѣ перешли они въ гражданскую службу. Леонидъ занялъ мѣсто совсѣмъ не блестящее и трудное: Эрастъ вступилъ въ канцелярію знатнѣйшаго вельможи, надѣясь своими талантами заслужить его вниманіе и скоро играть великую ролю въ государствѣ. Но для успѣховъ честолюбія нужны гибкость, постоянство, холодность, терпѣніе: Эрастъ же не имѣлъ ни котораго изъ сихъ необходимыхъ свойствъ. Онъ писалъ хорошо; но вручая бумагу Министру, гордымъ взоромъ не просилъ снисходительнаго одобренія, а требовалъ справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только передъ нимъ унизиться. «Пусть онъ знаетъ — говорилъ Эрастъ Леониду — что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться въ неизвѣстности, чтобы стать нѣкогда на ту степень, которая достойна благороднаго честолюбія, и на которой дѣла мои будутъ славны въ отечествѣ!...» *Любезной другъ!* отвѣчалъ Леонидъ: *никакіе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденія людямъ; естьли не хочешь служить имъ, то они не дадутъ тебѣ способа служить и самому отечеству. Не презирай нижнихъ ступеней лѣсницы: онѣ ведутъ къ верхней. Искусный честолюбецъ только изрѣдка взглядывать на от-*

даленную цѣль свою, но безпрестанно смотрить себѣ подъ ноги, чтобы итти къ ней вѣрно и не обступиться... Сей медленный, благоразумный ходъ не могъ нравиться пылкому Эрасту. Иногда онъ работалъ съ удивительнымъ прилѣжаніемъ; иногда, утомленный дѣлами, искалъ отдохновенія въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ. Но сей опасный, мнимый отдыхъ мало по малу обратился для него въ главное дѣло жизни. Эрастъ былъ молодъ, прекрасенъ, уменъ и богатъ: сколько правъ наслаждаться свѣтомъ! Женщины ласкали его, мущины ему завидовали; сколько пріятностей для сердца и самолюбія! Онъ сократилъ вечера для работы, чтобы продлить ихъ для удовольствій общества, находя, что одобрительная улыбка Министра не такъ любезна, какъ нѣжная улыбка прелестныхъ женщинъ. Къ чести его скажемъ, что онъ, забывая должность, стыдился внутренно своей неисправности; однакожь не хотѣлъ сносить ни малѣйшихъ выговоровъ, и всякой разъ отвѣчалъ на нихъ требованіемъ отставки. Министръ его былъ человѣкъ доброй и разсудительной, но человѣкъ: онъ вышелъ изъ терпѣнія — и Эрастъ сдѣлался наконецъ свободнымъ, то есть празднымъ.

«Поздравь меня съ любезною вольностію!» сказалъ онъ Леониду, вбѣжавъ въ кабинетъ къ нему: «мнѣ запретили быть полезнымъ государству: никто не запретитъ мнѣ быть щастливымъ.» Леонидъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ другу; «жалѣю о тебѣ! Человѣку въ два-

дцать пять лѣтъ не позволено жить для одного удовольствія.»

Разумѣется, что Эрастъ, взявъ отставку, тѣмъ ревностнѣе служилъ Граціямъ. Онъ былъ истинно чувствителенъ: слѣдственно хотѣлъ еще болѣе любить, нежели нравиться. Скоро очарованіе нѣжной страсти представило ему свѣтъ въ одномъ предметѣ и жизнь въ одномъ чувствѣ... Блаженный любовникъ, забывъ вселенную, вспомнилъ только о другѣ, и летѣлъ къ нему говорить о своемъ щастіи. — Снисходительный Леонидъ оставлялъ приказныя бумаги, и слушалъ его; но часто, облокотясь на каминъ, дремалъ среди самыхъ живыхъ описаній новаго Сен-Прё, который иногда въ жару сердечнаго краснорѣчія не видалъ того; иногда же, пораженный усыпительнымъ дѣйствіемъ своихъ, какъ ему казалось, чрезмѣрно любопытныхъ разсказовъ, говорилъ съ жалкимъ видомъ: *ты дремлешь!...* «Мой другъ!» отвѣчалъ Леонидъ: «вы, любовники, имѣете обыкновенніе твердить сто разъ одно; а всякія ненужныя повторенія склоняютъ меня къ дремотѣ.» — Леонидъ держался Бюффоновой системы, и нравственная любовь казалась ему дурною выдумкою ума человѣческаго. Эрастъ называлъ его грубымъ, безчувственнымъ, кампемъ и другими подобными ласковыми имснами. Леонидъ не сердился, но стоялъ въ томъ, что благоразумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ, а не игрушками разгоряченнаго воображенія. — Споры друзей продолжались — и не рѣшились; но Эрастъ оставлялъ

иногда обожаемую красавицу, чтобы ѣхать къ Леониду и доказывать ему неописанное щастіе, какимъ любовникъ наслаждается въ присутствіи любовницы! Хладнокровный Философъ нашъ улыбался...

Онъ находилъ и другіе случаи торжествовать надъ своимъ противникомъ. Давно уже сравниваютъ любовь съ розою, которая плѣняетъ обоняніе и глаза, но колетъ руку: къ нещастію, терніе долговѣчнѣе цвѣта!... Эрастъ, наслаждаясь восторгами, испытывалъ и неудовольствія: иногда самъ скучалъ, иногда имъ скучали; иногда страдалъ отъ своей вѣрности, иногда мучился отъ непостоянства любовницъ. Надобно замѣтить, что и самые блестящіе молодые люди по большой части входятъ въ связи съ женщинами вѣтреными, которыя избавляютъ ихъ отъ труднаго исканія: мудрено ли, что любовь и непостоянство имѣютъ почти одно значеніе въ свѣтѣ? Эрастъ со слезами бросался иногда въ объятія въ вѣрному другу, чтобы жаловаться ему на милыхъ обманщицъ. Леонидъ въ такихъ лучаяхъ поступалъ великодушно: утѣшалъ его и не думалъ смѣяться надъ бѣднымъ страдальцемъ. Но искренній Эрастъ самъ любилъ обвинять себя, проклиналъ заблужденія страстей, писалъ ѣдкія сатиры на кокетокъ, и сперва читалъ ихъ только другу — а черезъ нѣсколько дней женщинамъ—и чрезъ нѣсколько дней бросалъ въ огонь, снова плѣняясь какимъ-нибудь *Ангеломъ:* ибо всякая томная прелестница, которая брала на себя трудъ увѣрить его въ любви

своей, обыкновенно казалась ему существомъ небеснымъ, и Леонидъ снова долженъ былъ засыпать, слушая краснорѣчивыя описанія милыхъ ея свойствъ и чувствительности. — Однимъ словомъ, Эрастъ или блаженствовалъ или терзался; или, въ отсутствіи живыхъ чувствъ, томился несносною скукою. Леонидъ не зналъ щастія, но не искалъ его и былъ доволенъ мирнымъ спокойствіемъ души ясной и кроткой. Первой умомъ обожалъ свободу, но сердцемъ зависѣлъ всегда отъ другихъ людей: второй соглашалъ волю свою съ порядкомъ вещей и не зналъ тягости принужденія. Эрастъ *иногда* завидовалъ равнодушію Леонидову: Леонидъ *всегда* жалѣлъ о пылкомъ Эрастѣ.

Сей послѣдній уѣхалъ наконецъ изъ П* — слѣдомъ за одною красавицею — оставивъ Леонида больнаго; дорогою безпокоился, считалъ себя преступникомъ въ дружбѣ, хотѣлъ десять разъ воротиться, но между тѣмъ въѣхалъ уже въ М*у — откуда черезъ нѣсколько дней извѣстилъ друга о своей женитьбѣ... «Увѣренный, писалъ онъ, многими опытами, что всѣ нѣжныя связи, основанныя только на удовольствіи, не могутъ быть надежны и, разрываясь, оставляютъ въ сердцѣ горесть о минувшемъ заблужденіи, я прибѣгнулъ къ союзу, освященному мнѣніемъ и закономъ! Вѣчность его плѣняетъ душу мою, утомленную непостоянствомъ.» — Эрастъ заклиналъ друга спѣшить къ нему въ объятія и быть свидѣтелемъ его истиннаго щастія. Леонидъ скоро явился въ М*... Обрадованный Эрастъ бросился къ нему на

встрѣчу, говоря: «теперь вижу опытъ нѣжной дружбы твоей!»... *Я отпросился въ отпускъ*, сказалъ Леонидъ равнодушно, *чтобы — ѣхать въ свою деревню. Мнѣ черезъ М*у дорога*... И въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ черезъ два дни.

Эрастъ и самому себѣ и другимъ казался щастливымъ: Нина, супруга его, была прекрасна и мила. Онъ наслаждался вмѣстѣ и любовію и покоемъ; но скоро примѣтилъ въ себѣ какое-то чудное расположеніе къ меланхоліи: задумывался, унывалъ и радъ былъ, когда могъ плакать. Мысль, что судьба его навсегда рѣшилась — что ему уже нечего желать въ свѣтѣ, а должно только бояться потери — удивительнымъ образомъ тревожила его душу. Мы никогда не изъяснимъ сего чувства холоднымъ людямъ: оно покажется имъ безуміемъ, но дѣлаетъ самыхъ щастливыхъ нещастными. Воображеніе, которому навѣки-занятое сердце не дозволяетъ уже искать таинственнаго блаженства за отдаленнымъ горизонтомъ, какъ будто бы скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ и раждаетъ печальные фантомы вокругъ насъ.

Въ семъ расположеніи Леонидъ нашелъ Эраста, возвратясь изъ деревни въ М*у, и далъ слово прожить съ нимъ нѣсколько времени. Нина желала показаться ему любезною: мудрено ли? Эрастъ такъ неумѣренно хвалилъ его! и друзья мужей, какъ извѣстно, имѣютъ великія права на ласку женъ. Леонидъ, всегда равнодушный и спокойный, былъ тѣмъ занимательнѣе въ обществѣ: сердце никогда не мѣшало уму его искать на до-

сугѣ пріятныхъ идей для разговора. Къ тому же мы замѣтили, что холодные люди иногда болѣе чувствительныхъ нравятся женщинамъ. Послѣдніе съ излишнею скоростію и безъ всякой *экономіи* обнаруживаютъ себя; а первые долѣе скрываются за щитомъ равнодушія и возбуждаютъ любопытство, которое сильно дѣйствуетъ на женское воображеніе. Хочется видѣть въ пылкой дѣятельности сердце флегматическое; хочется оживить статую... Но безъ дальнѣйшихъ изъясненій скажемъ, что Леонидъ вдругъ — уѣхалъ въ П*; не простившись ни съ хозяиномъ, ни съ хозяйкою.

Эрастъ изумился и спѣшилъ къ женѣ своей... Нина обливалась слезами, писала и хотѣла скрыть отъ него бумагу. Онъ вырвалъ письмо изъ рукъ ея... Бѣдный мужъ, но другъ щастливый!... Открылось, что Нина обожала Леонида, но что онъ не хотѣлъ измѣнить дружбѣ, и для того удалился. Безразсудная въ письмѣ своемъ къ нему заклинала его возвратиться, а въ противномъ случаѣ грозилась отравить себя ядомъ... Эрастъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса... Виновная супруга лежала у ногъ его безъ памяти... Видя смертную блѣдность ея, онъ забылъ все, и старался только привести ее въ чувство... Нина открыла томные глаза свои. Не знаю, что она говорила Эрасту; но Эрастъ черезъ нѣсколько минутъ, прижавъ ее къ своему сердцу, громко воскликнулъ: *такое Ангельское раскаяніе милѣе самой непорочности; все забываю, и мы будемъ щастливы!...* Въ тотъ же день

онъ написалъ къ Леониду: «О другъ вѣрный и «безцѣнный! поступокъ твой затмѣваетъ добро«дѣтель Сципіонову; но смѣю думать, что въ по«добныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы то же!» Леонидъ въ отвѣтѣ своемъ изъявилъ сожалѣніе *о домашней его непріятности*, и сказалъ между прочимъ: «Женщины любезны и слабы какъ дѣти: «надобно многое спускать имъ; но какой благо«разумной человѣкъ пожертвуетъ стариннымъ «другомъ минутной ихъ прихоти?»

Сердца нѣжныя всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслію, что они пріобрѣтаютъ тѣмъ новыя права на любовь виновнаго; но раскаяніе души слабой не надолго укрѣпляетъ ее въ добродѣтельныхъ чувствахъ: оно, какъ трепетаніе музыкальной струны, постепенно утихаетъ, и душа входитъ опять въ то расположеніе, которое довело ее до порока. Легче удержаться отъ первой, нежели отъ второй вины — и бѣдный Эрастъ развелся съ женою, ибо не всѣ его знакомые, подобно Леониду, спасались бѣгствомъ отъ прелестей Нины.

Мы видимъ нещастныхъ мужей въ свѣтѣ, и почти *привыкли* къ нимъ; но естьли они чувствительны, то можемъ ли искренно не сожалѣть объ нихъ? Мы любимъ плакать со вдовцемъ горестнымъ: онъ щастливъ въ сравненіи съ мужемъ, который долженъ ненавидѣть или презирать супругу!... Эрастъ въ отчаяніи своемъ жаловался на судьбу, а еще болѣе на женщинъ. «Я любилъ васъ «пламенно и нѣжно,» говорилъ онъ: «умѣлъ быть

«постояннымъ для самыхъ вѣтрениць; умѣлъ «быть честнымъ въ самыхъ неправственныхъ «связяхъ; видѣлъ, какъ забываете ваши должно«сти, но помнилъ свои — и въ награду за то, «бывъ нѣсколько разъ оставленнымъ любовни«комъ, сдѣлался наконецъ обманутымъ мужемъ!» Эрастъ недѣли двѣ плакалъ, недѣли двѣ скитался одинъ по окрестностямъ города, а тамъ, желая чѣмъ нибудь заняться, вздумалъ быть — Авторомъ.

Чувствительное сердце есть богатый источникъ идей: ежели разумъ и вкусъ помогаютъ ему, то успѣхъ несомнителенъ, и знаменитость ожидаетъ Писателя. Эрастъ жилъ уединенно, но скоро обратилъ на себя общее вниманіе; умные произносили его имя съ почтеніемъ, а добрые съ любовію: ибо онъ родился нѣжнымъ другомъ человѣчества, и въ твореніяхъ своихъ изображалъ душу страстную ко благу людей. Призракъ, называемый славою, явился ему въ лучезарномъ сіяніи и воспламенилъ его ревностію безсмертія. «О слава!» думалъ онъ въ восторгѣ сердца: «я искалъ «тебя нѣкогда въ дыму сраженій и на полѣ кро«вопролитія: нынѣ, въ тихомъ кабинетѣ, вижу «блестящій образъ твой передъ собою, и посвя«щаю тебѣ остатокъ моей жизни. Я не умѣлъ «быть щастливымъ, но могу быть предметомъ «удивленія; вѣнки миртовые вянутъ съ юностію: «вѣнокъ лавровой зеленѣетъ и на гробѣ!...» Бѣдной Эрастъ! ты промѣнялъ одну мечту на другую. Слава благотворна для свѣта, а не для тѣхъ, ко-

торые пріобрѣтаютъ ее... Скоро зашипѣли ехидны зависти, и добродушный Авторъ нажилъ себѣ непріятелей. Сіи чудные люди, которыхъ онъ не зналъ въ лицо, блѣднѣли и страдали отъ его Авторскихъ успѣховъ; сочиняли гнусные, ядовитые пасквили, и готовы были растерзать человѣка, который не оскорбилъ ихъ ни дѣломъ, ни мыслію. Напрасно Эрастъ вызывалъ завистниковъ своихъ писать лучше его: они умѣли только изливать ядъ и желчь, а не блистать талантомъ. Эрастъ имѣлъ слабость огорчаться ихъ ненавистію, и писалъ къ своему другу: «Узнавъ вѣтреность жен«щинъ, вижу теперь злобу мущинъ. Первыя из«виняются хотя удовольствіемъ; вторые дѣлаютъ «зло безъ всякой для себя выгоды.» — «Всего «вѣрнѣе (отвѣчалъ ему Леонидъ) итти въ свѣтѣ «большою дорогою и запасаться такими деньгами, «которыя вездѣ принимаются. Служба есть у насъ «вѣрнѣйшій путь къ уваженію (котораго сродно «искать людямъ въ гражданскомъ соединеніи), а «чины ходячая монета; положимъ, что слава дра«гоцѣннѣе: но многіе ли знаютъ ея клеймо и вы«сокую пробу? Это не монета, а медаль: одинъ «знатокъ возьметъ ее вмѣсто денегъ. Къ тому же «дарованія ума всегда оспориваются, и причина «ясна: души малыя, но самолюбивыя, какихъ до«вольно въ свѣтѣ, хотятъ возвеличиться униже«ніемъ великихъ. Но дѣло сдѣлано, и ты стоишь «на пути славы: имѣй же твердость презирать «усиліе зависти, которая есть необходимое усло«віе громкаго имени! Не только презирай, но и

«радуйся ею: ибо она доказываетъ, что ты уже «славенъ.» — Письмо Леонидово заключалось сими словами: «Я черезъ мѣсяцъ женюсь, чтобы избавить себя отъ хозяйственныхъ заботъ. Женщина «нужна для порядка въ домѣ.»

Эрастъ забылъ свои Авторскія неудовольствія, чтобы спѣшить въ П* къ свадьбѣ друга... Они уже давно не видались. Леонидъ, не смотря на прилѣжность дѣловаго человѣка, цвѣлъ здоровьемъ; ибо всякая Діэтетика начинается предписаніемъ: *будь спокоенъ духомъ!* Эрастъ, нѣкогда прекрасной молодой человѣкъ, высохъ какъ скелетъ; ибо *огненныя страсти*, по словамъ одного Англичанина, *суть курьеры жизни: съ ними не долго ѣхать до кладбища*. Любовь и слава питаютъ душу, а не тѣло. Леонидъ, не смотря на свою холодность, съ прискорбіемъ замѣтилъ Эрастову блѣдность... Онъ не обманулъ друга, и въ самомъ дѣлѣ женился только *для порядка въ домѣ*, заблаговременно объявивъ невѣстѣ условія: 1) «ѣздить въ гости «однажды въ недѣлю; 2) принимать гостей одна«жды въ недѣлю; 3) входить къ нему въ кабинетъ «однажды въ сутки, и то на пять минутъ.» Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго наблюдала предписанія мужа, тѣмъ охотнѣе, что меланхоликъ Эрастъ жилъ въ ихъ домѣ, любилъ сидѣть съ нею у камина и читать ей Французскіе романы. Иногда они плакали вмѣстѣ какъ дѣти, и скоро души ихъ свыклись удивительнымъ образомъ. Первыя движенія симпатіи требуютъ откровенности: сердце въ такомъ случаѣ имѣетъ всю

догадку проницательнаго разума, и знаетъ, что искренность дѣйствуетъ сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреній въ дружбѣ. Каллиста свѣдала подробности Эрастовой жизни, неизвѣстныя и мужу ея — не чудно: она слушала Эраста съ живѣйшимъ удовольствіемъ, а Леонидъ съ холодностію. Платя довѣренностію за довѣренность, Каллиста жаловалась ему на равнодушіе Леонидово, и сказала однажды: «я хотѣла бы узнать безразсудную Нину, чтобы имѣть понятіе о женщинѣ, которая не умѣла быть съ вами щастливою!...» Но она уже и безъ словъ объяснялась съ Эрастомъ. Тронутая чувствительность имѣетъ языкъ свой, которому всѣ другіе уступаютъ въ выразительности; и естьли глаза служатъ вообще зеркаломъ души, то чего не скажетъ ими женщина страстная? Всякая минута, всякое движеніе Каллисты доказывало, что Эрасту надлежало — удалиться! Онъ хотѣлъ себя обманывать, но не могъ; ужасался быть любимымъ, но не переставалъ быть любезнымъ; хотѣлъ навѣкн разстаться, но съ утра до вечера видѣлъ Каллисту. Чтожь дѣлалъ между тѣмъ благоразумный Леонидъ? занимался приказными дѣлами. Однакожь холодные люди не слѣпцы — и бѣдному Эрасту въ одно утро объявили, что онъ хозяинъ въ Леонидовомъ домѣ!... То есть, флегматикъ нашъ безъ дальнихъ сборовъ посадилъ жену въ карету и благополучно уѣхалъ съ нею изъ П*, написавъ слѣдующую записку къ другу: «Ты вѣчно будешь ребенкомъ; а Каллиста «женщина. Знаю тебя и хочу спасти отъ упре-

«новъ совѣсти. Мнѣ поручили кончить важное го-
«сударственное дѣло за тысячу верстъ отсюда.
«Вѣрный другъ твой до гроба...» Читатели могутъ пощадить Эраста: угрызенія совѣсти довольно наказали его. Для нѣжнаго сердца всѣ возможныя бѣдствія ничто въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ оно должно упрекать себя. «Безразсудный!» думалъ онъ: «я прельстилъ жену друга, который
«не хотѣлъ воспользоваться слабостію моей жены!
«Вотъ награда за его добродѣтель! О стыдъ! я
«смѣлъ не удивляться ей, и думалъ, что самъ могу
«поступить такъ же!...» Къ чести Эраста скажемъ, что онъ не досадовалъ на Леонида за разлуку свою съ Каллистой.

Судьба послала ему утѣшеніе. Онъ свѣдалъ, что тесть Леонидовъ имѣлъ важное судное дѣло, и по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ лишиться своего имѣнія. Эрастъ тайно далъ на себя вексель его сопернику въ большой суммѣ, съ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ тяжбу миромъ. Сія великодушная жертва тѣмъ болѣе ему нравилась, что и Леонидъ и Каллиста были вмѣстѣ ея предметомъ: онъ не хотѣлъ любить, но позволялъ себѣ жалѣть о слабой женщинѣ, которая *для него* забыла должность свою!

Эрастъ искалъ разсѣянія въ путешествіи, плѣнительномъ въ тѣ годы, когда свѣтъ еще новъ для сердца; когда мы, въ очарованіяхъ надежды, только готовимся жить, дѣйствовать умомъ и наслаждаться чувствительностію; когда, однимъ словомъ, хотимъ запасаться пріятными воспомина-

ніями для будущаго и средствами нравиться людямъ. Но душа, изнуренная страстями — душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни — можетъ ли еще быть любопытною? Что остается ей знать, когда она узнала опытомъ восторги и муки любви, прелесть славы и внутреннюю пустоту ея? — Эрастъ не имѣлъ *удовольствія завидовать* людямъ, ибо сердце его не хотѣло уже вѣрить щастію. Смотря на великолѣпныя палаты, онъ мыслилъ: «здѣсь плачутъ такъ же, какъ и въ хижинѣ» — вступая въ храмы Наукъ, говорилъ себѣ: «здѣсь учатъ всему, кромѣ того, какъ найти благополучіе въ жизни» — смотря на молодаго красавца, щастливаго нѣжными улыбками прелестницъ, думалъ: «ты оплачешь свои побѣды.» Эрастъ воображалъ, что сердце его наконецъ ожесточилось: такъ мыслятъ всегда люди чувствительные, натерпѣвшись довольно горя; но слушая музыку нѣжную, онъ забывался, и грудь его орошалась слезами; видя бѣднаго, хотѣлъ помогать ему, и встрѣчая глазами взоръ какой нибудь миловидной незнакомки, *тайно* отъ ума своего искалъ въ ней ласковаго привѣтствія. Эрастъ иногда писалъ, и внутренно утѣшался мыслію, что зависть и вражда умираютъ съ Авторомъ, и что творенія его найдутъ въ потомствѣ одну справедливость и признательность; слѣдственно онъ все еще обманывалъ себя воображеніемъ: развѣ холодныя души не удивляютъ насъ жаромъ своимъ, когда онѣ терзаютъ память бѣднаго Жанъ-Жака? Злословіе

есть наслѣдственный грѣхъ людей: живые и мертвые равно бываютъ его предметомъ.

Эрастъ возвратился въ отечество, чтобы не оставить костей своихъ въ чужой землѣ: ибо здоровье его было въ худомъ состояніи. Онъ пылалъ нетерпѣніемъ видѣть друга, но помнилъ вину свою, и боялся его взоровъ. Леонидъ, уже знатный человѣкъ въ государствѣ, обрадовался ему искренно и представилъ молодную красавицу, вторую жену свою. Каллисты не было уже на свѣтѣ: супругъ ея, еще не скинувъ траура, помолвилъ на другой, и *ровно* черезъ годъ обвѣнчался. Эрастъ не смѣлъ плакать въ присутствіи Леонида, но огорчился душевно: Каллиста была послѣднимъ предметомъ его нѣжныхъ слабостей!... Другъ обходился съ нимъ ласково, но не предлагалъ ему жить въ домѣ своемъ!

Эрастъ думалъ посвятить остатокъ жизни тихому уединенію и Литтературѣ; но, къ нещастію, ему отдали медальйонъ съ волосами Каллисты и письмо, которое она писала къ нему за шесть дней до кончины своей. Онъ узналъ, что Каллиста любила его страстно, нѣжно и постоянно; узналъ, что сія любовь, противная добродѣтели, сократила самую жизнь ея. Бѣдной Эрастъ!... Меланхолія его обратилась въ отчаяніе. Ахъ! лучше сто разъ быть обманутымъ невѣрными любовницами, нежели уморить одну вѣрную!... Въ изступленіи горести онъ всякой день ходилъ обливать слезами гробъ Каллисты и терзать себя упреками; однакожь бывали минуты, въ которыя Эрастъ тайно

наслаждался мыслію, что его хотя одинъ разъ въ жизни любили пламенно!...

Онъ скоро занемогъ, но успѣхъ еще отдать половину своего имѣнія Нинѣ, свѣдавъ, что она терпитъ нужду. Сія женщина, наказанная судьбою за невѣрность, и тронутая великодушіемъ супруга, оскорбленнаго ею, спѣшила упасть къ ногамъ его. Эрастъ умеръ на ея рукахъ, съ любовію произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примирилась съ женщинами, но не съ судьбою!...* Леонидъ не ѣздилъ къ больному, ибо Медики объявили его болѣзнь заразительною; онъ не былъ и на погребеніи, говоря: *бездушный трупъ уже не есть другъ мой!...* Два человѣка погребли его и съ искреннею горестію оплакали: Нина и добродушный камердинеръ Эрастовъ...

Леонидъ дожилъ до самой глубокой старости, наслаждаясь знатностію, богатствомъ, здоровьемъ и спокойствіемъ. Государь и государство уважали его заслуги, разумъ, трудолюбіе и честность; но никто, кромѣ Эраста, не имѣлъ къ нему истинной привязанности. Онъ дѣлалъ много добра, но безъ всякаго внутренняго удовольствія, а единственно для своей безопасности; не уважалъ людей, но берегся ихъ; не искалъ удовольствій, но избѣгалъ огорченій; *не-страданіе* казалось ему наслажденіемъ, а равнодушіе талисманомъ мудрости. Естьли бы мы вѣрили прехожденію душъ, то надлежало бы заключить, что душа его настрадалась уже въ какомъ нибудь первобытномъ состояніи и хотѣла единственно отдыхать въ образѣ Леони-

да. Онъ лишился супруги и дѣтей; но воображая, что горесть безполезна, старался забыть ихъ. — Любимою его мыслію было, что здѣсь все для человѣка, а человѣкъ только для самого себя. При концѣ жизни Леонидъ согласился бы снова начать ее, но не желалъ того: ибо стыдился желать невозможнаго. Онъ умеръ безъ надежды и страха, какъ обыкновенно засыпалъ всякой вечеръ.

1803 г.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорской Россійской Академіи, 5 Декабря 1818 года.

Милостивые Государи!

Первымъ словомъ моимъ должна быть благодарность за честь, которой Вы меня удостоили: честь дѣлить съ Вами труды полезные, въ то время, когда Великій Монархъ, новыми щедротами, изліянными на Академію, даровалъ ей новыя средства дѣйствовать съ успѣхомъ для образованія языка, для ободренія талантовъ, для славы отечества. Цѣль важная и достойная ревности знаменитаго Общества, основаннаго Екатериною Второю, утвержденнаго Александромъ Первымъ! Не здѣсь нужно доказывать пользу сихъ благородныхъ упражненій разума. Вы знаете, Милостивые Государи, что языкъ и Словесность суть не только способы, но и *главные* способы народнаго просвѣщенія; что богатство языка есть богатство мыслей; что онъ служитъ первымъ училищемъ для юной души, незамѣтно, но тѣмъ силь-

нѣе впечатлѣвая въ ней понятія, на коихъ основываются самыя глубокомысленныя Науки; что сіи Науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный классъ людей, а Словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу; что успѣхи Наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и Словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному.

Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для Авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный Словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ: наша, безъ сомнѣнія счастливая судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими Писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли Стихотворцевъ, Писателей, но только одного истинно *классическаго* (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентійской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самой цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства

любви и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, славу побѣдъ и мирную славу разума, приняла сей щастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для Васъ, Милостивые Государи, незабвеннымъ, драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.

Утвердивъ значеніе словъ, избавивъ Писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи: твореніе не первое въ семъ родѣ: ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной Поэзіи и сильнаго Краснорѣчія, далъ и Грамматику; но Академическая рѣшитъ болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для Писателей.

Не имѣвъ участія въ сихъ трудахъ, я только пользовался ими: слѣдственно могу хвалить ихъ безъ нарушенія скромности и съ чувствомъ внутренняго удостовѣренія.

Но дѣятельность Академіи, при новыхъ лестныхъ знакахъ Монаршаго къ ней вниманія, не должна ли, если можно, удвоиться? Изданіемъ Словаря и Грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія заслужитъ конечно и благодарность потомства ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами для дополненія, для перемѣнъ необходи-

мыхъ по естественному, безпрестанному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству: движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ. Сколько еще трудовъ ожидаетъ Васъ, Милостивые Государи! Выгодою или пользою всякаго общества бываетъ свободное, взаимное сообщеніе мыслей, наблюденій, судъ, возраженія, утверждающія истину. Здѣсь нѣтъ личности, нѣтъ самолюбія: честь и слава принадлежатъ всей Академіи, не лицамъ особеннымъ. Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ *систематическое образозованіе языка:* непосредственное же его *обогащеніе* зависитъ отъ успѣховъ общежитія и Словесности, отъ дарованія Писателей — а дарованія единственно отъ Судьбы и Природы. Слова не изобрѣтаются Академіями: они раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя.

Но Академія, облегчая для таланта способы пріобрѣтать нужныя ему свѣдѣнія, можетъ еще содѣйствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, опредѣленными въ *Уставѣ*, и еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія,

хотя еще и незрѣлаго, хотя еще и слабаго, неукрашеннаго искусствомъ: ибо слабый лучь бываетъ иногда предтечею яркаго свѣта и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкимъ злакомъ. Никто не предпишетъ законовъ Публикѣ: она властна судить и книги и Сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры: если Академія посвятитъ часть досуговъ своихъ *критическому обозрѣнію Россійской Словесности*, то удовлетворитъ безъ сомнѣнія и желанію общему и желанію Писателей, слѣдуя правилу, внушаемому вамъ и любовію къ добру и самою любовію къ изящному: *болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно.* Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растѣній, то излишно строгая Критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать — привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава Автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ: но Вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ. Когда увидимъ

[illegible]

Академія, желая возбудить дѣятельность умовъ и прежде задавала темы Писателямъ, обѣщая награды успѣху: сей способъ, одобряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Обществъ, Французской Академіи и другихъ, безъ сомнѣнія также весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соотвѣтствуя образованію народа, заманчивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новости, богатству идей или картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное достояніе Искусства, гдѣ вещество ждетъ руки Художника или мысль изображенія. Скажутъ, что всякой Писатель слѣдуетъ собственному внутреннему влеченію: избираетъ, что ему нравится, и не имѣетъ нужды въ указаніяхъ. Нѣтъ, сіи указанія бываютъ иногда плодотворны: чуждое, новое, неожидаемое имѣетъ особенную силу для разума дѣятельнаго; онъ спѣшитъ присвоить данную ему мысль, въ слѣдъ за нею стремится къ другимъ, и находитъ сокровища, которыя безъ сего внѣшняго побужденія остались бы для него, можетъ быть, недоступными. Обширное поле предъ нами: Философія нравственная съ своими наблюденіями, Исторія съ преданіями, Поэзія съ вымыслами, свѣтская и семейственная жизнь съ картинами и характерами: вездѣ предметы для Генія, не чуждаго Россіянамъ, и въ самыя темныя времена невѣжества: ибо онъ не ждетъ иногда Наукъ и просвѣщенія, летитъ и блескомъ своимъ озаряетъ пустыни. Такъ въ остаткахъ нашей древности, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ народныхъ — сочиненныхъ, мо-

жетъ быть, дѣйствительно во мракѣ пустынь — видимъ явное присутствіе сего Генія; видимъ живость мыслей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ любитъ Искусство и гражданское образованіе: мелькаетъ и во мракѣ, но красуется постоянно во свѣтѣ разума; не есть Наука, но заимствуетъ отъ нее силу для вышняго паренія. Не Дикіе имѣютъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ Дарованія съ Искусствомъ заключенъ въ колыбели человѣчества: они братья, хотя и не близнецы. Жалѣемъ объ утраченныхъ пѣсняхъ *древняго соловья*, Бояна; жалѣемъ, что *Слово о полку Игоревѣ* одно служитъ для насъ памятникомъ Россійской Поэзіи XII вѣка: но вѣкъ Периклов, Августовъ, еще впереди для Россіи: да настанетъ онъ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовется Его великимъ именемъ!

По крайней мѣрѣ желаемъ того. Видимъ новыя училища, новыя средства воспитанія, новыя ободренія для Наукъ и талантовъ; видимъ счастливыя дарованія, любовь ко знаніямъ и къ изящному, несомнительные успѣхи языка и вкуса, сильнѣйшее движеніе въ умахъ — и слѣдственно можемъ надѣяться. Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ Критиковъ осуждаютъ нашу Словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго: можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ Писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій,

могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ Европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты *особенныя*, составляющія характеръ Словесности *народной*, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ *Слова о полку Игоревѣ*, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени; тамъ есть *особенность личная*, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической Природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго Русскаго: для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не

могъ: ибо и власть Самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сіи остатки, дѣйствіе ли Природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство Россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими Европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіянъ отъ Британцевъ: во *множествѣ* открывается *народное.* Сію истину отнесемъ и къ Словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ Авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца Русскаго, есть игра ума Русскаго въ произведеніяхъ нашей Словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые Писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцевъ Искусства: если бы сіи Писатели не знали творцевъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? *подражали* бы своимъ; но и тогда *списки* ихъ остались бы *бездушными.* А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной сла-

бости, будетъ наконецъ *самъ собою* - оставитъ путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ.

Сему-то возвышенію отечественныхъ талантовъ мы должны содѣйствовать, Милостивые Государи, для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія. Слава! чье сердце, пока живо, можетъ совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ прелестямъ, не смотря на всю обманчивость ея наслажденій? Плѣняя юношу своими лучезарными призраками, вѣнкомъ лавровымъ и плескомъ народнымъ, она манитъ и старца къ своимъ монументамъ долговѣчнымъ, къ памятникамъ заслугъ и благодарности. Мы желали бы изъ самаго гроба дѣйствовать на людей подобно невидимымъ добрымъ Геніямъ, и по смерти своей еще имѣть друзей на землѣ. Но ежели слава измѣняетъ, то есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для Писателя, отъ Рока и людей независимая: *внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта*, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называлъ *превосходнѣйшимъ даромъ:* ибо не одни Сочинители фоліантовъ, не одни Антикваріи имѣютъ нужду въ терпѣніи: оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго Поэта, для великаго Оратора или великаго живописца Природы. «Удаленный отъ свѣта» (сказалъ мнѣ, въ юности моей, старецъ Виландъ) «не имѣя ни читателей, ни слу-

«шателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго «острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уеди-«ненною Музою, неутомимо исправляя стихи мои, «хотя бы и не извѣстные міру.» Вотъ тайна Писателей, часто, но не всегда ласкаемыхъ Славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастіе. Когда, въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго Двора Людовикова, указывая на гробъ Великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ Вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ: въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы!

Внутреннее удовольствіе любимца Музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ

съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ и тлѣютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе; пламень его есть пламень добродѣтели.

Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, Словесность возвышаетъ и нравственное достоинство Государствъ. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ, спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы Греки, если бы самые Римляне только побѣждали: мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ Аѳинянами слушали Демосѳена, съ Римлянами Цицерона. Побѣждали и Моголы: Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей; но Моголы только убивали, а Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ тво-

реній. Для того ли образуются, для того ли возносятся Державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой Державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша и жизнь Имперій должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. — Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго; да умножаетъ богатства Наукъ и Словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества — и да исполнится такимъ образомъ желаніе Екатерины Второй и Александра Перваго!

ПАЛЕМОНЪ И ДАФНИСЪ.

ИДИЛЛІЯ.

—

На высокомъ кремнистомъ берегу моря сидѣли Палемонъ и Дафнисъ. Златое солнце во всемъ своемъ великолѣпіи сіяло на сафирномъ небѣ, и любовалось красотою своею въ чистомъ зеркалѣ струящихся водъ. Безчисленные корабли, изъ разныхъ частей свѣта плывущіе, распустивъ бѣлые парусы въ легкомъ вѣяніи благопріятнаго вѣтерка, катились по свѣтлой поверхности океана, подобно станицамъ бѣлыхъ птицъ, плавно несущихся въ пространствахъ голубаго воздуха. Веселые плаватели на разныхъ языкахъ пѣли громкія пѣсни. Жители влажной стихіи собирались вокругъ кораблей, плескались, пѣнили воду, и пускали перловые, блестящіе пузыри.

Палемонъ и Дафнисъ сидѣли въ молчаніи и смотрѣли на море. Наконецъ Дафнисъ сказалъ Палемону:

«Быстро несутся корабли на парусахъ, и плаватели радуются благопріятному вѣтру. Ахъ, Палемонъ! куда плывутъ они? Сердце мое сильно бьет-

ся и хочетъ, кажется, выпрыгнуть изъ груди моей, чтобы летѣть въ слѣдъ за ними по неизмѣримостямъ океана — летѣть въ тѣ отдаленныя земли, о которыхъ мы столько чуднаго слыхали, но въ которыхъ не бывали ни отцы, ни дѣды наши.»

Палемонъ. Я то же чувствую, любезной Дафнисъ, и вмѣстѣ съ тобою завидую щастію плавателей, которые весь обширной міръ объѣзжаютъ, и собственными глазами видятъ все то, что удивляетъ насъ въ повѣствованіяхъ.

Дафнисъ. Какъ пріятно дышать всегда новымъ воздухомъ и видѣть всегда что нибудь новое!

Палемонъ. Правда, что имъ должно разставаться съ своими друзьями, съ своими любезными — —

Дафнисъ. На нѣкоторое время. За то вообрази себѣ, Палемонъ, съ какою радостію возвращаются они наконецъ въ свое отечество, къ своимъ друзьямъ и любезнымъ, и съ какимъ восторгомъ бросаются въ ихъ объятія; вообрази, какъ послѣ перваго изступленія рѣкою ліются радостныя слезы ихъ; какъ они смотрятъ на своихъ милыхъ и не могутъ насмотрѣться —

Палемонъ. Правда, минута свиданія наградитъ ихъ за годъ разлуки.

Дафнисъ. Потомъ представь себѣ, какъ сладостно для нихъ успокоеніе послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ безпокойствъ и трудностей —

Палемонъ. И съ какимъ удовольствіемъ разсказываютъ они о чудесахъ, видѣнныхъ и слы-

шанныхъ ими въ странахъ чуждыхъ: о садахъ Гесперидскихъ, о кривыхъ Циклопахъ, о людоѣдахъ Лестригонахъ, о Харибдѣ и Сциллѣ!

Дафнисъ. И какъ всѣ, старые и малые, внимая ихъ повѣстямъ, едва осмѣливаются переводить духъ, и жадными взорами хотятъ ловить мысли на устахъ ихъ, не имѣя терпѣнія дожидаться рѣчей!

Палемонъ. Ахъ какъ они щастливы! — Но смотри, Дафнисъ, какія густыя облака вдали показываются!

Дафнисъ. Боги! надобно ожидать сильной бури. Видишь, какъ молнія въ облакахъ сіяетъ!

Палемонъ. Громъ гремитъ — тучи приближаются, и море чернѣетъ.

Дафнисъ. Умолкли радостныя пѣсни. Всѣ плаватели принялись за работу; опускаютъ парусы, укрѣпляютъ мачты.

Палемонъ. Уже вблизи шумитъ буря — свистятъ вѣтры — море волнуется.

Дафнисъ. Наступаетъ грозная ночь со всѣми своими ужасами. Страшно гремятъ громы — пылаетъ небо въ молніяхъ — кипитъ, кипитъ пучина морская, и въ черной смолѣ волнъ ея клубится бѣлая пѣна.

Палемонъ. Видишь, какъ водяныя горы къ небу возносятся! видишь, какъ на бурныхъ хребтахъ ихъ корабли бѣлѣются!

Дафнисъ. Смотри, какъ отчаянные плаватели при блескѣ молній простираютъ руки свои къ небу, требуя спасенія!

Палемонъ. Милосердые боги! спасите ихъ.

Дафнисъ. Увы! нещастные погибаютъ! Разъяренная бездна поглощаетъ ихъ!

Палемонъ. И такъ они не возвратятся къ своимъ любезнымъ! Отечественное эхо не повторитъ ихъ голоса!

Дафнисъ. Выдетъ на берегъ мать съ дѣтьми своими, долго будетъ смотрѣть на синее море, и не увидитъ корабля знакомаго.

Палемонъ. Не увидитъ корабля, на которомъ поѣхалъ супругъ ея.

Дафнисъ. Она уронитъ слезу на песокъ берега, и возвратится домой съ сиротами своими.

Палемонъ. Соленая вода размоетъ тѣла ваши, нещастные плаватели!

Дафнисъ. Или алчные киты поглотятъ ихъ.

Палемонъ. Или хищныя птицы исклюютъ ихъ на берегу необитаемомъ.

Дафнисъ. Ахъ! для чего не остались вы дома? —

Палемонъ. Дафнисъ! Дафнисъ!... мы могли имъ завидовать?

Дафнисъ. Ахъ, Палемонъ! куда мнѣ скрыться отъ своей совѣсти! Принесемъ богамъ покаяніе.

Палемонъ. Простите намъ, милосердые боги, что мы хотя на минуту были недовольны нашею долею, и желали изъ суетнаго любопытства — погибнуть въ волнахъ!

Дафнисъ. Простите, простите насъ, милосердые боги! Впредь мы никогда не будемъ мучить себя воображеніевъ отдаленныхъ удовольствій, за которыя — увы! — такъ дорого платить должно.

Палемонъ. Будемъ спокойно наслаждаться тѣми благами, которыя вы намъ всякой день посылаете.

Дафнисъ. Пусть всегда ясной лучь восходящаго солнца и сладкой поцѣлуй нѣжной Хлои прерываютъ утренній сонъ мой!

Палемонъ. Пусть всегда пасу я пестрое стадо овецъ моихъ, играю на тростяной свирѣли, и на душистыхъ зеленыхъ лугахъ обнимаюсь съ моею Филлидою!

Дафнисъ. Пусть всегда буду я утѣшеніемъ отца моего!

Палемонъ. А я радостію моей матери!

Дафнисъ. А когда у насъ будутъ дѣти —

Палемонъ. Милыя дѣти —

Дафнисъ. Тогда —

Палемонъ. Тогда мы будемъ ихъ ласкать и цѣловать, подобно какъ горлица ласкаетъ и цѣлуетъ птенцовъ своихъ.

Дафнисъ. Мы будемъ ими играть и тѣшиться, пока онѣ малы —

Палемонъ. Будемъ ихъ добру учить, когда онѣ выростутъ.

Дафнисъ. Скажемъ имъ: Любезныя дѣти! когда вы въ ясной полдень будете сидѣть на высокомъ берегу моря; когда увидите корабли, быстро несущіеся на бѣлыхъ парусахъ; когда услышите веселыя пѣсни плавателей —

Палемонъ. И позавидуете ихъ участи —

Дафнисъ. Тогда вспомните, что небо вдругъ можетъ покрыться черными тучами —

Палемонъ. Могутъ вдругъ заревѣть бури —

Дафнисъ. И въ смущенной стихіи погребсти плавателей со всѣми ихъ радостными надеждами. —

Палемонъ. Я чувствую холодъ. Возвратимся въ нашу хижину, любезной Дафнисъ! —

Они встали и пошли въ свою хижину, гдѣ любовь и спокойствіе ожидали ихъ.

ФРОЛЪ СИЛИНЪ,

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. *

—

Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ! Пусть краснорѣчивые льстецы хвалятъ великодушіе знатныхъ! Я хочу хвалить Фрола Силина, простаго поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ.

По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, которой живетъ въ памяти у Низовыхъ жителей подъ именемъ голоднаго; того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ; той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ; и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили

---

* Онъ еще живъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей читалъ ему сію піесу. Доброй старикъ плакалъ, и говорилъ: «Я этова не стою, я этова не стою!»

милостыни на дорогахъ, и не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили. Щадя нѣжное сердце моего Читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ близь Симбирска; былъ еще ребенокъ, но умѣлъ уже чувствовать какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. — Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ быть живетъ еще и теперь — Фролъ Силинъ, трудолюбивой поселянинъ, которой всегда лучше другихъ обработывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ; почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали — всѣ, кромѣ осторожнаго Фрола Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелію. Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ, и, пользуясь случаемъ, разбогатѣть вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ: «Послушайте, братцы! Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ на гумно; пособите мнѣ обмолотить скирда четыре, и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ.» Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія — ибо и въ городахъ и въ селахъ великодушіе есть рѣдкое явленіе! Слухъ о семъ благодѣяніи Фрола Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Доброй Фролъ на-

зывалъ ихъ братьями своими, и ни одному не отказывалъ. «Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой» — говорила ему жена. «Богъ велитъ давать просящимъ» — отвѣчалъ онъ. — Небо услышало молитву бѣдныхъ, и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяніе, одолженные Фроломъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю, и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою. «Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти, говорили они: одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностію то, что у тебя заняли.» Мнѣ ничего не надобно, отвѣчалъ Фролъ: у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога; не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ. — Напрасно приступали къ нему должники его. «Нѣтъ, братцы — говорилъ онъ — нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются; въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется. Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ!» — «Хорошо (сказали тронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по твоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться.» — Фролъ вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо; что онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣстно.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло четырнад-

цать дворовъ: Фролъ Силинъ послалъ на каждой дворъ по два рубля денегъ и по косѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Фрола Силина. На тотъ разъ не было у него денегъ. «У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ: возьмите и продайте ее.»

На имя господина своего купилъ онъ двухъ дѣвокъ, выпросилъ имъ отпускныя, содержалъ ихъ какъ дочерей своихъ, и выдалъ за мужъ съ хорошимъ приданымъ.

Естьли ты еще не оставилъ насъ, другъ человѣчества, и не преселился въ міръ тебя достойнѣйшій, въ міръ Ангельской, гдѣ рука Милости поставитъ тебя выше многихъ Царей земныхъ: то конечно и теперь благотворишь ты ближнему, и возвышаешь небесной санъ свой! По особливому случаю, и въ отдаленіи, узналъ я дѣла твои; живя близь тебя, я не зналъ ихъ. Когда буду въ мѣстахъ, тобою украшаемыхъ, то съ благоговѣніемъ приближусь къ твоей хижинѣ, и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ твоемъ. Но естьли не найду тебя живаго, то велю проводить себя ко гробу твоему, и на безчувственную землю пролью слезу чувствительности; сыщу бѣлой камень, положу его на твою могилу, и собственною рукою вырѣжу на немъ слова сіи: *Здѣсь покоится прахъ благодѣтельнаго человѣка.*

Славнѣйшая нація въ Европѣ посвятила вели-

колѣпной храмъ * *мужамъ великимъ*, мужамъ которые удивляли насъ своими дарованіями. Съ покрытою головою не пройду я мимо сего мѣста; но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго добрымъ Геніямъ человѣчества — и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Фролу Силину.

---

* Въ Лондонѣ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, поставлены монументы многимъ славнымъ Англійскимъ Авторамъ.

НЕВИННОСТЬ.

—

Веселіе сіяетъ въ очахъ ея. Она улыбается подобно утру весеннему. На высокомъ челѣ ея изображается душевный миръ и спокойствіе. Неувядаемыя розы и лиліи цвѣтутъ на ея ланитахъ. Станъ ея подобенъ прямому стеблю нѣжнаго нарцисса. Рѣзвые зефиры, віясь вокругъ ея, развѣваютъ на ней легкую, бѣлую одежду, и распущенными власами ея играютъ; но едва дерзаютъ они прикасаться къ дѣвственнымъ грудямъ ея, подобнымъ чистѣйшему снѣгу двухолмистой горы въ Гельвеціи, * къ которому ничто смертное не прикасалося. Увѣнчанная цвѣтами Грацій, шествуетъ она бодро по землѣ благословенной; бури и мраки отъ нее удаляются; ядовитыя зміи не смѣютъ ужалить ноги ея; колючія травы смягчаются подъ ея стопами; Небесная благость изливается предъ нею въ лучаяхъ солнечныхъ.

Когда смертные повиновались гласу благодѣтельной Природы, и жили въ любви, тишинѣ и мирѣ: тогда Невинность на землѣ обитала, гуля-

---

* Сія гора называется *Юнгферъ*, т. е. дѣвица.

ла по лугамъ съ пастушками, играла и пѣла съ ними въ хороводахъ. Но когда человѣкъ, въ гибельный часъ заблужденія, восхотѣлъ быть мудрѣе Природы: тогда Невинность возвратилась на небеса, въ свое отечество. Съ того времени она уже рѣдко посѣщаетъ землю, и рѣдко бываетъ видима оку смертнаго; но я видѣлъ ее — въ образѣ любезноя Аглаи.

КАЛИФЪ АБДУЛ-РАМАНЪ.

Жаль, что Исторія мало говоритъ намъ о Калифѣ Абдул-Раманѣ, которой велѣлъ написать на гробѣ своемъ, что онъ полвѣка царствовалъ и славился, а былъ щастливъ — десять дней! Какъ бы хотѣлось мнѣ читать описаніе оныхъ десяти дней! — Авторы моего отечества! вотъ предметъ достойный вашей живописной кисти! вотъ обширное поле для вашего воображенія! Напишите мнѣ: *десять щастливыхъ дней Калифа Абдул-Рамана!*

НОЧЬ.

—

Явися, прекрасное свѣтило ночи, явися на лазурномъ сводѣ, и пролей серебряные лучи свои на тихую долину! Разсѣй ночныя тѣни и страхъ любезной Хлои, идущей къ своему другу, — да не боится она не звѣря хищнаго, коварно стрегущаго своей добычи, ни тернія колючаго, тающагося во мракѣ!

Кристальный ручеекъ, рѣзво текущій по зеленому лугу, и тонкою пѣною своихъ маленькихъ волнъ окропляющій голубые цвѣточки и мягкую травку красивыхъ бережковъ своихъ! журчи, шуми въ изгибахъ блестящихъ, и будь веселымъ вождемъ любезной Хлои, идущей къ своему другу! Здѣсь, на муравѣ орошенной, дожидается онъ прихода ея.

Дышите, дышите ароматами, фіоли ночныя! Цвѣтущія древа! питайте воздухъ своими сладкими испареніями! Каждая травка курись благовоніемъ! я жду моей любезной.

Пой, не умолкая, первѣйшій изъ пѣвцовъ крылатыхъ! Изъ тона въ тонъ да возвышается пѣснь твоя! Безмолвныя рощи внимаютъ тебѣ: да услышитъ тебя моя любезная, и волшебныя трели твои да привлекутъ ее въ мои отверстыя объятія!

Ночь тиха и прекрасна, подобна той, въ которую цѣломудренная Діана на горѣ Карійской узрѣла въ первый разъ нѣжнаго Эндиміона, въ сладкомъ снѣ погруженнаго, и ощутивъ въ сердцѣ своемъ жаръ любви, дотолѣ ей неизвѣстный, ниспустилась съ высоты небесной, и дѣвственными устами своими поцѣловала щастливаго юношу.

Взоры мои объемлютъ все пространство долины. Тамъ, на отдаленномъ холмикѣ, за пальмовой рощей, чернѣется хижина добраго Акаста, въ которой странники находятъ отдохновеніе, бѣдные помощь, печальные отрады. Тамъ сѣдой старецъ, Небу любезный, провождаетъ щастливые дни свои среди дѣтей, въ добродѣтели ему подобныхъ. Теперь покойный сонъ смыкаетъ его вѣжди, и въ свѣтлой душѣ его, отъ чувственныхъ узъ освобожденной, созерцаются поля Елисейскія, поля блаженства, со всѣми радостями, которыя нѣкогда будутъ наградою правоты его.

Тамъ, въ темной зелени высокихъ елей, бѣлѣется памятникъ нещастной Филлиды. Она была прекрасна; но гордясь своимъ безстрастіемъ, презирала любовь, и никто не наслаждался ея красотою. Печально цвѣла юность ея, подобно розѣ, въ пустынѣ растущей: восходитъ румяная заря, и видя горестное уединеніе алой царицы, ліетъ слезы сожалѣнія на нѣжные листочки ея; увянетъ роза, и странникъ скажетъ: *начто цвѣла она въ пустынѣ?* Увяла нещастная Филлида, и пастухъ, бросая цвѣтокъ на ея могилу, сказалъ: *начто цвѣла она?* Засверкали слезы въ глазахъ его; онъ вздохнулъ,

и тихими шагами пошелъ отъ сего мѣста, преклоня голову къ стѣсненной груди своей. Печальное воспоминаніе!

Тамъ, между миртами, возвышается олтарь, Любви посвященный, на которомъ никогда не увядаютъ вѣнки, щастливыми любовниками на него полагаемые. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ я Хлою; тамъ въ первый разъ отъ страстнаго взора моего расцвѣли розы любви на лилейныхъ щекахъ ея; тамъ въ первый разъ.... Но я слышу тихой шорохъ въ кустахъ лавровыхъ — Хлоя!... Нѣтъ, это бѣлой кроликъ, зефиромъ пробужденный. Но скоро она будетъ: зефиръ всегда вѣетъ передъ нею.

Высоко взошелъ ясный мѣсяцъ; свѣтло блистаетъ журчащій ручей въ своемъ теченіи; дерева, цвѣты и травы изливаютъ свою амброзію; громко поетъ соловей на вѣтьви розмаринной. — Сердце мое бьется; я смотрю и слушаю — шорохъ приближается — раздѣляются вѣтьви — вечерняя роса обливаетъ меня — и Хлоя въ моихъ объятіяхъ.

Радость, восхищеніе, сладостное безмолвіе — руки наши сплелися — уста трепещутъ, слипаются — я прижимаю Хлою къ горячей груди моей, — она меня къ своей прижимаетъ — густой мракъ покрываетъ мои глаза — тонкое пламя обнимаетъ все существо мое, ліется изъ нервы въ нерву — ноги мои подгибаются — я плаваю, утопаю въ сладостяхъ — забываю самого себя — душа моя соединяется съ душею Хлои — замираетъ — и мы лишаемся чувства.... Но Богъ любви, которой невидимо носился надъ нами, ниспустился,

и свѣтильникомъ своимъ возжегъ во внутренности нашей потухшій огонь жизни — тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ моего сердца, изъ ея сердца и мы пришли въ себя — Купидонъ улыбнулся, и воспарилъ на вершину Олимпа.

Хлоя устремляетъ на меня томный взоръ свой; двѣ слезы катятся изъ глазъ ея — она опускаетъ голову на грудь мою — легкой вѣтерокъ провѣваетъ ея русые волосы — мирты осыпаютъ насъ млечнымъ цвѣтомъ своимъ — душа моя освѣжается — утихаетъ волненіе въ крови моей — сердце мое покойно и весело — я обнимаю Хлою, питаю взоры свои открытыми ея прелестями, и благословляю Любовь всемогущую.

Любовь, Любовь, причина и цѣль жизни нашей! блаженъ, удостоенный твоихъ благодѣяній! Блаженъ, кто въ цвѣтущихъ лѣтахъ своихъ находитъ себѣ нѣжную подругу, тобою украшенную! Блаженъ, кто вкушаетъ всю сладость, изливаемую тобою на жизнь смертныхъ! Блаженъ.... Но сонъ прикасается ко мнѣ маковымъ стеблемъ своимъ, и я засыпаю вмѣстѣ съ моею любезною — крылатыя мечты шумятъ надо мною, и готовятъ мнѣ новыя пріятности.

НОВЫЙ ГОДЪ.

—

Любезная Аглая! къ тебѣ спѣшу и въ сiю минуту — спѣшу со всѣмъ пламенемъ чистѣйшаго дружества прижать тебя къ моему сердцу, напечатлѣть огненный поцѣлуй на устахъ твоихъ, и сказать тебѣ: «Милая Аглая! поздравляю тебя съ новымъ годомъ!»

Ты молчишь, прекрасная.... пожимаешь руку мою, и слёзы блистаютъ въ черныхъ глазахъ твоихъ.... Ахъ! онѣ каплютъ, каплютъ на мое сердце, подобно перламъ небеснаго дождя, падающимъ сквозь солнце; бѣлой флеръ подымается на груди твоей.

Сердца наши разумѣютъ другъ друга. Наступающiй годъ не возвратитъ тебѣ того, чего лишилась ты въ прошедшемъ!

О естьли бы всемогущiй Рокъ поручилъ мнѣ на время свой скипетръ! Тогда, прекрасная, тогда бы жизнь твоя была подобна лучу солнечному, все озаряющему, и ничѣмъ не помрачаемому! Но, увы! я не могу воскресить Изидора! Могу только плакать вмѣстѣ съ тобою.... вотъ слезы мои!

Теперь пушистая зима осыпала снѣгами своими хладную землю, и сокрыла отъ глазъ нашихъ мо-

гилу любезнаго; но когда придетъ благословенная весна, и снявъ съ полей снѣжные покровы, разстелетъ повсюду зеленые ковры свои: тогда, любезная Аглая, пойдемъ мы къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ прахъ незабвеннаго друга нашего. Тамъ сладкогласной соловей, пѣвецъ отъ гроба Орфеева, * воспоетъ тебѣ нѣжную утѣшительную пѣснь свою; тамъ каждая возницающая травка, и каждый благовонный цвѣточикъ скажетъ тебѣ: *въ темныхъ нѣдрахъ земли таилась жизнь моя!* Мысль о безсмертіи возсіяетъ въ душѣ твоей — и ты увидишь Изидора, простирающаго къ тебѣ свои объятія изъ страны отцовъ нашихъ.

---

* Извѣстно, что на Орфеевомъ гробѣ пѣлъ соловей пріятнѣе, нежели гдѣ нибудь.

ПОСВЯЩЕНІЕ КУЩИ.

—

Прекрасная, вѣчноюная, многообразная, крылатая богиня, цвѣтущая *Фантазія!* сію мрачную, уединенную, безмолвную кущу, — окропляемую пѣнистымъ ручьемъ, съ гранитнаго утеса ниспадающимъ, — посвящаю тебѣ, божественная!

Здѣсь, удалясь отъ всего міра, буду я сидѣть въ молчаніи, и съ кроткимъ трепетаніемъ сердца внимать шуму приближающагося твоего полета. Во всякомъ образѣ будешь мнѣ пріятна: тогда ли, когда, одѣянная покровомъ златоцвѣтнымъ, предстанешь мнѣ съ солнечнымъ лицемъ торжествующей Добродѣтели; или, увѣнчанная благовонными миртами и подпираясь лилейнымъ стеблемъ, явишься въ образѣ нѣжноулыбающейся Горы; * или когда въ вихрѣ и въ бурѣ, съ власами распущенными, съ лицемъ блѣднымъ, съ очами огненными, съ обнаженною грудью, примчишься отъ снѣжной вершины сѣдаго Кавказа, гдѣ внимаешь ты воплю окованнаго Прометея, ** хищною птицею безпре-

* Римская богиня красоты.

** Прометей, какъ извѣстно, былъ сынъ Титана Япета. Юпитеръ, озлобясь на него за то, что онъ образо-

станно терзаемаго, и вмѣстѣ съ Океанидами * клянущаго жестокость безчеловѣчнаго, неблагодарнаго Юпитера; или когда, въ тишину ночную, въ видѣ сѣтующей Ніобы, ** медленно низпустишься на гробъ моего Агатона, спящаго сномъ смертнымъ предъ отверстіемъ сей кущи, и опершись на хладный камень, луною освѣщаемый, воззришь на меня очами слезящими, и томною рукою разсыплешь по могилѣ цвѣты печальнаго воспоминанія, анемоны съ гіацинтами. ***

Благодѣтельная богиня, утѣшительница человѣковъ! ты снимаешь цѣпи съ невольника, на Африканскомъ берегу стенающаго, и на быстрыхъ крыльяхъ своихъ переносишь его въ дражайшее отечество, въ нѣдра милаго семейства; ты прикосновеніемъ розовыхъ перстовъ своихъ превращаешь свинцовое бремя жизни въ легкое, зефиромъ

валъ богамъ подобнаго человѣка, велѣлъ приковать его къ Кавказу, и послалъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзалъ его печень. Сей жестокой языческой богъ забылъ, что Прометей помогалъ ему мудрыми совѣтами во время войны съ Титанами.

* Дочери Океановы, бравшія участіе въ жалостной судьбѣ Прометея.

** Супруга Амфіонова. Когда Аполлонъ и Діана умертвили дѣтей ея, то она о смерти ихъ столько печалилась, что наконецъ превратилась въ камень.

*** Анемонъ напоминаетъ нещастную кончину Адонисову, а гіацинтъ безвременную смерть любимца Аполлонова, называвшагося симъ именемъ.

несомое перо, и Гиметскимъ медомъ * услаждаешь горесть слезъ, проливаемыхъ сиротою; ты, единымъ махомъ крыла своего, возносишь послѣдняго изъ пастуховъ на тронъ царскій, и предъ повелительнымъ взоромъ его преклоняешь выю цѣлыхъ народовъ.

Но кто исчислитъ твои образы? Кто исчислитъ твои дѣйствія, храмовъ и олтарей достойная?

Сія уединенная куща (ибо ты любишь уединеніе) да будетъ храмомъ твоимъ, усладительница моей жизни, цвѣтущая *Фантазія!*

---

* Гиметской медъ почитался у древнихъ Грековъ самымъ лучшимъ. Пчелы горы Гимета питали Юпитера въ его младенчествѣ.

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

—

Благочестивый старецъ, провождавшій святые дни свои въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для братской трапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышленіямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную густоту лѣса, гдѣ нога смертнаго дотолѣ не бывала, и куда самые звѣри заходить не терзали. Вдругъ слухъ его плѣняется пѣніемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самого себя, забываетъ вселенную, и стоитъ неподвижно какъ мраморъ. Летитъ время, и не смѣетъ прикоснуться къ нему крылами своими; не смѣетъ прервать его вниманія: ибо оно было подобно вниманію *вѣчныхъ* жителей неба. Наконецъ птичка умолкла, и благочестивый старецъ пошелъ обратно въ свою обитель. Приходитъ, и видитъ — другія стѣны, другую церковь, другія кельи и другихъ монаховъ;— не вѣритъ глазамъ своимъ, идетъ къ начальнику монастырскому, и въ изумленіи вопрошаетъ его: «Скажи, отецъ преподобный! скажи, какое чудо «преобразило сію обитель? За нѣсколько часовъ «передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу «все иное.» — Мы тебя не знаемъ, пришлецъ! от-

вѣтствовалъ начальникъ. — Старецъ разсказываетъ исторію монастыря своего — именуетъ своего Архимандрита. «Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители извѣстно мнѣ все тобою повѣствуемое, сказалъ съ удивленіемъ начальникъ: извѣстно мнѣ и самое имя сего Архимандрита; но онъ жилъ за тысячу лѣтъ передъ симъ.» — «Теперь небесный лучь освѣщаетъ очи мои!» воскликнулъ старецъ по глубокомъ размышленіи, и видъ его привелъ въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ, ибо въ немъ было нѣчто божественное — «Братія! я слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ!» — Тутъ хочетъ онъ изъяснить сладость сего пѣнія; но языкъ его тупѣетъ, взоръ его меркнетъ — онъ падаетъ, и святая душа вылетаетъ изъ тлѣннаго тѣла. На камнѣ, покрывающемъ могилу его, вырѣзаны сіи слова: *онъ слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ.*

Любезная Аглая! я также не чувствую времени, когда внимаю твоему пѣнію.

ПИСЬМА

КЪ

М. Н. МУРАВЬЕВУ.

—

I.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Имѣя доказательства Вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ Вашей любви ко славѣ Отечества и Русской Словесности, беру смѣлость говорить Вамъ о моемъ положеніи.

Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, *принужденною* работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ, сочинять Русскую Исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать Исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы; но еще не имѣю

способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 руб. доходу. Если Вы думаете, Милостивый Государь, что Правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе Россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ Литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать Исторію не варварскую и не постыдную для Его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля *исторіографомъ* и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ Исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, немного истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны; если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ Правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать авторе, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію ко славѣ Отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ Исторіею; и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная Исторія и публика не оставили бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы Профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дерптскіе Кураторы, но вмѣстѣ съ должностію неблагопріятною для таланта.

Сказавъ все и вручивъ Вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи Вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человѣка я не обременилъ бы такою просьбою; но Васъ знаю, и не боюсь показаться Вамъ смѣшнымъ. Вы же *нашъ* Попечитель. — Господинъ Чеботаревъ, Ректоръ, предложилъ мнѣ быть Членомъ Московскаго Университета — честь, которою я Вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. — Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ Наукамъ.

Съ душевнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Николай Карамзинъ.

Москва,
28 Сентября 1803.

P. S. Я живу на Малой Дмитровкѣ въъ домѣ Мосолова.

═

II.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Вамъ единственно обязанъ я милостію Государя и способомъ заниматься такимъ дѣломъ, которое

можетъ быть славно для меня и не безславно для Россіи; къ сему одолженію Вы присоединили еще всю нѣжность души кроткой, чувствительной, и тѣмъ возвысили цѣну его.... Какъ Вамъ пріятно дѣлать добро, такъ сердцу моему сладостно быть навѣки благодарнымъ.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, изъявить великодушному Монарху усердную и благоговѣйную признательность одного изъ Его вѣрнѣйшихъ подданныхъ, который посвятитъ всю жизнь свою на оправданіе Его благодѣянія.

Графъ Александръ Романовичь Воронцовъ предписалъ здѣшнему Архиву Иностранной Коллегіи показывать мнѣ всѣ бумаги, имѣющія отношенія къ Россійской Исторіи; но желаю пользоваться и другими Библіотеками, напримѣръ древнею Патріаршею и Троицкою, гдѣ хранятся многія лѣтописи: не нужно ли будетъ *общимъ* Всемилостивѣйшимъ указомъ открыть для меня сіи источники? Иначе Надзиратели Библіотекъ едва ли позволятъ мнѣ брать на домъ манускрипты.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ вѣчною благодарностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Николай Карамзинъ.

Москва,
9 Ноября 1803 г.

III.

Милостивый Государь Михайло Никитичъ!

Сердечно благодарю Васъ за трудъ, который Вы взяли на себя, доложить Его Величеству о моемъ желаніи пользоваться Архивомъ и монастырскими Библіотеками. Хотя первый и былъ уже отворенъ для меня по благосклонному письму Канцлера; но лучше имѣть право, нежели зависѣть отъ воли людей. Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый: то добрые Россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что Вы были великодушнымъ и единственнымъ Покровителемъ автора, усерднаго ко славѣ Отечества.

Ваша милостивая ко мнѣ довѣренность обязываетъ меня быть искреннимъ: тѣмъ пріятнѣе мнѣ сказать, что мысль Ваша имѣетъ уже счастливое дѣйствіе; что публичныя Университетскія лекціи вообще имѣютъ успѣхъ, и что слушателей бываетъ довольно. Лекціи г-на Страхова, имѣя въ предметѣ любопытную часть Физики, нравятся болѣе другихъ. Не только многіе благородные молодые люди, но и лучшія здѣшнія дамы слушаютъ его съ удовольствіемъ; онъ же говоритъ ясно и съ довольною пріятностію. Молодой Шлецеръ обѣщаетъ быть достойнымъ сыномъ отца своего. Жаль только, что у насъ не многіе знаютъ Нѣмецкой языкъ; но тѣ, которые слушаютъ и разумѣютъ его историческія лекціи, весьма ими довольны. Мнѣ остается еще выдать одну книжку *Вѣстника:* я съ сер-

дочнымъ удовольствіемъ скажу нѣсколько словъ о сей новой пользѣ Московскаго Университета, въ надеждѣ на благосклонное ко мнѣ расположеніе публики, съ которою мнѣ должно проститься на долгое время, а въ нѣкоторомъ смыслѣ и навсегда. Исторія удаляетъ насъ отъ современниковъ.

Позвольте мнѣ, Милостивый Государь, изъявить Вамъ благодарность и за Рихтера. Авторское мое самолюбіе обязано ему многими удовольствіями. Переводы его сдѣлали меня извѣстнымъ въ Германіи, въ Англіи и во Франціи.

Съ вѣчною признательностію и съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Николай Карамзинъ.

Москва,
24 Декабря 1803 г.

IV.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Не Вамъ, а мнѣ должно быть признательнымъ, когда нѣсколько строкъ, написанныхъ мною о лекціяхъ, удостоились Вашего лестнаго вниманія. Но Вы уже пріучили меня къ благодарности.

Теперь, раздѣлавшись съ публикою, занимаюсь единственно тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ Исто-

ріи. Архивъ Иностранной Коллегіи служитъ мнѣ великою помощію; скоро прибѣгну я къ монастырскимъ Библіотекамъ, для сличенія разныхъ древнѣйшихъ лѣтописей. Вы дозволите мнѣ отъ времени до времени говорить Вамъ объ успѣхѣ трудовъ моихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

Москва,
18 Февраля 1804 г.

V.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

За пріятнѣйшую должность поставляю себѣ давать Вамъ отчетъ въ моей работѣ. Я кончилъ теперь введеніе, которое состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: *кто были древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки Славяне, Вяряги и Варяги-Русь?* то есть, я дошелъ до временъ Рюрика, и могу сказать, что этотъ шагъ былъ самый труднѣйшій. Надлежало сообразить все, написанное Греками и Римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина; все написанное Византійскими историками о Славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ Исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Россійской. Не легко было также, сообразивъ все, предложить слѣдствія кратко, про-

сто и ясно; не сказать ничего лишняго, не пропустить ничего существеннаго; всякое слово основано на историческомъ свидѣтельствѣ, и вѣроятности отличить отъ дѣйствительной истины. Описаніе физическаго и нравственнаго характера древнихъ Славянъ, ихъ правленія и вѣры составитъ второе отдѣленіе, которымъ уже занимаюсь, выбравъ матеріалы изъ Византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ, хотя отчасти позднѣйшихъ, однакожъ достовѣрныхъ авторовъ. Надѣюсь, если буду живъ и здоровъ, кончить это статью нынѣшнею зимою; и тогда уже приступлю къ дѣйствительной Россійской Исторіи — къ описанію правленія Князей Варяжскихъ въ нашемъ Отечествѣ. Однимъ словомъ не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе есть теперь Исторія. Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка. Я нашелъ двѣ харатейныя Несторовы лѣтописи весьма хорошія: одну XIV вѣка, у Графа Пушкина, которую уже и списалъ для себя, а другую въ Библіотекѣ Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищевъ, ни Щербатовъ не имѣли въ рукахъ своихъ такихъ драгоцѣнныхъ списковъ Нестора. Всякой день открываю новыя грубыя ошибки Татищева и Болтина; замѣчаю ихъ въ нотахъ, однакожъ не оскорбляя памяти умершихъ. Никогда не забуду, что Вы, Милостивый Государь, дали мнѣ возможность заниматься симъ дѣломъ, весьма полезнымъ въ системѣ Государственнаго просвѣщенія. Я могу умереть, не дописавъ Исторіи; но Россія должна всегда имѣть Историографа. Десять об-

ществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя Историческимъ предметамъ. Вы довершили бы, Милостивый Государь, ваше благодѣяніе для меня и для пользы общей, если бы при случаѣ доложили Императору, чтобы Онъ Всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣлъ Исторіографу считаться въ одномъ классѣ съ Профессорами, чѣмъ утвердилось бы еще болѣе сіе мѣсто, которое, будучи сопряжено съ трудами не безважными, достойно въ порядкѣ Государственныхъ чиновъ сравняться съ мѣстомъ Профессорскимъ. Честолюбіе Исторіографа могло бы на всю жизнь ограничиться такою степенію, а Вы остались бы навсегда творцемъ сего достоинства въ Россіи.

Съ благодарностію и съ душевнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
12 Сентября 1804 г.

VI.

Милостивый Государь Михайло Никитичъ!

Какъ обрадовала меня новая милость нашего Государя, такъ глубоко тронуло мою душу новое доказательство вашего ко мнѣ благорасположенія. За сіи великія одолженія могу платить Вамъ одною

усерднѣйшею преданностію и ревностными трудами, обращаемыми къ пользѣ общей, которая любезна Вашему сердцу. Вы имѣли бы право укорить меня неблагодарностію, если бы я не употребилъ всѣхъ способовъ оправдать Ваше покровительство.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, изъявить Монарху Отечества мою благоговѣйную признательность.

Занимаясь прилѣжно своею работою, я не намѣренъ спѣшить въ изданіи плодовъ ея, и думаю, что не отдамъ въ печать ни строки, пока не дойду до фамиліи Романовыхъ. Отъ Князя Ивана Васильевича до Царя Михаила Θедоровича Исторія наша представляетъ уже множество великихъ происшествій, которыхъ описаніе должно рѣшить, имѣетъ ли Авторъ способности, нужныя для Историка? Но Вы должны быть моимъ судіею прежде публики:

Я слышалъ, что Шлецеръ прислалъ къ Вамъ, или къ Графу Заводовскому, историческое сочиненіе *объ Олегѣ:* оно должно быть для меня весьма любопытно....

Желая Вамъ отъ глубины сердца всѣхъ возможныхъ благъ въ жизни, съ вѣчною благодарностію и съ душевнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

Москва,

10 Октября 1804 г.

VII.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Съ чувствительностію благодарю Васъ за милостивое письмо и за книгу. Я давно знаю Автора: онъ много читалъ, но немногіе согласны съ нимъ въ изъясненіи древнихъ Историковъ и Географовъ. Люди, основательно ученые, писали о времени, въ которое Славяне могли придти съ береговъ Дуная въ Россію. Одно, хотя не весьма ясное мѣсто въ Никифорѣ Патріархѣ, заставляетъ думать, что сіе переселеніе случилось не ранѣе VII вѣка; вѣроятно также, что Несторъ, подобно Византійскимъ лѣтописцамъ XII вѣка, именуетъ Волохами Болгаровъ (вопреки Шлецеру, который нѣсколько разъ перемѣнялъ свои мысли); но вѣроятность не есть доказанная истина, и вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Мнѣ хотѣлось бы имѣть подробную выписку изъ Ватиканскаго Архива о древнѣйшихъ сношеніяхъ Папъ съ Россіею, и для того желаю писать къ Кардиналу Гонзальви; но осмѣливаюсь требовать Вашего совѣта: могу ли это сдѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ? Мы, кажется, не имѣемъ теперь дружелюбной связи съ Римомъ. Князь Адамъ Адамовичь безъ сомнѣнія Вамъ знакомъ; надѣюсь, что онъ и ко мнѣ расположенъ благосклонно: не льзя ли съ нимъ, Милостивый Государь, переговорить о томъ? Кардиналъ уважитъ ли мою

просьбу, если нашъ Министръ не замолвитъ за меня слова?

Увѣренный въ Вашей милости и въ томъ, что вамъ пріятно способствовать успѣху моего ревностнаго труда, безпокою Васъ еще другою просьбою. Я нашелъ и выписалъ много необходимыхъ для меня книгъ; но по сіе время не могъ достать *Дюканжа*. Его Historica Buzantina illustrata или Constantinopol. Chistiana мнѣ очень нужна; должна быть въ Академической Библіотекѣ; не захочетъ ли Николай Николаевичь Новосильцовъ одолжить меня ею? Я скоро возвратилъ бы ее черезъ почту. Въ моихъ обстоятельствахъ позволено, кажется, быть докучливымъ; а Вы мой единственный покровитель.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и съ душевною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
16 Мая 1805 г.

VIII.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Спѣшу изъявить Вамъ особенную благодарность мою за Дюканжа, котораго получилъ, и которымъ

надѣюсь воспользоваться для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ девятаго и десятаго вѣка. Благодарю также за Ваше милостивое дозволеніе брать мнѣ книги изъ Университетской Библіотеки. Въ разсужденіи обрядовъ Греческаго Двора, я могъ бы удовольствоваться и Константиномъ Багрянороднымъ; однакожъ не худо заглянуть и въ другаго автора. Возьму его, какъ скоро пріѣду въ городъ; теперь живу въ Подмосковной.

Недавно осматривалъ здѣшніе монастыри: архивы ихъ совершенно пусты. Однакожъ въ нѣкоторыхъ нашелъ я вкладныя или такъ называемыя *Кормчія книги*, для меня любопытныя: онѣ объясняютъ многія обыкновенія XVI и XVII вѣка. По Симоновской Вкладной книгѣ узналъ я, что въ тамошнемъ монастырѣ жилъ и скончался сынъ Димитрія Донскаго, отказавъ ему разныя помѣстья. Теперь собираюсь ѣхать въ Саввинъ монастырь: тамъ все напоминаетъ Царя Алексѣя Михайловича и хранятся нѣкоторыя историческія рукописи. Онъ въ 50 верстахъ отсюда.

Съ сердечною преданностію и съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

3 Іюня 1805 г.

IX.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Завтра, на тяжелой почтѣ, отправлю къ Вашему Превосходительству *Дюканжа*, за котораго повторяю искреннюю мою благодарность. Я возвратилъ бы его двумя мѣсяцами ранѣе, если бы жестокая болѣзнь не помѣшала мнѣ заниматься дѣломъ моимъ. Отъ Августа до Октября я не бралъ пера въ руки для Исторіи. Теперь оправляюсь, и хотя радуюсь, какъ ребенокъ, своимъ выздоровленіемъ, но въ то же время и жалѣю сердечно о двухъ мѣсяцахъ, потерянныхъ для работы. Теперь мысли мои снова къ ней обратились. Я ожидалъ изъ Германіи сочиненій славнаго Іезуита *Прая* (Pray), но не получивъ ихъ, прибѣгаю къ Вашей милости: нѣтъ ли въ Академической Библіотекѣ его Annales Hunnorum и Dissertatio critica et historica? То и другое сочиненіе для меня весьма нужно.

Благодарю Васъ также, Милостивый Государь, за эстампъ, посвященный Лепехину. Мысль прекрасная. Въ Россіи чтятъ наконецъ достоинства Ученыхъ.

Я имѣлъ случай достать нѣкоторые драгоцѣнные для нашей Исторіи матеріалы: письма Папъ къ Россійскимъ Вел. Князьямъ въ 1075 году, выписанныя изъ Ватиканскаго Архива нынѣшнимъ Варшавскимъ Епископомъ для Короля Польскаго въ 1780 году, и еще журналъ Польскихъ Пословъ,

бывшихъ въ Москвѣ во время Димитрія Самозванца и Шуйскаго.

Съ сердечною преданностію и высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
5 Октября 1806 г.

X.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Мнѣ равно пріятно и заниматься дѣломъ своимъ и давать въ томъ отчетъ Вамъ. Я кончилъ второй томъ, помѣстивъ въ немъ исторію временъ язычества (отъ первыхъ Князей Варяжскихъ до смерти Владиміра), и заключивъ его обозрѣніемъ гражданскаго и нравственнаго состоянія древней Россіи. По сю пору все идетъ изрядно; увидимъ, что будетъ далѣе. Каждая эпоха имѣетъ свои затрудненія. Надѣюсь въ III томѣ дойти до Батыя, а въ IV до перваго Ивана Васильевича; тамъ остается еще написать тома два до Романовыхъ. Мнѣ не хочется пропустить ничего любопытнаго; не хочется также душить читателей трудами пустыхъ словъ. По крайней мѣрѣ теперь я уже свободно

перевожу духъ, и не боюсь ферулы Шлецеровой; то есть, мракъ для меня пообъяснился.

Я просилъ Васъ о сочиненіяхъ Прая: на сихъ дняхъ прислали ихъ ко мнѣ изъ Германіи. Но все еще не имѣю нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ: на примѣръ, Вы одолжили бы меня, если бы доставили преданному Вамъ Исторію. . . . . отъ 1784 до 1789 года. Думаю, что это сочиненіе есть въ Академической Библіотекѣ.

Васъ же должно мнѣ благодарить и за пріятное знакомство Николая Назарьевича. Я не очень скроменъ; однакожъ не могъ еще сказать ему всего, что въ отношеніи къ Вамъ чувствую.

Съ душевнымъ высокопочитаніемъ и съ вѣчною признательностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
6 Марта 1806 г.

XI.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Съ сердечною признательностію читалъ я Ваше письмо, которое столь живо увѣряетъ меня въ Вашемъ милостивомъ ко мнѣ расположеніи.

Не стыжусь безпокоить Васъ просьбами, кото-

рыхъ цѣль есть та, чтобы оправдать Ваше доброе мнѣніе о трудѣ моемъ. Мнѣ надобно еще имѣть свободный входъ въ два Архива: въ здѣшній *Сенатскій* и *Разрядный* (которые находятся подъ вѣдѣніемъ Министра Юстиціи) и въ Московскую Оружейную Палату, которая зависитъ отъ Г. Валуева, Петра Степановича. Сдѣлайте милость, исходатайствуйте для меня Высочайшее позволеніе выписывать изъ сихъ Архивовъ (также изъ Архива Оружейной Палаты) все, что имѣетъ отношеніе къ Россійской Исторіи.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ сердечною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
5 Апрѣля 1806 г.

XII.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Съ живѣйшею признательностію чувствую всѣ Ваши милости и одолженія. Теперь ожидаю только, чтобы Князь Петръ Васильевичь и Петръ Степановичь сообщили сюда о Высочайшемъ позволеніи, мнѣ данномъ, имѣть входъ въ Архивы и въ Оружейную Палату . . . . меня

также очень обрадовали; не замедлю возвратить ихъ Вашему Превосходительству.

Съ сердечною преданностію и съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
20 Апрѣля 1806 г.

XIII.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

На прошедшей тяжелой почтѣ отправлены мною въ Петербургъ. . . . . на имя Вашего Превосходительства. Покорнѣйше благодарю васъ за пользу, съ которою я читалъ ихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ душевною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Село Климово.
18 Мая 1806 г.

XIV.

Милостивый Государь Михайло Никитичъ!

Прочитавъ указъ о Милиціи, я написалъ приложенные стихи, и буду доволенъ, если Вы найдете въ нихъ нѣкоторую живость.

Время ли говорить о мирныхъ упражненіяхъ Исторической Музы?... Я въ концѣ третьяго тома, который заключается Владиміромъ Мономахомъ. Примѣчанія необходимыя занимаютъ много мѣста: нельзя писать Исторіи безъ доказательствъ. Еще болѣе ста лѣтъ остается до нашествія Татаръ, и сія часть работы будетъ для меня не столь пріятна, какъ другія. Степь голая и печальная!—Законы Ярославовы предложены мною въ ясномъ систематическомъ порядкѣ и служатъ безцѣннымъ дополненіемъ лѣтописей. Я нашелъ весьма древній списокъ сихъ Законовъ, положенный въ Новгородскій Соборъ сыномъ Александра Невскаго, и еще другія важныя древности: 1) церковное учрежденіе племянника Мономахова, Святослава; 2) сочиненіе Россійскаго Митрополита Іоанна, современника Несторова; 3) сочиненіе Архіепископа Нифонта XII вѣка; 4) путешествіе Игумена Черниговскаго Даніила въ Іерусалимъ около 1107 году: сей Игуменъ былъ лично знакомъ съ Іерусалимскимъ Королемъ Бальдуиномъ. Всѣ такія драгоцѣнности будутъ изданы мною въ прибавленіяхъ къ Исторіи, если Богу угодно.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ сердечною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ всепокорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

XV.

Милостивый Государь Михайло Никитичь!

Считаю за нужное увѣдомить Васъ, что Графъ Алексѣй Ивановичь Пушкинъ (который долженъ быть теперь въ Петербургѣ) поѣхалъ отъ насъ съ намѣреніемъ отдать всѣ свои любопытныя рукописи, медали, монеты и другія древности, безцѣнныя для нашей Исторіи, въ здѣшній Архивъ Иностранной Коллегіи. При случаѣ Вы можете утвердить его въ семъ намѣреніи и способствовать произведенію онаго въ дѣйство. Потомство скажетъ вамъ *спасибо*; а Библіотека Архивская находится въ удивительномъ порядкѣ, и достойна такого обогащенія.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и сердечною преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ всепокорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
28 Генваря 1807 г.

ПИСЬМО

КЪ

К. Н. БАТЮШКОВУ.

—

Любезнѣйшій Константинъ Николаевичь! Хотя и поздно, но тѣмъ не менѣе искренно благодарю васъ за ваше дружеское письмо, которое мы, друзья ваши, нѣсколько разъ читали съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Мыслимъ, чувствуемъ и наслаждаемся съ вами. Не завидую единственно для того, что стараюсь ничему не завидовать. Помпея для меня любопытнѣйшій монументъ Римскихъ древностей: недостаетъ однихъ лицъ и голоса. Тутъ въ одинъ часъ лучше, очевиднѣе узнаешь Римлянъ, нежели въ 10 лѣтъ чтенія. Чѣмъ мы ближе къ старости, тѣмъ болѣе любимъ старину, тѣмъ краснорѣчивѣе бесѣдуемъ съ нею, видя далѣе взадъ, нежели впередъ. А васъ люблю еще болѣе старины и всѣхъ памятниковъ, между которыми вы гуляете тѣломъ и душею; но прошу не сказывать того Антикваріямъ. Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ

любезныхъ: оно есть душа души—свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами ли, прозою ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на святой Руси! Такъ ли, мой добрый Поэтъ? говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ.... Батюшкова, чтобы я видѣлъ его какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ; чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? зачѣмъ не пишетъ ко мнѣ изъ Неаполя? И если невидимый Геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками! Но вы насъ такъ любите, что я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ, о женѣ, о дѣтяхъ. Мы благодаримъ Бога: это все! К— ны живы, здоровы и ничѣмъ не прослужились передъ вами. — — Дочитываю корректуры VII-го тома, второй эдиціи: авось допишу и IX-й томъ къ лѣту. Общіе друзья наши также не перемѣнились. —Скажу вамъ за достопамятность, что мы нашли способъ прожить внѣ города шесть мѣсяцевъ, отъ 26-го Апрѣля до 20-го Октября. Лѣто здѣсь было

удивительное, не хуже Италійскаго. Не скрою однакожъ, что завтра отправимся въ Петербургъ уже по *снѣгу!* — Наконецъ, простите, любезный другъ, — обнимаю васъ нѣжно. Будьте здоровы, спокойны, дѣятельны, веселы, и разлюбите насъ единственно тогда, когда мы перестанемъ васъ любить, или сдѣлаемся недостойны любви вашей; quod absit.

Царское-Село.
20 Октября, 1819 г.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ.

(Изъ писемъ къ А. И. Т.)

—

Жить—есть не писать Исторію, не писать Трагедію или Комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое есть шелуха, не исключаю и моихъ томовъ.

Чѣмъ болѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея.

Страсти должны не счастливить, а разработывать душу.

Сухой, холодной, но умной Юмъ, въ минуту невольнаго, живаго чувства написалъ: douce paix de l'ame resignée aux ordres de la Providence!—Даже Спиноза говоритъ о необходимости любви къ Вышнему, для нашего благоденствія!

Мало разницы между *мелочными* и, такъ называемыми *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро, спрашивайте у совѣсти.

═

Хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже о

возрожденіи нравственномъ: будемъ въ *Середу* не много получше того, какъ мы были во *Вторникъ* и—довольно для насъ лѣнивыхъ.

Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется дѣятельность полезная. Чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя.

=

Для насъ, Русскихъ, съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка. Съ сими понятіями, вѣроятно, и закрою глаза для здѣшняго Свѣта, pour voir plus clair.

=

Слабые живутъ иногда долѣе отъ того, что берегутся.

=

Истинно Ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ.

=

Способъ быть счастливымъ въ жизни, есть: быть полезнымъ Свѣту и въ особенности Отечеству.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

КЪ

А. Д. БАЛАШЕВУ.

—

I.

Царское Село, 5-го Сентября 1821.

Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ поздравляемъ васъ, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичь, съ пріятнымъ *сюрпризомъ* 30-го Августа. Съ нами почти то же случилось!

Увидимся ли мы? Надѣюсь! Я слышалъ, что вы на сихъ дняхъ отправитесь въ Рязань; вѣроятно, что Царскаго Села не минуете.

Между тѣмъ вотъ просьба. На сей же почтѣ пишу къ А. Н. З........, убѣждая его сдѣлать что нибудь въ пользу моей племянницы, а его невѣстки, Анны Сергѣевны. Не можете ли также сказать ему нѣсколько убѣдительныхъ словъ въ этомъ смыслѣ? Ничего не прибавлю. Вы сами любите добро.

Навѣки преданный вамъ.

═

II.

Милостивый Государь

Александръ Дмитріевичъ!

Радуюсь случаю напомнить Вашему Превосходительству о преданномъ вамъ исторіографѣ, который является теперь передъ вами въ качествѣ Орловскаго помѣщика и просителя. Вотъ дѣло:

Имѣю 130 душъ въ Мценской Округѣ, и два года уступаю имъ часть оброка, по худому урожаю. Сію минуту получаю отъ старосты жалостное письмо: прошлаго года Земскій Судъ велѣлъ нашимъ крестьянамъ строить мостъ на большой Курской дорогѣ; сей мостъ былъ у нихъ уже готовъ, но только еще не поставленъ, а нынѣ вдругъ перемѣнили мѣсто, и отвели имъ другое, самое худое, болотное для строенія моста; приписали къ нимъ, для этой работы, крестьянъ мелкопомѣстныхъ, тридцати осьми разныхъ господъ, у коихъ души по три, и требуютъ, чтобы мой староста за все отвѣчалъ къ совершенному разоренію нашихъ полуголодныхъ земледѣльцевъ, которымъ не останется времени для сельскихъ работъ, придется оставить деревню и жить на своемъ трудномъ участкѣ для мощенія. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, будьте моимъ законнымъ покровителемъ! Не имѣю пріятелей, ни знакомыхъ между Орловскими чиновниками. Вообще моихъ бѣдныхъ крестьянъ утѣсняетъ земская полиція: напримѣръ, частымъ

коннымъ постоемъ, отъ коего сосѣди освобождаются. Вы умнѣе и сильнѣе меня въ этомъ случаѣ: можете однимъ словомъ защитить нашу деревеньку, которая никого не обижаетъ, но которую обижаютъ. Мнѣ не тяжело, а пріятно просить Васъ. Вы обязываете и чужихъ, а я смѣю не считать себя чужимъ, по особенной и не новой моей къ Вамъ привязанности.

И Васъ и Милостивую Государыню Елену Петровну прошу принять увѣреніе въ душевномъ высокопочитаніи и въ искреннѣйшей преданности, съ коими имѣю честь быть.

Санктпетербургъ.
22-го Апрѣля 1822.

III.

Милостивый государь

Александръ Дмитріевичъ!

Сердечно благодарю Ваше Высокопревосходительство за обязательное исполненіе моей просьбы о нашей Орловской деревенькѣ и за доставленіе мнѣ столь любопытнаго свѣдѣнія о найденныхъ вещахъ близъ старой Рязани. Въ разсужденіи перваго остаюсь совершенно довольнымъ, надѣясь, что вниманіе, оказанное Вами къ жалобамъ нашихъ крестьянъ, оградитъ ихъ впредь отъ всякаго притѣсненія со стороны земской полиціи, а

драгоцѣнности Рязанскія теперь разсматриваю: Государю угодно было прислать ихъ ко мнѣ. Можетъ быть, вѣковъ пять это лежало въ землѣ. Работа и Греческія буквы надписей весьма древни. Подробное описаніе, изъясненія и догадки оставляю нашимъ записнымъ антикваріямъ.

У насъ теперь гоститъ Иванъ Ивановичь * и живетъ въ одномъ изъ здѣшнихъ Китайскихъ домиковъ, но уже думаетъ о возвращеніи въ Москву послѣ Петергофскаго праздника, вопреки пустымъ, ложнымъ слухамъ о новомъ вступленіи его въ службу: ни ему не предлагали, ни онъ не мыслитъ о томъ, желая доживать вѣкъ свой на свободѣ.

Скоро останемся въ Царскомъ Селѣ пустынниками. Государь отправится на конгресъ, какъ слышно, въ началѣ Августа; Императрица вдовствующая переѣдетъ въ городъ прежде Сентября, а мы хотѣли бы прожить здѣсь до Октября, какъ бывало.

Сдѣлайте одолженіе, напомните объ насъ, о мужѣ и женѣ, Милостивой Государынѣ Еленѣ Петровнѣ, и примите увѣреніе въ душевномъ высокопочитаніи и въ искреннѣйшей преданности, съ коимъ имѣю честь быть....

Царское Село,
17-го Іюля 1822.

---

* Дмитріевъ.

IV.

Милостивый Государь

Александръ Дмитріевичь!

Усердно благодарю Ваше Высокопревосходительство за исполненіе моей покорнѣйшей просьбы.

Я былъ боленъ при смерти, и еще не совсѣмъ оправился, а между тѣмъ всѣ наши дѣти получили коклюшъ, и мы въ большомъ безпокойствѣ: оттого и замедлилъ я отвѣтомъ на Ваше обязательное письмо.

Сердечно желая Вамъ, Милостивой Государынѣ Еленѣ Петровнѣ и всему Вашему любезному семейству совершеннаго здоровья, съ душевнымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностію имѣю честь быть....

Царское Село,
16-го Августа 1822.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

КЪ БРАТУ

ВАС. МИХ. КАРАМЗИНУ.

1796 *г. Генв.* 9. *Москва.* — О себѣ скажу вамъ, что я живу по прежнему, ѣзжу изъ дома въ домъ, играю въ бостонъ и пр. Ни въ какую зиму не бывало въ Москвѣ такого множества баловъ, какъ нынѣ; всѣ жалуются на недостатки въ деньгахъ, но между тѣмъ вездѣ видна роскошь.

1796 *г. Февр.* 13. *М.* — Здѣсь новаго то, что на всѣхъ отъ мала до велика пишутъ пасквили; хотя они глупы и скверны, однакожь Москва читаетъ ихъ съ жадностію.

1796 *г. Ноябр.* 12. *М.* — Поздравляю васъ съ Императоромъ Павломъ I. Императрица Екатерина скончалась 6-го числа. Теперь будутъ многія перемѣны въ чиновникахъ. Императоръ взялъ къ себѣ въ Адъютанты Ростопчина и Шувалова; мѣсто Оберъ-Гофмаршала Барятинскаго заступилъ Графъ Н. П. Шереметевъ. Кн. А. Б. Куракинъ будетъ важнымъ человѣкомъ. — Императоръ любитъ очень Фельдмаршала Румянцева и Князя Рѣп-

нина. Говорятъ, что Зубовъ боленъ и что его бумаги запечатаны. Нынѣшній день мы всѣ присягали. — Народъ кричитъ отъ добраго сердца: «да здравствуетъ Императоръ! Дай Богъ ему счастія и славы!»

1796 *г. Декаб.* 17. *М.* — Вы мнѣ пеняете, что не пишу къ вамъ объ новостяхъ; но, *читая Русскія газеты, знаете все.* Новости наши состоятъ въ пожалованныхъ, о которыхъ всегда пишутъ въ вѣдомостяхъ; о другихъ же, невѣрныхъ, писать по слуху не ловко; давно говорятъ въ Петербургѣ о Москвѣ, что она лжива. Вѣрно то, что Государь хочетъ царствовать съ правдою и милосердіемъ, и обѣщаетъ подданнымъ Своимъ благополучіе; намѣренъ удаляться отъ войны и соблюдать неутралитетъ въ разсужденіи воюющихъ державъ. — Трубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ, награждены за претерпѣніе; первые пожалованы Сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ Секретаремъ при Императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ Университетскимъ Директоромъ. Вѣроятно И. П. Тургеневъ будетъ также предметомъ Государевой милости, когда пріѣдетъ въ Петербургъ.

1797 *г. Марта* 17. *М.* — Императоръ уже три дни въ Москвѣ, и живетъ за городомъ въ Петровскомъ дворцѣ; всякій день раза по три бываетъ въ городѣ, но не прежде какъ черезъ три недѣли торжественно въѣдетъ въ Москву. Экзерциціею здѣшнихъ полковъ былъ Онъ не очень доволенъ и сдѣлалъ, какъ сказываютъ, сильный выговоръ Кн.

Долгорукову, Московскому военному начальнику. *Народъ не можетъ нарадоваться Государемъ.*

1797 *г. Іюля* 29. *М.* — Посылаю къ вамъ вторую книжку Аонидъ, которая только что публикована. Желаю, чтобы въ ней многое вамъ полюбилось. Мнѣ очень пріятно будетъ знать, какія піесы найдете вы лучше другихъ.

1797 *г. Авг.* 26. *М.* — Новость здѣсь та, что намъ опять позволено носить фраки; но круглыя шляпы остаются подъ строгимъ запрещеніемъ.

1798 *г. Генв.* 28. *М.* — Читая ваше письмо, я мысленно представлялъ себѣ заволжскія вьюги и метели. Хотя темно, однакожъ помню тамошнія мѣста; помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы. Старыя воспоминанія бываютъ пріятнѣе! Новостей у насъ не много. Съ мѣсяцъ говорили все о банкѣ, а теперь говорятъ о запрещеніи фраковъ. Лѣтомъ по улицѣ надобно будетъ ходить во французскомъ кафтанѣ и въ кошелькѣ, или въ мундирѣ со шпагою.

1798 *г. Апр.* 7. *М.* — Я очень радъ, что *почта учреждена теперь прямо въ Симбирскъ*, и что мы скорѣе можемъ получать другъ отъ друга письма.

1800 *г. Мая* 22. *Кунцово.* — Съ того времени, какъ стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи.

1803 *г. Іюня* 6. *Свирлово.* — Я нанялъ прекрасный сельской домикъ, и въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы; бываю по большей

части одинъ, и когда здорова С......, то, не смотря на свою меланхолію, еще благодарю Бога. Сердце мое совсѣмъ почти отстало отъ свѣта. Занимаюсь трудами, во первыхъ для своего утѣшенія, а во вторыхъ и для того, чтобъ было чѣмъ жить и воспитывать малютку. Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за труды важнѣйшіе: за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія! Будущее не наше!

1803 *г. Окт.* 13. *М.* — Не могу вообще жаловаться на свое здоровье, но зрѣніе мое слабѣеуъ; это заставляетъ меня отказаться отъ журнала; но примусь за Исторію, которая не требуетъ срочной работы.

1804. *г. Іюня* 8. *Остафьево.* — Я самъ, любезный братъ, не могу хвалиться здоровьемъ, которое мнѣ нужно и для того, чтобы живо чувствовать счастіе моего супружества и для моей пріятной, но трудной работы. Вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, берете участіе въ ея успѣхахъ: и такъ скажу вамъ, что я тружусь усердно, и если не совершу этой работы, то, по крайней мѣрѣ, не отъ лѣни. Можетъ быть, Богъ и наградитъ меня успѣхомъ. Пишу теперь вступленіе, т. е. краткую исторію Россіи и Славянъ до самаго того времени, съ котораго начинаются собственныя наши лѣтописи. Этотъ первый шагъ всего труднѣе; мнѣ надобно много читать и соображать. А тамъ опишу

нравы, правленіе и религію Славянъ; послѣ сего начну обработывать Русскія лѣтописи.

1804 *г. Сентяб.* 13. *Остафьево.* — Упражненія мои вамъ извѣстны. Все идетъ медленно, и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ. Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо, и я не смѣю работать по вечерамъ, хотя бы это и нужно было для успѣха трудовъ моихъ.

1804 *г. Декаб.* 20. *М.* — . . . . А я, любезный братъ, работаю изо всей силы и мочи, пока Богъ дастъ мнѣ довольно здоровья и спокойствія для успѣха въ трудѣ моемъ. Теперь пишу о нравахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около Февраля, чтобы приняться уже за нашу Исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все, что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа, и не рѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами.

1805 *г. Сент.* 21. *М.* — По отъѣздѣ К. А. я скоро занемогъ дурною лихорадкою, и былъ боленъ пять недѣль; совсѣмъ было высохъ и походилъ на скелета; но, слава Богу! дней черезъ 10 по возвращеніи моей жены натура взяла верхъ и я началъ выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Во всю жизнь свою я не имѣлъ еще такой долговременной и изнурительной болѣзни. Дней

въ пять она отняла у меня всѣ силы, и могла обратиться въ опасную; но возвращеніе К. А. подѣйствовало не менѣе лекарствъ. Вообразите, что съ исхода Іюля по сей часъ я не принимался за перо для продолженія своей Исторіи! и теперь еще не пишу. Это мнѣ скорбно; но я радуюсь своему выздоровленію, какъ ребенокъ. Въ нѣкоторыя минуты болѣзни казалось мнѣ, что я умру, и для того, не смотря на слабость, разобралъ всѣ книги и бумаги государственныя, взятыя мною изъ разныхъ мѣстъ, и подписалъ, что куда возвратить. Нынѣ гораздо пріятнѣе для меня снова разбирать ихъ! Жизнь мила, когда человѣкъ счастливъ домашними и умѣетъ заниматься безъ скуки.

1805 *г. Генв.* 21. *М.* — Я продолжаю работать и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева: надобно будетъ туда съѣздить.

1805 *г. Марта* 26. *М.* — Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ на мнѣ Свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ.

1806 *г. Авг.* 14. *Остафьево.* — Работа моя подвигается впередъ, хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимою дойти до временъ Татарскаго ига. Жаль, что я не моложе десятью годами! Едва ли дастъ мнѣ Богъ довершить мой трудъ: такъ много еще впереди!

1807 *г. Авг.* 20. *Елисаветино.* — Работа моя была нынѣшній годъ неспора отъ безпокойства душевнаго.

1808 *г. Іюня* 6. *Остафьево.* — Въ трудѣ моемъ бреду впередъ шагъ за шагомъ, и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-надесять вѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ до возвращенія въ Москву добраться до временъ Димитрія, побѣдителя Мамаева. Иду голою степью; но отъ времени до времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ, или моему праху.

Воображаю живо моего любезнаго брата, сидящаго подъ окномъ и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства! — Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ не многимъ въ Европѣ. Вы живете въ древнемъ отечествѣ Болгаровъ, народа давно образованнаго и торговаго, порабощеннаго Татарами. Близъ Симбирска въ лѣтніе мѣсяцы кочевалъ иногда и славный Батый, завоеватель Россіи. Я теперь живу въ прошедшемъ, и старина для меня всего любезнѣе.

1808 *г. Авг.* 22. *Остафьево.* — Если всѣ будемъ здоровы, то мы намѣрены прожить въ деревнѣ до Октября. Тихая сельская жизнь мнѣ гораздо пріятнѣе городской. Кто любитъ жену, дѣтей, и за-

нять дѣломъ, тому люди болѣе мѣшаютъ, нежели помогаютъ наслаждаться жизнію.

1809 *г. Іюня* 21. *Остафьево.* — Мы живемъ въ подмосковной и наслаждаемся тишиною. Я по обыкновенію работаю, и кончилъ описаніе временъ Димитрія Донскаго; но теперь долженъ еще многое поправить назади.

1809. *г. Авг.* 15. *Остафьево.* — Мы, слава Богу, здоровы, и наслаждаемся сельскою тишиною, стараемся какъ можно рѣже заглядывать въ Москву, гдѣ въ три мѣсяца я былъ только одинъ разъ на нѣсколько часовъ. Милыя душѣ семейственныя удовольствія и работа занимаютъ пріятнымъ образомъ всѣ мои часы, кромѣ тѣхъ, въ которые думаю о бѣдствіяхъ нашего времени, дѣйствительныхъ и вѣроятныхъ. Часто хотѣлось бы мнѣ укрыться въ какомъ нибудь непроницаемомъ уединеніи, чтобы ничего не слыхать о происшествіяхъ Европейскихъ. Какъ счастливы были наши отцы! Мы не умѣли цѣнить прежняго спокойствія Европы, и теперь осуждены видѣть гибель имперій и ждать будущаго со страхомъ, или запасаться добродѣтелями стоиковъ, не весьма легкими для того, кто имѣетъ семейство.

1809 *г. Окт.* 16. *М.* — Издателямъ Вѣстника Европы не велѣно, какъ я слышалъ, писать о политикѣ: ибо они изъ разныхъ газетъ иностранныхъ сообщали многія ложныя извѣстія, противныя осторожному благоразумію.

1810 *г. Февр.* 15. *М.* — Государь, находясь въ Москвѣ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько привѣт-

ливыхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня, къ которой, исполняя волю Ея, нарочно ѣздилъ я послѣ въ Тверь: жилъ тамъ шесть дней, всякой день обѣдалъ во дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою Исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣнили меня своею милостію. За это кратковременное удовольствіе заплатилъ я послѣ слезами о кончинѣ нашей незабвенной сестры и моею жестокою болѣзнію.

1810 *г. Марта* 28. *М.* — Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служитъ для меня немалымъ ободреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что Она брала участіе въ моей болѣзни и завидуетъ Великой Княгинѣ, которой я читаю свою Исторію. Константинъ Павловичь также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ.

1810 *г. Іюля* 19. *Остафьево.* — На сихъ дняхъ удостоился я получить высочайшую грамоту съ знакомъ 3-й степени Св. Владиміра.... Милость добраго Государя мнѣ любезна, хотя лѣта и печальная опытность прохладили во мнѣ всѣ чувства мірской суетности.

1810 *г. Сентяб.* 19. *Остафьево.* — Совсѣмъ нечаянно встрѣтилась мнѣ необходимость съѣздить въ деревню жены моей, откуда я возвратился съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ глазною болью, которая мѣшаетъ мнѣ писать къ вамъ своею рукою... Мнѣ надлежало защитить наше имѣніе отъ

межевщика и Капитана-Исправника; но важнаго я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что видѣлъ собственными глазами наше имѣніе, за что заплатилъ я слишкомъ дорого — поврежденіемъ своихъ глазъ въ холодныя ночи. Уже три недѣли тому, какъ мы возвратились, а я не могу ни писать, ни читать.

Вы желаете, любезный братъ, знать объ успѣхѣ моихъ трудовъ: въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Димитріевича, сына Донскаго; болѣзнь моя, нещастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья; не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь къ несчастію меланхоликомъ. Жаль, если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое: боюсь, чтобы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженія двухъ Іоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудость прежней матери.

1810 *г. Дек.* 13. *М.* — Недавно былъ я въ Твери и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она рѣдкая женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякой день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣхали туда и съ дѣтьми.

1811 *г. Февраля* 28. *М.* — Я съ женою былъ опять въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совер-

шенно въ гостяхъ у Великой Княгини и у Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякой день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливѣйшимъ въ жизни. Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ.

1811 *г. Апрѣля* 12. *М.* — Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и Самъ приказалъ И. И. Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи Своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ Ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи; Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ Нимъ у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ, и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ, который отданъ Великой Княгинѣ. Милость велика; однакожь, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ. — Привязанность моя къ Императорской Фамиліи должна быть безкорыстна: не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности.

30 *Мая* 1811 *г. М.* — Мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву, съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользовать-

ся милостію прелестной Великой Княгини, однакожь грустно разставаться съ малютками; да и моя Исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить Ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма и желаетъ познакомить меня съ отцемъ Принца, который теперь у нихъ гоститъ: человѣкъ рѣдко умный и добродѣтельный. Наполеонъ отнялъ у него Ольденбургское Герцогство.

1811 *г. Августъ.* 1. *Остафьево.* Что касается до моихъ упражненій, то иду впередъ съ нетерпѣніемъ быть какъ можно далѣе. Старость приближается и глаза тупѣютъ: худо, если года въ три не дойду до Романовыхъ! Тутъ могъ бы я остановиться. Но да будетъ, какъ Богу угодно.

1811 *г. Нояб.* 11. *М.* — Будучи въ Твери, мы пользовались, какъ и прежде, отмѣнною милостію Великой Княгини: всякой день у нея обѣдали и бывали по вечерамъ.

1812 *г. Авг.* 27. *М.* — Наконецъ я рѣшился силою отправить жену мою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остаюсь здѣсь и живу въ домѣ у Главнокомандующаго Гр. Ѳ. В. Ростопчина, но безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для того не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится. — Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрю, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду ли еще писать къ Вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое доселѣ хладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего ха-

рактера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опытъ знакомитъ насъ съ самими нами.

1812 *г. Сентяб.* 19. *Нижній.* — 1 Сент. выѣхалъ я изъ Москвы, куда на другой день вошли Французы.

1812 *г. Ноября* 12. *Нижній.* — Кажется, что Богъ за насъ. Между тѣмъ Москвы почти нѣтъ. Вся моя библіотека сгорѣла. — Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни. Поѣхалъ бы въ Петербургъ, но чѣмъ тамъ жить? и проч.

1812 *г. Дек.* 10. *Нижній.* — Вообще мнѣ очень грустно. Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни, какъ буду существовать и что дѣлать. Библіотека моя обратилась въ пепелъ; не имѣю способовъ заниматься обыкновеннымъ дѣломъ моимъ и не вижу, когда могу выѣхать отсюда, не получая доходовъ отъ разоренія крестьянъ. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы спаслось любезное отечество!

1813. *г. Іюля* 1. *М.* — Съ грустью и тоскою въѣхали мы въ развалины Москвы. — Думаемъ около половины Августа ѣхать въ Петербургъ, чтобы печатать написанные мною томы Исторіи. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я живъ. Никакихъ плановъ для будущаго не дѣлаю. Да будетъ, что угодно Всевышнему. Еще неизвѣстно, когда Государь возвратится въ Петербургъ; а безъ Него мнѣ нельзя печатать Исторіи. Слѣдовательно мы и не увѣрены, когда точно поѣдемъ туда.

1813 *г. Октяб.* 6. *Остафьево.* — Вы уже знаете, что мы рѣшились нынѣшнюю зиму провести въ Москвѣ, не смотря на милость вдовствующей Императрицы, которя мнѣ предлагала жилище и въ Петербургѣ и въ Павловскомъ. — Теперь отказываемся до весны.

1814 *г. Іюля* 5. *Остафьево.* — А я дописываю Василія Ивановича, чтобы скорѣе приняться за грознаго Царя Ивана.

1814 *г. Окт.* 20. *М.* — И я не знаю, поѣдемъ ли въ Петербургъ, куда влечетъ меня намѣреніе издать написанные мною томы Исторіи. Пишу Царя Ивана Васильевича; но не думаю, чтобы я могъ продолжать далѣе: слабѣютъ силы и охота. Хотѣлось мнѣ въ прибавокъ описать Исторію нашего времени, т. е., нашествіе Французовъ; но едва ли эта мысль исполнится по разнымъ обстоятельствамъ.

1815 *г. Іюля* 24. *Остафьево.* — А если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани; а въ девятомъ надобно описывать владычество Царя Ивана Васильевича.

1816 *г. Мая* 16 *М.* — Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или, лучше сказать, Царское Село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще не знаю, останусь ли въ Петербур-

гѣ, или въ Августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербургскіе типографщики требуютъ слишкомъ дорого за тисненіе; да и жить тамъ весьма не дешево.

1816 *г. Генваря* 19. *М.* — Имѣю намѣреніе чрезъ двѣ недѣли ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить Государю 8 томовъ моей Исторіи. Великой Княгини уже не могу тамъ застать къ сожалѣнію. Впрочемъ, чему быть, то будетъ. Императрица Марія нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; Самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ; но все это не обольщаетъ меня: знаю, что могу съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ. По крайней мѣрѣ, надобно, кажется, это испытать; уже не время откладывать печатаніе Исторіи; старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти.

1816 *г. Іюня* 12. *Царское Село.* — Уже третію недѣлю живемъ здѣсь, и довольно пріятно. Я былъ у Государя и видѣлъ Его въ другой разъ на балѣ въ Павловскѣ у Императрицы. Онъ такъ милостивъ, что два раза присылалъ спрашивать о здоровьѣ жены моей, которая было занемогла отъ простуды. Впрочемъ еще не знаю, останусь ли здѣсь для печатанія моей Исторіи, или возвращусь въ Москву. Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года. Царское Село есть прекрасное мѣсто и, безъ сомнѣнія, лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Екатерину. Какъ перемѣнились времена и об-

стоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула.

1817 *Фев.* 18. *С. П. Б.* — Давно я не писалъ къ вамъ, и винюсь предъ собою. Часто бываю нездоровъ, безпокоюсь о дѣтяхъ, часто нездоровыхъ; хлопочу съ типографіями; съ утра до вечера занимаюсь корректурами — и время проходитъ. Веселья для меня уже нѣтъ на свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Государя вижу только издали. Только одинъ разъ Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ большую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного Д. Ст. Совѣтника, удаленнаго отъ дѣлъ. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человѣкомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить Его, пока живу на свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера нескучно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь.... Не знаю, будемъ ли въ Царскомъ Селѣ. Корректуры также привязываютъ меня къ городу..

1817 *г. Марта* 27. *С. П. Б.* — Живемъ, какъ и прежде, болѣе семейственно, нежели въ свѣтѣ.

Иногда заглядываю во дворецъ; бываю у милостивой ко мнѣ Императрицы вдовствующей, а Государя вижу мелькомъ; однакожъ Онъ изъявляетъ милостивое къ намъ вниманіе, когда встрѣтится съ нами.

Впрочемъ съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей Исторіи, т. е. печатаніемъ. Это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ.

1817 *г. Мая* 22. *Царское Село.* — На сихъ дняхъ мы переѣхали въ Царское Село въ тотъ же домикъ. Наслаждаемся прекрасными мѣстами и прекраснымъ временемъ. Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у Нихъ были съ поклономъ и обѣдали въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду: Онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ думаемъ жить уединенно. И здѣсь главнымъ дѣломъ моимъ будетъ печатаніе Исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры; теперь печатаютъ 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й томы; готовъ одинъ первой; надѣюсь однакожъ, что все кончится къ Декабрю — и тогда немедленно отправлю къ вамъ, любезный братъ, всѣ восемь томовъ. Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года и остановился на злодѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ, буду ли продолжать! По крайней мѣрѣ, теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я довольно потрудился. Да будетъ, что угодно Богу! —

У насъ, слава Богу! все тихо, а въ Европѣ южной и голодно и мрачно. Во многихъ земляхъ свирѣпствуютъ болѣзни отъ худой пищи. Между тѣмъ шумятъ о конституціяхъ. Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, особенно въ ученой Нѣмецкой землѣ. Покойная Французская революція оставила сѣмя какъ саранча: изъ него выползаютъ гадкія насѣкомыя. Такъ кажется. Впрочемъ будетъ, чему быть надобно по закону Вышней Премудрости. Если бы у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но будучи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзкую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ то же время смиряясь душею передъ Богомъ. Жизнь моя склоняется къ западу!

1817 *г. Авг.* 14. *Царское Село.* — И нынѣшнее лѣто, любезный братъ, насъ очень ласкаютъ и въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ: за то мы умѣемъ быть признательными въ глубинѣ души и къ доброму милостивому Государю и къ добрымъ Императрицамъ. Однакожь вслѣдъ за Дворомъ не поѣдемъ въ Москву: зимою съ малолѣтными ѣхать тяжело; а Исторія моя не отпечатается прежде Декабря. И такъ, если будемъ живы, встрѣтимъ Государя весною въ Царскомъ Селѣ; проживемъ здѣсь до Августа, а тамъ отправимся въ старушку Москву доживать вѣкъ, хотя милостивый Императоръ и говоритъ, что намъ лучше остаться здѣсь. Я уже старѣюсь: неизвинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами, а польза сомнительна: способности мои уже не цвѣ-

тутъ, а вянутъ, какъ думаю. Остальное надобно посвятить продолженію Исторіи.

1817 *г. Октября* 26. *С. П. Б.* — Винюсь предъ вами и предъ собою, не писавъ такъ давно. Типографскія хлопоты отнимаютъ у меня время и свободу духа. Къ новому году авось отдѣлаюсь. Между тѣмъ пришлю къ вамъ на той почтѣ 1-й томъ, а зимою и остальные семь, если Богъ дастъ.... Мы разстались со Дворомъ какъ нельзя лучше. Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ намъ прощаться. Императрицы также до самаго отъѣзда были милостивы. Теперь живемъ уединенно въ пустомъ Петербургѣ, хотя и великолѣпномъ. Если спросите, кого здѣсь люблю болѣе? то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и — Неву! Въ самомъ дѣлѣ, никто насъ здѣсь столько не ласкалъ, не поилъ и не кормилъ, какъ Дворъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Дай Богъ только, чтобы хорошо раздѣлаться съ Исторіею, и чтобы хотя въ старости зажить въ своемъ домикѣ.... Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ отказываемъ. Худо, если Исторія не поправитъ нашего состоянія.

1817 *г. Декабря* 27. *С. П. Б.* — Давно уже послалъ я къ вамъ 1-й томъ Исторіи: надѣюсь, что вы его получили. Въ исходѣ Генваря, какъ думаю, выдамъ наконецъ всѣ 8 томовъ. —

Мы, благодаря Бога, почти совсѣмъ здоровы. Утѣшаемся дѣтьми, живемъ тихо и видимъ мало людей. Говорятъ, что Дворъ не возвритится сюда прежде Іюня. Располагаемся прожить здѣсь до Ав-

густа, не далѣе; хорошо, еслибъ къ тому времени хотя половина книги моей сошла съ рукъ, и съ честію для автора. — Коротко ли вы познакомились съ вашимъ Губернаторомъ? Такъ ли онъ молодъ духомъ, какъ прежде? — Еще не знаю, буду ли продолжать Исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукѣ Божіей: и моя судьба и моя Исторія.

1818 *г. Февраля* 12. *С. П. Б.* — Между тѣмъ Исторія моя вышла: я поднесъ ее Государю, обѣдалъ у Него, былъ въ кабинетѣ.... По сію пору Исторія расходится хорошо: осталась только половина экземляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго за собою.... А мы, любезный братъ, остаемся при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около Августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть. Люблю Государя, Императрицъ, а смотрю въ свою нору.

1818 *г. Апрѣля* 8. *С. П. Б.* — Исторія моя вся разошлась еще въ концѣ Февраля: теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе и соглашаются дать мнѣ 50,000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія.— На сихъ дняхъ я читалъ библейскую рѣчь вашего Губернатора: молодецъ! я слышалъ, что она полюбилась Императору и Кн. Голицыну: это главное!

1818 г. *Іюня* 10. *С. П. Б.* — О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде Іюня: тогда начнется второе тисненіе моей Исторіи, и если увижу, что оно можетъ

итти безъ меня, то въ Августѣ поѣдемъ; а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ: чего мнѣ не хочется; но будетъ, какъ Богу угодно. 8 мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ какъ въ деревнѣ; мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжалъ свою Исторію. Переѣдемъ ли въ Царское Село, не знаю. Слышу стороною, что Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ; но между тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ отъ царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ.

1818 *г. Авг.* 27. *Царское Село.* — Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за границу на 4 мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикѣ, чтобы проститься съ К. А. и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у Него раза два. Онъ изъявляетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорахъ. Нельзя не любить Его всею душею, когда видишь Его вблизи и слышишь разсужденія прекрасныя.

1818 *г. Декаб.* 19. *С. П. Б.* — Мы привязаны теперь къ Петербургу вторымъ изданіемъ Исторіи. Это мнѣ грустно. Люблю быть свободнымъ. Не перестаю думать о Москвѣ. Впрочемъ отдаю себя во власть Божію. Если мнѣ опредѣлено не умереть въ Петербургѣ, то, безъ сомнѣнія, выѣду изъ него.

Не работа для меня опасна, а всякое внутреннее волненіе: нервы у меня такъ раздражены, какъ у женщины въ родахъ. —

Черезъ три дня ожидаютъ Государя. Люблю

Его всею душею, но не позволяю себѣ мечтать о продолженіи Его милостей. Я уже старъ для Двора. Ни съ кѣмъ изъ ближнихъ людей Государевыхъ у меня нѣтъ ни малѣйшей связи. Одинъ добрый, умный Гр. Каподистрія доказывалъ мнѣ пріязнь свою: и тотъ ѣдетъ, какъ слышно, лечиться теплымъ климатомъ въ свое отечество.

1819 *г. Декабря* 24. *С. П. Б.* — Живемъ болѣе уединенно. Второе изданіе моей Исторіи приходитъ къ концу. Желаю, если можно, дописать 9-й томъ лѣтомъ, издать его въ Петербургѣ и ждать смерти, гдѣ Богъ велитъ.

1820 *г. Мая* 25. *Царское Село.* — Нынѣшній годъ думаемъ провести въ Петербургѣ. Если Богъ дастъ мнѣ зимою кончить и напечатать 9-й томъ Исторіи, то можемъ въ слѣдующее лѣто отправиться въ Москву. Впрочемъ не дѣлаю плановъ: живу день за день.

1823 *г. Генваря* 16. *С. П. Б.* — Работаю довольно и хожу пѣшкомъ. 10-й томъ моей Исторіи готовъ, но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить всю исторію Лжедимитрія.

1823 *г. Август.* 6. *Царское Село.* — Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ моей горячки, которая, видно, давно во мнѣ готовилась, хотя и не чувствительно; ибо я въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко, не чувствуя смерти; но Богъ услышалъ молитву жены моей и оставилъ меня еще жить до времени. Государь и Императрицы оказали въ этомъ случаѣ трогательное ко мнѣ благорас-

положеніе. Ихъ медики лечили меня съ особенною ревностію. Теперь я оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость.

1823 г. *Декаб.* 1. *С. П. Б.* — Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10 и 11-го. Хорошо, если они также разойдутся, какъ 9-й томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить наши экономическія обстоятельства. — По своимъ лѣтамъ и меланхолическимъ мыслямъ я уже совсѣмъ непраздничный человѣкъ. Люблю сидѣть дома, или бродить пѣшкомъ по улицамъ. Сердце мое охладѣло и къ удовольствіямъ общества.

1824 г. *Марта* 17. *С. П. Б.* — Помышляю иногда о Москвѣ; но не хотѣлось бы на старости перемѣнять мѣста, тѣмъ болѣе, что и сыновья подростаютъ.

1824 г. *Август.* 17. *Царское Село.* — Спѣшу извѣстить васъ, что Государь будетъ въ Симбирскѣ 5 Сент. и что Онъ желаетъ васъ видѣть; прощаясь со мною, сказалъ: «что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня.» Увидите, какъ Онъ милостивъ и въ сердцѣ вашемъ останется пріятное воспоминаніе.

1824 г. *Окт.* 24. *Царское Село.* — По обыкновенію еще занимаюсь своею работою, описываю мятежное царствованіе Шуйскаго, но 12 томъ долженъ быть уже послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Θедоровича, то

заключу мою Исторію обозрѣніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ.

1825 *г. Іюня* 22. *Царское Село.* — К. А. хотѣла взять меня въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я поупрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется однакожъ, что немного напишу, часто не домогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно!

Государь возвратился изъ Варшавы съ прежнимъ добрымъ къ намъ расположеніемъ, а мы встрѣтили Его съ прежнею любовію. Въ искреннѣйшей привязанности къ Нему и къ обѣимъ Императрицамъ нахожу сердечное услажденіе.

1826 *г. Генв.* 10. *С. П. Б.* — Простите мнѣ мое долговременное молчаніе. Все лѣто былъ я хилъ здоровьемъ; осенью поправился и хотѣлъ писать къ вамъ уже изъ города; переѣхалъ сюда изъ Ц. С. 15 Нояб.: но черезъ два дня узнали мы о болѣзни Государя и съ той минуты я уже не могъ ничѣмъ спокойно заниматься.

Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать: Онъ самъ называлъ меня Своимъ *искреннимъ*. Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и надѣялся оставить въ Немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ

знала и цѣнилъ ихъ Александръ. Я слишкомъ старъ, и думаю только кончить, если дастъ Богъ, 12-й томъ Исторіи, чтобы куда нибудь удалиться отъ Двора, въ Москву ли, или въ Нѣмецкую землю для воспитанія сыновей; здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божію. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ? Если не Александръ, то Небесный Отецъ нашъ не покинетъ моего семейства, какъ надѣюсь.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

КЪ

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Нижній Новгородъ. Генваря 21, 1813 года. — Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичь! Давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! Какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ тамъ до 1-го Сентября, когда наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю. — Что мы видѣли, слышали и чувствовали въ это время! Сколько разъ въ день спрашиваю у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищи? Добрый, добрый народъ Русской! я не сомнѣвался въ твоемъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою Исторію въ иной вѣкъ, и не на пепелищѣ Москвы. Библіотека моя имѣла честь обратиться въ пепелъ вмѣстѣ съ Грановитою Палатою: однакожь рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всѣ сгорѣли, кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозвратимая

для нашей Исторіи! Университетъ также всего лишился: библіотеки, кабинета.

По крайней мѣрѣ, дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе! Между тѣмъ сижу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріяловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы, Петербургскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! Извините меланхолію бѣдныхъ изгнанниковъ Московскихъ. Оставимъ шутку невеселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе и пришлите *Льва Діакона*. С. С. также обѣщалъ доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное: *Степенную Книгу* съ прибавленіями неизвѣстными касательно временъ Царя Ивана Васильевича. — Не можете ли прислать мнѣ еще *Архангелогородскаго* печатнаго *лѣтописца*. Вы его, думаю, знаете: маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь вашему письму... — Вотъ вамъ множество порученій! а главное то, чтобы вы любили меня по старому. — Очень хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, и тамъ поработать: но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздятъ въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ.

Село Остафьево. 17. *Ноября*, 1815 *г.* — Любезнѣйшій Александръ Ивановичь! Десять дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалѣете. — Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы. Только не легко говорить. Отвѣчаю на главное, на наше omnis morior. *Жить*, есть не писать исторію, не писать трагедіи, или комедіи; а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, — не исключаю и моихъ осьми или девяти томовъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разработывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства, написалъ: *douce paix de l'ame, résignée aux ordres de la Providence!* Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія! — Мало разницы между *мелочными* и такъ называемыми *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро — спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ, или авторомъ, ученымъ: все одно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ Русской

Исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъявить мою душевную признательность Аделунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его. — Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное Алексѣемъ Өедор. М. *Слово о полку Игоревѣ*: это любопытный подлогъ. Простите. Еще разъ обнимаю васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный вамъ.

═

Москва. 13 *Апрѣля* 1816 *г.* Любезнѣйшій мой Александръ Ивановичь! Дружеское письмо ваше, отъ 3 Апрѣля, тронуло меня до глубины сердца. *Знаю*, что вы меня любите; но когда это *чувствую*, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе Мы, *два Симбиряка*, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; расчитаемся вѣрно въ день послѣдней земной разлуки. Однако же могу посмѣяться надъ вами: надъ вашею въ меня *вѣрою!* Она не обманетъ васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрьте моей искренности и дружбѣ; остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе, не мечтаю даже и *о возрожденіи* нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу, не много получше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнивыхъ! Жуковскій есть истинный нашъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ! — Я видѣлъ вашу матушку и поѣду къ

ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить объ васъ. Очень желаю сдѣлать что нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю; можете напомнить и доброму, обязательному Князю. Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань! Не говорю о людяхъ: говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему! — Простите. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки преданный вамъ.

═

Ц. С. 6. Сент. 1825 *год.* Любезный другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученныя: изъ Берлина, Дрездена и Карлсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ, съ живѣйшимъ участіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей постоянной, будничней жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! Все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи, и даю срокъ не весьма дальній: годъ, полтора, не болѣе; или надобно идти въ отставку: чего крайне ни для государства, ни для васъ не желаю. «Въ дому отца моего многи обители суть.» Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная;

чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, Русскихъ съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать, единственно въ Россіи; или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка; есть только двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ мы съ вами давно разсуждали: значитъ, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними, вѣроятно, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus clair. Будьте вы здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами!

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПОСЛѢДНЯГО ПИСЬМА КАРАМЗИНА

КЪ

А. Ѳ. МАЛИНОВСКОМУ,

22-го Апрѣля 1826 года.

Я опять умиралъ, и, къ собственному моему удивленію, остался пока между живыми, вынесши жестокую болѣзнь съ тѣломъ, уже изнуреннымъ, съ душею, смятенною произшествіями, съ сердцемъ печальнымъ. Такъ было угодно Богу! Ему же угодно было вселить въ меня и чувство необходимости ѣхать въ лучшій климатъ для выздоровленія, что думаютъ и всѣ медики. Царь, по особенной милости, далъ мнѣ средство, и жалуетъ даже фрегатъ, чтобы плыть на немъ въ Бордо. Искренно скажу, что не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляю Петербургъ, гдѣ Государь и Императрицы оказываютъ мнѣ столько благоволенія; но должно опять сдѣлаться полнымъ человѣкомъ т. е. здоровымъ. А къ Вамъ, друзья Московскіе,

сердце и воображеніе мое обращаются съ нѣжностію: ѣду, непростясь: а возвращеніе въ рукѣ невидимой столь неизвѣстно! Между тѣмъ срокомъ полагаемъ два года. . . . . .

На сихъ дняхъ отправлю въ Архивъ ящикъ съ большею частію бумагъ и книгъ, которыя еще были у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма немногія. Мнѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслію изображать характеры и дѣйствія Россійской Исторіи и любоваться вдали вершинами Аппенинскими. Безъ работы, хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу Графу Нессельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ.

Я еще очень слабъ; на корабль думаемъ сѣсть 8-го Іюня.

КОНЕЦЪ.

